

Хисамутдинов, Амир Александрович

Terra incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку.

ОТ АВТОРА

Дальний Восток. Огромное расстояние от суровой Чукотки до субтропических приморских лесов. Здесь завершилась славная эпоха русских географических открытий. Всего лишь полтора столетия назад Приморье представляло собой огромное белое пятно, поистине «terra incognita». Свообразным толчком к исследованию этой земли послужило плавание Г. И. Невельского, и вскоре карта стала стремительно заполняться. Имена путешественников-первопроходцев появились на ней в качестве географических названий новых мест.

Что же это были за люди, которые шли нехоженными тропами, плыли на край света на парусных судах, чтобы познать неведомое? Этот вопрос и привел меня в свое время в Приморский филиал Географического общества. Здесь все говорит о славном "прошлом. За массивными старинными столами, установленными теперь в читальном зале, собирались люди, чьи имена носят сейчас мысы и острова, бухты и заливы. Здесь занимался проездом с Сахалина А. П. Чехов, делая выписки для своей будущей книги. В украшенные резьбой книжные шкафы заглядывал в поисках нужных томов адмирал С. О. Макаров. Стены Общества слышали пламенные речи В. К. Арсеньева, выступавшего после своих экспедиций по краю.

Листая бесценные архивы Общества, перебирая сотни записок, писем, служебных документов, чувствуешь себя путешественником во времени. Как много скрыто за затейливой вязью почерков, за пожелтевшими бумажными страницами! Вся жизнь твоих героев встает перед тобой, и ты об одном лишь порой жалеешь: что не можешь крепко пожать им руки или, если позволят приличия, обнять их.

История невозможна без «подглядывания в замочную скважину», без чтения не только личных писем, но даже предсмертных записок близкому человеку. И тут все зависит от исследователя. Он судья и прокурор, адвокат и палач. Бережное отношение к прошлому — наша обязанность. Трудно было, например, решиться рассказать правду о первом командире поста Владивосток прапорщике Комарове. Так уж получилось, что судьба уготовила ему участь стать первым командиром нового поста, но это вовсе не значит, что он был первым и в своих помыслах. Имя же майора Хитрово вообще осталось неизвестным.

Нередко мы уподобляемся Иванам, не помнящим родства. Очень часто жители не только мелких, но и крупных поселков, и даже городов, не знают ни даты закладки населенного пункта, ни его основателей. А бывает и так, что с чьей-то легкой руки в статистических справочниках появляется дата, взятая не иначе как с потолка, и весь отчет истории поселка ведется неправильно. Так случилось, например, со старейшим поселком Приморья Ольгой.

Я листал сотни книг, просматривал объемистые подшивки дореволюционных газет, но чем больше я узнавал, тем больше появлялось новых вопросов. Пришлось поехать. Сначала в Хабаровск, город, который можно считать старшим братом Владивостока и который был всегда связан с ним кровными узами. Затем Иркутск, некогда административный центр всей Восточной Сибири, откуда во времена «беспокойного» генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского начиналось систематическое освоение дальневосточных окраин. Потом — Томск, где находится Центральный государственный архив РСФСР и Дальнего Востока.

Но больше всего в поисковой работе помог Ленинград. Ведь там находится Центральный архив Военно-Морского Флота, а Приморье, форпост России на Тихом океане, осваивали и исследовали, прежде всего, военные моряки. Множество неизвестных до сего времени материалов и фактов обнаружилось и в семейных архивах, так как в Ленинграде живут потомки многих исследователей.

Встречаясь и подолгу беседуя со старым инженером-кораблестроителем А. А. Бурачком, внуком командира поста Владивосток Е. С. Бурачка; с доктором исторических наук, автором многих книг по истории Дальнего Востока Б. П. Полевым, сыном известного геолога П. И. Полевого, долго работавшего во Владивостоке; с искусствоведом Е. П. Виттебург, дочерью другого известного геолога, совершившего немало открытий в Приморье П. В. Виттенбурга, и с другими, я открывал для себя то, что не мог найти ни в одном архиве.

Во многом помогло знакомство с дочерью видного деятеля Общества изучения Амурского края Н. А. Пальчевского Л. Н. Добронравовой. От нее я получил большое количество уникальных фотографий ее отца, которого В. К. Арсеньев считал своим учителем

Подполковника государственной безопасности СССР в отставке Б. Г. Болтруц помог выяснить «белые пятна», связанные с трагедией семьи Арсеньевых, а беседы с опытным гидрографом контр-адмиралом запаса Г. Ф. Барановым позволили понять сущность работы русской гидрографии. Уточнение многих фактов стало возможным благодаря переписке с известным историком доктором исторических, кандидатом географических наук А. И. Алексеевым, талантливым краеведом В. И. Хохловым, а также заместителем директора ЦГАВМФ Т. С. Федоровой. Всем им я приношу глубокую благодарность.

ИСТИННЫМ КУРСОМ

Странно, однако ж, устроен человек: хочется на берег, а жаль покидать фрегат! Но если б вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на нем, так не удивлялись бы, что я скрепя сердце покидаю «Палладу».

И. А. Гончаров

Заканчивалась очередная вахта. Вахтенный начальник 52-пушечного фрегата «Паллада» раскрыл лежащий на штурманском столе шханечный журнал и сделал аккуратную лаконичную запись*. «...В 3/4 десятого часа поворотили на правый галс, на глубине 2 1/2 сажени грунт мелкий песок, в виду устья реки Тумань положили якорь плехт, канату вытравили до 30 саженей...»¹

* Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников.

Эти скупые строки из шханечного журнала, который и по сей день хранится в старинном здании Центрального архива Военно-Морского Флота на тихой ленинградской улице Халтурина, является одним из первых документов, свидетельствующих о посещении русскими людьми побережья Приморья.

В тот же майский день 1853 г. была сделана и другая запись об этом событии, но уже человеком, не имевшим никакого отношения к морской службе, а потому и гораздо более пространная, чем отрывок из судового журнала.

«9 мая. Наконец, отыскали пограничную реку Тайманьга, мы остановились миль за шесть от нее. Наши вчера целый день ездили промерять и описывать ее. Говорят, что это широкая, версты в две с половиной река, с удобным фарватером. Вы, конечно, с жадностью прочтете со временем подробное и специальное описание корейского берега и реки, которое вот в эту минуту, за стеной, делает сосед мой П/ещуров/, сильно участвовавший в описи этих мест, я передаю вам только самое общее и поверхностное понятие, непроверенное циркулем и линейкой»².

Этот отрывок взят из дневника чиновника министерства финансов Ивана Александровича Гончарова, будущего классика русской литературы. На «Палладе» он исполнял не слишком обременительные обязанности секретаря при русском полномочном после в Японию генерал-адъютанте Евфимии Васильевиче Путятине.

Как жаль, что в тот день Гончаров не смог или не захотел вместе с моряками принять участие в описи мест, призванных стать первым русским берегом на Дальнем Востоке благодаря приходу туда

«Паллады».

Седьмого октября 1852 г., некогда красавец Военно-Морского флота России, фрегат «Паллада» взял курс в Восточный океан, зайдя по пути на ремонт в Англию, где в портсмутском доке он был поднят для осмотра корпуса перед дальним плаванием. Тогда Е. В. Путятин долго ходил около старого фрегата, разглядывая потемневший от времени корпус, обросшее ракушками днище, оторванные кое-где медные листы обшивки.

По-хорошему ни на что, кроме местных плаваний, этот фрегат уже не был пригоден, но исходя из каких-то своих соображений, морское ведомство именно его отдало в распоряжение посла. Путятин надеялся, что ремонт хотя бы частично восстановит былые мореходные качества «Паллады».

В Англии Путятин сделал весьма важное, как окажется впоследствии, приобретение для Дальнего Востока. Он купил винтовую шхуну и назвал ее «Восток» в честь другого славного русского судна. Забегая вперед, надо сказать, что новый «Восток» оказался достойным преемником корабля, открывшего Антарктиду, став не только первой железной шхунной, плавающей в дальневосточных морях, но и знаменитой своими географическими открытиями. Но о них речь еще впереди.

К началу 1853 года ремонт был закончен, на «Палладе» установили паровой водоопреснитель, который очень пригодился морякам, и шестого января оба русских судна снялись в далекий путь. Только через семь месяцев прибыли они в Японию. Этот трудный переход подтвердил опасения Путятина. В своем рапорте он писал: «Здесь слабость и неблагонадежность нашего старого фрегата к продолжительному плаванию подтвердилась неопровержимым образом: он потек всеми палубами, и сверх того обнаружилось движение в креплениях надводной части»³.

Течь была настолько сильной, что вода проникала всюду, и две помпы с трудом с ней справлялись. При жесткой качке моряки чуть не потеряли грот-мачту, однако прямо в шторм моряки успели завести тали, и когда буря стихла, то наскоро перетянули ванты.

Посол срочно отправил донесение о невозможности продолжения плавания «Паллады» с просьбой выслать на смену ей вновь построенный в Архангельске фрегат «Диана».

В Японию Путятин прибыл с важной миссией: установить дипломатические и торговые отношения между Россией и Японией. До революции Мейдзи, открывшей Страну восходящего солнца для иностранцев, оставалось еще более десяти лет, и переговоры проходили в сложной обстановке. Посол России, тщательно подбирая слова, терпеливо разъяснял японцам миролюбивую цель своего прихода. В отличие от американского командора Перри, диктовавшего условия мирного договора с позиции силы, Путятин не позволил себе и словом намекнуть на мощные пушки своего фрегата и других русских кораблей, подошедших к тому времени к берегам Японии. Он заранее решил не прибегать к военным действиям или военным угрозам.

В это время в мире запахло порохом: начиналась Крымская война, и хотя основной театр военных действий был на Черном море, Путятин предвидел, что Дальний Восток тоже не избежит сражений. Поэтому он решил, используя перерыв в переговорах, исследовать корейские и приморские берега, где в случае нужды русский флот мог бы укрыться от неприятеля.

В те годы при плавании в Японском море судоводители пользовались в основном картой из Нового морского атласа Д'Анвиля 1737 года издания, а также картами из атласа Крузенштерна. Но и те и другие не отличались точностью, так как были составлены по непроверенным данным. Кое-где побережье было обозначено черточками, что попросту означало «положение сомнительное». Особенно приблизительно был нанесен приморский берег, что и определило желание Путятина внести некоторую ясность в старые карты.

Справедливости ради надо отметить, что за три года до «Паллады» в этих местах побывал французский корвет «Каприз», проверяя сообщение одного соотечественника-китобоя о неизвестном заливе, в котором тому пришлось перезимовать. Но исследования корвета касались только лишь этого залива, названного именем Д'Анвиля, и были весьма поверхностными.

Всего два дня простояла «Паллада» на якоре у берегов Приморья. В первый день Путятин с офицерами поднялся на четырех шлюпках по реке Туманной, осматривая ее берега, во второй день моряки исследовали сам залив. При выходе из него в густом тумане «Паллада» села на мель, но легко снялась.

К сожалению, гардемарин А. Пещуров, о котором упомянул в своем дневнике Гончаров, так и не издал свои записки о первом посещении приморского берега. Но, может, они все-таки были написаны и ждут своего часа? Нам не повезло: пересмотрев сотни дел в различных архивах, так и не удалось их найти.

Е. Ф. Путятин очень тревожился о политической ситуации в мире и, видимо, поэтому ограничился исследованиями только самого юга Приморья. На траверзе мыса Гамова, названного так в честь гардемарина Д. И. Гамова, первого, кто увидел этот скалистый мыс, «Паллада» взяла курс к Амуру. Только спешка помешала морякам открыть в те дни никому еще неизвестную бухту Золотой Рог.

22 мая 1855 г. фрегат «Паллада» благополучно пришел в Императорскую гавань, где Путятину сообщили о начале войны. «Палладу» попытались завести в Амур, но даже после того, как с нее было снято все вооружение и наиболее тяжелое снаряжение, осадка фрегата оставалась слишком большой для мелкого Амурского лимана.

После всех неудачных попыток «Палладу» оставили на приколе в Императорской гавани с караулом из десяти солдат, которым была дана четкая инструкция: «В случае входа неприятеля в гавань сжечь фрегат, а самим стараться достигнуть берегом заселений на Амуре»⁴.

К тому времени в Де-Кастри подоспел новый фрегат «Диана», посланный по просьбе

Путятину. Забегая вперед, можно сказать, что ее век был недолгим: через несколько месяцев ее выкинет цунами на берег. В декабре 1855 года адмирал В. С. Завойко, сменивший на посту адмирала Г. И. Невельского, отправил в Императорскую гавань мичмана Г. Д. Разградского с заданием уничтожить «Палладу», чтобы она не досталась врагу, и снять с нее команду.

Не так-то просто было потопить ветхий фрегат, на это ушло 16 дней. Позднее разгорелись жаркие споры о том, такой ли необходимой была эта мера. Страницы «Морского сборника» были полны доказательствами, которые приводили обе стороны: сторонники адмирала Невельского ратовали за сохранение «Паллады» и ссылались на то, что ожидалось перемирие, а поддерживающие адмирала Завойко считали затопление фрегата единственным верным способом спасти его от захвата неприятелем⁵.

В 1856 году в Императорскую гавань в поисках П. «Паллады» пришел фрегат "Пик" под командованием капитана Николсона, который еще в предыдущее лето разорил русское селение на Курилах. Не найдя и на этот раз «Паллады», англичане подожгли Константиновский пост, переименовав Императорскую гавань в залив Барракуда. Примерно тогда же корабли неприятеля в поисках русских кораблей обшаривали залив Петра Великого, в это время и побывал в бухте Золотой Рог английский корвет «Винчестер», командир которого назвал новую бухту портом Мей⁶.

Память о заходе «Паллады» в залив Посъет — первом посещении русскими людьми приморских берегов — сохраняется и по сей день, не только в географических названиях, таких как рейд «Паллады», о. Фуругельма и других, но и в исторических памятниках. Якорь «Паллады», поднятый с места ее затопления, установлен у входа в музей п. Посъет. В библиотеке Приморского филиала Географического общества СССР во Владивостоке хранится книга об этом плавании под названием «Русские в Японии в начале 1853 и конце 1854 годов», принадлежащая перу И. А. Гончарова и имеющая его дарственную надпись⁷.

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ПЛАВАНИИ

...Пароходу «Америка» не удалось вполне осмотреть неисследованную еще часть западного побережья Японского моря, но к открытиям, сделанным в последнее время фрегатом «Паллада» и английскими военными судами, она может присовокупить первые сведения о двух новых портах... *Морской сборник. Март 1859*

Казалось, совсем недавно командир «Байкала» Г. И. Невельской открыл для всех устье реки Амура, но маленький городишко Николаевск уже успел стать восточными воротами России.

Летом 1857 года навигация на Амуре началась, как обычно, дружно. Вот, что писали об этом «Санкт-Петербургские ведомости» 4 января 1858 г.: «Мы получили от одного из наших корреспондентов, Романова, из Николаевска на устье реки Амур от 9 июня 1857 г. следующее любопытное письмо: «С открытием навигации к здешнему порту прибыло шесть американских судов из Бостона: барк «Беринг», капитан Хайрам Морс, суперкарг Ж. С. Кушин и барк «Мессенжер Берд», капитан Яков Гуммер, суперкарг Эдуард Голь; два из Сан-Франциско: шхуна «Люиз Перри» и тендер «Камчадал», груз принадлежит Д. Л. Карлтон, и два из Гонконга: барк «Бюрнам» и шхуна «Генерал Пюре»...»

Только в трюмах этих судов было грузов на сумму до полумиллиона рублей серебром. Вся николаевская пристань была завалена тюками, бочками, ящиками, везде пестрели надписи и ярлыки на английском языке вперемешку с японскими и китайскими иероглифами. Чего только не было среди этих грузов, пришедших по морю в этот небольшой и тесный порт из далеких

стран: от китайской мебели из дорогого камфорного дерева до французской дамской конфекции. В портовых лавках подавали херес, портер, искрящееся катаубское, которые можно было закусить устрицами, персиками и ананасами.

На выбор были и гаванские сигары, и все — высшего качества. «Порто-франко» — беспощинная торговля царила тогда в Николаевске.

Шум, крики, песни на русском, английском и других языках слышались повсюду, и странно было узнавать здесь, на самом краю России, последние вести из Сан-Франциско, Гонконга, Шанхая и Хакодате. Самую свежую новость, которую привезли американцы и которая обсуждалась в Николаевске везде, начиная от матросских кубриков и кончая губернаторским домом, и сообщил корреспондент Романов читателям «Санк-Петербургских ведомостей»: «...англичане намерены занять северный берег Матсмая (Хоккайдо) и гавань на татарском берегу, открытую ими между нашими Императорской и заливом Посьета. Оттуда они намерены следить за нашими действиями и судами на Амуре»¹.

Новость эта не могла оставить равнодушной администрацию Восточной Сибири. Все прекрасно понимали, что появление англичан на приморском берегу сведет на нет все усилия России по мирному освоению дальневосточных земель.

Дело осложнялось тем, что большая часть этого побережья была малоисследована. Возникла срочная необходимость хотя бы коротко описать неизвестные бухты и гавани и выставить, где нужно, русские посты.

В тот год в устье реки Амура часто можно было видеть парусник с высокими мачтами, в корпусе которого под обтекателями скрывались два мощных колеса. Это был пароход-корвет, построенный в 1855 году в Северо-Американских Соединенных Штатах и получивший свое название — «Америка» — в честь американского континента. Вначале судно предназначалось для ввода купеческих судов Амурский лиман, но роль прибрежного буксира пароход исполнял недолго. Когда полномочному послу РОССИИ генерал-адъютанту Е. В. Путятину понадобилось отправиться в Китай для продолжения мирных переговоров, ему и был выделен этот корабль, с тем, чтобы, «не уклоняясь почти вовсе от прямого пути, можно было осмотреть ту часть означенного побережья, которая не была описана фрегатом «Паллада» в последнее его плавание и осталась неисследованной английскими судами в 1855 году»².

Е. В. Путятину сопровождали переводчик архимандрит Аввакум, в миру Д. С. Честной, исполнявший нехлопотные обязанности корабельного иеромонаха, доктор Татаринов, чиновники Пешуров и барон Остен-Сакен, ставший впоследствии секретарем Русского географического общества, артиллерии капитан Баллюзек и инженер-штабс-капитан Ватовский³.

Учитывая важность предстоящего плавания, командиром «Америки» был назначен опытный моряк капитан-лейтенант Н. М. Чихачев, исполнявший до этого обязанности начальника штаба командира Сибирской флотилии и портов Восточного океана. Под стать ему был и старший помощник — капитан-лейтенант Н. Я. Шкот, Вахтенными начальниками на «Америке» стали лейтенант А. М. Линден и поручик корпуса флотских штурманов А. С. Кузьмин. Всего экипаж парохода-корвета вместе с нижними чинами насчитывал 80 человек⁴. На его борту находился и лейтенант Н. В. Рудановский, которому было поручено снять на карту среднюю часть западного побережья о-ва Сахалин.

Пройдет немного времени, и имена этих людей станут первыми географическими названиями на севере Приморья.

1 июля 1857 г., отсалютовав Николаевску, «Америка» в сопровождении шегольского тендера «Камчадал», которым командовал поручик корпуса флотских штурманов А. М. Чудинов, снялась в рейс. Курс был взят на западное побережье Японского моря.

Плавание Амурским лиманом прошло очень быстро. Благодаря своевременной работе морских гидрографов, поставивших вехи на фарватере, еще до рассвета суда пришли в залив Де-Кастри, откуда зашли на Сахалин, где в Дуэских копиях должны были забункероваться углем. Южнее Дуэ следовало высадить лейтенанта Рудановского, но штормовой ветер не позволил это сделать.

Постаравшись поскорее покинуть неприветливый берег Сахалина, «Америка» взяла курс на Приморье. Два мощных колеса по бортам судна глухо шлепали по воде. Постоянный туман и сильный лобовой ветер не позволяли развить полную скорость. Этому мешал и плетущийся следом за «Америкой», загруженный до отказа углем «Камчадал», превратившийся по воле судьбы из нарядного тендера в рядового угольщика.

Старший механик парохода, а в начавшуюся эпоху механизмов он становился одним из главных лиц на судне, сетовал на качество дуйского угля, взятого с верхних пластов и не дававшего возможности кочегарам держать пар на марке.

13 июня 1857 г., воспользовавшись штилем, утром сыграли аврал. «Камчадал» прямо на ходу подтянули к борту «Америки» и стали перегружать уголь. К обеду того же дня, когда туманная дымка немного рассеялась, матрос с салингов громко крикнул, что справа по курсу видна бухта. Сразу же стали бросать лот, довольно нехитрое устройство — линь с отметками и металлической чушкой на конце. Тут же получили и первую отметку глубины — 32 сажени. С приближением к берегу глубина медленно уменьшалась.

«Америка» осторожно входила в бухту, не обозначенную еще ни на одной карте. То и дело за борт спускали лот, чтобы случайно не сесть на мель или на подводные камни.

Новая гавань состояла из нескольких бухт. Прошли благополучно одну, вторую и, наконец, третью, последнюю. Вся команда, включая и полномочного посла, выстроилась по бортам судна и во все глаза разглядывала нежданную находку. Даже в те времена, когда на земле оставалось еще немало белых пятен, новые бухты находили все же не каждый день. Вот почему понятны радость и любопытство моряков. Даже когда судовые склянки отбили время обеда, далеко не все оторвались от интересного зрелища.

Наконец загромыхали якорные цепи, и оба судна остановились. Командир «Камчадала» А. М. Чудинов сразу же опередил географические координаты бухты. Ее берега были весьма живописны. Образованные склонами прилегающих к бухте гор, они обрывались в море красивыми скалистыми утесами.

С ростров «Америки» спустили шлюпки, и на них офицеры добрались до берега, где сделали все необходимые промеры и топографическую съемку. Вечером того же дня Чудинов начисто вычертил план бухты, который был затем наклеен на левую сторону шханечного журнала парохода-корвета. Тогда-то на карте и появились новые названия: полуостровов Баллюзек, остров и мыс Ватовского, мыс Кузьмина, полуостров Рудановского. Сама же бухта получила название Святого Владимира.

Об истории названия бухты нам лучше всего расскажет письмо Е. В. Путятин контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «По случаю наступающего дня памяти Св. Владимира я назвал открытую нами бухту портом Святого Владимира и на одном из заметных мысов поставил дубовый крест: в сделанной на нем латинской надписи сказано, что гавань сия открыта впервые русскими и принята ими во владение с обозначением наименования и ее географического положения»⁵.

В шханечном журнале сохранился и текст этой надписи:

"Portus St. Wladimiri a Russis primuna inventus et in passion em acceptus est A. D. 1857 Julin 15 die"⁶.

«Америка» осталась ночевать в новой бухте — нужно было дать возможность команде отдохнуть после, выгрузки угля. На другой день Путятин забрал на пароход Чудинова, который, по его мнению, мог сослужить немалую службу в предстоящих описях. На «Камчадал» взамен Чудинова был назначен Кузьмин, получивший следующую инструкцию: «Нагрузиться балластом, водой и дровами и следовать к острову Сахалин, где высадить Рудановского с десантом на берег...»⁷

В полдень 14 июля 1857 г. «Америка» подняла якорь и последовала дальше на юг вдоль приморского берега. В тот же день ее ждало еще одно большое открытие. Часа за два до захода солнца был замечен еще один незнакомый залив, вход в который был закрыт островом.

Сначала «Америка» хотела обойти остров с юга, но резко уменьшающаяся глубина не позволила сделать этого, а быстро надвигающаяся темнота и вовсе заставила прекратить исследования.

Делать было нечего и пароходо-корвет встал на якорь.

На следующее утро Чихачев велел дать ход, и «Америка» медленно вошла в залив, получивший название залива Ольги.

«Примыкающая к заливу внутренняя бухта, — как было отмечено позднее в отчете по плаванию, — видимая вечером лишь поверхностно, оказалась при достаточной глубине в большей ее части столь закрытою от всякого волнения и ветров, что прилично могла быть названа Тихая пристань. В конце ее, в разлоге между гор, протекает речка...»⁸

Вскоре офицеры на судовых шлюпках отправились для осмотра берега, описи, промера и наблюдений. Отовсюду доносились восторженные возгласы по поводу красот природы и

удивительно спокойных вод тихой пристани.

В тот же день на плане бухты Ольги появились названия в честь первооткрывателей: мысы Татаринова, Остен-Сакена, Шкота, Пещурова, Линдена, Чудинова, река Аввакума. В честь командира «Америки» Чихачева был назван остров.

Надо сказать, что бухта Ольга уже была нанесена на английскую карту «Курильские острова от Японии до Камчатки, № 2405», которой к сожалению, «е оказалось на борту «Америки». Англичане называли бухту, разумеется, по-иному — Сеймур, и местоположение ее было отмечено не совсем верно. Составленный Чудиновым план «Залива Ольги с гаванью Тихая пристань» был намного точнее.

Около 16 часов 15 июля на «Америке» подняли якорь, и моряки распрощались с Ольгой, твердо веря, что скоро, очень скоро в этих безлюдных местах появятся русские поселения.

Времени на исследования уже не оставалось, хотя всем на пароходе — от офицеров до матросов — хотелось еще побродить по новым берегам. Но Путятин спешил в Китай, и «Америка» взяла курс на юг, а в далекий Петербург полетела депеша об открытии на берегу Приморья двух новых бухт.

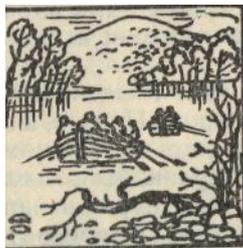
Только на следующий год «Америка» вернулась к дальневосточным берегам. В своем рапорте губернатору Приморской области контр-адмиралу Казакевичу командир «Америки» писал: «По приказанию графа Путятина июня 28 дня 1858 года я с вверенным мне пароходом отправился с Печелийского рейда для следования в Николаевск. В инструкции данной от графа было изъявлено желание, чтобы я зашел в залив Гверин и осмотрел устье впадающей в него реки...»⁹

Речь шла об Амурском заливе и реке Раздольной. 5 июля 1858 г., пройдя мыс Гамова, острова Пелиса, а затем и мыс Песчаный, названный так еще англичанами, «Америка» зашла в залив, и уже к полудню была около устья реки. По этому поводу в шханечном журнале парохода-корвета появилась следующая запись: «...прекратив пары, отправили на вельботе и гичке лейтенантов Костырева и Линдена, поручика Чудинова я архимандрита Аввакума для осмотра реки; а после чего, пополнив пары, пошли в залив, лежащий за мысом Санди [Песчаный], где на глубине 16 футов, грунт ил, положили якорь плехт. Вытравили каната 18 саженьей, прекратили пары и убрали паруса».¹⁰

К десяти часам вечера шлюпки вернулись к «Америке». Весь экипаж с нетерпением ждал исследователей и их рассказов об увиденном. За те несколько часов, что были в их распоряжении, они успели осмотреть все рукава реки Раздольной, перетащив свои шлюпки через бар на руках, сделать промеры средней, самой глубокой части реки. Высокая трава на островах не позволила морякам пройти в глубь них, но берега были осмотрены внимательно и сделан вывод: лес, состоящий из дуба, ясеня, черной березы, довольно редок и годен только на постройку небольших домов.

К ночи на море опустился туман, и командир «Америки» счел нецелесообразным сниматься с якоря. На другой день к полудню видимость улучшилась, и судно, пройдя за полчаса пролив Босфор Восточный, направилось в Николаевск¹¹.

За исследования, проведенные «Америкой», многие моряки получили награды. Главные герои приказом по флоту были произведены в следующие чины (Чихачев и Чудинов). Кроме того, Чихачев был награжден орденом Станислава II степени с бантом, а Чудинов и чуть позднее Шкот получили орден Станислава с короной¹². Получили награды и другие участники этого плавания, что говорит о важности исследований, произведенных русскими моряками.

**ОБОЗРЕНИЕ РЕКИ УССУРИ
И ЗЕМЕЛЬ К ВОСТОКУ ОТ НЕЕ
ДО МОРЯ**

Я вышел на берегу Японского моря не около Владимирской гавани, а несколько восточнее и севернее, то и людей на берегу морском мною нигде не оставлено, а как знак нашего пребывания в тех местах поставлен в одном пункте крест с надписью, что мы были там 18 июля 1858 г.

М. И. Венюков

Вечер был на редкость тих. Небогатое парижское предместье уже отходило ко сну, только в угловом окне скромного пансиона «Хотел Алзасе» виднелся свет. Сквозь незашторенное окно можно было видеть сидящего за столом и быстро пишущего пожилого человека.

«...Библиотеку мою, состоящую более чем из 1200 томов книг научного содержания, преимущественно географических, естественно-исторических и общелитературных, а также собрание карт и атласов жертвую в пользу находящихся на Амуре, при устье Уссури, селения Хабаровки или вообще того пункта, где будет находиться управление Уссурийским краем...»¹

Бисерные буквы ложились на лист бумаги ровными строчками, почти не оставляя свободного пространства. Этот экономный почерк выработался за многие годы экспедиций и путешествий, когда приходилось дрожать над каждым клочком чистой бумаги, исписывая его буквально вдоль и поперек результатами исследований и наблюдений. Теперь, когда жизнь подходила к концу, знаменитый путешественник Михаил Иванович Венюков, за спиной которого были десятки тысяч километров первопроходца, торопился доверить бумаге свою последнюю волю. Он был вполне здоров и полон сил, но привычка рассчитывать свою жизнь на несколько ходов вперед, привычка быть в любую минуту готовым ко всяческому неожиданностям заставила его взяться за перо.

«Обществу станции Венюковой на реке Уссури в Приморской области завещая также десять тысяч рублей или, точнее, пятьсот рублей (2000 франков) золотом годового дохода, на совершенно тех же условиях, что и селу Никитинскому. Войсковое и областное начальство никакого права распоряжаться этими деньгами не имеют...»² На этих словах перо слегка дрогнуло, Венюков задумался. Это завещание или, как сам ученый его называл, «проект собственной ликвидации», уже доводилось до сведения местных властей, которые немало интриговали, видя, что нельзя изложить на завещанные деньги свою лапу. А старосты родного Венюкову сельца Никитинского, вернее, местные кулаки, в особом письме вообще выразили желание употребить эти деньги на основание ссудно-сберегательного товарищества, попросту банка, в котором сами бы они и хозяйничали,

Венюков отложил ручку в сторону, взгляд его затуманился. Воспоминания волной нахлынули на него.

...Только что окончена учеба, — академия, и на грудь, легли новенькие аксельбанты. Ранней весной 1857 года прибыл М. И. Венюков к месту службы — в город Иркутск, тогдашнюю столицу Восточной Сибири. Вначале казалось, что служба начинается хорошо. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев сразу же заметил исполнительность молодого офицера и поручил ему срочную работу: составление топографических карт и анализ военной статистики для полной оценки политической ситуации на Дальнем Востоке, что требовалось губернатору, собиравшемуся с отчетом в Петербург. Туда же, закончив работу, должен был подвезти карты Венюков.

Внимание генерал-губернатора к молодому офицеру не понравилось непосредственному начальнику и Венюкова К. Ф. Будогоскому, который сам всеми силами старался завладеть расположением и благосклонностью Муравьева. Надо сказать, что в тот период в штабе, войск Восточной Сибири царил не совсем здоровая обстановка. Не редкостью среди офицеров были мелочные склоки, распри, а то и настоящая вражда.

Молодой Венюков старался не связываться в штабные дразги, близкого знакомства ни с кем не заводил, подружился лишь с переводчиком Я. П. Шишмаревым, но, тем не менее, внимание к новичку не ослабевало. «Не было такой шпильки и даже просто грубости, какой бы не позволил себе Будогоский по отношению ко мне, — писал Венюков в своем дневнике, — и если иногда сдерживался, то лишь потому, что знал о поездке»³.

22 ноября 1857 г. курьерская тройка унесла М. И. Венюкова в Петербург, и уже утром 9 декабря он постучался в двери роскошного номера Муравьева в гостинице «Клея».

В это время уже и до столицы дошло известие об открытии пароходо-корветом «Америка» двух великолепных бухт на восточном побережье Приморья — Ольги и Владимира. Муравьев сразу же оценил важность этих открытий, понимая и то, что теперь требуется разведать сухопутный маршрут к этим бухтам от Хабаровки. Дело оставалось только за исполнителем. Венюков подоспел как раз вовремя, и выбор Муравьева пал на него. Не теряя времени, молодой офицер занялся организацией экспедиции в Приморье.

Прежде всего он досконально изучил материалы Лаперуза и Броутона, в которых, разумеется, не нашел ответа на свои вопросы. Его выручило знакомство со ставшим к тому времени знаменитым адмиралом Г. И. Невельским, «который, — как напишет позднее Венюков, — навел меня в скромной квартире в одной из отдаленных частей Петербурга, пригласил к себе, в течение нескольких вечеров беседовал со мной о Нижнеамурском и Уссурийском краях, о которых имел обширные сведения как очевидец, частью из расспросов у гиляков, мангун, гольдов (нанайцев. — прим. автора). Опасаясь, как бы я чего-либо из сообщенного не забыл, он начертил на особом листе эскиз страны между Уссури и Японским морем и тут же написал на полях пояснительный текст»⁴.

Интересно, сохранился ли до наших дней этот план, ведь он стал бы бесценным документом для историков.

Между тем в Петербурге Н. Н. Муравьев вел закулисную борьбу с противниками заключения нового договора с Китаем. Тогдашние петербургские ретрограды еще крепко сидели в своих креслах и делали все возможное, чтобы помешать генерал-губернатору далекой восточной окраины. Тем не менее для Муравьева дело все же устроилось благополучно. Встретив в столице ню-вый, 1858 год, который должен был принести ему славу, Муравьев вернулся в кипящую страстями молодую Сибирь.

Венюков же закончил все дела только к февралю 1858 года. В Иркутске его уже ждал Будогоский, который был обижен тем, что не ему поручили организацию новой экспедиции. Он прекрасно понимал, что любое исследование неизвестного и перспективного края прославит имя руководителя экспедиции, а это казалось Будрогскому наиболее коротким путем к новым чинам и наградам.

Пока же он старался всеми силами вредить «высочке». Благо, что не ему была поручена организация экспедиционного снаряжения, а то Венюкову и его товарищам пришлось бы хлебнуть лиха в Уссурийской тайге. Кроме того, как писал Венюков, «...Будогоский не поспешил на личные оскорбления такого свойства, что я дал себе слово: как только окончу экспедицию, уехать из Восточной Сибири, какие бы внешние условия службы ни пришлось принять после отказа от должности старшего адъютанта штаба»⁵.

И все же Будогоский успел навредить своему нечаянному сопернику по карьере: он постарался так отдать распоряжение об откомандировании из Николаевска двух топографов для нужд экспедиции, что они так и не успели догнать Венюкова с товарищами.

1 июня 1858 г. М. И. Венюков со своими спутниками: сотником Пешковым, переводчиком нанайского языка урядником Масленниковым, унтер-офицером Кармановым, денщиком и одиннадцатью казаками вышли в путь из станицы Казакевичево. Запрягшись бурлаками, или, как тогда говорили, бичевой, они медленно пошли вверх по течению реки Уссури. Тяжелее всех пришлось Венюкову: ему надо было не только тянуть свою ямку, но и вести при этом счет шагам, чтобы потом можно было определить пройденное расстояние.

Высокая густая трава вдоль речных берегов, заболоченные участки, огромные валуны, выступающие изводы, затрудняли маршрут путешественников. К вечеру Венюков буквально падал от усталости и, едва успев заполнить путевой дневник, засыпал прямо у костра.

И начале лета, как известно, в Приморье стоит период муссонных дождей. Влага, постоянно висевшая в послухе, пропитала вскоре всю одежду членов экспедиции, а самой большой неприятностью было то, что отсырели сухари и стало портиться другое продовольствие. Каждая верста пути давалась исследователям ценой огромного напряжения сил и воли в условиях стражайшей экономии продуктов.

Тяжесть и монотонность этого небыстрого движения вверх по реке скрашивали встречи с местными жителями. Венюков, понимая важность первого впечатления нанайцев от встречи с русскими, старался все отношения отстроить на добрых, взаимовыгодных условиях.

Чем больше наблюдал Венюков за жизнью нанайцев, чем больше знакомств он завязывал с местными жителями, тем большей симпатией проникался к представителям этой немногочисленной народности. Он даже принял решение на одном из этапов пути оставить у местных жителей часть груза и самую большую лодку. Он написал в путевом дневнике: «Возросшая уверенность в доброжелательстве к нам гольдов дала мне возможность расстаться с частью моих спутников без опасения за их участь и за успех нашего дела»⁶.

У небольшой речки Венюков и его спутники попрощались с сотником Пешковым и тремя солдатами, оставив им на хранение большую часть ружей, пороха и свинца.

В районе современной реки Арсеньевки Венюков обнаружил следы старых развалин — остатки древнего поселения.

«Все течет, все изменяется, — вспоминал путешественник латинскую пословицу. — Когда-то жили здесь люди, ловили рыбу, строили себе жилище, а ныне глушь и безлюдье вокруг... Куда ушли отсюда жители? Может, в поисках нового места для поселения, более удобного? Догадки, одни лишь догадки...»

12 июля 1858 г. экспедиция пришла к устью реки Фудзи, откуда начался подъем на хребет Сихотэ-Алинь. Он был пройден за три часа. Как только спустились с отрогов гор, все сразу же почувствовали близость моря, а еще через пять дней наступил тот долгожданный миг, когда запыленные сапоги путешественников ступили на морской песок.

Сильный северо-восточный ветер разогнал тучи, низко висящие над берегом, и с грохотом погнал большие волны к прибрежным камням. Венюков со спутниками долго стояли и зачарованно вглядывались в морскую панораму. Вот он, Тихий океан, к которому давно уже стремился русский человек. Только раньше все дороги сюда вели морем, на этот же раз впервые был преодолен пеший маршрут: от Хабаровка через Сихотэ-Алинь к океану.

Венюков решил два дня отдохнуть на морском берегу, а потом продолжить путь к Владимирскому посту, но внезапно заболел.

«Не чувствуя в себе достаточных сил, чтобы перенести утомительное странствие», как писал позднее Венюков в дневнике, он решил идти в обратный путь По уже исследованному маршруту, и вскоре путешественники покинули бухту, оставив на ее берегу как знак пребывания в тех местах деревянный крест с соответствующей надписью и датой⁷. Уже в пути, который прошел на редкость

удачно, Венюков переписал начисто свой экспедиционный отчет. 26 октября 1858 г. путники вернулись в Иркутск, где Венюков, заплатив штабному писарю 25 рублей (Будогоский даже не выделил человека для перепечатки отчета), передал свои записки Муравьеву, ставшему к тому времени уже графом Амурским.

Генерал-губернатор остался весьма доволен полученными результатами и уже намеревался поручить Венюкову руководство предстоящей Уссурийской экспедицией 1858 года, но штабные интриги резко осложнили положение молодого офицера, видимо, Будогоский, чувствуя нестабильность своего положения, с новой силой начал преследовать своего удачливого соперника.

26 ноября 1858г., исполняя данное себе слово, Венюков явился к Муравьеву-Амурскому и заявил, что дальнейших интриг против себя, увенчающихся успехом и сопровождающихся притеснениями, он терпеть не намерен. 3 января 1859 г., попрощавшись с Восточной Сибирью, Венюков зимним трактом уехал в Петербург, а уже 3 марта он выступил в Русском географическом обществе с докладом о своем путешествии по Уссуре. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» тут же сообщила об этом своим читателям, рассказав, что путешественник демонстрировал карты и схемы, составленные им, образцы невиданных растений, в том числе и женьшеня, говорил о богатстве приморских рек. Приводила газета и отрывок из доклада Венюкова: «...труду человека будет предстоять устройством железных дорог придвинуть эту страну к самому морю и развить в ней через это все роды деятельности, какими богата европейская гражданственность»⁸.

Долго еще после этого дела военной службы носили Венюкова по свету: он бывал на Памире и Тянь-Шане, изучал озеро Иссык-Куль, путешествовал по Кавказу и Турции. Еще раз побывал путешественник и на Дальнем Востоке: в Китае и Японии. Пришлось ему недолгое время служить в Польше и быть секретарем Географического общества в Петербурге, и всюду его острый ум, честный, бескомпромиссный характер не находили спокойствия.

Венюков никогда не стремился к чинам и званиям, топь которых, как он писал, была ему всегда очевидна, да и спокойствие было ему необходимо не для тихой жизни, а для плодотворной работы, для более глубокого осмысления того, что успел он увидеть и познать к тому времени. И путешественник, ставший уже известным в мире благодаря своим трудам по естествознанию, физической географии, этнографии и другим смежным областям знаний, делает окончательный выбор. Вот что пишет он своему непосредственному начальнику генералу Н. Н. Обручеву 10 апреля 1876 г.:

«...имею честь просить Ваше превосходительство как лицо, в непосредственном подчинении которому состою, об исходатайствовании мне скорейшего увольнения в отставку, чтобы я мог не увеличивать напрасной утраты двадцати шести лучших лет жизни еще новыми годами, сопряженными с унижением.

Просьба эта, без сомнения, не удивит Ваше превосходительство, потому что она есть простой голос чести, понятный каждому, кто привык дорожить собственною; и не принести ее я не могу уже потому, что никогда доселе не состоял на содержании государства без определенного положительного труда на его пользу, а, напротив, отдавал ему не только все свое время, весь труд, но и все денежные средства, когда случалось иметь их в своем распоряжении»⁹.

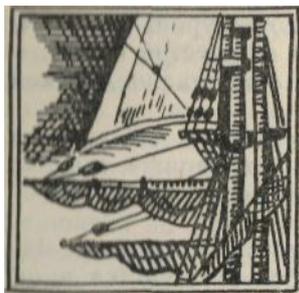
Уйдя в отставку, Венюков уехал в Париж, но и находясь по сути дела в эмиграции, он продолжал следить за судьбой полюбившегося ему дальневосточного края. Он переписывался с Ф. Ф. Буссе, заведующим Переселенческим управлением в Южно-Уссурийском крае, который и сообщил ему о создании Общества изучения Амурского края, первого научного общества на далекой окраине России.

Старый путешественник тут же рассказал об этом на заседании Географического общества в Париже, а в дар новому обществу послал во Владивосток часть своей библиотеки¹⁰.

В мае 1887 года газета «Владивосток» писала: «На пароходе «Париж» прибыли три больших ящика книг, всего 205 названий, в 407 томов и 47 карт, пожертвованных генералом Венюковым Обществу изучения Амурского края»¹¹.

Распорядительный комитет Общества на своем заседании постановил поместить эти книги в особом шкафу с надписью: «Библиотека М. И. Венюкова» и сообщил об этом ему в Париж. В ответном письме М. И. Венюков писал Ф. Ф. Буссе: «Вы сделали слишком большую честь бывшим моим книгам; отделив их в особое собрание, но в каком бы месте они ни помещались, лишь бы приносили пользу»¹².

В настоящее время в библиотеке Приморского филиала Географического общества СССР бережно хранятся книги и карты М. И. Венюкова.

БЕЛЫЕ ПАРУСА РУССКИХ КОРВЕТОВ

Но, кажется, приходит то время, когда и в этих расселинах начнут виться гнезда; со временем, может быть, вырастут города, и порт, более гостеприимный, чем Владимирская бухта, встретит пришедшее с моря судно.

А. Вышеславцев. 1867

Солнечным днем 22 июля 1858 г. корабли первого Амурского отряда пошли в воды Японского моря. Наступал конец долгому и трудному переходу через три океана от гранитных набережных Кронштадта до берегов седого Амура.

Флагман отряда капитан 1 ранга Дмитрий Иванович Кузнецов, облокотившись о планширь, не спеша разглядывал безжизненный горизонт. Вот оно какое, Японское море, о котором он уже успел услышать так много интересного и противоречивого.

Во время стоянки в Гонконге он приказал приобрести карты предстоящего района плавания. Купили что ни на есть новую, изданную гидрографическим управлением в Англии в феврале минувшего года. Она включала данные всех последних исследований, проведенных английскими и французскими судами.

Результаты русских описей на карту внесены не были, и Кузнецов с удивлением обнаружил, что не видит на восточном берегу залива Святого Владимира, открытого год назад. Да и все наименования на карте были преимущественно английскими. Командир отряда читал вслух названия неизвестных ему пока еще бухт и островов у приморского берега: порт Брюс, архипелаг Евгении, заливы Гверин и Наполеон, бухта Горнет. Дальше на север по карте шли бухты Сеймур, Шелтер, Сибилла, Ник, Буллок¹.

Но вот брови моряка удивленно поползли вверх, и он еще раз недоверчиво заглянул в карту. Вместо знакомого ему названия Императорская гавань на карте красовалось английское слово Барракуда.

- Ну и ну, — только и смог сказать при виде этой метаморфозы офицер. — Не думают ли они, что могу; переименовать все русские посты на свой лад после каждого захода туда своего корабля?

Кузнецову вспомнилась одна интересная встреча, которая произошла у него в Гонконге. На борт русского клипера поднялся тщательно одетый морской офицер.

- Капитан Дженикс с английского фрегата «Актеон», — представился он.

Англичанин оказался на редкость разговорчивым. Он сообщил, что на эту должность его назначили совсем недавно, но она ему была в тягость, так как фрегат должен был отправиться на съемку берега от порта Сеймур (Ольга) до Де-Кастри.

Это было еще одно доказательство того, что англичане не хотели так просто расставаться с лакомым кусочком, каким виделось им дальневосточное побережье.

Двухнедельное плавание в Японском море у отряда русских кораблей — а в него входили клипера «Джигит», «Воевода», «Новик», «Стрелок» и другие — прошло спокойно. В Де-Кастри отряд разделился: часть судов вместе с Кузнецовым ушла зимовать в Николаевск, другие остались в Де-Кастри, а командир 2-пушечного клипера «Воевода» лейтенант П. К. Матвеев получил задание следовать на зимовку в бухту Владимира, где он поступал в распоряжение командира шхуны «Байкал» Н. К. Дерпера. Вместе с ним и должны были они выставить русские посты в бухтах Владимира и Ольги².

25 октября 1858 года пополудни «Воевода» бросил якорь в бухте Владимира. Моряки приступили к постройке бани и сараев. Нужно было срочно разобрать и провизию, привезенную за две недели до этого барком Русско-американской компании «Нахимов» и сложенную прямо на берегу³.

Тогда же на одном из пригорков появились и первые кресты: умерли от чахотки квартирмейстер Чешунист и матрос 1-й статьи Синицкий.

Между тем командир «Воеводы» П. К. Матвеев, да и другие моряки поняли, что зимовка во Владимире будет сложна. Вот что писал по этому поводу в «Морском сборнике»

двадцатипятилетний мичман Е. В. Березин: «Владимирская гавань, несмотря на все преимущества продолжительной навигации и удобств стоянки, не может служить хорошим портом без возведения искусственных сооружений, а именно — по неудобству зимовки. Вследствие того, что сюда заходит волнение, а рейды медленно и плохо замерзают, судно, зимующее на своих якорях, постоянно будет иметь движение во льду и оттого обтираться и портиться»⁴.

Не видно было и транспорта «Байкал», который тоже назначался на зимовку во Владими́ре, поэтому было принято решение перейти на зиму в соседнюю бухту Ольгу. Но еще до этого «Воевода» встретился во Владими́ре с клипером «Пластун», тоже из отряда Д. И. Кузнецова, который зашел в бухту в поисках клипера «Стрелок»; двум этим кораблям предписывалось произвести опись берега от бухты Владимир до Де-Каэтри. Видимо, военный губернатор Приморской области контр-адмирал Казакевич с полной серьезностью отнесся к рассказам флагмана Кузнецова о намерении англичан начать описные работы на приморском побережье и постарался опередить их.

К началу ноября стало быстро холодать, и 10 числа оба клипера перешли в Ольгу. Наступление зимы чувствовалось и там. Лед сковал почти всю Тихую пристань, и в этом белом поле неподвижно стоял «Байкал». Командир его, Н. К. Дерпер, при встрече рассказал Матвееву, что погодные условия вынудили его остаться в Ольге.

«Воевода» присоединился к «Байкалу», а «Пластун», так и не дождавшись на внешнем рейде «Стрелка» и имен на борту много больных, решил сняться в Японию. Опись побережья откладывалась. Судовой врач «Пластуна» Л. Вышеславцев позднее в своей прекрасной изданной книге «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания 1857—1860 гг.» писал: «12 ноября мы снялись, простившись с воеводскими, которым предстояла самая трудная и самая скучная зима. Нечего сказать, не улыбалось им близкое будущее. Надо было, во-первых, отыскать свежей провизии, а то ненадолго хватило бы сил для тех трудов и работ, которые их ожидали. Им предстоял подвиг положить основание порту и, если можно, то отыскать сообщение между Ольгой и истоками Уссури, в последнем случае новый порт вошел бы в Амурскую систему и мог бы получать все условия существования, обеспеченный с сухого пути. Мы пожелали им всевозможных успехов, а сами пошли в Японию. Конечно, они нам завидовали, но не нынче, так завтра, их же участь могла достаться нам»⁵.

Не случайно А. Вышеславцев назвал предстоящую зимовку в новой гавани подвигом: крайне тяжелыми были в те далекие годы условия жизни первых жителей, а по существу основателей новых дальневосточных постов. Ни регулярного сообщения с другими населенными пунктами, ни связи они не имели. Продовольствие на всю зиму забрасывалось им всего один раз, в самом конце-навигации. В основном это были сухари и солонина, которых, даже если их удавалось сохранить от порчи, редко хватало до конца зимовки. Особенно же страдали люди от недостатка витаминов. Цинга косила всех подряд, невзирая на звания и должности.

Но не таким командиром был Н. К. Дерпер, чтобы обречь своих подчиненных на лишения и страдания, да--же не попытавшись хоть какими-то мерами облегчить зимовку.

На берегу закипела работа. Прежде всего для нового-поста требовалось построить несколько прочных домов. На строительство пошли дубы, которые во множестве росли на берегу.

Из своего опыта Дерперу было известно, а происходил он из семьи потомственных морских офицеров и до своего назначения командиром «Байкала» успел немало поплавать как на Балтике, так и в суровом Охотском море, что успех зимовки во многом зависит от питания людей. К сожалению, середина ноября была не самым подходящим временем для рыбной ловли. Хотя река Аввакумовка еще не полностью покрылась льдом, рыба уже не клевала, но на ее берегах моряки встретили стадо диких коз и решили, что у них будет возможность, изредка лакомиться свежим мясом.

Началась зима. "Нельзя сказать, что первые жители Ольги совсем не болели, но все недуги были неопасными и не мешали морякам заниматься своими делами. Вначале разведали путь по суше до Владимира. Затем Дерпер решил снарядить небольшую экспедицию на Уссури, с ней отправить и почту. Только через два месяца Моряки под командованием мичмана Е. К. Березина вернулись в Ольгу. Экспедиция удалась на славу: был найден удобный путь до реки, провизии потратили мало, а главное, привезли в новый пост почту. Как много значили эти письма для моряков, оторванных надолго от родных мест!

В середине апреля 1859 года в Ольгу вернулся «Пластун» с запасом зелени, картофеля и семян. Уже при входе в бухту моряки увидели, как слева, на холме, развевался русский флаг, за деревьями зеленела крыша какого-то строения, а у берега группа матросов вбивала сваи, устраивая пристань.

Приходу «Пластуна» зимовщики были безмерно рады, разговорам, обсуждениям не было конца.

— Как же вы разгоняли скуку? — удивлялись моряки с «Пластуна», — верно, тягостно было зимними вечерами коротать время?

— Всяко бывало, — отвечали им, — но раз в неделю мы отправлялись па пикник, в баню.

«Нам рассказывали о разных затеях, придуманных между делом изобретательностью русского человека, всегда умеющего найти средство развлечь себя... Верно, им было весело! А следы этой зимовки виднелись на лицах, — не одна морщина прибавилась на них!» — так описывал встречу с зимовщиками А. Вышеславцев⁶.

Как только лед ушел из бухты, прапорщик корпуса флотских штурманов Дегтинский с

«Байкала» сделал тщательные промеры и уже к лету составил новую карту. По его рекомендациям в Тихой пристани были выставлены и первые знаки навигационной опасности — вежи с красными флажками. Тогда же транспорт «Байкал» стал изготавливаться под блокшив, то есть под постоянную плавучую базу для Ольгинского поста.

Наконец дошла очередь и до бухты Владимира. 16 апреля из Тихой пристани вышел клипер «Воевода». На его борту находились прапорщик корпуса флотских штурманов Ф. К. Орехов, унтер-офицер и двенадцать рядовых, которым поручалось учредить пост в соседней бухте. В тот же день к вечеру они были высажены на полуостров Рудановского. В тот же день солдаты поставили палатки, а через некоторое время стали собирать первый дом из бревен, привезенных на «Воеводе» из Ольги, где они были заготовлены за время зимовки.

Вскоре вступил в силу приказ Муравьева-Амурского, отданный им контр-адмиралу Казакевичу: «Направляя ныне по -сухому пути вое имеющиеся в моем распоряжении средства к исследованию приобретенного нами Приуссурийского края, имеющего великое политическое событие и обещающего важную материальную выгоду, я нахожу необходимость, чтобы в одно лето составить подробную карту и описание страны, назначить от вверенной вашему превосходительству флотилии свободные паровые суда для производства описи Русского берега Японского моря...»⁷

Этот приказ круто менял намерения командира «Байкала» Дерпера, который уже успел получить предписание временно по приказу сдать транспорт и имущество поста Ольги и, пересев на «Воеводу», следовать на Сахалин с экспедицией топографа Силина на борту. Теперь же Дерпер вновь вернулся в Ольгу, а «Воевода» в составе эскадры генерал-губернатора Восточной Сибири отправился в свое историческое плавание на юг Приморья.

24 июня 1859 г. в Тихой пристани бросил якорь и сам флагман — фрегат английской синей дивизии «Актеон», которым командовал капитан Вард. Видимо, Дженкинсу все же удалось избежать нежелательного назначения, связанного с трудным плаванием и сомнительными целями.

О встрече двух командиров — русского и английского — лучше всего расскажет рапорт, который Н. К. Дерпер послал коптрадмиралу П. В. Казакевичу: «...капитан Вард изъявил желание видетсья с начальством наших судов, чтобы вместе с нашими судами разделить работы, но считая себя не вправе объявить, где он мог встретить наши суда, я отвечал, что отряд наших судов находится на крейсерстве в Японском море и что мне неизвестны порты, куда они будут заходить. Покамест капитан Вард в нерешимости, где производить описные работы, но он выразился, если берег Татарский описан русскими судами, то он вторично его описывать не будет, а произведет работы, предполагаемые для будущего года, то есть опись Японского берега...»⁸

25 июня английский фрегат снялся с якоря, но сомнения насчет его намерений не покидали русского командира, тем более, что в последнюю минуту, как бы между прочим, Вард спросил Дерпера, что известно тому о южных приморских гаванях и о том, где проходит граница между Россией и Китаем. За нарочитым равнодушием Дерпер скрыл немалую тревогу, он понял, что опись берега являлась для англичан лишь поводом, а настоящие планы они держат в тайне.

3 июля 1859 г. в Ольгу пришла первая группа отряда топографов штабс-капитана Ельца из Уссурийской экспедиции, а чуть позже подошли и остальные. Все они были оборванными и голодными. Продовольствие у отряда закончилось еще за две недели до окончания пути, и они питались тем, что могли найти в тайге. Прежде всего моряки накормили гостей, а потом и разместили на постой: топографам и солдатам предстояло дожидаться в Ольге продовольствия, одежды, а главное, обуви — от сапог за долгий путь остались одни голенища⁹.

Чуть отдохнув, гости стали помогать морякам возводить новые постройки в посту, а спустя некоторое время их отправили в Николаевск на попутном транспорте. Вскоре пришла пора покинуть полюбившуюся ему Ольгу и лейтенанту Дерперу. 10 сентября 1859 г. он «дал «Байкал» и береговые постройки лейтенанту А. С. Маневскому. Сохранился до наших дней объемный акт этой передачи: на берегу уже стояли два больших дома, офицерский флигель с мезонином, ледник для запасов провизии, зеленели 50 грядок огорода, была построена пристань длиной в 50 и шириной в 10,5 фута¹⁰.

Владимир и Ольга стали первыми приморскими бухтами, в которых русские моряки выставили свои посты, в основном же в те годы проводилось поверхностное исследование многочисленных бухт и гаваней¹¹. Клипером «Стрелок» были осмотрены реки вдоль берега от Императорской (Советской) гавани до залива Ольги, открыт на юге Приморья пролив Стрелок.

Клипером «Пластун» описан берег от той же Императорской гавани до Де-Кастри.

Белые, паруса русских корветов все чаще и чаще стали показываться в здешних водах, их имена и по сей день хранит карта Приморья¹²,

КОМАНДИР «ГАЙДАКА»

..В шестом часу соединились с катером,, выехавшим нам навстречу в заливе Восток. Туманы и дожди и ему мешали работать, однако ж он успел высмотреть хороший уголок, в котором мы тотчас же спрятались и за которым,, надеемся, останется имя Гайдамака.

А. А. Пещуров. 1862

Легкий теплый ветер надул паруса «Хеды». Слегка покачиваясь на небольшой волне, шхуна взяла курс на Камчатку, оставив за кормой японскую деревушку Хеду и ее жителей, которые были добры к русским морякам, потерпевшим здесь кораблекрушение. За недолгое время, которое экипаж «Дианы» провел на японском берегу, ожидая окончания постройки шхуны, они успели сродниться. В память о тех событиях жители Хеды позднее устроили у себя дом-музей Путятина, в котором бережно хранили и до сих пор хранят многие свидетельства крушения «Дианы».

В разгаре была Крымская война, отголоски которой докатились и до Дальнего Востока. Как только шхуна вышла в море, вахта была усилена: где-то совсем рядом резали штевнями воду корабли неприятеля. Эта война, во многом изменила взаимоотношения между людьми, входящими в свиту Путятина. Даже посол перестал вмешиваться во все дела командира Колокольцева, как он делал раньше. Только мичман Алексей Пещуров не переставал сыпать шутками, казалось, бравируя своим отношением к опасности. Особенно от него доставалось двум юношам-юнкерам, самым молодым членам экипажа, которые все время держались вместе и своим паническим страхом перед войной и стрельбой уж начинали многих раздражать.

30 апреля 1855 г., через четыре дня после выхода, потеряв из вида японские берега, «Хеда» вышла в океан. Русским морякам сопутствовала удача: на протяжении всего перехода стоял плотный туман, и они шли незамеченными. 9 мая сквозь туманную дымку показалась впереди Авача, но почти одновременно с ней матрос с салингов заметил на горизонте и четыре судна, с виду военные крейсера. Неприятель!

Положение шхуны было трудным, если не сказать безвыходным. Уйти от быстроходных крейсеров, будучи замеченной ими, было практически невозможно, оставалась одна надежда на туман, способный скрыть от глаз противника небольшую шхуну. На море стоял штиль, и шхуна тотчас ошестинилась веслами. Удача не оставила моряков: после нескольких часов гребли подул небольшой ветерок, и «Хеде» удалось незаметно проскользнуть в Петропавловск.

На почти безлюдном берегу шхуну встретил адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири есаул Мартынов, который сообщил Путятину о высочайшем повелении перевести военный порт в Николаевск, где было решено собрать все силы русских на Тихом океане.

11 мая 1855 г., пополнив бункер водой, «Хеда» вышла из Петропавловска, взяв курс на юг, к Амуру. За 25 дней перехода на шхуне несколько раз объявлялась боевая тревога, и экипаж брал в руки оружие, но и на этот раз счастье не отвернулось от мореплавателей: в Амурский лиман шхуна вошла без единого повреждения.

В Николаевске экипаж простился с «Хедой», ей предстояло при первой возможности вернуться в Японию, а Путятину здесь ждал приказ о его возвращении в столицу. Для следования вверх по Амуру ему была передан легкий восьмисильный катер «Надежда», экипаж которой и составили моряки погибшей «Дианы».

4 июня 1855 г., взяв на буксир крохотную баржу, «Надежда» оставила Мариинский пост. В этом плавании большая работа легла на плечи мичмана А. Пещурова: ему было поручено проверить карту Амура, составленную незадолго до этого поручиком корпуса топографов Л. А. Поповым. По сути дела эта проверка превратилась в составление новой карты великой реки Дальнего Востока, уж слишком много было в ней пробелов и неточностей. Испытанный друг секстан, артифиционный горизонт; два хронометра да компас — вот и все приборы, которые были в распоряжении мичмана. А работа эта была крайне важна для тех, кто вскорости поведет по Амуру суда.

Нелегко пришлось Пещурову. Тот, кто бывал на Амуре, знает, сколько на нем банок, мелей, островов и островков — иногда в виде целых архипелагов. По мере приближения к верховьям реки, продвижение становилось все труднее и труднее. Наконец не доходя 400 верст до Усть-Стрелочного поста из-за частых мелей пришлось оставить «Надежду» и дальше самим тянуть баржу бичевой¹.

18 сентября после 80-дневного пути они достигли поста, откуда по суше отправились для доклада в Санкт-Петербург. Там Путятин и Пещуров расстались друг с другом. Пещурова вновь назначили адъютантом — «начальнику штаба Кронштадтского военного генерал-губернаторства, но

вскоре его ждало новое назначение морской представитель России в Англии².

Пещуров был рад новой должности. Будучи на Дальнем Востоке свидетелем военных действий, он видел ущербность русского флота. Плохие мореходные качества кораблей, устаревшее вооружение не позволяли им тягаться с английским и французским флотом.

В качестве же морского представителя Пещуров ведал техническими закупками и поставками, судового оборудования Морскому министерству и видел свою главную задачу в том, чтобы помочь России лучше оснастить флот.

В 1859 году в английском городе Норфолке началось строительство нового судна, специально предназначенного для Дальнего Востока. В 1860 году по окончании строительства Пещуров был назначен командиром этого клипера, названного «Гайдамаком».

Как важно для командира любого судна, включая и современное, самому вести строительство, следить за ходом работ, разговаривать со специалистами-кораблестроителями. Пещурову в этом отношении повезло. Он присутствовал при закладке «Гайдамака», видел, как на пустом месте рождался красавец клипер, и уже тогда полюбил его, будто предчувствовал, что с «Гайдамаком» будут у него связаны самые яркие страницы жизни.

...«После туманного, сырого дня и непостоянного ветра вечер 15 июля был тихий и теплый. Свинцовые тучи, неизменные спутницы ненастья, сбегали к горизонту и слились там с туманом, который в здешних морях в -первой половине лета редко покидает горизонт. Заря прошла. В небольшом расстоянии нельзя уже было распознать извилин берега, ни по теням судить о направлении его хребтов и ложбин. Все слилось в одну темно-синюю массу, которой только верхняя черта ясно обрисовывалась на чистом, но тусклом небе, когда мы подходили к рейду Врангеля, в юго-восточном углу залива Америка или Горнет.» — Это отрывок из дневника Пещурова, который он вел в первом своем самостоятельном плавании³.

Сразу же после постройки «Гайдамак» был направлен на Дальний Восток в распоряжение командира русской эскадры И. Ф. Лихачева, а первым заданием ему было уточнить описи бухты Врангеля, открытой за год до этого, в 1860 году, гидрографом В. М. Бабкиным, а также некоторые другие исследования⁴.

6 июля А. А. Пещуров получил предписание, а 7-го июля 1861 г. «Гайдамак» уже снялся во Владивосток, где пробыл несколько дней, а уже оттуда отправился в Славянский залив. Но проверить и уточнить имеющиеся описи залива Пещурову не удалось из-за сильного тумана, и «Гайдамак» взял курс на бухту Врангеля, куда он и пришел к вечеру 15 июля, к тому самому вечеру, о котором так подробно записал потом Пещуров в своем дневнике.

«Как ни просты виды рейда, — читаем дальше в дневнике, — но, открывшись нам вдруг и при счастливом освещении, они оставили приятное впечатление, которое уцелело в памяти, несмотря на последующие дождливые дни»⁵.

Утром солнце осветило берег, и моряки увидели две сопки, местами поросшие лесом. Они были чуть в отдалении, а прямо перед клипером за узкой песчаной полоской берега начинались низменные луга, которые с одной стороны срастались с сопками, а с другой постепенно расширялись, теряясь где-то вдалеке у высоких гор.

День обещал быть солнечным, на клипере просушивали паруса, пользуясь нечастой здесь ясной погодой, но уже к обеду небо затянулось тучами и заморосил дождь. Пещуров, еще с утра собиравшийся осмотреть понравившиеся ему окрестности, надел дождевик и в одиночку, прихватив с собой ружье, отправился на берег.

Кругом было безлюдно, даже дичи в золе было мало. Гуляя по берегу, Пещуров слышал по временам серебристый звон клиперной рынды, мерные удары топора да треск падающего дерева, но стоило ему отойти подальше, как все звуки исчезли, и полная тишина окружила его. Пещурову казалось странным такое безмолвие, он не смог свыкнуться с мыслью, что в таких прекрасных местах никто не живет, но он не мог и предполагать, что пройдет еще почти сто лет до того времени, когда на берегах бухты Врангеля появится новая жизнь: вырастут мощные терминалы, будут проложены дороги, и не одинокие парусники будут заходить в эти воды, а сотни огромных современных судов.

Пять дней провел клипер в бухте Врангеля. Дождливая погода не позволяла провести астрономические наблюдения, вся надежда оставалась на катер, который был отправлен исследовать побережье от залива Находки до Востока, куда «Гайдамак» должен был прийти при улучшении погоды.

21 июля, наконец, прояснилось, и клипер снялся с якоря. Катер со штурманским офицером встретил клипер у входа в залив Восток. Туманы и дожди не давали работать в полную силу и ему, но он, однако, успел исследовать небольшую бухту, которая вскоре пригодилась «Гайдамаку», чтобы укрыться в ней от надвигающейся непогоды.

На картах эта бухточка обозначена не была, а Пещуров назвал ее Гайдамаком в честь своего клипера, который первым из судов бросил здесь якорь. Два дня моряки клипера занимались исследованиями: с рассветом обе судовые шлюпки уходили на промеры и опись близлежащих бухт.

Неожиданно после холодных и промозглых дней установилась по-настоящему летняя погода. Клипер опустел: все моряки перебрались на берег, на песчаную косу, вдававшуюся в море. Здесь был установлен футшток для наблюдения за уровнем моря и палатка, в которой собирались все свободные от вахт и работ. На косе, обдуваемой свежим ветерком, не чувствовалась

жара, а от комаров, которые замучали моряков на клипере, спасал костер.

Матросы, воспользовавшись небольшим отдыхом, с увлечением занялись рыбалкой. Рыбу не только подавали ежедневно к столу в разных видах, но и заготовили впрок.

Но любому отдыху рано или поздно приходит конец. Вскоре «Гайдамак» стал вооружаться парусами и готовиться к снятию с якоря. Уже накануне отплытия к лагерю вышел берегом небольшой отряд топографа Кудрина. Еще в мае он вышел из Владивостока для топографической съемки берега, а результатом этого похода была огромная карта, нарисованная Кудриным, с обозначением гор, долин, ручьев и речек, с черными квадратиками вместо деревень, встречавшихся отряду в пути.

Пока солдаты из отряда Кудрина с завидным аппетитом набросились на предложенный обед, — им уже несколько дней приходилось экономить продукты, которые были на исходе, — моряки с интересом и некоторым недоверием рассматривали карту побережья. На флоте бытовало мнение, что карты, составленные в результате топографической съемки местности, не могут быть достаточно верными. Кое-кто пренебрежительно называл их плодом игривого воображения и нетвердой руки, но наиболее образованные офицеры, в том числе и Пещуров, понимали, что иного от топографов и требовать было нельзя при тех условиях, в которых им приходилось работать.

«Чтобы судить о работе этих топографов правильно, — писал командир «Гайдамака», — надо взять в соображение средства, которые они для того получают. Обыкновенно такого топографа отправляют с мензулою на лодке... на все лето, и он разъезжает взад и вперед по берегу и таскает свою мензулу на все доступные вершины. О правильной расстановке знаков не может быть и мысли, и он должен ограничиться теми, какими природа наделила снимаемую местность, мудрено ли при этом принять одну возвышенность за другую. Но в этом еще не заключается главный источник неверностей. Частные листы надо соединить, склеить в один: может ли при этом сохраниться точность во взаимном положении предметов, находящихся на расстоянии нескольких десятков верст и невидных один от другого, и когда никаких астрономических наблюдений не делается. Еще топографы, отправляемые берегом, имеют некоторую возможность выбирать удобные пункты для своих измерений и работают с уверенностью, что до холодов доберутся в теплую хату. Совсем иное ожидает тех, кто бродит вдали от берегов, там, уже нет никакого выбора, пользуйся чем бог послал и моли его же, чтобы не заблудиться и не скитаться годами по юртам бродячих туземцев. Примеры бывали»⁶.

Пещуров, понимая трудность положения отряда Кудрина, выделил ему, хотя и не имел на это права, двухнедельный запас продовольствия и снялся в Новгородскую гавань.

Полмесяца «Гайдамак» провел у приморских берегов, пока не получил новое назначение: доставить в Петропавловск архиепископа Иннокентия. Это плавание не предвещало ничего неожиданного, но дело обернулось совсем иначе, и даже присутствие на борту святого отца не спасло от неминуемой, казалось бы, гибели.

По пути на Камчатку Пещуров решил завернуть в Дуэ и пополнить запасы угля. К 28 августа погрузка топлива была завершена, и клипер, стоя на рейде, уже разводил пары, чтобы сняться на Камчатку, когда внезапно изменившаяся погода нарушила все планы. Ветер достиг штормовой силы, с моря пришла большая зыбь.

Пещуров знал, что залив Дуэ не самое удобное место для того, чтобы переждать шторм, но понадеялся на прочность якорных канатов. Эта самонадеянность дорого ему стоила. Первый канат лопнул в самый разгар шторма. Тут же был брошен второй, который вытравили до 45 саженей, но было уже поздно. Послышался скрежет корпуса о грунт, и при первых же ударах о прибрежные камни был потерян ахтерштевень с рулем и винтом.

У Пещурова оставался только один выход - выброситься на берег с помощью парусов, и он им воспользовался. По сути дела это было настоящее кораблекрушение. Обычно в таких случаях моряки снимали с судна все наиболее ценное, оставляя у берега корпус погибшего корабля как символ победы стихии. Но Пещуров задумал спасти клипер. Сделать это до зимы не представлялось возможным из-за отсутствия подручных средств, и экипаж «Гайдамака» остается зимовать в Дуэ, чтобы с началом навигации будущего года возобновить спасательные работы.

Вначале с клипера сняли все тяжелое, после чего удалось подтянуть судно к самому берегу. Теперь перед моряками стояла задача образовать вокруг клипера нечто вроде сухого дока, чтобы весной при ледоходе корпус не получил дополнительных повреждений. Всю зиму, несмотря на пургу, продолжались работы. Был найден потерянный винт с рулем, по льду в море через проруби были заброшены два якоря, оставалось дожидаться чистой воды.

29 мая 1862 г. на рейде Дуэ стали на якоря клипер «Калевала», транспорт «Японец» и пароходо-корвет «Америка», с которых на клипер «Гайдамак» были заведены мощные буксиры. Первая попытка удачи не принесла, и только на следующий день, воспользовавшись зыбью и приливом, удалось снять клипер с мели.

Вскоре Пещуров «а том же «Гайдамаке», вернулся на Балтику. Его дальнейшая карьера не была уже связана с Дальним Востоком, он дослужился до адмиральского чина. С 1880 по 1882 год даже был управляющим Морским министерством. Но на Дальнем Востоке как память о нем остается мыс, названный его именем, в заливе Петра Великого, бухта и гавань в Японском море, носящих имя Гайдамака.

МАРШРУТЫ УССУРИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция эта окончена с отличным успехом, и перед нами находятся весьма важные географические данные о большом пространстве, бывшем до сего времени, можно сказать, почти неизвестным...

Санкт-Петербургские ведомости.

19 января 1860

«Товарищи, поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России!» — голос генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева слегка дрожал от волнения, когда он 18 апреля 1858 г. зачитывал свой приказ войскам в Усть-Зейском посту¹.

Два дня назад был заключен Айгунский договор, возвестивший миру о возвращении России исконных дальневосточных земель, и 21 мая того же года этот пост был переименован в станицу Благовещенскую в память об этой благодать для России вестей. Благодаря ей Н. Н. Муравьев получил почетную прибавку к своей фамилии — Амурский, потеряв, правда, на пыльных улицах Айгуниа бриллиантовую звезду ордена Александра Невского.

Вместе с Муравьевым-Амурским в заключении договора участвовали и К. Ф. Будогоский, оберквартирмейстер в чине подполковника, показывавший во время переговоров на картах все наши земли, которые возвращала себе Россия, и Я. П. Шишмарев, переводчик с маньчжурского языка.

Сразу же после заключения договора генерал-губернатор начал сплав к устью Амура, во время которого Будогоский выбирал места для поселения Амурского пешего батальона, которые, как потом оказалось, не всегда были удачными. Один из ближайших помощников Муравьева-Амурского Д. И. Романов позднее напишет: «В первое свое плавание в 1854 году Николай Николаевич открыл Амур, во второе — в 1855 году защитил его от врагов, и в третье в 1858 — возвратил Амур России»².

Сибирский отдел Русского географического общества понимал всю важность исследований, которые нужно было провести на новых землях, в особенности в Приморье, абсолютно неизведанном крае, как говорил астроном А. Ф. Усольцев, «ТЕРРА ИНКОГНИТА в научном плане».

В 1858 году общее собрание Сибирского отдела постановило направить в будущем году одну экспедицию для получения новых научных сведений по центральной Маньчжурии, а другую — из Уссурийский край. Но Муравьев-Амурский, покровитель Сибирского отдела, своей губернаторской властью разрешил только одну экспедицию, как ему казалось, наиболее важную — на Уссури.

Возглавлять ее вызвался подполковник К. Ф. Будогоский. Генерал-губернатор прекрасно видел все отрицательные качества своего оберквартирмейстера, но другого подходящего человека под рукой не было. В экспедицию вошли помимо Будогоского два астронома — поручик А. Ф. Усольцев и капитан П. А. Гамов, топограф капитан А. И. Елец, художник академик А. А. Мейер, переводчик Я. П. Шишмарев, а также три отделения съемщиков.

Цели и задачи экспедиции были предельно ясны: исследование и съемка демаркационной линии, а также побережья Японского моря, и составление подробной карты Приморья³.

Сразу же после Рождественских праздников, 15 января 1859 г., штаб Уссурийской экспедиции с первым отделением съемщиков выехал на почтовых лошадях из Иркутска. Путь лежал до Усть-Стрелочной станции, где путешественников ждали приготовленные для них лошади. Правда, они оказались настолько худыми и немощными, что на них, казалось, не то что ехать, даже поклажу везти невозможно.

Экономя силы лошадей, путники всю дальнюю дорогу на Восток совершили в основном пешком, иногда проваливаясь по пояс в рыхлый снег и пробираясь буквально ползком по ранней весенней распутице. Только в конце марта 1859 года почти все члены экспедиции собрались в Хабаровке, только что отстроенной казачьей станице. Не было только Ельца и Гамова, которые задержались в пути и не смогли участвовать в работе экспедиции на основном маршруте. Об их путешествии по Приморью будет отдельный разговор.

В воздухе уже пахло весной, почки деревьев набухли, и путешественники ходили в лес добывать березовый сок. Начался весенний перелет водоплавающей птицы, только вот из-за холодной осени задерживался ледоход на Уссури и Амуре, которые очистились ото льда только 8 апреля.

Этого дня и ждали члены экспедиции. Как только прошел лед, флотилия лодок под военным

флагом отправилась в путь вверх по реке Уссури. На первой лодке находился сам Будогоский, который весьма энергично давал указания солдатам, тянущим на бичеве все лодки против течения. Ему все казалось, что те движутся недостаточно проворно, и считал, что своими окриками он подбодрит начавших уставать солдат. В таких вот ситуациях особенно ясно проявились негативные стороны характера Будогоского. Сам он испытывал преклонение перед вышестоящим начальством и не терпел, когда его собственные подчиненные относились к нему недостаточно, по его мнению, почтительно.

При въезде в станицу Казакевичаво, первый крупный населенный пункт на Уссури, экспедиция была встречена торжественным семипушечным салютом. Батальонный командир в сопровождении почетного караула отдал начальнику экспедиции рапорт. Будогоский, довольно улыбаясь, выслушал его и согласился остановиться у гостеприимных хозяев на небольшой отдых.

Вскоре экспедиция продолжила свой путь. Он был нелегким. Приходилось то тянуть лодки на бичеве, то на веслах переплывать с одного берега на другой. А. Ф. Усольцев не терял времени даром, стараясь по береговым отложениям определить геологическое строение местности.

Была работа и у топографов: они делали съемку местности.

На реке Сунгачи экспедиция разделилась: отделение хорунжего Васильева пошло к устью реки Арсеньевки. В дальнейшем их путь должен был лежать через реку Раздольную к морю, но из-за плохой погоды эта партия дошла только до Раздольной.

Основной состав экспедиции 5 мая достиг озера Ханки, которая встретила путников настоящим штормом при, казалось бы, ясной погоде и слабом ветре. Только на следующий день, когда волнение утихло, путешественники смогли спустить на воду лодки и пройти вдоль берега.

На Ханке, около устья небольшой речки, экспедиция заложила первый военный пост, назвав его Турьим Рогом. Отсюда дальнейший путь лежал на юг, через пустынную приханкайскую равнину. Усольцев позднее напишет: «Смотря на степное раздолье, так и кажется, что тут же вырастут тысячи людей и пойдут трепать эти раздольные степи и наставят они хлеба и сена на весь Амур. Но когда это еще сбудется, а теперь пока одни антилопы составляют исключительных обитателей этих пустынь; безопасность их нарушают тигр и волк... С убеждением думается, что в недалгом времени нарушится это безмолвие, и будут эти места театром разумной и обширной деятельности»⁴.

Дорога по степи несколько утомила путников однообразием, но стоило им выйти к реке Раздольной, как все воспряли духом. Буйная южная растительность, напоминающая тропические леса, поразила путешественников. Дубы, достигающие в диаметре семь футов, огромные папоротники, крепкие лианы, переползающие с одних деревьев на другие, создавали непроходимую, чащу. Люди с величайшим трудом пробирались сквозь эти дебри, прорубая узкие лазейки для своего небольшого вьючного каравана и проходя в день всего две-три версты.

Таежный воздух был наполнен благоуханием могучих лиственных лесов с примесью хвойных деревьев и обильных цветов. Зачастую путь экспедиции пересекали тигриные и медвежьи следы. Один раз путники даже попытались поохотиться на тигрицу с двумя тигрятами, но к счастью для людей она быстро скрылась в зарослях. Никто из неудачливых охотников не догадывался тогда, насколько опасен может быть этот зверь для неопытных таежников.

Так, прорубая десятью топорами девственный лес, кружась порой по несколько часов на одном месте, идя зигзагами по невесте откуда взявшимся лесным тропинкам, члены Уссурийской экспедиции пробрались сквозь чащу к устью небольшой реки, которая вывела их к морю в районе Славянского залива. Здесь густой туман и сырость заставили всех одеться потеплее. Берег, по которому путники должны были выйти к заливу Посьет, был пустынен и неприятен своей безжизненностью. Только белые скалы-кекуры, торчавшие в нескольких местах из воды, оживляли это скучный пейзаж и напоминали сказочные парусные суда.

В точно назначенный день, — такого качества, как точность и умение несмотря ни на что уложиться в назначенные сроки, у Будогоского было не отнять, — 15 июня 1859 г. путешественники разбили лагерь в западной бухте залива, названной ими тогда же в честь Уссурийской экспедиции бухтой Экспедиции.

На высоком берегу забелели палатки, на видном месте был поставлен военный флаг. Еще долгих пять дней ждали путники прибытия к этим берегам эскадры Муравьева-Амурского, но время их было заполнено осмотром близлежащей местности, приведением в порядок своих дневников, путевых заметок, наблюдений.

Вечером шестого дня в лагере Будогоского послышались пушечные выстрелы. Радость путешественников была невообразима. Все выхватывали друг у друга из рук бинокль, стараясь разглядеть вход в бухту. Сквозь вечерний туман там был едва различим силуэт парусника с высокими мачтами. Это входил в бухту пароходо-корвет «Америка». Рано утром на горизонте показалось и другое судно, 11-пушечный корвет «Воевода», который вскоре снова ушел в море.

От «Америки» отвалила шлюпка и направилась к берегу. В ней находились чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Д. И. Романов, архимандрит Аввакум и один из

офицеров «Америки». Объятиям, расспросам не было конца. На берег было доставлено продовольствие, и запылали костры. Солдаты из экспедиции после вынужденного продолжительного поста с нескрываемым удовольствием принюхивались к запахам, которые распространяли огромные котлы наваристого борща и каши. Будогоский, Усольцев и Шишмарев между тем отправились на «Америку» докладывать Муравьеву-Амурскому о результатах путешествия.

Через несколько дней в бухту зашли транспорты «Манджур» и «Японец». Они привезли для «Америки» полные бункеры сахалинского угля, и эскадра снялась в Китай. Нужно было срочно доставить в Пекин карты экспедиции Будогоского, который закончил их обработку уже во время плавания.

Но экспедиция на этом не закончилась. Несколько человек во главе с поручиком Держитаровым продолжили топографические съемки рек, впадающих в залив Петра Великого. Поручик Усольцев со своим отрядом еще двое суток провел на берегу бухты Экспедиции, определив здесь координаты некоторых точек, а затем тоже двинулся в обратный путь.

Ровно через месяц на реке Сунгачи отряд Усольцева заметил одинокую лодку, плывущую в одном с ними направлении. В шей было, несколько изможденных, оборванных людей. В одном из них по остаткам аксельбантов узнали русского офицера. К ногам его вместо сапог были привязаны дощечки, одежда ключьями висела на исхудалом теле. Это был П. А. Гамов с остатками своего отделения.

В отчете Сибирского отделения Русского географического общества за 1859 год было отмечено, что «штабс-капитану Гамову поручено было произвести определение мест в той части страны, где производились топографические работы третьим отделением, т. е. на берегу моря, по Сихотэ-Алиню и на поперечных маршрутах, по, к сожалению, офицер этот, связанный другой инструкцией, данной ему от департамента генерального штаба, не исполнил этого поручения как член Уссурийской экспедиции, почему произошел значительный пробел в ее трудах, который может быть пополнен только впоследствии»⁵.

Почему все-таки маршрут Гамова оказался неудачным? Только ли причина в инструкции, упоминаемой в отчете? Попробуем разобраться в этом подробнее и расскажем, как складывались обстоятельства работы отделения Гамова.

Ранней весной, когда еще Амур не очистился ото льда, Гамов со своим отрядом выехал из Благовещенска. К вечеру 27 апреля 1859 г. его лодки догнали отделение штабс-капитана Ельца, направляющегося примерно по такому же маршруту. Сплав протекал на редкость удачно. В пути Гамов по возможности занимался этнографическими работами, заезжая в нанайские деревни и наблюдая за жизнью и нравами местных жителей. В дневнике он отмечал: «При нынешнем политическом перевороте в стране туземцы, невзирая на последствия, лучших соболей стараются сбывать русским, что, очевидно, огорчает маньчжуров, — гольды (нанайцы) очень полюбили наших казаков и их быт и неоднократно спрашивали, скоро ли будет плыть по Амуру наш самый старший наён (граф Амурский), которого они намерены просить их принять в число казаков»⁶.

2 мая Гамов и Елец приплыли в Хабаровску, где Гамова ждало письмо, оставленное начальником Уссурийской экспедиции Будогоским. В нем указывался маршрут и точки астрономических наблюдений. Гамов оказался перед выбором: догонять ли экспедицию, затратив на это все лето, или постараться выполнить самостоятельно какую-то часть работ.

Елец, довольный тем, что его отделение имеет самостоятельный маршрут — в бухту Владимир, независимый от основной экспедиции, где находился Будогоский, призывал к этому и Гамова. Ельцу не раз пришлось испытать на себе нелегкий характер начальника экспедиции еще по дороге в Уссурийский край. Однажды, в самом начале пути, дело дошло до открытой ссоры. Будогоский требовал от Ельца не ехать в санях, а идти пешком, а на отказ штабс-капитана подчиниться стал кричать на него: «Выходите же! Вам, армейской крысе, ведь должно быть привычно месить снег пехтурой...»⁷.

Рассказывая этот неприятный эпизод Гамову, Елец все еще не мог сдержать своего гнева:

— Что мог я сделать с этим негодяем? Дать ему по роже? Да ведь о такую рожу и рук марать не хотелось: он бы, вероятно, потребовал денежного вознаграждения.

Таковыми же словами описывал Елец случившееся с ним и Венюкову, который разделял его неприязнь к Будогоскому.

Гамов тоже решил избрать самостоятельный путь не догоняя Будогоского, подняться по Уссури и определить географические координаты астрономическими способами, а также провести топографические съемки. Затем он планировал пройти до бухты Владимира и вернуться в Хабаровку.

Пока закупалось продовольствие и готовились лодки, Гамов занялся выверкой своих инструментов и проверкой определений Усольцева. Вечерние часы он коротал с командиром батальона Дьяченко. Яков Васильевич в неторопливых разговорах рассказывал Гамову об истории этого края, о трагической судьбе Албазина, бывшей столице амурской казачьей вольницы.

8 мая 1859 г. Гамов, как он писал о себе, «обвешанный в буквальном смысле хроно-барометрами и всякими астрономическими припасами — чуть не с обсерваторией на плечах», начал путь⁸. Он тепло распрощался с Я. В. Дьяченко и на двух лодках с бичевой в 40 сажень и четырьмя лошадьми, идущими вдоль берега, стал подниматься по Уссури. Плавание проходило спокойно и однообразно, лишь изредка мелькала на реке утлая лодочка местных жителей. Эти неказистые суденышки Гамов окрестил «берестяными башмаками».

Несмотря на непогоду и большую неточность карт, астроном старался произвести необходимые

астрономические наблюдения. Но скоро начались первые осложнения: сначала стала ощущаться нехватка продовольствия, а потом на неожиданном перекате разбило лодки, и только случайность позволила спастись самому Гамову. Впоследствии он писал: «Я уже вполне соглашался, что это, может, последняя минута моей командировки и житейских случайностей»⁹.

Благодаря той же случайности уцелели и приборы, и результаты исследований. Спасти все имущество помогли солдаты из отряда топографа Ельца, которые находились неподалеку.

После этого случая Гамов был вынужден отправить половину своего отряда за помощью в Хабаровку, а с оставшимися людьми продолжать исследования. Но неудачи продолжались. 2 июля случилось еще одно крушение: рулевой зазевался, и лодка, попав в стремнину, налетела на огромную корягу и перевернулась. Были потеряны ружье, оставшийся провиант, деньги, а главное, результаты определений на протяжении 1800 верст.

С трудом выбравшись из воды, весь мокрый, Гамов сидел на берегу, раскуривая папиросу из листьев черемухи, и пытался сообразить, есть ли выход из создавшегося положения. Оно казалось безнадежным, правда, горечь от потерь стала немного меньше, когда один из солдат принес сумку с бумагами, которую он нашел в полной сохранности в семи верстах ниже по течению.

Продуктов не осталось вовсе, и голод пришлось утолять дарами тайги, благо уже наступил сезон грибов и ягод. Было еще одно маленькое везение в том, что солдатам на последние гроши удалось купить у местных жителей немного проса по дешевке, но опасность голода продолжала висеть над отрядом.

Дни и ночи Гамов проводил в раздумьях. Чувство долга боролось в нем с реальностью положения. Решение далось ему нелегко: «Собрав всех своих близ пустопорожней юрты, я объявил, что она на этот раз последняя окончательность линии, пройденной русскими по Уссури и одному из ее притоков, что моря судьба не дает нам достигнуть, что надо сберечь хотя плоды понесенных уже трудов и невзгод, что необходимо возвращаться...»¹⁰

С комком в горле Гамов отдал последние распоряжения о подготовке к обратному походу, а потом отошел в чащу подальше от людей и дал волю слезам. Слезы исследователя, вызванные поражением, — что может быть горше их? «Недостаток ли это в моем организме или преимущество — не знаю — писал Гамов, — только в жизни я испытал, что задержанная слеза гибельна»¹¹.

Обратный путь совершался быстрее. В короткое время перед путешественниками промелькнули знакомые места ночлегов и стоянок. Сумку с записями и приборами Гамов держал при себе, привязав ее к поясу. Если она пропадет, считал он, то и жизнь ему будет ни к чему. Не сдаваясь судьбе, Гамов даже в это тяжелое время продолжал свои астрономические наблюдения и топографические съемки.

Между тем голод снова наступал на путешественников. Продукты давно уже закончились, и хотя тайга не давала умереть с голода, снабжая отряд ягодами, грибами, рыбой, но без хлеба, соли, сахара, круп эта пища не насыщала. В кармане у Гамова оставался один рубль, но в этих местах, так слабо населенных, его нелегко было отovarить.

На ночлег приставал и к берегу. Сырость и холод, тянувшиеся от реки, заставляли путников теснее прижиматься друг к другу. Одежда их давно истребалась, а от укусов комаров и мошки не спасала даже густая щетина, выросшая на лицах.

Казалось, все обстоятельства способствовали тому, чтобы люди опустили, потеряли человеческий облик, но Гамов-командир здесь оказался на высоте: он внимательно следил за дисциплиной в своем маленьком отряде, заставлял солдат регулярно умываться и по мере возможности следить за своим внешним видом. Сам он, несмотря на участвовавшие боли в желудке, не прекращал работу, изо дня в день вел полевой дневник, благодаря которому нам и известны многие обстоятельства этого путешествия.

Но неудачи когда-нибудь да заканчиваются. 20 июля на реке Сунгачи Гамову встретился топограф из Хабаровки, поделившийся с путниками своим запасом сухарей и сахара. Он же отдал Гамову пакет с сообщением о производстве его в следующий чин за отличие в прошлогодней командировке в Вятскую область. Штабс-капитан улыбнулся, вспомнив ту поездку: по сравнению с нынешней она напоминала прогулку за город на пикник. Тем не менее известие обрадовало его.

Встречный топограф также сообщил Гамову новости из бухты Владимира, куда он стремился, в частности, о том, что обещанное продовольствие туда так и не было подвезено. «Судьба под видом гонения, — думал Гамов, — спасла меня от похода далее пустой юрты. А что-то с бедным Ельцом?»

На следующий день была и другая радостная встреча: с двумя большими лодками, набитыми русскими солдатами и офицерами, которые направлялись на посты. 27 июля, наконец, вернулись и солдаты Гамова, посланные в Хабаровку за провизией, правда, по пути у них лодка перевернулась и один солдат погиб.

Потом произошла неожиданная встреча с отрядом Усольцева, о которой уже было немного сказано в начале повествования. Вот как ее описывает сам Гамов: «...думы бродили в голове кормчего на моей лодке, сидевшего на куче хлама в изорванном сюртуке с привязанными к ступеням деревяшками взамен сапог; кормчим же этим был я сам. Передо мной сидело подобие мое — помощник, делавший съемку, впереди в поте лица наносили удар за ударом остаткам Сунгачи, отделявшем нас еще от Ханки, два усердные, так недавно еще голодные гребца. В это время вдаль на реке заалелась небольшая плывущая точка. Мы встрепенулись и

пока успели протереть глаза, на нас летела уже во всем величии огромная в 12 весел лодка с развевающимся русским флагом, с палаткою из богатого алого драпри, сопровождаемая другим не меньших размеров, судном. То был другой астороном, член экспедиции самого Будогоского, Усольцев. По данному сигналу гребцы задержали рьяное движение флотилии, чему поводом послужили некоторые следы бывших на мне аксельбантов. Остановилась и наша неудержимая лодочка и на мутных водах Сунгачи произошло знакомство двух ученых-практиков, так непохожих один на другого...»¹²

В тот же день Усольцев пригласил Гамова пообедать с ним, и исследователь сумел убедиться, насколько различными были условия работы отряда Будогоского и группы самого Гамова. Каюта Будогоского, которую занял впоследствии Усольцев, напоминала уютную гостиную мягким диваном, коврами, барсовыми шкурами. Продуктов у отряда тоже еще оставалось вдоволь, -сказывалась практическая жилка Будогоского, которой так не хватает порой большинству ученых.

Скоро «ветхое плавательное корытце» Гамова вновь закачалось на воде. Теперь уже астроном не чувствовал себя одиноким: в эти летние месяцы пустынное раннее Приморье стало напоминать вестибюль Академии наук и Географического общества — настолько часты оказывались встречи с исследователями края.

1 августа 1859 года — новая встреча. Гамов повстречался с отрядом «неутомимого Маака», знаменитого к тому времени исследователя Дальнего Востока. Понимая важность занятий Маака, Гамов уступил ему часть своих гербариев, собранных на маршруте, а главное, отдал своего верного спутника — «маленького толмача», которого нашел еще, перед началом экспедиции в Хабаровке и который, несмотря на малые годы, стойко делил все трудности пути со взрослыми людьми, Гамов горячо попрощался с маленьким нанайцем. Расставаясь с Мааком, он с благодарностью принял от него в подарок превосходные сигары и оружейный провиант. Закончились для заядлого курильщика дни вынужденного куренья всяких листьев и травы, от которых першило в горле к болела голова.

13 августа Гамов со спутниками вернулся в Хабаровку. Не так уж много времени он отсутствовал, но казачья станица успела измениться даже за этот короткий срок. Гамову она так понравилась, что он написал заметку о Хабаровке в газету «Северная пчела»: «Представьте себе среди девственных лесов страны, близ большого притока Амура, обрывистый берег над величественной быстрой рекой и на этом утесе множество чистеньких домиков станицы с прибавкою более видных зданий... Хабаровка пользуется благоухающим воздухом, чему фактическим доказательством служит состояние здоровья здешнего батальона. При поступлении сюда этих солдат (тому 16 месяцев) одержимых лихорадкою и цингою было 70 человек, а теперь в лазарете бывает от 3 до 6 больных. Граф Амурский, подъезжая нынешний год к Хабаровке, был приятно удивлен успешным исполнением своих предположений. В увлечении он обнял командира линейного батальона майора Дьяченко, умной распорядительности которого местность обязана осуществлением всех построек, и в самых лестных выражениях изъявил начальственную признательность за деятельность и усердие. Благодаря солдат строителей, граф выразился, что обязан трудом их не станицею, а городом. Награда поистине лестная, но солдаты здешние по справедливости ее получили: и по Амуру и по Уссури все постройки воздвигнуты их руками и притом в промежутки не более двух, трех лет с небольшим. Хабаровка, например, основана не далее как за 10 месяцев при сем (если считать началом слова графа, обращенные к Дьяченко при выходе с парохода на дикий берег: вот вам провизия, люди и место), и уже, за вторичным приездом, он видит в ней не станицу, а город. В проезд мой по реке Уссури я насчитывал всего 8 станиц, а на обратном плавании ровно через 4 месяца я нашел их уже 24. Чего же после таких начинаний ожидать можно лет через 10? У благодатной страны, какою представляется мне здешний край, важны именно первоначальное усилие и энергия, в коих нет недостатка в употребленных здесь лицах. Кто только имел случай обратить внимание на все здесь происходящее в настоящее время, всякий пророчит в ближайшем будущем величайшее благосостояние страны».

В Хабаровке в штабе батальона Гамова ждал приказ, написанный собственноручно Муравьевым-Амурским, о направлении Гамова в Иркутск. Перед отъездом исследователь успел все-таки осмотреть окрестности Хабаровки. Однажды до станицы его подвез пароход, на котором плыл адъютант генерал-губернатора Д. И. Романов. И опять пошли разговоры о Приморском крае и результатах Уссурийской экспедиции.

Настала и дата отъезда. 10 сентября, в пору расцвета золотой дальневосточной осени, Гамов, погрузив свои многочисленные коллекции багажа на пароход, попрощался с Хабаровкой.

Нам остается только подвести итог деятельности Гамова в Приморье. Он собрал ценнейшую геологическую коллекцию и гербарий Уссурийской тайги. Кстати, корень женьшеня, который Гамов вывез из Приморья, в 1860 году был удостоен большой бронзовой медали Вольного экономического общества. Почти 60 бабочек из Уссурийской тайги составили его энтомологическую коллекцию. Но главными, конечно, были 45 точных астрономических определений на реках Уссурийского края. Помимо этого была проведена нивелировка по Амуру от Благовещенска до Хабаровки, топографические работы, сделанные глазомерно или полуинструментально на расстоянии 600 верст по приморским рекам.

Были у Гамова и ценные этнографические наблюдения. Из Приморья он вывез образцы одежды нанайцев культовые и бытовые предметы, модели амурских и уссурийских оморочек. Вывез он и

мысль больше внимания уделять малым народностям, ведь предвидя большое будущее богатого Приморского края, Гамоз видел в нем место и для национальных меньшинств: «...чрезвычайно много говорит с каждым днем возрастающая симпатия гольдов (нанайцев) к русским, туземцы стараются изучать русский язык, перенимают способы к ших построек, даже домашний быт, и охотно ищут работы в наших станицах и городах. Я собственным опытом удостоверился, что гольд сколько питает ненависти к маньчжурам, столько находит отрадным всякое сближение с русским. Остается только дать разумный и сильный толчок тому, на что указывает инстинкт массы»¹⁴.

Несмотря на неудовлетворенность Гамоза результатами своей поездки, итог ее, как видим, был значителен. Отличными были и результаты путешествий других отрядов Уссурийской экспедиции—Усольцева, Держитарова, Ельца, Васильева. На основе их была составлена первая подробная карта Амурской страны, присоединенной к России по Айгунскому договору, которая включала и территорию нынешнего Приморского края.

После Уссурийской экспедиции пути наших героев расходятся. Усольцев, получив повышение, стал начальником межевого управления в Иркутске, а затем и правителем дел Сибирского отдела Географического общества¹⁵. Сохранив приятные воспоминания о своем путешествии по Приморью, он особенно заботился об экспедициях, направлявшихся в этот край.

Шишмарев также получил повышение, став Ургинским консулом в Монголии. Кстати, в 1865 году он вместе с хорунжим Держитаровым прошел по Монголии, получив новые сведения об этом малоисследованном в ту пору крае.

35-летний Петр Андреевич Гамов в марте 1860 года получает за отличную службу досрочно следующий чин — капитанский. Кстати, все последующие чины ему присваивались с этой же локаничной формулировкой — за отличие в службе.

В сентябре 1873 года он подал прошение об отставке в связи с болезнью, на следующий год, получив погоны полковника, был уволен с правом ношения мундира и остался жить в Риге¹⁶.

«РУССКИЙ БЕРЕГ» ПОДПОЛКОВНИКА РОМАНОВА

Называя РУССКИМ БЕРЕГОМ тот берег, который во всех отношениях неправильно назывался татарским, автор под этим заглавием приводит выписки из своего дневника, давно уже веденного, но еще не лишнего интереса, так как в нем разъясняется история исследования залива Петра Великого...

Морской сборник, 1862

Матросы быстро пробежал» по палубе, послышался скрип плохо смазанных талей, поднимающих судовую шлюпку, через минуту застучал паровой брашпиль, загромыхал якорный канат. Пароходо-корвет «Америка» покидал Новгородскую гавань, взяв курс на Китай.

За иллюминатором слышались резкие крики чаек. Чиновник особых поручений генерал-губернатор Восточной Сибири подполковник Дмитрий Иванович Романов поудобнее сел за узкий столик маленькой каюты, положил перед собой чистый лист бумаги и написал на нем заглавие «С русского берега». Путевые наброски, которые он собирался писать, должны были со временем составить статью для одного из самых популярных изданий того времени о морских открытиях и путешествиях — «Морского сборника». Эта статья и подвела непароходо-корвета которые итоги последних плаваний вдоль приморских берегов.

«15 июня 1859 года на хакодатском рейде было только два русских судна: пароходо-корвет «Америка» под флагом генерал-губернатора Восточной Сибири и винтовой корвет «Боярин»... Первые же строки дневника вернули Романова в те дни, которые предшествовали одному из самых памятных и значительных плаваний пароходо-корвета¹.

...Стрелка морского барометра быстро падала, ветер, с каждым часом усиливающийся, гнал по горизонту хлопья туч. Все предвещало сильный шторм. Моряки с волнением следили за изменением погоды, понимая, что встретить шторм лучше в открытом море, нежели в такой неудобной бухте, как Хакодате. Сильный ураган неумолимо потащит суда к берегу, не помогут и мощные якоря, и желанная земля может легко стать общей могилой.

Но и выходить в открытое море навстречу бушующему шторму тоже не хотелось. Н. Н.

Муравьев-Амурский, выслушав мнение командира «Америки», все же приказал сниматься с якоря: нужно было спешить на юг Приморья встречать экспедицию Будогоского.

Японское море встретило «Америку» на удивление тихой погодой, и моряки, уже не думая о возможном шторме, взяли курс на мыс Поворотный. Но к вечеру следующего дня погода все же стала ухудшаться. Усилившийся ветер принес с собой большую волну и холодный туман. Вахта, а вслед за ней и остальные моряки, сменили летнюю форму на теплую одежду и дождевики.

В течение ночи волнение усилилось еще больше. Наутро уже кое-кто из сухопутных лиц, сопровождавших генерал-губернатора, не поднялся к завтраку, а самые слабые, с трудом добравшись до палубы и свесив головы за поручни, опустошали свои желудки, как говорили бывалые моряки, «бросали смычки», шуткой намекая на то, что с таким же шумом уходят за борт смычки якорь-цепи.

На второй день, 17 июня 1859 г., к вечеру, страдания укачавшихся прекратил крик матроса с салингов: «Виден берег!» Обогнув большой скалистый мыс, «Америка» неожиданно зашла в незнакомый залив, где уже а сумерках были обнаружены две бухты. Наступающая темнота не давала возможности обследовать залив более тщательно, и пароходо-корвет поспешил к видневшемуся издалека устью широкой реки, омывающей подошву высокой и крутой сопки у северной оконечности залива.

Отметка на лоте показала пять саженей, и с мостика прозвучала команда: «Отдать якорь!» Судно остановилось в совершенно тихой воде, и только свист ветра в верхушках мачт указывал на то, что где-то неподалеку в открытом море продолжает бушевать шторм. Но от него пароход был закрыт берегом, и только резкие порывы ветра, изредка долетавшие в бухту, нагоняли на воду легкую зыбь.

«Где мы?» — спрашивали все друг у друга, и не было па судне двух человек, чьи бы мнения сходились. Каждый с жаром отстаивал свою точку зрения, называя то одну гавань, то другую, и лишь в одном все были единодушны: дальше залива Петра Великого пароход зайти не мог.

Искать истину в морских картах тоже было бесполезно: по Крузенштерну в данном месте был обозначен берег, а английские карты и подавно были неполными. По своим каютам все разошлись радостно возбужденными: надо же было в туман и шторм натолкнуться на спокойный залив, будто бы нарочно открывшийся, чтобы укрыть судно от бури.

Так совершенно случайно и весьма кстати для моряков был открыт залив Америка, получивший свое название по имени пароходо-корвета.

Следующий день был посвящен исследованиям нового залива. На юго-западном направлении недалеко от якорной стоянки была обнаружена небольшая бухта, закрытая холмистыми берегами. В ней моряки приметили несколько домиков, большую лодку у берега и с десятков жителей, сбежавшихся на берег посмотреть на первое зашедшее в эти воды европейское судно.

Гавань Находка — такое название получил этот залив, и уже тогда в своих заметках Романов сделал вывод: «Залив этот может служить спокойною и закрытою стоянкой для судов даже и больших размеров; в нем удобно и близко запастись дровами, а присутствие жителей показывает, что здесь есть пресная вода»².

После осмотра залива путь «Америки» продолжался на восток, к заливу Посыет. Неожиданных находок уже не ждали: часть побережья, вдоль которого проходило судно, было в том же году осмотрено клипером «Стрелок», впервые описавшим острова Аскольд и Путятин. Имея на борту эту карту, «Америка» довольно смело прошла проливом Аскольд между этими островами.

Вскоре за кормой остались привлекшие всеобщее внимание пять скал, торчавших из воды, как пять пальцев, и потому и получивших такое название, широкий Уссурийский залив, и «Америка» вошла в пролив Босфор Восточный.

Пролив Босфор Восточный, бухта Золотой Рог, порт Владивосток... Как много значат эти слова для дальневосточников, а ведь можно считать, что именно экипаж «Америки» дал этим местам, знакомым всем приморцам, привычные нашему слуху названия.

В те далекие годы открытий и первых исследований дальневосточных берегов, когда новые названия возникали быстрее, чем их успевали занести на карты, немало было споров и затруднений во всем, что касалось географических наименований новых мест. Залив Императора Николая, например, ныне Советская Гавань, был открыт русскими в 1853 году, но это не помешало англичанам через три года переименовать его в залив Барракуда.

Частая путаница с названиями происходила из-за незнания мореплавателями предшествующих географических описей, из-за различного прочтения названий, переводимых с других языков. Так, залив Де-Кастри переводчики превратили в Гитре, залив Гуэрин — в Гверин и т. д.

В своей работе Романов поставил па широкое обсуждение этот серьезный вопрос о приоритете русских названий для русского берега. Он писал: «Таким переделыванием иностранных имен на русский лад создаются новые названия, уже не русские и не иностранные, а просто непонятные. А раз попав на морскую карту, названия до такой степени усваиваются, что нередко случается встретить русского моряка, знающего по-английски и по-французски, руководствующегося и иностранными, и русскими картами, «о все-таки пишущего в своих донесениях имена Гитре и Гверин и т. п. Поэтому чем коверкать иностранные имена па русский лад, не лучше ли сразу назвать все части русских владений совершенно русскими именами. Если англичане имеют право изменять русские имена русских овладений на свои собственные, то неужели же мы не можем

РУССКУЮ ЗЕМЛЮ назвать ПО-РУССКИ... Скажут, что для этого придется изменить все названия, данные первыми открывателями; но к настоящему случаю это неприменимо уже потому, что иностранцы здесь ничего нового не открыли, а только придали более верное очертание... давно известному»³.

...При выходе из залива Петра Великого около устья реки Суйфун с «Америки» увидели корвет «Новик», который уже дожидался членов экспедиции Будогоского. Здесь же, в Амурском заливе, оба русских судна переночевали, а на следующий день, 19 июня 1859 года, «Америка» пошла в Посыет. «Новик» же встал на якорь у Токаревского пролива с заданием направлять в Посыет все суда эскадры Тихого океана.

На пути в Посыет пароходо-корвет «Америка» внимательно исследовал Славянский залив, куда он зашел, чтобы переждать сильный туман, и несколько островов, получивших название Герасимова и Астафьева. Около этих островов и начинался залив Посыет, верхняя, более узкая часть которого называлась рейдом- Паллады.

Первые исследования, первые описания приморских уголков... Но участники их, в том числе и Романов, уже тогда мечтали о будущем недавно открытых бухт, заливов, островов. «Итак, все это пока в будущем,— писал Романов,— может быть, и в недалеком будущем, до которого многим из нас суждено дожить. Ведь дожили же мы до открытия залива Петра Великого и до присоединения его вместе с Амуром и со всем побережьем Японского моря к русскому государству. А как это казалось отдаленным десять лет тому назад, т. е. в 1849 году, когда в первый раз открыли устье Амура»⁴.

Встретив в Посыете экспедицию Будогоского, «Америка» снялась в Китай и 1 июля 1859 г. бросила якорь в гавани Вей-хайвей. Вскоре после этого в «Санкт-Петербургских новостях» появилась небольшая статья следующего содержания: «...начальник нашей демаркационной комиссии, подполковник Будогоский, отправляется в Пекин для утверждения окончательной пограничной черты русских владений в Манчжурии. По этой черте весь приморский берег Манчжурии, прикасающийся к Японскому морю, и как по исследованиям оказалось, никому не принадлежащий, замешован в черту русских владений. Южная часть этого берега, близ Кореи, значит, в широте закавказских провинций, оказывается изрезанною таким количеством самых отличнейших бухт и гаваней, что едва ли можно найти другой берег в мире, где бы на таком малом пространстве прекраснейшие гавани следовали одна за другою в таком количестве, что трудно выбрать и определить, которая из них лучше. Знаменитая Севастопольская гавань и Золотой Рог в Босфоре должны уступить первенство здешним гаваням и бухтам. Вблизи этих гаваней местность покрыта девственными тропическими лесами, перевитыми лианами, в которых дубы достигают диаметра одной сажени. Образцы этой гигантской растительности изумительны и никогда нами не были еще видимы; подобное что-нибудь можно встретить только в лесах Америки. Какая великая будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название залива Петра Великого, недаром лучший из портов назван Владивосток, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, незапертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком. Здесь все дары природы сосредоточены в одну группу и способны развить сильную колонизацию и сильное торговое движение»⁵.

Блестящее описание нашего края, не правда ли, и какое точное предвидение его будущего на столетие вперед! Вы, конечно, заметили, что в этом описании, относящимся к середине 1859 года, уже встречается название Владивосток. Правда, означает оно не город и даже не пост, которых тогда еще в помине не было, а, как отмечает историк А. И. Алексеев, «...под таким названием имелось в виду морское значение слова «порт»: моряки иногда называли именно так хорошую бухту, словно бы самой природой приготовленную к тому, чтобы в ней был устроен порт»⁶.

До сих пор нет точных сведений, кто же дал Владивостоку это красивое и справедливое название. Известно, что оно появилось в газете, а затем и на картах вскоре после того, как пароходо-корвет «Америка», следуя за Будогоским из Николаевска в Новгородскую гавань, зашел на короткий срок в бухту Золотой Рог.

Статья для «Санкт-Петербургских ведомостей» была написана сразу же по горячим следам на «Америке», и Будогоский отвез в Пекин, откуда она тотчас же ушла с курьером в Санкт-Петербург.

Фамилии автора под статьей нет, но если мы полистаем подшивку тех же газет, то сможем встретить еще одну похожую статью о южном Приморье, в частности, о заливе Петра Великого. Он, читаем в статье, «...вообще так мало известен по настоящее время, что о нем нельзя сделать никаких положительных выводов. Вся эта группа гаваней и заливов лежит приблизительно в одинаковой широте с Владикавказом, и Сухум-Кале»⁷.

Эта статья была написана 15 декабря 1858 года тогда еще капитаном Д. И. Романовым, постоянно сотрудничавшим с «Русским словом» и «Санкт-Петербургскими ведомостями», в которых он публиковал прекрасные статьи о дальневосточном крае, его природе и людях.

В одной статье — «широта Владикавказа», в другой — «широта закавказских провинций». Это сходство формулировок вместе со сходством стиля позволяют предположить, что обе статьи написаны одной рукой — Д. И. Романова, который сопровождал Н. Н. Муравьева-Амурского в его поездках вдоль приморского побережья. Романову, скорее всего, и принадлежит идея назвать новый порт на Тихом океане по аналогии с Владикавказом Владивостоком.

Сейчас, по прошествии ста с лишним лет, можно с уверенностью сказать, что более точного названия для этого морского порта и нельзя было придумать. «Из Владивостока мы как будто навсегда прорубили себе окно для выхода на восток, — писала в 1878 году морская газета «Яхта», — на обширные воды Тихого океана, омывающего богатейшие берега Азии, Америки и Полинезии, подобно тому, как Петр Великий, положив основание Петербургу, прорубил нам окно для выхода на запад, на воды океана Атлантического. Если окно Петра Великого можно уподобить окну во двор (Балтийское море), из которого все же неловко выходить через узкие ворота (Зунд и Бельты), то Владивосток уподобляется окну на улице (Японское море), выход из которой на обширную площадь, Тихий океан, открыт нам широко через просторные и удобные ворота (Сангарский, Лаперузский и Корейский проливы)»⁸.

УГОЛЬ ПОСЬЕТА

В этих строках не ищите упрека с моей стороны на скучную жизнь, на лишения; нет, я совершенно счастлив, что один и работаю самостоятельно, без примеси других, работаю по совести и желал бы, чтобы в сей момент приехал ревизор николаевских времен; тогда бы он сказал: увы! одной взяткой меньше, с этого господина не стянешь.

П. Н. Назимов. 1860

Там, где небольшая сопка полого спускается к самому берегу одной из бухт залива Пооьет, ничто сейчас не напоминает о событиях более чем столетней давности. По едва заметным огромным ямам, заросшим густой травой, никто и не догадается, что здесь были знаменитые посъетские каменноугольные копи. Когда-то рядом с ними располагался и русский пост, но только по старым картам можно определить это место, выбранное моряками для самого первого своего поста в заливе Петра Великого.

Кажется, что вот здесь, у каменистого берега сошел со шлюпки и 1859 году Муравьев-Амурский, который по воспоминаниям участника Уссурийской экспедиции А. Ф. Усольцева «...осматривал берега и окрестности залива так внимательно, как будто тут предполагал воздвигнуть целый город. Нет сомнения, что он восхищался заливом и его окрестностями, сулившими вместить в себя значительные поселения, а гавань — притон для многочисленного флота»¹.

Примерно в те дни командиром клипера «Воевода» П. К. Матвеевым здесь был обнаружен каменный уголь, в котором моряки нуждались куда больше, чем в новых гаванях.

До этого в топки русских кораблей на Дальнем Востоке кочегары кидали уголь, взятый либо в Дуэ, что на севере острова Сахалин, либо в японском порту Хакодате. Вот почему моряки, кровно заинтересованные в новых местах для бункеровки, сами, не дожидаясь геологов, постоянно вели поиски угля.

Что касается Матвеева, то он обнаружил каменный уголь совершенно случайно: увидел черные куски в доме у одного из местных жителей и, заинтересовавшись, узнал, что неподалеку их очень много.

Новость о находке в Посъете дошла до командира русской эскадры И. Ф. Лихачева, который немедленно отправил в Приморье лейтенанта Павла Николаевича Назимова, занимавшегося в то время в Японии поисками угля.

В первых же строках предписания, врученного Назимову, была предельно кратко и емко сформулирована цель его предстоящей работы: «Как скоро будет устроено жилье ваше и все нужное для помещения команды, вы тотчас приступите к разработке каменного угля для эскадры Китайского моря»².

Уезжая из Хакодате, Назимов запасся инструментами для ломки каменного угля, а также необходимыми материалами для устройства лагеря в местности, где до тех пор еще не было русских поселений. Все это было погружено на транспорт «Японец», который 8 апреля утром

вышел из Хакодате и уже 11 числа прибыл в Новгородскую бухту.

Свою жизнь в Посъете молодой офицер подробно описал в дневнике, который он назвал журналом работ в гавани Посъет. Современным читателям он может быть известен только по ссылкам в работах некоторых историков, а между тем этот дневник представляет собой интересный документ — и не только о первых разработках угля в Приморье, но и в целом о жизни и быте русских моряков, ставших по воле случая углекопами. В этом вы убедитесь сами, прочитав эти записки в сокращенном виде.

ЖУРНАЛ РАБОТ В ГАВАНИ ПОСЪЕТ ³

12 апреля. В 5 часов пополудни я и мичман Бенкович отправились на берег осмотреть место ломки каменного угля и избрать место для лагеря. В 7½ часов были обратно на транспорте. В 8 часов утра начальник эскадры г. Лихачев, находящийся при нем капитан-лейтенант Пушкин и я отправились на берег. Осмотрев ломку и местность, г. Лихачев одобрил выбор места и отдал приказание приступить к перевозке на берег команды, ее багажа и провизии. После полдня только что отправился первый рейс с вещами. К 6 часам вечера все было перевезено; команда уже ночевала на берегу во временной палатке. При команде назначен в помощь мне мичман Николай Бенкович. Матросов 21 человек, фельдшер 1 и кондуктор артиллерии 1.

13 апреля. Транспорт «Японец» снялся с якоря в 7 часов пополуночи. Мы остались одни на пустом полуострове. Часть команды ставила настоящие палатки, другая часть переносила вещи, оставленные на берегу у пристани. В эту ночь офицеры и команда ночевали в настоящих палатках. Весь багаж и провизия разобраны и уложены на настоящие места. К вечеру поставлен флагшток на хребте горы над лагерем.

14 апреля. Перенесены последние бочки с провизией в лагерь. Выкопали новый колодец в балке и поставили гребные суда на дрек, так что из лагеря, расположенного на горе, они хорошо видны.

После обеда полный отдых команде после тяжелых двухдневных работ.

15 апреля. Выстроили лагерные службы.

16 апреля. Приступил к разработке угля. Окопал палатки и службы водосточными канавами.

17 апреля. Воскресенье. Команда мыла белье и койки. После обеда отдых.

18 и 19 апреля. Окопали рвом весь лагерь и ломали уголь.

20 апреля. Я отправился на пятивесельном яле осмотреть устье реки Тюмени. По свежести ветра и раскатывающемуся буруну на бере в реку не вошел, к тому же гребцы были заморожены пятичасовую греблей против свежего ветра. По-видимому устье реки не судоходно даже для гребных судов.

В Посъете ломали уголь.

23 апреля. Утром баня и мытье белья. Вечером чистка ружей.

24 апреля. Воскресенье. Вскопали огород и сделали гряды утром. После обеда отдых.

25 апреля. Ломка угля. Изготовление гребного судна и провизии для экспедиции. Огородили огород и засеяли.

26 апреля. Отправил экспедицию под начальством мичмана Бенковича на материк в залив Гверин (Амурский). Ломали уголь.

27 апреля. Осматривал берег бухты, по пройденному месту нет ни речек, ни ручьев. Нашел уголь в новом месте; оказался лучше первого; оставив старую разработку, начал на новом месте. Проба угля оказалась весьма удовлетворительна.

28 апреля. Расчистка нового места. Дождь. После обеда по случаю сильного дождя команда в палатке занята была починкою и пересмотром вещей.

29 апреля. Ломка угля в двух местах, но неудачно. Каменная гора рушилась, но благополучно; я сам был в подкопе и выйдя из него сказал «Шабаш». Люди утомленные немедленно вышли, а за ними вслед обрушилась гора, так что они должны были еще бежать, чтобы не ушибло щебнем.

30 апреля. Тщетные поиски нового лучшего угля.

2 мая. Расчистили землю на протяжении 20 сажень, достигли пласта хорошего, но мелкого угля, но по мягкости грунта гора осыпается и добывание угля при всех усилиях делается невозможным. Для подстав же лесу нет ни кола.

Сегодня впервые услышал пение команды после ужина, но песни все унылые; разлука с родиной, неимение постоянного жилья, что-то похожее на ссылку; я им не мог противоречить, соглашаясь с ними -вполне, но подсказал спеть веселую. Она не склеилась. Что же делать? Первая тихая и теплая ночь.

3 мая. Добыто весьма малое количество угля, остальное время занимались расчисткой места от осыпающейся горы. В пять часов пополудни термометр + 6R, туман, ветер и дождь.

4 мая. Перед обедом собрали кубическую сажень камня и сложили русскую печь. Работу эту сделали в пасмурный день с целью избежать пыли, вредящей глазам. Если бы делать печку и добывать камень в сухую погоду, камень надо спускать с горы и потому летит пыль. После полдня пошел дождь и шел всю ночь, работы не было.

5 мая. Пасмурно, но без дождя. Окончили кладку русской печи, другая часть команды занята расчисткой местности, засыпанной горою угля.

6 мая. Переносили уголь в одну кучу. Начали появляться змеи. Для развода живности в гавани Посьет посажена сегодня японская кура на 15 яиц. День просидела прилежно, через 21 день вывела двух цыплят, остальные по неумению обращаться задавлены или оставлены в яйцах.

8 мая. Воскресенье. Утром команда вскопала огород под картофель. После обеда команда гуляла. Ходил впервые на охоту; убил пять куликов и утку.

Весь день пасмурно и густой туман.

9 мая. Приступил к постройке каменной казармы с кухней на 24 человека. Сложили часть кухонной стены. Дверные косяки сделал из разобранной бочки. Пробовал русскую печь; мало натопили, и поэтому хлеб не совсем выпекся.

11 мая. Строили казарму. Вечером возвратилась экспедиция Бенковича. Все благополучно. Все здоровы.

12 мая. Продолжали постройку. Вечером после ужина одна стена, совсем возведенная, рушилась до основания вследствие дурной кладки.

14 мая. На двух шлюпках команда в числе 11 человек отправлена на противоположный берег на рубку леса для крыши, привезли 42 штуки; лес таловый и черемуха.

16 мая. Утром поставили стойки, стропила и орешетили крн-шу. Дождь.

17 мая. Работы не было по случаю проливного дождя целые сутки. +7 К.

18 мая. Воспользовался ясным утром, покрыл крышу казармы, и команда перебралась. После обеда проливной дождь.

19 мая. Приступили к постройке офицерского дома, мерою на 2 и 3 сажени.

21 мая. Кончили дом, поставили стропила, покрыли крышу. К вечеру все вещи уже на местах, и мы обедали на новоселье.

В полдень прошло судно, трехмачтовый барк, под парусами, в бухту не заходило.

23 мая. Тщетное отыскание лучшего угля в других местах.

24 мая. Вырыли новый колодец около угольной ломки. Работая на старой, т. е. на 2-й ломке, дошли до хорошего угля в двух местах.

25 мая. Добывали уголь из двух ям, спустили еще много горы и открыли третью мину.

27 мая. Ломали уголь и снимали гору. После обеда дождь, работы не было. Дождь шел всю ночь.

У меня заболело горло, кажется, нарыв делается. Показались цыплята у курицы № 1, посаженной 6 мая.

28 мая. Утром рано дождь. В 8 часов пошли на работу, наломали угля порядочное количество и снимали гору. После обеда дождь мелкий, но постоянный.

30 мая. Добывали уголь из одной мины, остальная команда вскрывала две другие, завтра надеюсь начать разработку во всех четырех минах. Проглядели все глаза, смотря в море, не видно лисудов; осталось провизии на 12 дней, а получить новой неоткуда, хоть пускаться на грабеж, но и грабить некого и нечего.

31 мая. Добывали уголь из четырех мин. В верхней, крайней мине повел коридор влево, параллельно берегу, из опасения, чтобы идя вниз не обрушилась гора.

1 июня. Добывание угля идет успешно; как долго это продолжится, одному богу известно, и я молю его, чтобы дал окончить работу так же благополучно, как начал.

Заготавливал вехи для промера бухты, дабы суда наши могли подойти ближе к угольной ломке.

Пасмурно, постоянно мелкий дождь, туман, ветер. Холодно; сожалею, что так беден, что не в состоянии завести себе шубу и пригреть тело свое, расстроенное и постоянно беспокоимое ревматизмом, а как бы хорошо и полезно было надеть хорошую хребтовую енотовую шубу.

2 июня. После обеда на двух шлюпках сделал промер и поставил вехи для промера судов в бухту, к каменноугольной ломке.

3 июня. Добывали уголь из трех мин. Отыскались какие-то грибы в траве; попробовали их есть, желудки терпят, мы и давай ими разнообразить наш стол.

В первый раз купался, ужасно холодно.

6 июня. Добывали уголь; в галереях уже темно, должно начать жечь огни.

Пасмурно, туман. Заставил сделать сетку для рыбной ловли, ибо нашел ход рыбы, первая горбуша.

7 июня. Разработка угля. Туман ночью был так густ, что падал крупными каплями, как дождь, пробил насквозь мою нежную крышу, и я спал как в ванне; при этом спрашивается, как изба виться от ревматизма?

Сетка готова, на ночь поставлена в воду для ловли рыбы. Туман, ничего не видать.

8 июня. В первой мине наверху уголь кончился. В третьей ми не уголь идет круто книзу, уклоняясь галереей влево, по направлению лучшего пласта. Из этой галереи добывание угля наверх затруднительно: носилки насыпаются внизу в яме и поднимаются из ямы на конце, почему большая порча носилок, коих весьма мало и те сделаны собственными средствами.

9 июня. После обеда пошел сильный дождь, работ не было. Исправляли носилки.

Измерив протяжение разработанных угольных копей в длину, ширину и высоту и составив общий параллелепипед, вычислил объем его для приведения в известность разработанного угля.

Принимая кубический фут угля весом 89 фунтов, вышло всего 65 тонн. Весьма мало, судя по времени в два месяца, но взяв в расчет трудность вскрытия пластов, не имея ни леса, ни кола, отсутствия пяти человек в разные экспедиции, расход по лагерю, я никогда не имел на работе более 15 человек; главное же отнимает время отыскивание угля в других местах полуострова. Теперь я эти поиски оставил, имея 4 мины под киркою, в коих 4 забойщика постоянно ломают уголь.

10 июня. Дождем размыло над минами, и гора с дерном обрушилась, засыпала две мины совершенно. Вода необыкновенно высока, вдоль берега подступила под самый утес, так что не было проходу.

11 июня. Несмотря на дурную погоду, я выслал команду на работу расчистить мины, пока на них мало земли, а если оставить землю, то она слеживается в массу и через сутки пришлось бы разбивать кирками, как бы непочатый грунт. Да еще вдобавок дождь продолжал лить, так что надо было ожидать еще падения горы, что и случилось: только что команда отшабашила перед обедом, расчистив мины, гора снова обрушилась и завалила попрежнему. В ночь ожидаю еще падения.

13 июня. Утром расчищал мины от обвалившейся земли, а так как погода ясная и дала надежду простоять такую целые сутки, то вскрыл крышу на казарме, чтобы просушить казарму, вынес весь багаж и койки на воздух.

14 июня. Приказ, отданный по команде в гавани Посьет 14 июня 1860 года:

1. Так как провизии остается на семь дней, на приход же судов верно рассчитывать нельзя, то предписываю содержателю по комиссарской части, артиллерийскому командиру Арсеиёву с завтрашнего дня обратить особое внимание на соблюдение экономии в провизии.

2. По случаю уменьшения выдачи регламентной порции провизии работы уменьшаются, и впредь до другого моего приказа производить так: утром до обеда занимать команду необременительными лагерными работами и рыбным промыслом. После обеда на каменноугольную ломку.

3. С завтрашнего дня назначать по одному сигнальщику посменно к флагштоку; сигнальщикам смотреть в море и возвещать о показавшемся судне подъемом флага.

4. К облегчению в работах я принял во внимание не столько уменьшение регламентной порции, сколько добросовестный труд нижних чинов вверенной мне команды: угля наломано порядочное количество и открыто четыре коридора для ломки, что нахожу весьма удовлетворительным при всех затруднениях, встречавшихся на пути работ. О чем донеся в свое время высшему начальству, я вполне надеюсь передать вам, ребята, его большое спасибо.

...6. Если найдется материал для плетения рыбной сетки, то сплести оную больше первой, длиною сажень шесть или восемь. Приказ отдан и прочтен при собрании всей команды.

16 июня. Утром привели гребные суда в порядок. Вечером ломка угля. Во второй и в третьей мине в концах углублений просачивается вода. В нижней мине между углем пошел слой какой-то руды в разных видах. Руда состоит из блестящих серебряных пластинок, но что именно это, сказать не могу, потому что не? имею никаких средств к распознаванию и разложению руды.

18 июня. Со своего огорода имели свежую репу и редьку.

20 июня. Два с половиной месяца — срок, на который меня прислали в гавань Посьет — кончился, а вместе и провизия, отпущенная на тот же срок, кончилась. Благодаря благоразумной экономии в провизии, живем или будем жить этой экономией, делая вторичную из экономии, уж это благодаря неблагоразумию пославших меня. По-видимому, принимаясь за большую операцию, как разработка угля, начальство рассчитало истратить на это только сто долларов, что и было в действительности, мне отпустили сто долларов и слиток серебра, который нет возможности в ход пустить; на это сокровище я должен был приобрести инструмент для каменноугольной ломки, посуду для варки пищи команде и материалы для постройки жилья; известно было ранее, что в гавани Посьет нет веника, чтобы париться, так и случилось.

Буду ждать у моря погоды.

На устройство поста в гавани Посьет и инструменты с покупкою провизии в три месяца издержано всего 93 доллара, а слиток серебра сдан Казакевичу и имеется расписка.

21 июня. В 5 часов пополудни увидели паровое судно, идущее с моря, то был транспорт «Манджур». Я поехал на «Манджур» и убедился, что само Провидение прислало его нам. В Николаевске не знали, что пост в гавани Посьет занят, потому и прислали линейных солдат на сей предмет.

Во время пребывания «Манджура» в гавани моя работа остановилась по причине ломки угля для «Манджура» его командой, мои же матросы были указчиками в минах.

На «Манджуре» привезли новую карту Манджурского берега, испещренную новыми именами: так, гавань Посьет перекрестили в бухты Новгородская и Экспедиции, первая соответствует Порт Луи, вторая — Наполеон-роуд.

Угольная ломка находится в заливе Экспедиции, этого должно быть не знали при назначении поста в Иркутске и предписали поселить в Новгородской бухте; поручили адъютанту поляку по фамилии Кукель. Прибыв в залив, карту положили на стол и давай смотреть, какая бухта

Новгородская, от какого мыса надо ее считать, решили считать от того места, где поставлена первая буква Н. От этой буквы и начали искать место для лагеря; воды пресной нигде нет на этом берегу, перебрались на шлюпке на другой берег в Новгородской же бухте, нашли болото, заметили и записали в число удобных мест для поселения.

По окончании розысканий оказалось три места для лагеря удовлетворительными: первое — ровное место, удобное для построек, но воды нет; второе — неровное, лагерь от огорода отделен горою, но воду добыли, вырыв колодец; третье — на другом берегу «около болота».

Капитан «Манджура», осмотрев все места, нашел их неудобными и предложил занять лагерь ближе к угольной ломке, тогда адъютант сказал ему, что он имеет приказание поставить пост в гавани Новгородской, а уголь находится в бухте Экспедиции, а потому этого сделать нельзя. Итак, поселили около буквы Н.

Выгрузив привезенное для поста имущество, «Манджур» наломал себе угля и ушел в море.

1 июля. В выходе встретил пароход «Америка» под флагом контр-адмирала Казакевича; сигналом «Манджуру» велено возвратиться и идти за «Америкой». Адмирал Казакевич, придя в гавань Новгородскую, бросил якорь против лагеря. На другой день поехал осмотреть место угля и мой лагерь. Нашел, что мой лагерь расположен на месте и отвечает условиям своего назначения, приказал линейный лагерь перенести туда же. Ропот и негодование посыпались со стороны поляка адъютанта: зачем соединяют две разнородные команды вместе и зачем не в Новгородской бухте, но адмирал Казакевич объявил, что тут селиться есть цель, и вода Новгородской гавани так же хорошо будет видна часовому на хребте, как и вода бухты Экспедиции, и поэтому нет причин держаться буквально приказаний. Поселились и начали строить казарму.

«Манджур» отослал в залив Владивосток. «Америка» снялась 11 июля, отплыли в залив Славянский, оттуда во Владивосток, Прекрасная гавань, много леса елового и дуба, в воде затруднения. Оставленный там пост начал строить казарму.

Осмотрев рубку леса, снялись с якоря и пошли в Хакодате, куда-и прибыли 20 июля.

Я представил краткий отчет занятий в Посъете.» После отъезда Назимова Новгородским постом стал командовать капитан Иван Францевич Черкавский, командир роты 4-го линейного батальона. Первоначальной задачей его было всего лишь обустройство поста, но вскоре Иркутское начальство решило возложить на капитана дополнительные обязанности по дальнейшей разработке угля, а значит, и на его поиски: имеющихся месторождений было явно недостаточно.

Больному Черкавскому ничего не оставалось, как заняться поисками, но вблизи Посъета новых залежей обнаружить ему не удалось. Тогда он отправился во Владивосток, где первым делом встретился с лейтенантом Е. С. Бурачком. Тот отнял у офицера последнюю надежду:

- Не тратьте время даром, дружище, — посоветовал Бурачек. — Мы обшарили все здешнее побережье, но увы, никаких следов угля.

- Неужели, так уж никаких? — с досадой допытывался Черкавский, задыхаясь от кашля.

- Впрочем, если хотите, мы можем съездить к устью Суйфуна, — предложил Бурачек. — Это верст 25. Один наш лейтенант что-то обнаружил там, но вот какие окончательные результаты, пока не ясно.

Дорога была тяжелой. При скорой езде кашель Черкавского усиливался, и приходилось всячески сдерживать лошадей, чтобы не усугублять страдания. Несколько раз Бурачек предлагал товарищу вернуться во Владивосток и предоставить ему одному заняться поисками угля, но добросовестный служака, Чернявский никак не соглашался на это.

- Вам все равно, будет найден уголь или нет, — с трудом говорил он, — а для меня это вопрос всей оставшейся жизни. Я положился на своего штейгера и донес начальству, что у меня за эту зиму в Посъете будет добыто не менее 50 000 пудов, а на поверку вышел нуль... Что со мной теперь будет? Ведь мне остается прослужить еще полтора года, и исполнится двадцать пять лет службы. Получил бы я тогда пенсион половинного оклада, а может, если начальство подберет, и две трети дадут, сюда же подъемные... И могу я ехать тогда куда захочу...⁴

Черкавский так и не дождался заманчивого пенсионера: через несколько месяцев в посту Посъет, на берегу Постовой бухты забелел деревянный крест.

Что касается П. Н. Назимова, то он «а некоторое время распрощался с Дальним Востоком и вернулся сюда в середине 70-х годов прошлого века уже командиром парусного корвета «Витязь». За его кормой было кругосветное плавание из Балтики в Тихий океан. Именно тогда в заливе Астролябия в северо-восточной части острова Новая Гвинея с борта «Витязя» сошел мало кому еще известный молодой ученый Н. Н. Миклухо-Маклай.

НЕУТОМИМЫЙ МААК

Задача — положить начало специальному изучению этого края выпала на **мое** долю; до меня он хотя и был посещаем путешественниками, но только проездом иа весьма короткое время. Таким образом, мое путешествие было первое, предпринятое для исследования Уссурийской страны.

Р. К. Маак. 1864

Шла зима 1859 года. Ветер с силой бросал хлопья снега в большие окна академической библиотеки, где было тепло и уютно и совсем не ощущалась петербургская стужа. За большим столом склонился над книгами человек лет тридцати с худощавым лицом, обрамленным пышными бакенбардами. Это был Ричард Маак, прозванный всеми Неутомимым за свою способность с легкостью переносить все тяготы пути.

Работалось ему хорошо, как никогда. На днях цензор В. Бакетов замысловатым почерком вывел на его рукописи резолюцию «Печатать разрешается», и скоро увидит свет роскошный том «Путешествия на Амур», итог последней, очень трудной девятимесячной экспедиции Маака по Дальнему Востоку¹.

Совершено оно было на деньги, вырученные от продажи полпуда золота, которые пожертвовал на благое дело известный меценат иркутский купец С. Ф. Соловьев, член-соревнователь Сибирского отдела Географического общества. Звание это, скорее почетное, чем научное, было специально введено для тех, кто своими деньгами помогал расширению знаний о новых землях.

Не надо думать, что ими двигала только чистая любовь к науке. Чаще всего купцы и промышленники — а им-то в основном и присваивалось это звание — сами были не меньше ученых заинтересованы в исследовании новых земель и их скорейшем освоении.

- Прошу покорнейше извинять меня, — оторвал Маака от работы тихий голос служителя. - Вам пакет из Императорского Географического общества.

Разломав большую сургучную печать, Маак извлек из конверта письмо правителя дел Сибирского отдела и на несколько минут углубился в чтение. Когда он, наконец, оторвался от бумаги, довольная улыбка скользнула по его лицу. Письмо содержало предложение заняться организацией экспедиции в абсолютно неизвестные места — Уссурийские земли.

- Лестное предложение, — подумал Маак, вновь перечитывая письмо, — принести любимой науке свою долю изысканий в неисследованном ни в каком отношении месте.

Предложение, действительно, было заманчивым. И не только потому, что путешественнику выпадала редкая возможность первому пройти неизвестными путями, но и потому, что путешествие позволяло ему продолжить знакомство с Дальним Востоком.

Маак к тому времени уже немало постранствовал. Он побывал в Якутии в составе Виллюйской экспедиции, участвовал в историческом втором сплаве по Амуру, организованном Н. Н. Муравьевым-Амурским, и дальневосточные земли продолжали привлекать внимание ученого.

- Мне придется во многом исправить и расширить свои первые наблюдения в тех местах, а может, в следующей моей книге появится полная картина посещенных мест, — подумал Маак.

...16 марта 1859 года быстрая тройка унесла Маака в Иркутск. Довольно быстро закончил он все формальности по оформлению документов для экспедиции, ознакомившись с материалами экспедиции М. И. Вёнюкова. Маак сожалел, что он опоздал и не смог присоединиться к Уссурийской экспедиции Будогоского, которая еще в январе этого года покинула Иркутск.

Основная экспедиционная подготовка проводилась в Чите, и она была почти закончена Мааком в одиночку. Охотников уйти в трудное путешествие не нашлось, но тут помог случай: сотрудник Сибирского отдела молодой этнограф А. Д. Брылкип взял на себя часть хлопот.

В конце апреля 1859 года, как только закончился ледоход на Ингоде, одном из верхних притоков Амура, оба путешественника да еще казак, которого смогла выделить в помощь ученым администрация Восточной Сибири, погрузились в большую лодку, за которой на буксире тянулась другая, с провизией, и отправились в далекий край.

Поскольку у путешественников совсем не было гребцов, кроме одного казака, им приходилось нанимать людей в деревнях, которые встречались по берегам реки. Несмотря на задержки, связанные с этим, лодки быстро двигались вперед благодаря сильному течению реки, вызванному проливными дождями в верховьях и обильному таянию снегов в горах.

Целый месяц понадобился путникам, чтобы добраться до Уссури. 5 июня 1859 года они ступили на рубеж области, назначенной им для исследований.

В этом месте Амур делился на два рукава, один из которых, идущий вправо, вел к реке Уссури. Сильный лобовой ветер, встречное течение да густой туман затрудняли плавание, но длительные стоянки, необходимые для отдыха, давали возможность Мааку начать сбор фауны и флоры на островах и низменных берегах.

Он успел совершить поездку в Хабаровку, где нанял еще троих человек, но и этого количества не хватало, чтобы двигаться быстрее.

Ежедневно они проходили 15—20 верст. Двое находились у руля, остальные, впрягшись, как тогда называли, в бечеву, тащили тяжело нагруженные лодки вверх по течению. Все тяготы пути

делились поровну на всех, естествоиспытателей отличало от нанятых ими людей лишь то, что во время стоянок они не столько отдыхали, сколько обследовали близлежащую местность в поисках интересного материала.

Помимо этого ежедневно три раза в сутки через равные промежутки времени проводились метеонаблюдения: снимались показания барометров, что были взяты Мааком в Пулковской обсерватории, замерялась температура воздуха.

Уссурийская тайга поражала воображение путешественников. После скудной природы верховий Амура, где они были ранней весной, радостно было очутиться среди пышной южной зелени. В своем дневнике Маак тогда записал, что «природа в этих местах уже давно кипела жизнью, в особенности же растительное царство и насекомые представляли много замечательного».

Правда, с царством насекомых путникам пришлось познакомиться не с самой приглядной стороны: в течение всего дня им не давал покоя гнус, тучей висевший над людьми. Вместо пяти—шести «мелких кровопийцев», как называл их Маак, прихлопнутых на шею или на лицо, прилетали десятки других.

Только вечерами, когда путешественники разбивали бивак, стараясь расположиться на открытом, обдуваемом ветром месте, они находили спасение от надоедливых насекомых.

Чем дальше экспедиция углублялась в незнакомые места, тем большим нетерпением горел Брылкин, ожидая встречи с местными жителями, гольдами. Он специально разыскивал их в мелких протоках, где гольды в это время года занимались рыболовством, и на отдых тогда путешественники останавливались в местах стоянки здешних жителей.

Так, увидев в чаще леса берестяную крышу и любопытные, порой немного испуганные взоры гольдов, путешественники не спеша подходили к ним, вежливо раскланивались, здороваясь и используя при этом весьма скудный запас слов, который Маак приобрел во время своего предыдущего путешествия по Амуру.

Уже вечером у костра, познакомившись поближе и поужинав вместе, ученые старались узнать у гольдов побольше сведений о местности, рисуя прутиком на песке схему маршрута. Их интересовала, в особенности этнографа Брылкина, и жизнь гольдов, их быт. Брылкина приводила в восторг готовность гольдов часами разговаривать с русскими и пополнять его этнографическую коллекцию. Пытливый этнограф даже поставил себе задачу выучить к концу экспедиции язык гольдов.

Постепенно из разговоров с местным населением путешественникам стали понятны причины нищенского положения этой малой народности. Все дело было в маньчжурских купцах, которые в основном вели меновую торговлю, покупая у гольдов ценную пушнину и давая им взамен предметы первой необходимости/- Поскольку у гольдов не было тогда другого пути сбыть товар, им приходилось соглашаться на кабальные условия обмена. Их рабская зависимость от купцов из Маньчжурии могла прекратиться только с приходом в эти края русских людей, слухи о доброте которых уже дошли до Уссурийского края.

Как пишет позднее Маак, на русских гольды смотрят «как на своих освободителей и весьма рады их приходу, так как маньчжурское господство до сих пор было для них тяжелым гнетом, главной причиной их уныния и их бедственного положения. Каждый год во всех местечках на Уссури несколько раз появлялись маньчжурские власти, чтобы собирать с них дань, и перед ними все склонялись и трепетали, как раб пред своим господином»².

В нижнем течении Уссури уже тогда обстраивались весьма немногочисленные казачьи станицы, такие как Казакевичево, Будогоское, Усольцево. Казалось, совсем недавно прошла здесь Уссурийская экспедиция, а новые поселения казаков уже получили имена исследователей. В этих станицах гольды мирно уживались с казаками и даже привязывались к новым поселенцам.

«Они словом и делом помогают русским в незнакомой им стране,— отмечал Маак,— уже многое успели перенять от них и в частных сношениях несколько выучились русскому языку — даже охотно меняют свой образ одежды на русский. Нельзя сомневаться, что впоследствии от этого влияния русских на ходзенов (гольдов) русский элемент все более и более будет вкореняться в них, но остается только желать, чтобы со стороны наших поселенцев эта привязанность была оценена, и чтобы со стороны русского правительства взяты были надлежащие меры для прочного присоединения этого племени к России»³.

Между тем путь экспедиции продолжался. Днем исследователи занимались сбором ботанических и зоологических коллекций, сушили растения, снимали кожи с убитых животных, заполняли экспедиционные журналы, а по вечерам у костра до глубокой ночи ловили ночных бабочек и мотыльков. В средней части течения Уссури Мааком была собрана самая лучшая и редкая часть коллекции — энтомологическая.

Значительно пополнились и гербарии. В Уссурийской тайге Маак в изобилии нашел многие из тех видов и пород тропической растительности, которые раньше вывозились из Японии и Китая. Путники не переставали удивляться великолепию хвойных лесов, богатству и разнообразию растительности на пойменных лугах, красоте озер.

Встречались ими маньчжурские чиновники, «приводящие в ужас всю окрестную страну». Маньчжуры вышли навстречу путникам, приветствуя их самым дружественным образом, изощряясь в дипломатических тонкостях. Но сквозь прищуренные глаза и слова любезности так и сквозила злоба по поводу посещения этого края русскими. Но маньчурам ничего не оставалось, как терпеть пришельцев в этой местности: они понимали, что вместе с первыми

исследователями на Уссурийскую землю пришли новые времена.

Чем выше поднимались путешественники по Уссури, тем труднее становился путь. Тянуть лодки вдоль берега мешали раскидистые ивы, которые росли повсеместно, поэтому приходилось дружно грести против течения. Вскоре они достигли устья Сунгачи, впадающей в Уссури. Здесь им пришлось решать, продолжать ли движение вверх по Уссури или свернуть на Сунгачи и по ней подняться к озеру Ханка. Оба пути обещали много интересного, но маршрут по Сунгачи был короче, что вполне устраивало Маака из соображений продовольствия: из-за малого количества места в лодках его было взято всего на два месяца, а пополнить запасы можно было лишь во вновь выстроенном посту Турий Рог. Поэтому Маак и решил вначале зайти на Ханку, собрать там необходимые науке сведения, а затем, вернувшись на Уссури, продолжить путь по ней.

Сунгачи задала хлопот путешественникам. Бесконечные изгибы реки, поросшие ивой берега заставили их весь путь пройти на веслах. Все были истощены продолжительной жарой, рубашки почти не просыхали от пота. И вновь труднее всего пришлось естествоиспытателям, которые были вынуждены, отложив в сторону ружье и сачок, взяться за весла. Каждая пара рук была на вес золота, особенно таких крепких и мускулистых, как руки путешественников.

Да, путешествия всегда были уделом сильных духом и крепких телом людей. Не каждый сможет вынести многочасовые переходы по бездорожью, ночевки под открытым небом в любую погоду, всепроникающую сырость, а порой и лютый холод. Но не только выносливость помогала путешественникам преодолевать все невзгоды пути. Большая цель вела их вперед по нехоженным местам и М. И. Венюкова, и членов экспедиции К. Ф. Будогоокого, и Р. К. Маака с А. Д. Брылкиным и десятки других исследователей, о которых вам еще предстоит узнать: обогатить отечественную науку новыми сведениями о далеком крае, тем самым приблизить его освоение и заселение.

На Сунгачи Маак и Брылкин встретились с Гамовым. Об этой встрече мы уже рассказывали в очерке об Уссурийской экспедиции. Добавим лишь, что рассказы Гамова расширили представления путников об исследуемой местности, а главное, они теперь нашли себе переводчика — маленького нанайца, который сопровождал Гамова. Он-то и дал возможность Брылкину по-настоящему заняться грамматикой и составлением первого словаря нанайского языка. А Маак теперь смог «при сношениях с жителями страны получать от них правильные и подробные сведения об образе их охоты за зверями, рыбной ловле, географическом районе пород различных животных и растений и многих других приметах»⁴.

8 августа путники достигли озера Ханка. Величественная картина безграничного водного пространства открылась перед ними, только вдали синели горы. В посту Турий Рог все хорошо отдохнули, привели в порядок одежду и высушили коллекции, немного промокшие в пути.

На Ханке всех увлекла рыбалка на карпов и сомов, которые в то время метали икру. Вода буквально кишела рыбой, и ловили ее самым простым способом: вытаскивали огромных сомов и карпов за жабыры голыми руками. Однажды рыбаками настолько овладел азарт, что они чуть было не потопили лодку, доверху нагруженную рыбой.

Через три дня, отдохнув, Маак приготовил маленькую лодку и начал осматривать Ханку, совершая по езде по озеру. Одна из таких непродолжительных экскурсий принесла ученому долгожданную встречу с царем Уссурийской тайги — тигром.

В прибрежных зарослях камыша Маак заметил косулю и, задумав снабдить товарищей свежим мясом, прицелился. Оказалось, эта добыча прельщала не одного его. Не успел Маак выстрелить, как с другой стороны на животное неожиданно прыгнул тигр, который, вероятно, тоже поджидал в зарослях добычу. Лишь на мгновение увидел Маак гибкое полосатое тело хищника, моментально исчезнувшего в зарослях со своей жертвой.

К вечеру того же дня Маак внезапно заболел. Головная боль тисками давила виски, руки стали ватными. Лежа в палатке и сердясь на свою беспомощность, Маак вспомнил предостережение Брылкина о необходимости брать с собой в такие прогулки еще кого-нибудь. Но, к счастью, он недалеко ушел от лагеря и как только почувствовал в себе силы двигаться, с большим трудом вернулся к товарищам.

Немного поправившись, Маак предпринял еще одну поездку, на этот раз с командиром караульных постов Леонтьевым, который на большом боте с десятью солдатами занимался сменой караулов на границе. Эта поездка позволила Мааку собрать огромную коллекцию озерной флоры. Он сожалел, что лето шло на убыль, и некоторых видов растительности невозможно было найти, но тем не менее Маак был доволен и сделал вывод " о Приморском крае, что «эта страна есть одна из самых занимательных».

Время торопило путешественников, и 19 августа, нагрузив лодку и тепло попрощавшись с солдатами поста, Маак с товарищами пустился в дорогу. Здесь-то и начались «неудачи. Через сутки ночью, когда все спали, в большую лодку сквозь щели поступила вода и полностью промочила все продукты. Маак вслух ругался на рабочих, а в душе, еще сильнее, на себя. Как он, быва-ый путешественник, мог забыть осмотреть лодку перед спуском на воду! Во время стоянки в Турьем Роге она была вытащена на берег и, конечно, изрядно ссохлась. И вот результат: испорчен весь запас сухарей да и многое другое.

Благо, неподалеку был еще один пост, в котором путешественникам пришлось остановиться. Намокшее имущество разложили для просушки на берегу. Часть раскисших сухарей в огромной печи перепекли в хлеб. Все путники ходили угрюмые из-за непредвиденной задержки, довольны были только постовые собаки, питание которых в эти дни резко улучшилось.

28 августа 1859 г. экспедиция достигла, наконец, и Уссури. От проливных дождей уровень реки

значительно поднялся, низменные берега и луга были затоплены, по воде проплывали попавшие в нее коряги и деревья. Ученым было уже не до сбора коллекций, наравне с рабочими они постоянно сидели на веслах. Дело усугубилось тем, что от постоянной влаги двоих гребцов сталил сильный радикулит, а третий топором повредил себе руку.

После тягостных раздумий Маак пришел к выводу, что продолжать путь в таких условиях нецелесообразно. Была необходима длительная остановка, чтобы привести в порядок все имущество и отдохнуть. Остановились в урочище Чаимтунг, близ современного Лесозаводска. Во время отдыха Маак предпринял небольшую поездку в сторону от реки, надеясь, что за время его отсутствия уровень воды в реке понизится, но, вернувшись, обнаружил все по-прежнему.

Сроки экспедиции истекли, и Маак с горечью понял, что оставшихся дней не хватит, чтобы пройти ранее намеченный маршрут. Это заставило его изменить первоначальные планы, и, обсудив положение дел с Брылкиным, Маак решил возвращаться, чтобы, как он запишет в своем дневнике, «основательнее и полнее исследовать пройденную уже часть Уссури и получить о ней более точные понятия в естественно-историческом и географическом отношении»⁵.

Обратный путь проходил без задержек. Стремительное течение реки быстро несло путешественников обратно к Амуру. Маак поставил себе задачу «собрать также сведения о русском населении в отношении к домашнему быту его и занятиям, о постройках и хозяйственных работах, преимущественно же, о состоянии здоровья переселенцев»⁸.

Стоянки поэтому старались устраивать в местах русских поселений. Маак всякий раз собирал вокруг себя жителей, рассказывал об Уссурийском крае и его природе, о тех полезных растениях, которые здесь произрастают. Оказывал ученый и медицинскую помощь населению — теми немногими лекарствами, которые он имел с собой, и местными лекарственными растениями. Особенно часто, как писал Маак, приходилось лечить детей, у которых в это время года от употребления в пищу незрелых плодов болели желудки⁹.

Переселенцы, как правило, были довольны своим новым жильем. Край обживался быстро. Уже во многих местах рядом с крохотными землянками, временным жильем переселенцев, можно было видеть и крепкие срубы с голыми стропилами. Среди яркой зелени огородов торчали черные пни обгорелых деревьев — следы раскорчевки, а за частоколом, отгораживающим дворы от леса, то и дело слышался стук топоров и визг пил: новые хозяева здешних, некогда диких мест отвоевывали у тайги все большее пространство для своих посевов.

...Во второй половине сентября вода на Уссури стала падать, и началась так давно ожидаемая пора ловли красной рыбы — кеты. Нанайцы, для которых рыба — основной продукт питания, в это время от мала до велика выходили на рыбную ловлю. Сплошным красным цветом отливали тогда нанайские деревни: на всем пространстве от воды до юрт в землю втыкались частые ряды деревянных кольев, на которых развешивалась рыба. Глядя на них, Маак вспомнил, что встречал в записках некоторых путешественников и такое название этой народности — «рыбьи люди». Что ж, в это время года оно себя оправдывало.

Брылкин со своим маленьким переводчиком был непременным участником ловли рыбы. Нанайцы охотно принимали его помощь, даже не догадываясь, что своими разговорами и песнями пополняли словарь нанайского языка, составление которого Брылкин уже заканчивал.

25 сентября путешественники достигли последней станицы на Уссури—Казакевичево. Здесь и окончилось продолжавшееся три месяца путешествие по Уссурийскому краю. На следующий день все были уже в Хабаровке, где дождались грузопассажирский пароход «Адмирал Казакевич», который был одним из немногих частных судов, совершавших регулярные рейсы по Амуру от Благовещенска до Николаевска. На нем и собирались отправиться исследователи вместе со своими коллекциями в Благовещенск.

Все время, пока шла погрузка коллекций на палубу, ни сна, ни покоя. Ему казалось, что крепление многочисленных ящиков ненадежно, что при малейшем толчке или крене весь результат их пятимесячной работы окажется за бортом. Лишь убедившись, что весь драгоценный груз закреплен намертво, Маак ушел в пассажирскую каюту, которая размещалась в надстройке и была общей для всех пассажиров. Судовладельцы постарались придать ей привлекательный вид, что позволяло им брать с пассажиров огромные суммы за проезд.

Благовещенск не был конечным пунктом для путешественников, им предстоял еще длинный путь до Иркутска, куда они попали только в самом начале 1860 года. Брылкин вскоре получил предложение поработать в составе Сибирской экспедиции Географического общества, и 28 апреля того же года на знакомом пароходе «Адмирал Казакевич» он отправился в Николаевск, а оттуда на Сахалин, где провел два года.

Что же касается Маака, то он получил распоряжение от Сибирского отдела заняться разборкой материалов, собранных во время путешествия по Уссури. С этой целью он уехал в Петербург, куда прибыл 16 марта 1860 года.

И вновь, как год назад, Маак склонился над столом в библиотеке Академии наук. На этот раз он готовил к изданию уже другую книгу. Она вышла в свет на следующий год в Санкт-Петербурге. Это было двухтомное сочинение «Путешествие по долине реки Уссури»* по страницам которой совершили путешествие и мы с вами.

Отрадное чувство встает в душе при мысли, что в продолжение 30 с небольшим лет наука обязана России научным приобретением таких обширных стран, как Амурский и Уссурийский края, Сахалин, Туркестан, Монголия...

К. Максимович. 1862

Зазвенел колокольчик. Швейцар с густыми бакенбардами, похожий на отставного генерала, услужливо распахнул тяжелую дубовую дверь перед невысоким худощавым человеком, который быстрой походкой вошел в вестибюль Академии наук.

- Да, Петрович, сегодня еще холоднее, чем вчера, а я, как на грех, уже успел простыть, — сказал вошедший, скидывая на руки швейцару свою довольно тонкую для балтийских ветров шубу.

- И немудрено, ваше превосходительство, — уважительно склонился перед ним швейцар, — ведь, почитай, изо дня в день вы ходите сюда пешком от Ботанического сада, а погода нонешняя к прогулкам пешком не особенно располагает.

- Вот ведь человек какой, — размышлял швейцар, провожая взглядом стремительную фигуру Максимовича, поднимавшегося уже по широкой лестнице. — В любую погоду, хоть зной, хоть непогодь — пешком, а ведь должность-то генеральская, да и звание подходящее — тайный советник...

А Карл Иванович Максимович между тем уже дошел до своего кабинета и с порога по привычке окинул любовным взглядом шкафы с многочисленными коллекциями. Да, сейчас, на 63-м году жизни, Максимович мог, не кривя душой, сказать, что за резными дверцами этих шкафов хранится смысл всей его жизни. Описание ботанических коллекций Пржевальского, Маака, Потанина, Певцова и других крупных ученых, собранных ими в различных научных экспедициях, его, Максимовича, собственные богатейшие коллекции, снискали ему славу выдающегося ботаника и естествоиспытателя.

Был в этом кабинете один шкаф, которым особенно дорожил ученый. Там хранились его собственные коллекции, привезенные с Дальнего Востока около сорока лет назад, самые первые дальневосточные ботанические коллекции. «Первенцы Амурской флоры» — так и назвал он свой первый научный труд, в котором обобщил наблюдения за растительностью Амурской и Уссурийской тайги¹.

На Дальний Восток 26-летний Максимович попал с военным фрегатом «Диана». К этому времени он успел получить блестящее образование в Юрьевском (Дерптском) университете, где изучал вначале медицину, а затем ботанику, и проработать год в Императорском Ботаническом саду.

Когда он узнал, что в 1853 году, осенью, фрегат «Диана» отправляется в кругосветное плавание, конечной целью которого является Дальний Восток, то приложил все старания, чтобы попасть в экспедицию. Молодой ученый считал, что научную деятельность лучше всего начинать с путешествий и практической работы.

Это путешествие в качестве ботаника и коллектора живых растений для Ботанического сада послужило ему отличной школой и осталось лучшим впечатлением на всю жизнь.

18 сентября 1853 г. «Диана» вышла из Санкт-Петербурга, посетила Рио-де-Жанейро в Бразилии, Вальпараисо в Чили, Гонолулу на Сандвичевых островах и почти через год, 11 июля 1854 г., зашла в бухту Де-Кастри, где и высадился Максимович.

Три года провел он в Приамурье, исследовав за это время Амур и его притоки, совершив десятки небольших экспедиций в поисках интересующих его растений. Максимович предпринял попытку подняться по реке Уссури, но ему не удалось этого сделать ввиду сложной политической ситуации в том районе. За время зимовок он сортировал все собранные экземпляры флоры, приводил в порядок коллекции, готовил их к окончательной обработке.

Когда 17 марта 1857 г., проехав через всю страну, он вернул¹ся в Санкт-Петербург, то привез с собой не только прекрасные коллекции, но и план своего первого научного труда, обобщившего все наблюдения за флорой Дальнего Востока, с множеством рисунков.

Труд «Первенцы амурской флоры» увидел свет уже через два года, вызвал оживленный интерес среди ученого мира и принес его автору Демидовскую премию и почетное имя в ботанической литературе. Но эта весть застала Максимовича в пути: он вновь отправлялся в Амурский край, на этот раз не морем, а по суше, через Сибирь.

В мае 1859 года он был в Иркутске, затем, спустившись по Шилке и Амуру, побывал в Благовещенске и Николаевске, затратив на это все летние и осенние месяцы. Зимой ученый хотел провести в Японии, но, добравшись до Николаевска, обнаружил, что Амурский лиман уже скован

льдом и навигация закончилась. Максимовичу пришлось изменить намерения и, чтобы не тратить зимние месяцы даром, он решил совершить экспедицию по Приморью.

Собаčky упряжки домчали путешественника из Николаевска к устью Уссури, откуда начинали свои маршруты все исследователи. В станице Казакевичево Максимовичу удалось достать у казаков восемь лошадей, которых вполне хватило бы на переход, не будь они так измождены. Но время шло, хороших лошадей найти так и не смогли, и Максимович принял решение трогаться в путь с теми, что имелись в наличии.

Зима в тот год выдалась ранняя и очень снежная. Совершая короткие дневные переходы, медленно пробираясь от одной казачьей станицы до другой, Максимович с тремя спутниками, нанятыми в том же Казакевичево, продвигался вверх по Уссури. Места эти были знакомы ученому: здесь он проходил четыре года назад, но теперь Максимович с удовлетворением замечал перемены, произошедшие с того, не такого уж далекого времени, когда он впервые посетил дальневосточный край.

6 марта 1860 г. путники с трудом добрались до последнего из казачьих поселений на Уссури — станицы Буссе. Дальше начиналась настоящая глушь, где помощи ждать было неоткуда. Максимович собирался остановиться в станице недели на три, чтобы запастись про^ довольствием, но лошади совсем обессилели за время продолжительного и трудного зимнего перехода. Пришлось поэтому продлить стоянку до мая, чтобы дожидаться, пока подрастет трава — подножный корм для лошадей.

29 апреля, через несколько дней после ледохода на Уссури, жители станицы Буссовой были оторваны от дел непонятным гудком, который доносился с реки. Все высыпали на берег, вглядываясь вдаль, и обнаружили, что к станице приближается небольшой пароходик. Это было необычное зрелище для здешних мест. По Амуру пароходы уже ходили, но в его притоки зайти не могли из-за небольшой их глубины. Пароход «Механик» был первым, кто осмелился открыть навигацию на Уссури. Имея совсем небольшую осадку — 2,5 фута, он отважился предпринять попытку пройти из Уссури по реке Сун-гачи на озеро Ханку-

Приблизившись к станице, пароход подошел почти вплотную к берегу. С борта скинули на песок обыкновенную доску — сходню, по которой на суденышко тут же полезли местные мальчишки. Все два дня, в течение которых пароход простоял у станицы, Максимович вел долгие разговоры с офицерами, делясь впечатлениями и расспрашивая их о тех местах, куда довелось заходить на «Механике», основной задачей которого было доставлять снабжение и продовольствие в места поселения первых жителей Приморья.

Вскоре после отхода «Механика» и сам Максимович покинул станицу. Было это 6 мая 1860 года. Весь маршрут по Приморью надо было совершить как можно быстрее, поскольку вынужденный простой сильно сократил запас продуктов: их оставалось всего на один месяц.

К тому времени путешественник уже успел собрать немало ботанических коллекций, и лошади были тяжело навьючены. Всю поклажу приходилось везти с собой: никаких средств связи с центром России тогда не существовало. Трудный путь по непроходимым лесам Приморья, по бездорожью Максимович со спутниками совершили пешком. Впрочем, это было необходимо ботанику и для пополнения его коллекций.

К бухте Ольге можно было пройти двумя путями: первый вел по одному из притоков Фудзи через Сихотэ-Алинь к реке Аввакумовке, а оттуда — прямо в Ольгу, другим же был путь, по которому прошел двумя годами раньше М. И. Венюков. Хотя он и был несколько длиннее, Максимович резонно выбрал его, так как с собой у него были карты Венюкова. По первому же маршруту еще никто не ходил. Была еще одна причина, заставившая ученого предпочесть второй маршрут: его очень интересовал морской участок пути от Владимира до Ольги.

1 июня 1860 г., пройдя 400 верст за 25 дней, из которых около пяти дней выпали па простой, вызванный сильными дождями и временем, необходимым для просушки коллекций, Максимович вышел к морю. Только сейчас, стоя на морском берегу и пытаясь сквозь густой туман разглядеть окрестности, путешественник понял, что трудному пути наступает конец. Позади остались бесчисленные переходы вброд бурных горных речек, утомительные подъемы на сопки, расчистка завалов... А сколько раз, потеряв ориентировку, путники кружили вокруг одного и того же места, пока случайно какая-нибудь речушка или необычной формы - сопка не выводила их на верный путь. Но лишения эти терпелись не напрасно: за время пути многие коллекции были пополнены. Как напишет позднее Максимович в своем дневнике, «количество новостей значительно»².

Ожидая в Ольге попутный пароход на юг Приморья, Максимович совершил еще одну небольшую поездку по окрестностям на лошадях. От этой экскурсии его всячески отговаривали моряки, жившие в посту. Они еще не забыли трагический случай, который произошел с одним из матросов незадолго до прихода в пост Максимовича: на реке Аввакумовке, куда моряки ходили постоянно за питьевой водой и стирать одежду, тигр внезапно напал на матроса, и спастись тому не удалось. Но ученый был не из робкого десятка, и трагические новости не испугали его. По реке Аввакумовке он поднялся на хребет Сихотэ-Алинь, поросший сплошным дубняком, что помогло ему не только разведать короткий путь через перевал к морю, но и составить общую картину природы сихотэ-алиньского хребта.

27 июня по пути в Посыет в Ольгу зашел уже знакомый нам пароходо-корвет «Америка» с военным губернатором Приамурской области на борту, который и захватил с собой Максимовича. Ученый сожалел, что на пароход нельзя было взять лошадей, а без них он не мог осуществить уже задуманный им новый план: подняться вверх по реке Суйфун. Ботаник

слышал захватывающие рассказы участников Уссурийской экспедиции о буйной растительности тех мест.

На «Америке» в этом рейсе находился человек, фамилия которого весьма походила на фамилию ботаника. Это был известный в ту пору писатель С. В. Максимов, занимавшийся по заданию Российского географического общества этнографическими работами в тех местах, где бывала «Америка». Позднее по наблюдениям, сделанным в этом рейсе, он выпустил книгу «Поездка на Амур», а пока вел регулярно дневник, в котором описывал свои впечатления от увиденного в плавании. Вот что написал он о бухте Ольга: «Хороша гавань, если смотреть на нее с корвета; не теряет она цены и прелестей, если сойдешь на берег и станешь скептически всматриваться во все ее подробности, думая, не декорация ли все это, но и с берега уходишь побежденным и подкупленным удобствами и красотами Ольги»³.

Немногим более двух суток занял переход «Америки» из Ольги в Посьет. И хотя на море стоял плотный туман, судно шло полным ходом, что очень огорчило Максимовича: скорость лишала его возможности «держаться за бортом сетку или подобного рода снаряды для ловли морских растений...»⁴

Густой туман мешал ученому и обозревать берега, мимо которых проходил пароходно-корвет. Как ни всматривался Максимович вдаль, его зоркие и внимательные глаза ничего не могли рассмотреть сквозь белесую завесу.

- А как вам нравится такое лето? — спрашивал ботаник, у Максимова, в разговорах с которым нередко коротал часы вынужденного безделья.

- И не говорите, — охотно откликнулся писатель.- Удивительно, как при такой видимости мы до сих пор не сели на прибрежные камни.

- Скажи-ка, братец, — обратился как-то Максимов к матросу, работавшему на палубе, — неужели в этих местах такие туманы постоянное явление?

- Да нет, ваше высокоблагородие, — отвечал матрос, — летом тумана обыкновенно не бывает.

- Летом? Но ведь сейчас уже начало июля!

- Разове ж июль — это лето? — удивился матрос — Вот август придет, туманы и прекратятся.

- А в сентябре?

- В сентябре и ранней весной туманы по морскому уставу полагаются. Как же им не быть?! Да вы потерпите, скоро прекратятся.

В своем дневнике, описав этот разговор, Максимов приписал: «Но мы ждали и не дождались. Август вопреки указаниям простоял также туманный, про сентябрь месяц и говорить нечего. Если Восточному океану придали не совсем оправданный эпитет Тихого, то нам кажется, что эпитет Туманного будет тут больше вероподобен и приличен, хотя, может быть, и не исключителен...»⁵

Цель прихода «Америки» в Посьет была одна: перенести пост в Новгородской гавани на правый берег бухты Экспедиции, поближе к каменноугольным копям. «Обе бухты тоскливы до невыносимого, — писал в своем дневнике Максимов. — Кругом нас голые горы каменистого, с мелким щебнем, строения. Одиннадцать суток докучливо глядел на нас с самой верхней точки ближайшей горы флаг на длинном шесте с коренастым матросиком подле. На отлогости горы, по покато́й террасе рассыпались палатки линейных солдат, и застроена подле нашими матросами новая казарма. Тут же неподалеку и почти подле нее — два балагана матросов и флотского офицера, которые останутся для заготовления каменного угля и для нужных при этом работ. Уныло глядели три отверстия, три ямы, прорытые для каменноугольных копей, подле которых наворочена куча свежего угля»⁶.

Если Максимова было скучно в Посьете, то Максимович с пользой проводил каждый час своего времени там. При всей, казалось бы, скудности растительности в этом уголке края, залив Посьета оправдал надежды ученого. Максимович облазил все близлежащие сопки и собрал «богатый урожай» редких растений. Это было немудрено: Максимович, как отмечали его друзья, мог даже в самых безжизненных местах найти нечто, заслуживающее внимания.

На юге Приморья ботаника особенно поразило удивительное смешение южных пород деревьев с северными. Рядом с величественными стволами маньчжурского ореха пышно распустили свои ветви американские клены. По среднерусским березам и дубам вились лианы лимонника, винограда и актинидии. Липа и ясень здесь соседствовали с лиственницей и пихтой. Максимович не переставал восхищаться разнообразием пород и видов растительности.

— Не иначе, — думал порой ботаник, радуясь очередной находке, — когда господь бог в свое время заседал планету, на отдаленное Приморье у него не хватило семян, и он высыпал сюда все, что смог собрать по карманам.

«Америка» вскоре покинула Посьет, взяв курс на Владивосток, где только что был выставлен пост во главе с прапорщиком Н. В. Комаровым, а Максимович решил задержаться в Посьете. В бухте стоял корвет «Гридень», на нем-то и нашел ученый себе пристанище.

Не проходило и дня, чтобы он не совершал какую-нибудь, пусть непродолжительную, но экскурсию: по окрестным сопкам, вдоль речек, ло берегу залива. Постоянная влажность и сырость преследовали путешественника и здесь, но на этот раз они были не страшны. К тому времени уже была налажена добыча посьетского угля, и без особого труда можно было поддерживать нужную температуру в жилище и просушивать коллекции.

После Приморья Максимович на попутном судне отправился в Японию, в Хакодате. Он хотел сравнить растительный мир Приморья и Японских островов, которые в то время были совершенно не изучены в биологическом плане. Три года провел ученый на Хоккайдо и Кюсю,

всесторонне изучил флору этих островов и вскоре стал известен среди японцев как большой знаток сакуры.

И сегодня ученый мир Японии чтит Максимовича как основателя ботанической науки в своей стране, как учителя первого японского ботаника Макино Томитаро, автора «Атласа флоры Японии».

Путешествие Максимовича на Дальний Восток заняло в целом около пяти лет. В июле 1864 года он вернулся домой, привезя с собой свыше тысячи видов растений из Амурского края и 2,5 тысячи из Японии. Разбору этой огромной и богатейшей коллекции он посвятил всю свою дальнейшую жизнь.

Вскоре после возвращения, 8 января 1865 г., он был избран адъюнктом Российской Академии наук, а через шесть лет — академиком.

К. И. Максимович умер 4 февраля 1891 г., простудившись во время своей ежедневной прогулки пешком из Ботанического сада в Академию наук, которые он совершал в течение многих лет во всякую погоду.

«Не кабинетный только ученый,— писал о нем П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — обладавший громадной эрудицией, но много и долго работавший в величественном храме природы, разносторонне образованный, замечательный путешественник с широким, ясным взглядом, неутомимый работник, точный и тщательный, Максимович, одним из всех живущих ботаников соединял в себе данные, необходимые для совершения поднятого им на себя подвига...»⁷

Память о путешественниках всегда остается в названиях, вот и о Максимовиче нам прежде всего говорят названия того, что исследовал он в течение всей жизни, — дальневосточной флоры. В богатой приморской тайге среди множества растений встречаются вишня и смородина Максимовича, жимолость и тополь, названные его именем, целый ряд других растений.

ПОСТ

[П. В. Казакевичу] ...Предлагаю Вашему превосходительству взять для десанта на суда Вашей эскадры только одну комплектную роту линейного батальона с положенным числом стрелков и разместить ее поровну в укрепленных постах, которые вы имеете основать в гаванях Владивосток и Новгородской.

Н. Н. Муравьев-Амурский

[Н. Н. Мур-авьеву-Амурскому] Вследствие предписания Вашего сиятельства 18 марта с. г. (1860) за № 79 имею честь почтительнейше донести, что к занятию южных постов в гаванях Посъет и Владивосток назначена мною 3-я рота 4-го линейного батальона, которая в числе 100 человек при 2 обер-офицерах отправлена на транспорте «Маяджур» из Николаевска 2 июня.

П. В. Казакевич

Увлечшись промерами в проливе Босфор Восточный, штурман с «Гридня» Павел Филиппович Чуркин не заметил, как стало темнеть. Целый день вместе с двумя матросами он бил во льду лунки, пытаясь уточнить положение одной подводной банки, но ее даже не удалось найти.

Можно считать, день был потрачен впустую.

Обветренными, заледеневшими руками Чуркин спрятал на груди тетрадь с промерами. Матросы торопливо сложили лотлинь. Поднявшаяся луна осветила неблизкий путь через залив к берегу. Под ногами моряков хрустывал недавно выпавший снег. Они держали курс на черневший вдаль каменистый мыс, затем по-над берегом вышли к бухте Золотой Рог. Скалистый мыс, мимо которого они шли, уже тогда носил имя Чуркина, а мыс на противоположном берегу назван Эгершельдом в честь командира корвета «Гридень».

Но вот переход по льду залива подошел к концу: в темноте слабо засветились огоньки постовых домишек, а чуть позже гриднинцы услышали и голоса. Из постовой казармы доносились пьяные крики, прерываемые разухабистой песней, затянутой хриплым голосом.

— Опять Комаров буйствует, — с досадой подумал Чуркин. — Пришла же кому-то в голову мысль послать его командиром в новый пост. Лишь бы с глаз долой, видно. Не позавидуешь его подчиненным, неспроста кое-кто из них счел за благо составлять компанию прапорщику в его бесконечных выпивках. Хорошо, что наш командир решил устроить зимовку подальше от линейных.

До этой зимы никогда еще никакое судно не зимовало в бухте Золотой Рог. Команда «Гридня» с таким же правом может считаться основателем поста Владивосток, как и подчиненные прапорщика Комарова, и если линейные солдаты ставили на берегу избы, благоустривали побережье, то моряки считали своим долгом в зимний период произвести промеры в замерзшей бухте, готовясь к предстоящей летней кампании.

В начале навигации 1861 года на транспорте «Японец» во Владивостокский пост по личному распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского прибыл его адъютант майор Николай Николаевич Хитрово¹. Ему было поручено составить донесение о состоянии постов,

а главное, провести изыскания угольных месторождений вблизи Владивостока. В Иркутске ходило много слухов, что помимо Новгородской бухты большие залежи угля имеются совсем недалеко от Владивостока.

Майор Хитрово сразу понял, что представляет собой прапорщик Комаров. Испитое красное лицо, бегающие глаза сказали майору больше, чем все, что он уже успел услышать от гриднинцев. Единственное, что удивляло Хитрово, было: где же прапорщик достает водку: ни заходов торговых судов, ни тем более магазинов в новом посту не было.

Но ларчик открывался чрезвычайно просто, и в этом Хитрово скоро убедился: Комаров быстро пропивал казенный спирт. 8 мая 1861 г. Хитрово снял остатки и выяснил, что не хватало более полутора ведер. Сбивчивые объяснения командира поста не смогли бы убедить даже самого простодушного человека. Майор взял расписку с Комарова, что тот возместит растрату, сделал ему строгое предупреждение и отправился исследовать полуостров Муравьева-Амурского.

Вернувшись после 16-дневной отлучки, Хитрово узнал, что положение с дисциплиной стало еще хуже. Комаров выпил остатки спирта, несколько дней буйствовал, дрался с подчиненными и заставлял солдат, выстроив их перед офицерским домом, петь под проливным дождем для него песни.

Не двигалось, дело и с постовыми постройками. На берегу стояли только те дома, что были собраны в первые месяцы. Трудолюбивая когда-то команда поста, имея такого командира, как Комаров, совсем разленилась. Тут кстати подоспело и ответное письмо непосредственного командира Комарова капитана И. Ф. Черкавского, которому Хитрово сообщил о положении дел в посту и о поведении прапорщика. Черкавский отвечал, что Комаров и раньше не отличался хорошей дисциплиной и что взыскать с него за казенный спирт будет труд- но, так как он задолжал уже в казну все свое будущее жалование.

Серьезный разговор с Комаровым не принес ожидаемых результатов. Глядя на его лицо, хранившее следы тяжелого похмелья, и читая короткую невразумительную объяснительную записку, майор Хитрово понял, что улучшения в поведении командира поста ждать нечего. В одном из своих рапортов от 20 июня 1861 г. он написал: «Во время моего пребывания в poste Владивосток я неоднократно делал замечания прапорщику Комарову в неумении держать себя прилично званию офицера, как-то: напиваться в казармах вместе с солдатами...»²

Вернувшись с маршрута и убедившись, что очередной разнос так и не принес пользы, Хитрово написал П. В. Казакевичу: «...наконец, 20 числа прошедшего июня я узнал, что вопреки уже отданным мною прежде приказаниям сторож в тот вечер не поставлен; когда я снова велел его поставить, то дежурный во второй раз пришел ко мне и доложил, что он передавал мои приказания в казармах прапорщику, но прапорщик не велел меня слушаться, тогда я попросил прапорщика Комарова к себе на квартиру и, видя -что он в крайне нетрезвом виде, так что он не мог стоять на ногах не упираясь в дверь, я позвал состоящего при отряде за фельдфебеля унтер-офицера Бородина, в присутствии которого прапорщик Комаров позволил себе мне говорить дерзости.

Видя, что ни совесть, ни мои замечания и выговоры прапорщику 'не производят никакого действия, видя неуважение к нему всей команды, которое он заслужил своим дурным поведением и жестокими с нею поступками, я вынужденным нашел по званию адъютанта командующего войсками, в Восточной Сибири расположенными, отстранить прапорщика Комарова от командования им отрядом»³.

Комаров с негодованием воспринял сообщение о снятии его с должности- Майор Хитрово слышал еще много оскорблений в свой адрес — прямых и косвенных, пока прапорщик не покинул Владивосток, уезжая в Посьет в распоряжение Черкавского. Даже там он не оставил попыток навредить Хитрово, сочиняя в его адрес всевозможные пасквилы и обвиняя во всех смертных грехах.

Между тем майору и дела не было до нападков Комарова: ему пришлось вдобавок к своим заботам исполнять обязанности командира поста Владивосток, к чему, в отличие от Комарова, он приступил с большим рвением.

Видя, как солдаты поста по колено в воде выгружают грузы с приходивших в пост транспортов, он отдал распоряжение о постройке небольшой пристани. Для нужд моряков он купил у местных жителей два десятка коров и бычков. Командир эскадры капитан 1-го ранга И. Ф. Лихачев попросил Хитрово о «выделке в poste Владивосток линейными солдатами от 3—4 тысяч кирпичей для- постройки печей, необходимых для выпечки сухарей на военные суда русской эскадры, и такое же количество кирпичей для отправления в залив Ольги...»⁴

Задание было выполнено. Печи для обжига кирпича работали без остановки. Еще 700 кирпичей были отправлены в Славянский пост на паровом баркасе с фрегата «Светлана».

На берегу постоянно слышался и стук топора: строились лодки для топографов, возводились дома, обтесывались бревна и жерди для собственных нужд и для других постов. Только за первый летний месяц на транспорте «Японец» было отправлено в Посьет 315 отборных бревен, а транспорт «Гридень» забрал 213 крупных жердин.

На солнечном пригорке солдаты вспахали и засеяли 3,5 десятины земли, к середине июня там уже зеленел ровными грядками огород.

Помимо руководства всеми работами в посту, майор Хитрово продолжал поиски каменного угля. Всего за свою командировку он отметил пять таких месторождений. В основном они располагались в вершине Амурского залива недалеко от реки Раздольной, в частности,

Константиновское, Никольское и Михайловское. Было еще месторождение Петровское и одно на восточном берегу Золотого Рога, названное Хитровекием. Впоследствии не все они оказались пригодными для разработки.

Отъезд майора Хитрово из Владивостока задержался из-за болезни его жены Екатерины. Надо сказать, что крайне редкими были случаи, когда жены сопровождали офицеров в их командировках на Дальний Восток. Молоденькая и хрупкая Катя Хитрово была одна из немногих женщин, которые осмелились побывать в далеком крае, став тем самым и первой женщиной, поселившейся, хотя и ненадолго, во Владивостоке.

Уезжая в конце лета из поста, майор Хитрово отправил военному губернатору Приморской области последний свой рапорт из Владивостока: «...я осмеливаюсь почтительнейше просить обратить благожелательное Ваше внимание на все вышеозначенные работы, взяв в соображение малочисленность Владивостокского линейного отряда, из которого были уделены люди на постройку стана на реке Суйфун и для работы с топографами; поведение нижних чинов в четырехмесячное мое пребывание в poste Владивосток было безукоризненно...»⁵

Останавливаясь так подробно в своем рапорте на заслугах простых солдат в основании нового поста, Хитрово желал тем самым снять с них ответственность за поведение командира. Еще в первые дни по приезде во Владивосток майор замечал, что солдаты поста неодобрительно относятся к пьянству Комарова и вынуждены мириться с ним только в силу своего подчиненного положения. Даже то, что все работы в посту шли при Комарове через пень-колоду, было не виной солдат, а их бе-цой: нерадивый командир, не пользующийся авторитетом, не мог ни распорядиться правильно рабочей силой, ни организовать работу⁶.

В середине лета 1861 года в бухту Золотой Рог вошел клипер «Разбойник» под командованием капитан-лейтенанта А. Н. Розенберга. По его трапу на берег сошел молодой человек лет двадцати пяти с бледным лицом, обрамленным густой черной бородой. Это был старший офицер клипера Евгений Степанович Бурачек.

Перед ним лежал новый пост, все постройки которого можно было охватить одним взглядом. На северном берегу, откуда хорошо был виден вход, в бухту, стоял офицерский флигель. В сорока саженях от него к востоку была небольшая деревянная казарма для команды поста. Позади нее дымилась труба кухни, около которой на крутом берегу оврага был расположен скотный двор. По дну оврага струился едва заметный ручей ^ чистой и прохладной родниковой водой. Еще в 200 саженях к востоку от казармы виднелась только что заложенная церквушка, а еще дальше на протяжении полуверсты были раскинута строения корвета «Гридень», зимовавшего здесь с 1860 по 1861 гг.

На смену «Гридню» и пришел во Владивосток клипер «Разбойник». Между командирами двух кораблей состоялась беседа, и в шханечном журнале «Разбойника» за 21 июня появилась следующая запись: «Сего числа принято от корвета «Гридень»: все строения, находящиеся на берегу, постройка шаланды, лазарет и при нем > больных 36 человек...»⁷

Во время кругосветного плавания на «Разбойнике» у Бурачка открылась серьезная болезнь, которая обострялась при малейшей качке, и сейчас офицер сходил на берег в надежде, что жизнь на суше позволит ему укрепить здоровье.

Во Владивостоке он собирался пробыть ровно столько времени, сколько потребовалось бы ему на получение разрешения от начальства, а потом, списавшись с корвета, хотел сухопутным путем добраться до Петербурга. Но судьба распорядилась по-иному.

23 июля 1861 г. около десяти часов утра в бухту Золотой Рог пришел клипер «Абрек», на котором во Владивосток прибыл контр-адмирал П. В. Казакевич. Всего три дня находился в посту военный губернатор Приморской области, увиденное за это время он описал в рапорте управляющему Морским министерством: «Пост Владивосток значительно обстроился против прошлогоднего моего посещения. Для команды линейного батальона построена казарма, офицерский флигель и небольшие постройки по хозяйству. Командой корвета «Гридень» также построена казарма для матросов, офицерский флигель, баня, небольшая мастерская; а командой клипера «Разбойник» выведена пристань, и хотя она не окончательной работы, но весьма уже удобна для выгрузки. Фрегат «Светлана» построил для поста хороший баркас. В лазарете, где зимовала команда корвета «Гридень», был помещен госпиталь для больных с приходящих судов и распоряжением начальника эскадры все -заведено для госпиталя в достаточном и хорошем виде.

Из донесений командовавшего корветом «Гридень» лейтенанта Эгершельда видно, что зима во Владивостоке не так сурова, как в Николаевске, и люди были со-, вершенно здоровы. В продолжение всего моего здесь пребывания, погода стояла весьма дурная, преимущественно был очень густой туман. Начальником поста назначен мною старший офицер клипера «Разбойник» лейтенант Бурачек, согласно его собственного желания»⁸.

Желания оставаться во Владивостоке у Бурачка не было, но просьба командира для него звучала равносильно приказу, и в том же шханечном журнале появилась запись: «24 июля. Сего числа лейтенант Бурачек, сдав должность ревизора мичману Деливрону, отправлен на берег начальником поста во Владивостоке»⁹.

Лучше человека на эту должность, чем Бурачек, трудно было сыскать. Деятельный по-натуре, он к тому же был всесторонне образованным офицером. Окончив Морской корпус, он, обнаружив недостаток в математических знаниях, поступил в университет, где помимо математических лекций слушал курсы всеобщей истории и гражданского права. Первые десять лет службы Бурачка прошли в разнообразной, как он сам пишет в своих воспоминаниях, деятельности: ему довелось принимать участие в строительстве клиперов, быть ротным командиром и, конечно

же, плавать.

Во Владивосте весь этот огромный запас знаний пригодился. Бурачек писал: «...хорошо собирать в головной шкаф всякий хлам, если не для топлива, то хоть для растопки, — все пригодится в жизни, особенно в безлюдной точке, без всяких средств ни сверху, ни справа, ни слева, как во Владивостоке. Да, никогда человек не оценит с такой признательностью то, что нам преподавали и к чему принуждали, что самому по дороге-прилучилось подхватить, осмыслить, посправиться с делом, нигде так не оценивается все, как в заброшенном одиночестве, в роли Робинзона...»¹⁰.

Кораблестроительные навыки помогли ему не только в кратчайший срок закончить постройку баржи для Посьета, начатую моряками «Гридня», но и исправить при этом допущенные ими ошибки.

Знакомство с лекарственными растениями и вообще с медициной позволяло Бурачку поддерживать свое здоровье, а также здоровье окружающих. Кстати, за неимением врача в посту ему приходилось помогать и больным в госпитале. Лечил он и гардемарина Станюковича, впоследствии известного писателя-мариниста.

Знание иностранных языков облегчало общение с заходившими в порт иностранными судами.

Строительство, поиски каменного угля, землестроительные работы, помощь первому купцу Владивостока Семенову в торговле — трудно даже перечислить все, что входило в круг обязанностей первого командира порта Владивосток в течение двух лет. Всё это Бурачек опишет позже в своих интересных очерках «Воспоминания заамурского моряка», «Жизнь во Владивостоке» и многих других, опубликованных в «Морском сборнике»¹¹.

Одна из последних работ «Где должен быть русский порт на Восточном океане» обратила на себя внимание петербургского начальства. Как знать, может, эта статья и уверила их окончательно в мысли сделать Владивосток форпостом России на Дальнем Востоке.

Активная литературная деятельность Бурачка была внезапно прервана на третий год жизни в Петербурге после возвращения из Приморья. Жандармское управление произвело обыск на его квартире и конфисковало все рукописи, взяв с автора подписку «впредь не писать».

Ни самому Бурачку, ни его флотскому начальству было непонятно, чем же он не угодил жандармам. На службе это никак не отразилось: в январе 1867 года Бурачок был произведен в капитан-лейтенанты, а чуть позже награжден орденом.

Воспоминания о Владивостоке, о годах, проведенных там, как считал он, самых лучших годах его жизни, не оставляли Бурачка до самой смерти. Когда в 1878 году в России возникли жаркие споры о том, нужно ли регулярное сообщение морем с Дальним Востоком, Бурачок был одним из тех, кто доказывал необходимость и выгоду таких рейсов. По этому поводу он опубликовал заметку в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (18 окт. 1878 г.).

В конце своей жизни контр-адмирал Е. С. Бурачек вновь оказался связан с Владивостоком. В 1910—1913 гг. в Сибирской флотилии служил его самый младший сын Владимир. Бурачку-младшему, как и отцу, все казалось замечательным в этом городе. В одном из своих писем невесте в Петербург он писал: «Местность вокруг очень красивая. Горы и море! Чего лучше! И одна из самых высоких, стоящих на противоположном берегу, носит название горы Бурачка (назвали именем отца). Этот факт почему-то очень мне симпатичен»¹².

СКВОЗЬ ВЕКОВУЮ ТАЙГУ

Труды лесной партии, кроме научного интереса, представляют богатый материал для лесоведения Приамурского края и могут послужить ценным руководством при начатом лесоустройстве в этом крае и заселении оного.

Сборник главнейших документов по управлению Восточной Сибири. 188 Я

Путешественник умирал. Это уже было ясно всем его спутникам, собравшимся в офицерской избе станицы Казакевичево. На железной койке в углу довольно простой комнаты метался в бреду тридцативосьмилетний подполковник лесного ведомства Алексей Федорович Будищев. В Казакевичево он прибыл, чтобы отправиться в свою очередную экспедицию по Уссурийскому краю, но неожиданная и тяжелая болезнь свалила его с ног.

Лицо Будищева, совсем недавно всеми своими чертами говорившее, об энергии и воле этого человека, теперь уже мало что выражало. Капли пота блестели на высоком лбу, стекая по щекам и бороде. Хотя за небольшим оконцем ярко светило августовское солнце, большого то и дело начинало знобить, и тогда подковой лекарь, не умевший ничем другим помочь Будищеву, заботливо поправлял на нем солдатское одеяло и накидывал сверху слежавшийся после летнего хранения и пропахший плесенью тулуп. Иногда он подносил больному стакан с водой, и тот жадно пил, с трудом удерживая голову и проливая воду па грудь.

...В 1850 году выпускник лесного института А. Ф. Будищев был произведен в прапорщики и приписан к корпусу лесничих в Петербурге. Он много ездил по европейской части России, выполняя различные лесоустроительные работы, а 12 апреля 1859 г. ему был присвоен чин штабс-капитана, и вслед за этим вручено предписание об откомандировании его в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. Несколько месяцев назад, 8 декабря 1858 г., было высочайше утверждено положение Сибирского комитета «о командировании в Восточную Сибирь лесного офицера и топографов для приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, на Амуре и его притоках¹. Будищев и стал этим лесным офицером, первым исследователем дальневосточных лесов.

Новое назначение Будищева положило начало самому плодотворному и известному периоду в жизни этого незаурядного человека. С увлечением окунулся лесовод в эту работу. Богатая уссурийская тайга с первого взгляда покорила его своей красотой и величием.

Все лето 1859 года Будищев провел в Уссурийском крае, стараясь по возможности описать большую часть лесных массивов в долине Уссури, реки, по которой начиналось заселение молодого края.

Будищев со спутниками был первым, кто пришел во Владивосток не со стороны моря, а с севера, с материка. Было это в середине лета 1860 года, как раз в те дня, когда транспорт «Манджур» высадил на пустынном берегу солдат под командованием прапорщика Н. В. Комарова, основавших пост Владивосток.

Естественно, никаких дорог и даже троп, ведущих к порту Мэй, как тогда называли бухту Золотой Рог, не существовало. Группа Будищева шла берегом Амурского залива. Там, где горы спускались к воде отвесно, путешественники поднимались на обрыв и шли горами или, если позволяла глубина, обходили утесы вброд.

Вот как описывал Будищев леса, росшие там, где сейчас возвышаются многоэтажные дома районов Второй Речки и Морского городка: - «Лес на самом берегу залива у спуска с гор дубовый дупловатый и, чем круче горы, тем лес мельче. Выше же на горах и по падам отличный уже описанный смешанный лес; кедровые и еловые деревья есть до 15 и даже до 18 саженей высоты. Вообще здесь на берегу богатства лесные неисчислимы².

Как жаль, что те, "казалось бы, неисчислимы богатства, которые описывал Будищев, не сохранились до сегодняшнего дня хотя бы в виде маленьких островков зелени среди многоэтажных домов!

Дойдя до реки Комаровки (нынешний район Первой Речки), названной так, видимо, по имени первого командира поста Владивосток, Будищев решил перевалить через сопки, выйти прямо к бухте, дабы не огибать длинный мыс. Странно представить, что по обжитым ныне городским сопкам, по которым проложены улицы и проспекты, такие, например, как Океанский \ Партизанский, путешественникам приходилось, идти, пробираясь сквозь густой лес с вековыми елями, кедром, маньчжурским орехом вперемешку с разросшимся кустарником .

Но уже тогда, в первый месяц существования поста, в некоторых местах встречался след «русского топора», а также тропинки, протоптанные первыми поселенцами в поисках черемши и других съедобных растений. Одна из таких троп и вывела путников прямо к русскому поселению во Владивостоке. Было это 2 августа 1860 г.

Пост встретил гостей белыми палатками, красиво глядевшимися среди буйной свежей зелени, и веселым стуком солдатских топоров. Кое-где среди деревьев уже виднелись и венцы первых изб поста Владивосток.

Будищев занялся осмотром и топографической съемкой лесных массивов, окружавших новый пост. Пробыл он в этих местах всего неделю, но за этот короткий срок успел сделать очень многое, в частности, побывать на острове Русском и в бухте Новик, где обнаружил «массу елового строевого леса».

Из Владивостока Будищев предполагал отправиться на шхуне «Восток» для осмотра лесов по берегам Восточного океана, но шхуна, занятая гидрографическими работами вместе с В. М. Бабкиным, до порта не дошла. Не смог Будищев сесть и на «Градень»: его командир, сославшись на отсутствие предписаний, отказался взять на борт путешественников, и Будищеву с товарищами ничего не оставалось, как отправиться в обратный путь.

Через семь лет по делам Лесного ведомства Будищев вновь побывал во Владивостоке, обнаружив, что он значительно вырос. В своем дневнике он написал: «Пост Владивосток существует с 1860 года, он был посещен мною и там не было еще ни одного строения. Ныне же там несколько казарм, офицерских домов и даже церковь, со временем во Владивостоке, вероятно, устроится город с военным или торговым портом.

Изобилие в строевом лесе близ Владивостока представляет весьма важную выгоду для будущего устройства в нем города и порта. Залив Золотой Рог, по северному берегу которого, вероятно, будет расположен город на горе и порт на берегу, представляет самые выгодные условия для стоянки морских судов.

Владивосток обладает прекрасным благоухающим климатом, умеренным и теплым и в этом отношении мало уступает заливу Посыета, лежащему южнее его, но в местности безлесной. Владивосток летом, как и все места здешнего края, часто освежается дождями, что уменьшает излишнюю жару лета»³.

Отмечая всюду богатство, пышность и великолепие уссурийской тайги, Будищев вместе с тем понимал, что активное освоение края 'неминуемо повлечет за собой и отрицательное воздействие на природу. Вот почему уже тогда, в ту далекую пору, когда Приморье представляло собой тайгу без конца и без края лишь с незначительными вкраплениями поселков и деревень, он задумывался над будущим здешних лесов и предлагал устройство заказников.

Будищев писал: «...леса и заслуживают охранения и введения в них более правильной вырубki, и притом надо бы предварительно отделить из лесов запасы для удовлетворения без оскуднения лесов потребности в корабельном и строевом материале...»⁴

Без преувеличения можно сказать, что весь Приморский край был исхожен Будищевым вдоль и поперек. Шесть раз пересекал он хребет Сихотэ-Алиня, исследовал леей от самого юга Приморья до устья Амура, составил огромную карту лесного богатства Приморья, наметил места, пригодные для переселения туда жителей западных губерний страны.

Эта важнейшая по тому времени задача — поиск мест, наиболее удобных для поселения людей, была тоже возложена -на членов лесной партии. В своих экспедициях по краю Будищев посетил' почти все имеющиеся тогда села, отмечая немало недостатков в их заселении.

Он писал: «Много мешает успеху земледелия на Уссури зачисление в казаки большою частью штрафованных линейных нижних чинов. Они уже своей испорченностью заразили уссурийских казаков и не только не сделали оседлыми земледельцами, но и своим пребыванием между казаками деморализовали их»⁵.

Большой ошибкой, считал Будищев, было и то, что при устройстве станиц как по Амуру, так и по Уссури, большая часть пашен приходилась на низменные места, которые чаще всего страдали от проливных дождей и наводнений.

Долгая работа в Уссурийском крае позволила Будищеву выработать следующие рекомендации по переселению в Приморье новых жителей:

«1. Следует всегда предпочитать добровольных переселенцев тем, которые идут на переселение невольно по принуждению от правительства или от своих крестьянских обществ;

2. Не заселять край более лицами штрафованными, которых и без того в крае слишком много, едва ли не более, чем лиц одобрительного поведения;

3. Следует заселять новые места исподволь небольшими колониями, как бы для пробы, и потом усилить колонизацию на местах, которые менее подвержены вредным климатическим и вообще местным влияниям...»⁶

Все идеи и предложения Будищева были хорошо восприняты Ф. Ф. Буссе, ставшим в 1883 году первым руководителем по переселению крестьян морем в Приморье.

ПОД ФЛАГОМ ОБЩЕСТВА

Но после хорошо мне знакомого однообразия Сахалинской флоры в Посыете и других южных гаванях я нашел такое изобилие в новых для меня формах, что сначала растерялся и едва мало помалу пришел в себя среди новой для меня растительности страны.

Ф. Б. Шмидт

Собачья упряжка, которой управлял Шмидт, пришла в Николаевск первой уже под утро, значительно обогнав шебунинскую, Несколько месяцев хорошей практики на Сахалине и на Амуре позволили молодому ученому лихо управлять ездовыми собаками.

Шмидт сразу же подкатил к небольшому домику в центре поселка, в котором располагалась почта, но заспанный николаевский почтмейстер только развел руками: ничего нет. Шмидт еще с минуты постоял в раздумье, будто надеясь, что почтмейстер невесте откуда вынет долгожданный конверт с обратным петербургским адресом,¹ но потом резко повернул к выходу, бормоча на ходу нелестные слова в адрес нерасторопных служащих Географического общества.

Теперь предстояло остановиться на какое-то время в Николаевске, ожидая ответ на посланное еще осенью письмо о разрешении продлить сроки экспедиции.

28-летний Федор Богданович Шмидт был начальником Сибирской экспедиции, организованной Географическим обществом, в задачи которой входил поиск полезных ископаемых — этим, занимался сам Шмидт,— сбор ботанических коллекций, топографическая съемка местности и этнографические наблюдения.

В отличие от нынешних экспедиций прошлые были весьма скромными: рядом со Шмидтом работали всего три человека: Герасим Васильевич Шебунин, топограф, получивший впоследствии серебряную медаль Общества за составление карт, ботаник Петр Петрович Глен и сотрудник Сибирского отдела Общества, недавно совершивший экспедицию с Мааком по Уссурийскому краю, этнограф Александр Дмитриевич Брылкин.

Согласно плану, работа экспедиции должна была закончиться в начале 1861 года, но у исследователей оставалась масса вопросов, и Шмидт надеялся задержаться на Дальнем Востоке еще на год.

Последний зимний день 1861 года обещал быть необычно тихим, только огромные сугробы, в которых тонули строения, напоминали о недавнем буране. Шмидт повернул упряжку к дому, видневшемуся вдали улицы. В нем жил инспектор по медицинской части доктор А. А. Пфейфер, с которым Шмидт учился еще в Дерптском университете. После учебы Пфейфер сразу же уехал в Николаевск и здесь устроился прочно, построив хороший дом и заведя целое хозяйство. Впрочем, по-иному и нельзя жить в этом суровом крае.

Шмидт же, окончив университет и получив степень магистра ботаники, продолжил учебу в Московском университете. После этого все окружающие предрекали ему тихую научную деятельность, но они не брали в расчет увлеченность, свойственную этому молодому человеку.

Именно это качество заставило его еще в Дерптском университете, куда он поступил с желанием стать преподавателем русского языка, посещать одновременно и лекции на естественном факультете. Вот и на этот раз, увлекшись рассказами своего товарища по университету К. И. Максимовича, Шмидт стал мечтать о Дальнем Востоке, о знакомстве с его необычной природой. Потому и принял он предложение Географического общества стать начальником Сибирской экспедиции.

Дожидаюсь ответа из Петербурга, Шмидт случайно узнал, что из Николаевска в Приморье в самом начале навигации отправляется пароходо-корвет «Америка» — к месту работы пограничной комиссии. Это был удобный случай побывать в неизвестном крае, о котором столько мечтал, тем более, что эта поездка не была сопряжена с затратами.

В середине весны дождался Шмидт разрешения на продолжение экспедиции, а 23 мая 1861 г. «Америка» отправилась в рейс. По пути в Приморье она должна была зайти на Сахалин, где Шмидт надеялся выгрузить продовольствие, которое он захватил из Николаевска для своей экспедиции.

В Амурском лимане корабль был задержан льдом, и только 26 мая он пришел в Де-Кастри, где экипажу в течение недели пришлось участвовать в разгрузке транспорта. Там Шмидт был свидетелем прихода к русским берегам первой японской военной шхуны «Камитомару», построенной по чертежам «Хеды». При входе в залив она села на подводную скалу. Русские моряки сочувственно наблюдали за попытками японцев снять свою шхуну с мели, а когда поняли, что дело не движется, пришли им на помощь.

8 июня «Америка» бросила якорь в Дуэ, где Шмидт встретился с Гленом и Брылкиным. Кроме продуктов он оставил товарищам распоряжение о дальнейшей работе,

Через две недели путешественники были уже в Ольге, где в течение недели — всего лишь столько согласился подождать их командир «Америки» — с величайшим интересом изучали окрестности.

В одном из своих последних писем Максимович сообщал Шмидту о своем путешествии в Ольгу, а теперь Шмидт шел, можно сказать, по его следам. Он тоже захотел подняться по реке Аввакумовке до отрогов Сихо-тэ-Алиня, побродить по глухой тайге, сходить к открытым свинцовым месторождениям. На последнее ему уже не хватило времени, но, тем не менее, путешественники покидали Ольгу переполненные впечатлениями о величественных хребтах, на которые они поднимались, о берегах, покрытых шелковистым песком, о девственной тайге, подступающей местами к самому берегу.

Из Ольги пароходо-корвет направился во Владивосток. На небольшой пост, только что отмеченный свою первую годовщину, Шмидт мог бы и не обратить внимания, если бы не майор Хитрово, увлекший его рассказами о богатых запасах угля в этом, районе. Но пробы, которые Хитрово показал геологу, впечатления на него не произвели: Шмидт сомневался в значительности этих месторождений.

Большие надежды связывал Шмидт с Посъетом, и он не обманулся. Проведя там два месяца, дожидаясь экспедицию полковника Будогоского, с которым Шмидт надеялся совершить обратное путешествие, он обошел пешком буквально все окрестности. Удаляться слишком далеко от залива геолог боялся, чтобы не разминуться с Будогоским, но он исследовал как в геологическом, так и ботаническом отношении довольно большую территорию.

Наконец прибыла и экспедиция. По просьбе Шмидта Будогоский позволил ему присоединиться

к ним, и первого сентября все путешественники на клипере «Разбойник» вышли из Посыета. Этим же рейсом возвращался в Николаевск и снятый со своей должности, теперь уже бывший командир поста Владивосток, Комаров.

Обратный путь на Амур лежал мимо Владивостока по реке Раздольной к Уссури. В этих местах Шмидт оказался впервые, и он был очень доволен неторопливым продвижением лодки по реке. То в одном, то в Другом месте устраивались небольшие остановки, и ученый имел возможность поближе познакомиться и с местными жителями, и с растительным миром Приморья.

«Флора по берегам реки Суйфуна (Раздольной) великолепна,— писал Шмидт в своем отчете, — вершины и скаты гор покрыты лиственным лесом, состоящим из сорока различных видов деревьев, из которых некоторые не появляются еще на берегах Амура. Особенно бросается в глаза высокая ель, рассеянная по всему лесу и значительно превышающая все лиственные деревья. Лес этот изобилует деревянистыми вьющимися растениями, из коих некоторые имеют весьма вкусные плоды, дикорастущий здесь виноград также довольно сладок, тогда как на Амуре, повсюду где он является, он имеет кислый вкус»¹.

Лишь второго октября путешественники прибыли в Хабаровку, где застали два парохода, готовых к отходу в Николаевск. Ими и решено было воспользоваться без промедления.

"Через неделю Шмидт был уже в Николаевске, где к тому времени выпал глубокий снег и люди ездили на санях. С удовольствием вспоминал он в холодном городке, как совсем недавно собирал растения в устье Уссури и умывался по утрам прохладной речной водой.

Еще год провел Шмидт со своими товарищами на Дальнем Востоке, совершив экспедицию по Амгуни и Бурее, закончив на этом, запланированные исследования, результаты которых были значительными. Только поездкой по Приморью ученый остался недоволен, несмотря на приятные впечатления, вывезенные оттуда.

Ему казалось, что он недостаточно глубоко исследовал месторождения полезных ископаемых. Но так считал только сам геолог, другие же исследователи, которые шли по его следам, обязательно упоминали в своих отчетах о результатах работы Шмидта.

Общие итоги экспедиции составили два тома трудов, изданных в 1868 году. За работу на Дальнем Востоке Русское Географическое общество наградило Ф. Б. Шмидта золотой медалью².

СТРОИТЕЛЬ ТЕЛЕГРАФА

Не один телеграф должен быть общенародным достоянием, но и все прочие пути сообщения: железные дороги, каналы и прочее. Чем более таких способов сношений в государстве, тем оно становится богаче, самостоятельнее, независимее. Железные дороги требуют многолетних трудов и огромных капиталов, тогда как телеграф составляет сообщение, весьма в России осуществимое и как будто бы нарочно изобретенное для сокращения громадных расстояний.

Д. И. Романов

Клубок интересов великих держав на Дальнем Востоке так сплелся, что даже малейшее изменение ситуации могло привести к непоправимым последствиям для России. Политическая обстановка менялась с необычайной быстротой, но далекая окраина она и есть далекая. Как тщательно ни были составлены Высочайшие инструкции и быстра фельдъегерская связь, но и они не могли помочь в этих сложных условиях, когда приходилось принимать решение буквально в считанные часы. Жизненно необходимой для Дальнего Востока стала надежная телеграфная связь.

Все это хорошо понимал Н. Н. Муравьев, который писал министру иностранных дел А. М. Горчакову: «Не могу... при настоящих обстоятельствах в Китае и Японии скрывать, от вашего сиятельства опасения мои о дальнейшем успехе нашей здесь политики, если высшее правительство не примет безотлагательных мер к устранению медленности сношений столицы со здешними отдаленными странами!.. Я убежден, что телеграф от Петербурга до устья Амура сделался теперь такою необходимостью, что нельзя жалеть на это пять миллионов, которые он может стоить»¹.

В марте 1859 года Сибирский комитет принял решение о проведении первых изысканий. Главное управление путей сообщения той же весной откомандировало в Сибирь инженера Дихта, который через год представил полный проект телеграфа от Иркутска до Казани. 56.14 верст телеграфа в одну нитку стоили бы более 700 тыс. руб.

Составление второй части проекта — от Иркутска до берегов Тихого океана — было предоставлено в распоряжение администрации Восточной Сибири и поручено военному инженеру, штабс-капитану 1-го конно-пионерского эскадрона Дмитрию Ивановичу Романову.

Он был направлен служить, на Дальний Восток в конце 1856 года. Будучи человеком разносторонне образованным, талантливым и увлеченным, Романов обрадовался этому назначению. Его привлекала >не только возможность побывать в неизведанном крае, но и своими знаниями

принести ему пользу. Вот почему, собираясь к новому месту службы, Дмитрий Иванович заехал в Петербург и побывал там в Русском Географическом обществе.

В то время сбор новых научных данных о неисследованных местностях велся не только учеными, но и людьми самых различных профессий, которые нередко были по роду своей деятельности весьма далеки от естествознания. Географическое общество было своеобразным центром, координирующим всю исследовательскую работу. До сего дня в архиве географического общества сохранилась записка Д. И. Романова: «...Если Обществу угодно будет поручить мне собирание таких сведений, то я выполню это с удовольствием...»²

Романов оказался добросовестным исследователем. Его заметки, которые он вел на протяжении всех лет службы на Дальнем Востоке, поражают наблюдательностью, точностью описаний, легкостью стиля. Неслучайно, две столичные газеты — «Санкт-Петербургские ведомости» и «Голос» — поручили ему быть внештатным корреспондентом.

«При въезде в Сибирь, — записал Романов в своем путевом дневнике, — я был поражен богатством и зажиточностью поселян, обширностью их хлебопашества и скотоводства, и в то же время мне нигде не показался так поразительным недостаток путей сообщения между отдельными местностями, как здесь»³.

2 апреля 1857 г. молодой офицер прибыл в Иркутск Первым важным делом, доверенным ему, было проектирование дороги от побережья Татарского пролива (Де-Кастри) до крупного села на берегу Амура Софийского. Прежде чем отправиться к устью Амура, Романов счел необходимым позаниматься в Сибирском отделе Географического общества, чтобы познакомиться с картами и другими сведениями о крае.

В Николаевске, куда прибыл Романов перед изысканиями, знакомые офицеры не поверили сначала в серьезность его замыслов.

«Надо мной посмеялись, писал Романов, — говорят, что тут горы, болота, непроходимая тайга; но я с дерзкой уверенностью настаивал, что можно, что я берусь провести дорогу. Адмирал Казакевич, здешний губернатор, развязал мне руки: «Делайте, что хотите, ищите, где хотите, только откройте нам дорогу», — сказал он и вместе с тем предписал всем начальникам в Мариинском посту исполнять все мои требования. И вот я в положении игрока, поставившего на карту большую часть своего имения, другой месяц блуждаю, порываясь проникнуть в тайгу с той или другой стороны — в лодке по реке и пешком, но все мало удачи»⁴.

Удача все же пришла к военному инженеру: дорога была проложена. При этом Романов представил проект преобразования ее в железную дорогу. Это был блестящий первый проект дальневосточной железной дороги, который намного опередил свое время.

В то время, когда о южных приморских бухтах почти ничего не было известно, порт Де-Кастри, откуда начиналась дорога на Амур, считался одним из лучших портов. Романов писал: «Здесь будет со временем большой торговый город, только бы выстроилась железная дорога... Между прочим, мне поручено поставить и развить план города, и я теперь прорубаю широкие просеки - будущие улицы. Главная улица десять верст длиною — что там Филадельфия в Соединенных Штатах и Невский проспект! Шириной в пять сажений по бокам бульвары и скверы, как в Париже или на Большом проспекте Васильевского острова. Ставят столбики с названиями улиц. У меня все проспекты: тут и Лаперузовский, и Муравьевский проспект, и Адмиралтейский, и Петербургский, и Московский, и Варшавский, и Тифлисский. Раздолье! Только выдумывай названия. Так как я первый не только из русских, но и из европейцев исследую окрестности местностей, то надо выдумать названия всем речкам, горам и сопкам; тут у меня появились и Комаровки, я Самайки, и Бекманки, и Бекетовки...»⁵

Но вернемся к проекту телеграфа. Романов с блеском справился и с этим заданием: он тщательно рассчитал протяженность всех ветвей телеграфа — от Иркутска до бухт залива Петра Великого. Полная стоимость всех ветвей телеграфа составила более 2-х млн руб.

В марте 1860 года обе части проекта дальневосточного телеграфа были рассмотрены в Петербурге и получили высокую оценку. Работа Д. И. Романова была выделена особо. Главный управляющий путями сообщения К. В. Чевкии отметил: «Труд по составлению проекта/ дающий ясное понятие о местности, по которой со временем должен прийти телеграф, труд, исполненный в короткий срок одного года в краю пустынном и малодоступном, доказывает усердие и особенную сметливость капитана Романова и заслуживает вполне поощрения»⁶.

Несмотря на очевидные достоинства проекта, он не был воплощен в жизнь: русское правительство испугалось огромных затрат и отложило строительство телеграфа до лучшей поры: «Сооружение телеграфной линии от Иркутска к устьям Амура с ветками в Кяхту и по Усури к заливу Петра Великого по недостаточной еще степени гражданского устройства Амурского края и по значительности испрашиваемой суммы отложить до того времени, когда развитие в том крае населения и гражданственности, а разны и денежные способы, сделают устройство Амурского телеграфа действительно полезным и к исполнению доступным».

Так бы и остался Дальний Восток без телеграфа, если бы не военные моряки, которых никак не устраивало отсутствие оперативной связи с судами, стоящими в разных портах. «...В случае войны недостаток этот может иметь гибельные последствия для нашего флота.»⁸ — такими словами контр-адмирал Казакевич закончил свой рапорт на имя Н. Н. Муравьева-Амурского, и, 9 января 1861 г. вновь собрался Амурский комитет. Дебаты тянулись долго, но в конце концов большинство членов комитета высказалось за немедленное проведение телеграфа от Николаевска через Хабаровку до южных портов Приморья. Исполнителем был назначен Д. И. Романов, который стал официально именоваться строителем телеграфа.

«Санкт-Петербургские ведомости» немедленно откликнулись на эту новость небольшой заметкой: «Вести с Николаевска (с Амура). У нас появилась новая забота: разрешена постройка электрического телеграфа по Приморской области. Николаевск получит возможность иметь под рукой все главнейшие пункты по побережью, на юг от Амура, с которыми в настоящее время сообще- ние, хотя бы посылка экстренного пакета, крайне затруднительна. Проложить телеграфную линию на тундристой местности, покрытой густым, мелким лесом и глубокими мхами, конечно, составляет значительный труд; последствия этого труда так важны и благодетельны, что сами собой возбуждают сильнейшую энергию .в исполнителях».

Но проект телеграфа — это еще не телеграф. Чтобы построить его, требовались материалы, которыми в то время Россия не располагала. В марте 1.861 года Романов выезжает за границу, а уже к лету в Николаевск стали приходить первые суда с грузами для телеграфа.

Около года строитель телеграфа провел в заграничной командировке, закупая оборудование для своего детища и знакомясь всюду с устройством телеграфа и другими техническими новинками. Больше всего его привлекла Канада, благодаря сходству климата и природных условий с Дальним Востоком.

В Америке Романов стал свидетелем соединения телеграфом Атлантики и Тихого океана, а также одним из первых, кто им воспользовался. Он послал 'поздравительную телеграмму президенту телеграфной компании генералу Карпентьеру и в тот же день .получил от него ответ с благодарностью за внимание и ответными пожеланиями скорейшего соединения телеграфом Сан-Франциско и Петербурга.

В апреле 1862 года, через три месяца после возвращения в Россию, Романов отправляется на Нижний Амур и приступает к работам по сооружению телеграфа. Первая линия должна была соединить Николаевск с заливом Де-Кастри, Хабаровкой, а затем и Новгородской Гаванью в Посьете.

Строительство началось с сооружения городской телеграфной линии в Николаевске, которая связала телеграфную контору с резиденцией военного губернатора Приморской области. 30 октября 1862 г. по этой линии была передана первая телеграмма: «Подполковнику Романову. Поздравляю вас началом зпт желаю успеха и скорее поговорить Петербургом тчк Адмирал Казакевич»¹⁰.

К концу 1862 года был сооружен телеграф на протяжении немногим более сотни верст. Несмотря на большие трудности, с которыми Романов встретился при проведении телеграфа в Хабаровском крае, он был преисполнен воодушевления относительно следующей очереди своего строительства — приморской, воздвижение которой должно было начаться уже в следующем году.

Романову казалось, что в Приморье будет легче. При проектировании дороги он воспользовался картами, составленными по результатам Уссурийской экспедиции. Надеялся он и на почтовый тракт из поста Камень-Рыболов во Владивосток, проведенный незадолго до этого под руководством активного участника Уссурийской экспедиции Держитарова.

Вдоль этого тракта и предполагал Романов провести свой телеграф, отступая от него лишь в одном месте на протяжении 35 верст, чтобы «выйти более кратчайшим путем к круглому заливу, лежащему на севере от порта Владивосток, в который па карте впадают речки Звериная и Глубокая».

Уже зимой Романов планировал приступить к заготовке телеграфных столбов, чтобы летом не отрывать уссурийских казаков от сельскохозяйственных работ.

Летом 1863 года с топографом и несколькими солдатами Романов прошел пешком от Хабаровки до Владивостока, и всюду бросалось в глаза, что данные карты и многочисленные исследования не соответствуют действительности.

В своем рапорте военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу строитель телеграфа писал: «В связи с произведенным обзором собранные мною на месте сведения обнаруживают, что существующий почтовый путь от поста Камень-Рыбо-болочв до Владивостока представляет на всем своем протяжении столь исключительные трудности от огромных разливов рек и топкой степной почвы, что устройство правильного сухопутного сообщения здесь невозможно и неосуществимо, даже и всеми рабочими средствами Приморской области. Все это побуждает меня отказаться от напрасной затраты труда и времени на строительство телеграфа вдоль существующего почтового тракта до Владивостока»¹¹.

Романов решил ехать в Иркутск за дополнительными средствами — суммы, выделенные Морским министерством на строительство телеграфа согласно проекту были явно недостаточны.

Через несколько лет, когда телеграф уже был построен и Владивосток получил возможность связываться с Николаевском, Романа перевели служить в европейскую часть России.

Много еще хороших проектов было бы осуществлено талантливым военным инженером, много бы интересных статей, подписанных его именем, появилось в российских газетах, если бы не Хивинский поход, в котором пришлось участвовать полковнику Д. И. Романову.

...Арба медленно тянулась по пустыне в окружении пеших солдат. Путники уже потеряли счет дням, проведенным под палящим среднеазиатским солнцем. Вдоль дороги валялись и отвратительно смердели в жарком воздухе палые верблюды.

- Александр, скоро ли станция? — донесся с арбы слабый голос Романова. — Мне дышать нечем.

Денщик его, Александр Танаев, склонился над больным, вытер пот с его лба и сказал:

- Потерпите еще немного, ваше благородие, скоро дойдем, а там, дай бог, и доктор

сыщется.

Последних слов денщика Романов уже не услышал, вновь впав в забытие. Позднее А. Танаев написал в газету «Голос» о последнем дне жизни военного инженера: «Священника он никогда не звал: Однажды, придя в себя ненадолго и мучаясь от лихорадки и горячки, он сказал мне грустно: «Эх, Александр, не дожить мне; чувствую, что убьет меня болезнь. Вернешься в Петербург, поклонись жене, расскажи ей все»¹².

17 апреля 1873 г., придя ненадолго в себя и понимая безвыходность своего положения, Романов застрелился. Его похоронили в местечке Уйюй Кудук, что означает «между гор красивый колодец». Танаев писал: «Землю сравняли, хотели камень положить на могилу да не нашли ничего»¹³.

...Пожилой человек в потертом сюртуке остановился у околицы села. Было воскресенье.

- Неужели это то самое Лоренцово, которое еще десять лет назад состояло всего из одной избы? — с изумлением подумал старик, любясь на молодежь. — Вот и пришла жизнь в безлюдные ранее места.

История не сохранила для нас имени 'этого старика,, да и о воспоминаниях его мы знаем лишь из небольшой заметки в газете «Владивосток» за 1897 год, подписанной «Старый амурец».

Весной 1862 года о*н проходил впервые по этим местам в отряде подполковника Дмитрия Ивановича Романова и теперь, спустя несколько лет, не мог сдержать изумления, охватившего его при виде столь значительных перемен, произошедших здесь.

С топором в руках, не имея почти никаких других инструментов, эти люди смело двигались вперед, прочищая путь сначала себе, а затем и линии телеграфа, которая должна была пройти следом за ними.

Периодически выставлялись телеграфные посты: маленькие землянки, в которых жили два телеграфных чина и артель рабочих. В их обязанности входило содержание телеграфной линии, устройство выючной тропы и расширение телеграфной просеки. На месте этих постов и возникли приморские деревни Бельцово, Сысоевка, Гордеевка, Варваровка, Лоренцово¹-и др.

Названия этим постам, а позднее и селам, возникающим здесь, давались по именам и фамилиям людей, проходившим по этим местам. Одна из деревень 'была названа Верхнеромановкой в честь Д. И. Романова, но-позднее она была переименована в Анучино по имени генерал-губернатора.

Но память о Романове талантливом инженере, сохраняется и поныне. Его именем названо село Романов-ка в Шкотовском районе Приморского края, об этом ходатайствовали в свое (время русские военные инженеры. Его имя носит и мыс в проливе Босфор-Восточный, названный так еще в 1859 году во время памятного рейса парохода-корвета «Америка».

МОРСКАЯ КАРТА

...Всем этим я обязан только неутомимому усердию моих деятельных сотрудников, равно как в высшей степени полезному содействию топографов, без особенного старания которых, я должен сказать, что невозможно было бы сделать так мною упомянутой съемки и произвести ее с такой аккуратной подробностью.

В. М. Бабкин

Туман разошелся внезапно, открыв взору безжизненный берег, покрытый редким и чахлым кустарником. Пароходо-корвет резко увеличил ход, оставляя за собой две кильватерные струи от колес, которые с шумом били по воде. На палубе, облокотившись о планшир, стоял офицер. Он внимательно следил за проплывавшим мимо берегом и делал время от времени пометки на лежавшей перед ним карте.

Это был Василий Матвеевич Бабкин, подполковник корпуса флотских штурманов. В этом историческом плавании «Америки» в навигацию 1859 года он исполнял обязанности начальника штаба экспедиции Муравьева-Амурского, но занимался в основном гидрографическими исследованиями.

Из-за своего простого, происхождения — родился В. М. Бабкин в семье унтер-офицера — ему не удалось поступить в привилегированный Морской корпус, и он закончил Кронштадтское штурманское училище. Первое плавание, будучи еще кадетом, Бабкин совершил на лоцманском бриге «Олимп», который занимался в основном постановкой вех в Финском заливе. Тогда же, видимо, и увлекся он гидрографией.

В мае 1830 года он закончил училище с производством в (первый чин кондуктора корпуса флотских штурманов. На Дальний Восток Бабкин попал в середине 1856 года. К этому времени он уже стал опытным офицером, побывавшим в боевых действиях, длительных плаваниях, но больше всего способности, его как грамотного и инициативного офицера проявились в гидрографических исследованиях.

К сентябрю 1856 года Бабкин был уже подполковником. Это звание было присвоено ему за отличие в службе. А вскоре после приезда Бабкина в Николаевск высочайшим указом от 31 октября 1856 г. на Дальнем Востоке была образована Сибирская флотилия, в штат которой ввели должность частного инспектора штурманов, который стал руководить гидрографическими работами. Эту дату принято считать днем основания гидрографической службы на Тихом океане.

Свою новую должность Бабкин совмещал еще с одной — директора местного морского училища, в котором поначалу обучались двенадцать мальчиков из простых семей. В один из наборов сюда поступил «будущий адмирал С. О. Макаров. Бабкин был его непосредственным учителем, и в дневнике Макарова сохранилась запись о нем: «Василий Михайлович объяснил нам сегодня составление карт по новому способу и объяснил другие вопросы. Прежде я считал его за придирчивого старика, отставшего от всех, но сегодня я увидел в нем не только следящего за наукой, но и вежливого джентльмена, который может быть первым членом любого общества»¹.

На должности гидрографа Бабкин в основном занимался обеспечением безопасности плавания по лиману Амура на самых сложных участках. Судя по сохранившимся документам, благодаря неустанной заботе Бабкина, риск был сведен до минимума.

Командир Амурского отряда контр-адмирал Д. И. Кузнецов писал: «Меркаторекая карта Татарского пролива и Амурского лимана (1857 года) составлена очень добросовестно. Сидевши до 11 раз на мелях на обоих фарватерах, могу с уверенностью сказать, что виновата была не карта, а ошибки плавающих. Направление обоих фарватеров означено на ней верно»².

К тому времени на повестку дня встал вопрос об исследовании побережья Приморья. Конечно, несколько офицеров-гидрографов не могли обеспечить наблюдение за всей береговой линией, растянувшейся на многие и многие сотни миль. Этим кропотливым делом при случае занимались все офицеры Сибирской флотилии, кто по предписанию, а кто и по доброй воле описывая берега, мимо которых они проходили.

Наибольший вклад в гидрографические исследования берегов Японского моря вносили офицеры отряда контр-адмирала Лихачева, скорее всего в силу того, что им больше других приходилось бывать у берегов Приморья.

Все данные собирались у Бабкина, который на их основе составил первый план производства морской описи всего приморского побережья. В том, что план составлен верно, Бабкин убедился, проплыв на «Америке» вдоль береговой линии залива Петра Великого. Это был его первый продолжительный выход в море на Дальнем Востоке, и он оказался таким удачным. Вместе с морями «Америки» Бабкин мог считать себя первооткрывателем неизвестных ранее бухт и заливов, залива Находка в том числе. Спустя год он откроет в тех местах еще одну бухту — Врангеля.

В этом же рейсе Бабкин сделал и первую систематическую опись побережья, которая затем помогла ему составить первую морскую карту Приморья.

Важность исследования приморских берегов понимали и в Иркутске. Ближайший помощник Муравьева-Амурского генерал-майор Карсаков писал в феврале 1860 года в Николаевск П. В. Казакевичу: «Генерал-губернатор приказал произвести одновременно с описью топографическую съемку берега моря между устьем реки Суйфуна (Раздольной. — А. Х.) и заливом Ольги, а также пополнить съемку от реки Суйфуна до устья реки * Тюмени (Туманной. — А. Х.) для этого командировал отделение топографов, состоящее из одного офицера и четырех съемщиков и двух топографов и снабженных восьмью людьми на каждого съемщика»³.

В штабе Сибирской флотилии тоже стали готовиться к предстоящей экспедиции. 13 мая 1860 г. П. В. Казакевич вручил Бабкину свое предписание: «Поручаю вашему высокоблагородию, отправившись на шхуне «Восток», под личным наблюдением вашим распорядиться о постановке по южному фарватеру в лимане бочек и других знаков и. потом, приняв партию ожидающихся из Иркутска топографов, подробно обследовать на шхуне и береговыми партиями весь берег от заливов Ольга и Владимира до корейской границы и составить подробную морскую опись, если не всего означенного пространства, то по крайней мере важнейших пунктов этого побережья»⁴.

Партию топографов возглавлял штабс-капитан П. И. Силин, который только что закончил обработку карты пути, проложенного военным инженером Д. И. Романовым между Де-Кастри и Софийском. Вместе с его партией и должна была работать экспедиция Бабкина.

Вначале гидрограф, чтобы не терять времени, отправил в Ольгу на транспорте «Манджур» флотских топографов Кудрина и Лисученко. Они должны были успеть до подхода, в Ольгу «Востока» с помощью команды стоявшего там на блокшиве «Байкала» произвести съемку окрестностей.

25 мая 1860 г. топографы Силин прибыли в Николаевск. Посовещавшись с Бабкиным, решено

было исследование приморского побережья разделить на две части: от Ольги до реки Раздольной и от нее до реки Туманной, и вести их одновременно.

После долгих хлопот и сборов наступил, наконец-то, и день отхода. На шхуну «Восток» было взято дополнительное довольствие и 25 рядовых. Командиру шхуны 33-летнему П. Л. Овсянкину пришлось поломать голову, соображая, как -бы разместить на небольшом «Востоке» всех пассажиров⁵.

Всего экспедиция Бабкина и Силина прошла 165 миль. Были исследованы известные ранее бухты Владимира, Ольги, Тихая пристань, а так же только что открытые и названные в честь святых и религиозных праздников бухты Валентина, Успения, Преображения, Евстафия.

Уже к концу пета шхуна подошла к бухте Находка, и здесь Бабкина ожидало настоящее открытие: исследуя залив, моряки обнаружили очень уютную бухту. Бабкин назвал ее бухтой Врангеля в честь своего учителя Б. В. Врангеля, руководившего гидрографическими работами в Балтийском море.

В работе Бабкину большую помощь оказывали многие офицеры шхуны «Восток», особенно командир П. Л. Овсянкин и подпоручик корпуса флотских штурманов 24-летний Ф. К- Орехов. Именно Орехов спустя шесть лет издаст в Петербурге первую лоцию побережья юго-восточного Приморья, которая называлась «Руководство для плавания у западного побережья Японского моря, между заливами св. Владимира и Америки».

Остались на карте Приморья и имена других добровольных помощников Бабкина —прапорщиков Н. А.Петрова и В. Ф. Матвеева.

Выполняя ранее намеченный план, часть топографов под командованием П. Кудрина и Г. Нахвалных из Ольги была направлена кратчайшим береговым путем во Владивосток с предписанием командиру поста Комарову «оказывать топографам возможное содействие в производстве порученных работ: назначать по желанию людей, отпускать провиант и провизию, давать ротных подъемных лошадей и т. п., дабы они могли пройти до гавани Посъет»⁶.

К сожалению, прапорщик Комаров не выполнил и малой доли предписания, и далее Владивостока топографы никуда попасть не смогли. Проведя там зиму и дождавшись новой навигации, они ни с чем вернулись в Николаевск.

Гидрографам на «Востоке» тоже не удалось выполнить Исследования в полном объеме: частый туман, плохая погода да и усталость, особенно к концу навигации, мешали морякам. И все же результаты экспедиции были значительными: были собраны данные для составления карты от Владимира до Находки с подробными планами, бухт. Дойти до Владивостока исследователи не смогли: заканчивалась навигация на Амуре, и шхуне следовало поторопиться с возвращением, чтобы успеть пройти Амурский лиман.

18 сентября 1860 г. «Восток» снялся на Николаевск. Весь следующий год подполковник В. М. Бабкин с помощниками обрабатывал результаты экспедиции, а в навигацию 1862 года продолжил свои исследования в заливе Петра Великого.

Канонерская лодка «Морж» доставила его в Хакодате, где было временное базирование судов Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала А. А. Попова, который, будучи заинтересован в предстоящих исследованиях, выделил гидрографу корвет «Разбойник», а также баркас для промеров с корвета «Богатырь».

При этом контр-адмирал писал Бабкину: «Ничтожные средства, краткость времени и ограниченное число помощников, конечно, не позволят вам произвести подробной описи пространства, означенного военным губернатором Приморской области, а потому я имею честь просить вас при предстоящем труде обратить внимание на следующие настоятельные надобности наших судов. Так как до сих пор мы имеем оседлость только в бухтах Новгородской и Владивосток, то я считаю особенно важным, чтобы путь к этим гаваням, а также и между ними, как необходимый для судов, посылаемых в эти гавани, был исследован с тою точностью, которую требует безопасность плавания, в особенности в здешних местах, столь часто закрытых туманами»⁷.

Работы Бабкин начал с описи берега и прилегающих к нему островов от мыса Поворотного до южной части полуострова Муравьева-Амурского, а оттуда до острова Фуругельма, не вдаваясь за недостатком времени в исследование залива Уссурийского.

В течение двух месяцев экспедицией была исследована большая часть залива Петра Великого. Бабкин сумел подчинить опись приморского побережья определенной системе и привлечь к этому делу таких же энтузиастов, как он сам. Прimitивным лотом со шлюпок делались промеры залива, зачастую в густом тумане или под проливным дождем. Август—сентябрь в Японском море — период штормов и тайфунов. Просматривая листы промеров экспедиции Бабкина, удивляешься организованности и неутомимости гидрографа.

По окончании всех работ в заливе Петра Великого Бабкин не стал возвращаться в Николаевск, а остался плавать на судах эскадры Тихого океана, чтобы зимой обработать собранный материал, а ранней весной следующего года, не теряя времени до наступления туманов, иметь возможность проверить некоторые измерения.

Всю зиму, ютясь в тесной -каюте, Бабкин систематизировал результаты исследований. Потом под его руководством 18-летний кондуктор С. С. Атласов стал начисто вычерчивать планы. Он не смог довести это задание до конца из-за болезни, и тогда Бабкин запросил Николаевск выделить ему в помощники топографа И. И. Титова, который был с ним еще в экспедиции на «Востоке» и неплохо себя там показал, тем более, что за прошедшее время Титов успел сдать экзамены на офицера.

Вскоре перед Бабкиным легли начисто вычерченные меркаторская карта, а также десять планов бухт: Золотого Рога, Диомида, Улисса, Патрокла, Аякса, Париса, Новика, Рынды, Воеводы, Разбойника и др. Бабкин перебирал листы и с недоверием смотрел на плоды своего нелегкого труда; эти планы, считал он, были главным-, что он успел сделать на Дальнем Востоке.

Тогда же во время зимовки в Японии Бабкин получил известие о награждении его орденом Анны второй степени с короной. По этому поводу был устроен товарищеский ужин.

Летом следующего года в пустынных водах залива Петра Великого то в одном, то в другом месте можно было видеть парусный корвет «Калевала», построенный незадолго до этого в Финляндии. По тем временам это ныли довольно большое судно с водоизмещением почти две тысячи тонн и вооруженном в 15 орудий.

«Калевала» только что совершила кругосветное путешествие н.ч Кронштадта на Дальний Восток под командованием капитан-лейтенанта Ф. Н. Желтухина и поступила в распоряжение Бабкина для продолжения гидрографических работ. На этот раз целью гидрографа были острова, лежащие к югу от пролива Босфор Восточный.

Без сомнения, это был самый напряженный рейс исследователя, и только при активном участии в работах всего экипажа «Калевалы» он был закончен с отличными результатами.

Перед началом плавания начальник штаба Тихоокеанской эскадры писал Бабкину: «...кроме того, адмирал просит вас занимать работами как можно больше гардемарин» и «кондукторов»⁸. Эта просьба была не случайна: зная Бабкина как педагога и наставника начинающих моряков, командование эскадры заботилось о подготовке нового, молодого поколения гидрографов, которым предстоял непочатый край работы в дальневосточных морях.

Но Бабкин и без этого письма привлек бы молодежь к своей интересной и трудной работе. Под руководством офицеров корвета мичмана А. К. Деливрона и прапорщика И. П. Сидорова гардемарин и кондуктора, среди них К. И. Зеленый, А. Е. Куприянов и др., на паровом баркасе делали многочисленные промеры, производили описи.

К концу мая «Калевала» закончила опись двенадцати островов, произвела съемку острова Фуругельма, бухт Троицы и Гамова, произвела промеры на огромном расстоянии, проверила прошлогодние работы клипера «Разбойник». Кроме этого, старшим штурманом «Калевалы» прапорщиком В. И. Герасимовым вместе с кондуктором Н. С. Васильевым было определено географическое положение восьми пунктов.

Ню вскоре пришел приказ, и «Калевала» ушла в японский порт Хакодате на соединение с эскадрой. Долго махал Бабкин рукой поднявшей паруса «Калевале», которая попрощалась с гидрографам торжественным салютом из судовых орудий.

Корвет ушел, а Бабкин вместе с двумя кондукторами С. С. Атласовым и Н. Л. Чупровым остался в Новгородской гавани для окончания гидрографических работ, располагая только паровым баркасом и маленькой двухвесельной шлюпкой. Но и с этими ничтожными средствами он сумел произвести съемку и промер перекрестными линиями в бухте Экспедиции и Новгородской гавани. К осени вместе с помощниками Бабкин вернулся на лодке «Морж» в Николаевск.

Несколько лет провел В. М. Бабкин на Тихом океане. Результатом его работы явились многочисленные карты Приморского побережья и ряд планов, изданных Морским министерством. За отличие в службе В. М. Бабкин был произведен в полковники, а затем в генерал-майоры корпуса флотских штурманов. Прослужив сорок лет на флоте, в 1875 году он вышел в отставку и поселился в Воронеже.

Память о гидрографе и его верных помощниках живет и поныне в географических названиях нашего края.

ПЕРВАЯ ЛОЦИЯ

Мы же, вынеся из знакомства с нашими южным» гаванями в Восточном поморье одни лишь приятные о них воспоминания, желаем им всем от души всего лучшего.

М. А. Клыков

Вечерело. Северо-западный ветер гнал поземку по скованному льдом Амуру, быстро заметая следы небольшого отряда. Уже далеко позади остался Николаевск, и ездовые собаки с трудом тянули нагруженные нарты, да и на плечи путников, несущих большие котомки, дополнительным грузом легла усталость.

Командиром этого отряда, а точнее, северной партии по промеру фарватера Амура, был молодой

подпоручик Михаил Аввакумович Клыков, Клыков Первый, как часто его называли в деловых бумагах, чтобы отличить от младшего брата Ивана Клыкова, который плавал в то же время штурманом в морях Дальнего Востока.

...К ночи потянуло дымом, который принес запах жилья, послышался лай собак. Отряд приближался к ульчской деревне Адлоуво, в которой у «его» была выстроена своя изба. Наконец-то можно будет согреться и отдохнуть!

Зима 1863 года в устье Амура была на редкость сурова. Морозы, частые метели и бураны создавали дополнительные трудности и в без того нелегкой работе северной партии. Весь световой день с утра «до наступления темноты гидрографы проводили на амурском льду:

били лунки, делали промеры. Зачастую буран захватывал людей орямо за -работой, и тогда приходилось спешно вытягивать из лунок лотлины, которые на ветру тут же заледеневали, кое-как, второпях укладывая их на нарты и спешить к своему жилью.

От такой работы на зимнем ветру и стуже, да еще имея дело с ледяной водой, руки гидрографов почернели и потрескались, лица обветрились, но порученное им дело мало-помалу продвигалось.

За четыре месяца промеров была исследована площадь в устье Амура около 45 кв. верст, и в результате был найден совсем другой, более точный фарватер. Это позволило Клыкову отправить в гидрографический департамент материал для составления первой лоции Амура¹.

По тем временам эта работа была очень важной. Николаевск являлся главным форпостом России на Дальнем Востоке, и в военном, и в транспортном отношении его роль была значительной; а подходы к этому порту до сих пор оставались не изученными. Командиры кораблей и судовладельцы в устье Амура больше полагались на свой опыт и чутье, чем на какие-либо известные сведения.

Работу по промеру Амура Клыков завершил в 1865 году, а на следующий год он был назначен командиром лоцманской шхуны «Фарватер», которая отправлялась на юг Приморья для производства там гидрографических работ.

Середина шестидесятых годов прошлого века была на Дальнем Востоке периодом бурного роста мореплавания. Все больше и больше судов бороздило дальневосточные моря, и все большая роль в развитии судоходства отводилась Южному Приморью, а Владивосток становился главным дальневосточным портом.

Каждое судно, которое направлялось в те годы, на Дальний Восток, снабжалось весьма незначительным количеством карт. Вначале в него входили атласы Лаперуза, затем Крузенштерна, но и в тех и в других была масса ошибок, которые нередко дорого обходились мореплавателям.

Работы гидрографа В. М. Бабкина значительно облегчили судоходство в этом районе, но лоций, этих незаменимых для мореплавателя справочных пособий, содержащих подробнейшее описание прибрежной части суши и точную характеристику навигационных особенностей водного бассейна, до сих пор не было, и часто где-нибудь в Санкт-Петербурге или другом крупном порту моряки, встречаясь, делились воспоминаниями обо всех банках и подводных скалах, передавали из уст в уста сведения, где и как можно плавать, чтобы избежать превратностей судьбы. И сегодня можно еще кое-где найти следы кораблекрушений прошлого.

Для безопасного плавания морякам срочно требовалась лоция, и в тот год, когда Клыков ушел на «Фарватере», держа из Николаевска курс к южным гаваням Приморья, она вышла в свет. Автором этой лоции был подпоручик корпуса флотских штурманов Ф. Орехов, но охватывала она только часть побережья Японского моря—от бухты Владимира до Находки — и содержала недостаточно сведений о прибрежной линии². Вот молодой гидрограф и поставил своей целью заняться подробным описанием залива Петра Великого.

Осуществить ее сразу Клыков не смог, так как в 1869 году 'был переведен «а Балтику, но через три года он вновь вернулся на Дальний Восток, чтобы возглавить гидрографическую часть портов Великого океана, которая тогда размещалась во Владивостоке.

В том же 1872 году в Санкт-Петербурге вышел его «Гидрографический обзор берегов залива Петра Великого в Японском море», плод долгих раздумий гидрографа во время его плаваний вдоль приморских берегов.

По существу эта книга была издана в виде рукописи, «написанной красивым каллиграфическим почерком. К обзору прилагались три карты: план входов в бухты Новгородскую и Экспедиции, залива Петра Великого и порта Владивосток. Эта книга была ценна еще и тем, что к ней Клыков исправил все определения своего учителя В. М. Бабкина.

Свой труд Клыков посвятил памяти капитана 1 ранга Николая Яковлевича Шкота, который был командиром южных гаваней Японского моря в 1864 — 1866 г. и который, по словам Клыкова, «сделал для поднятия гаваней и особенно любимого им Владивостока все, что было тогда в его средствах, к сожалению, весьма ограниченных...»³

М. А. Клыков, будучи сам первопроходцем, прекрасно понимал, что нужно постараться увековечить память этого человека, отдавшего много сил исследованию приморских берегов, участвовавшего в открытии южных бухт.

«В будущей истории южных гаваней нашего дальнего поморья, — писал Клыков, — имена Н. Я. Шкота и другого подобного ему же труженика по этим гаваням, тоже теперь покойного Черкавского не должны остаться забытыми; преждевременная смерть их уже потому есть большая потеря, что подобные им трудолюбивые натуры не так часто появляются ,на окраине

нашего обширного отечества»⁴.

Описание залива Петра Великого моряк начал с мыса Поворотного, где залив берет начало, по направлению к югу, как обычно шло изучение приморских берегов.

В заливе Находка внимание исследователя прежде всего привлекла долина, получившая в наше время название Партизанской. «Плодородная, довольно, богатая лесом, долина пользуется более теплым климатом относительно соседних местностей, — писал Клыков, — отличные арбузы, растущие в ней на открытом воздухе, величиною и вкусом не уступают южно-японским; семена их были получены из Сан-Франциско. Долина довольно густо населена как туземным населением, так и вновь поселившимися русскими - ссыльно-поселенцами и выходцами из России, из Финляндии и губерний: Тобольской и Вятской и из бывших русско-американских владений»⁵.

Эти деревни — Владимирская и Александровская — позднее слились в одну, сохранив при этом до наших дней свои названия. О первых жителях этих деревень газета «Восточное Поморье» 1 марта 1866 г. писала: «На вопрос военного губернатора Приморской области и контр-адмирала П. В. Казакевича, бывшего в тех местах проездом: «Как живете? Как идет хозяйство? Поселенцы отвечали, что лучшего места они не могут и желать, что овощи уродились такие, каких они не имели никогда и что кроме обыкновенных наших овощей родились у них столько арбузов, дынь, что они посолили на зиму. Тогда же Казакевичем одна деревня была названа Александровской, а другая Владимирской слободками в честь великих князей Александра и Владимира».

Современного читателя, конечно же, интересует, что в те далекие времена было в самой бухте Находке? Про нее Клыков писал, что в «гавани» постоянного населения почти не было. Русские люди поселились в ней лишь в 1864 году, основав пост, где проживал один унтер-офицер и четверо рядовых. Спустя несколько лет, во время посещения этих мест Клыковым, в бухте Находке по-прежнему был всего лишь небольшой пост, так как все уволенные ссыльнопоселенцы предпочитали селиться в долине реки, а не на самом берегу моря.

Около залива Находка, плывя на «Фарватере» осенью 1865 года, Клыков чуть было не наскочил на подводный камень. Только благодаря вперёдсмотрящему матросу, который заметил впереди по курсу непонятные буруны, удалось вовремя изменить курс, тем самым избежав столкновения. Ранее выпущенные карты показывали в этом месте достаточную глубину — 9 1/4 сажени.

И сегодня штурманы, прокладывая курс около залива Находка, старательно обходят этот камень Клыкова: ночью и в штиль его обнаружить невозможно.

Много страниц своей лоции Клыков посвятил Владивостоку. Впервые он посетил его, точнее, место, где судно было позднее вырасти городу, в 1859 году за несколько дней до исторического захода в бухту парохода-корвета «Америка». Клыков плывал тогда на транспорте «Мавджур». На берегу бухты они обнаружили несколько хижин коренных жителей, которые дружелюбно отнеслись к русским морякам и готовы были, судя по заметкам Клыкова, отдать им за пустую бутылку или жестяную консервную банку целую курицу и сколько угодно овощей.

Было это ровно за год до того дня, когда тот же «Мапджур» основал на этих живописных берегах пост Владивосток. А через шесть лет, теперь уже на шхуне «Фарватер», Клыков вновь побывал во Владивостоке. С трудом можно было узнать эти безлюдные ранее берега.

Городок тянулся по побережью на три версты. Уже выделялись и три его основные части, прообразы будущих слободок. Клыков удивился обилию частных магазинов: они встречались буквально на каждом шагу. Служили они, разумеется, не столько местному населению, сколько экипажам заходящих в порт судов. Как писал Клыков, «пришедшее в порт судно всегда достанет в нем самонужнейшие материалы и провизию, хотя не всегда в должном качестве и полном количестве»⁶.

Недостаток в обеспечении жителей Владивостока и моряков продуктами питания с лихвой восполнялся рыбой, трепангами и крабами. Их подвозили на подводах прямо к борту судна, предлагая пополнить запасы продовольствия. Когда-то местные жители, в изобилии ловившие в бухте Золотой Рог трепангов, так и называли ее бухтой Трепангов, и это название долгие годы оправдывало себя.

Уже тогда во Владивостоке было две пристани: одна на северном берегу у склада Сухопутного ведомства, другая, длиной в четыре сажени, в самом порту. В Золотом Роге постоянно зимовало два судна. Одно из них было приписано к порту, другое приходило «на станцию». В тот год им и был «Фарватер». Удары склянок этих судов временами перекликались с колокольным звоном, доносившимся из города: там >сг одним из пригорков была выстроена церковь.

С первых дней своего существования Владивосток испытывал недостаток в пресной воде, и, хотя в 1865 году в близлежащей горе был найден ключ, воды из него на всех жителей не хватало.

Как отмечал Клыков, в ключе «...вода держалась всю зиму, но однако к вечеру постоянно была выбираемая вся, так что для домашнего обихода и для бани бедный люд и нижние чины употребляли морскую воду из бухты»⁷.

Из Владивостока Клыков отправил в Николаевск несколько писем для публикации их в газете «Восточное Поморье». Это была единственная в то время газета на Дальнем Востоке, просуществовавшая, к сожалению, всего два года.

«После непрерывных осенних бурь, — писал Клыков, — настали у нас великолепные дни, изо дня в день жаль только, что снежку нет, а то по голой земле весьма трудно вывозить лес, чем занят в настоящее время весь Владивосток...»

Порт же, расположенный на песчаной кошке вроде Николаевской, но несравненно меньше последней, есть надежда, что к весне примет надлежащий вид и устройство, а покуда в нем

выстроены две временные кузницы, магазин для механических вещей и оканчивается пильная. Стены достаточно обширного механического заведения выведены более половины, шхуна «Находка» начинает прикрывать обшивкою свои оголившиеся шпангоуты, рядом с ней красуется вытасенной на зиму на берег плоский, как корыто, и низкий, но с высокою мачтою, бот «Трепанг», подводная часть коего обросла травой и ракушками; шхуна же «Фарватер» стоит у самого механического заведения, имея нос на восток, и подвергает ежедневно сильным лучам здешнего солнца свой правый бок, который по этой причине начал давать уже значительные трещины по борту; для предохранения на первый раз се правую сторону выкрасили известью... Лучший из домов во Владивостоке в настоящее время, как и следует, — дом начальника южных гаваней, в котором и я покуда приютился, а после него оканчивающаяся постройкою гостиница, принадлежащая механику Носсеру и купцу Колесникову. Кроме зала, кухни и биллиардной она будет иметь четыре номера для приезжающих, и этим она, следовательно, перещеголяет Николаевск»⁸.

Описание залива Петра Великого Клыков закончил Посъетом, а в конце своей работы приписал: «Заканчивая этим свои посильные заметки о заливе Петра Великого и его берегах, мы позволяем себе думать, что они кому-нибудь из плователей могут при случае принести некоторую пользу, что и составляет единственную цель нашего описания»⁹.

Клыков понимал, что от ошибок и неточностей не может быть свободна ни одна работа. Сам он тщательно проверил и исправил результаты исследований В. М. Бабкина, своего учителя, который остался недоволен такой дотошностью молодого гидрографа, но сам же Клыков призывал всех мореплавателей, которые будут пользоваться составленной им лоцией, относиться к ней критически и «без всякого стеснения указывать на ее слабые стороны».

Он писал: «Мы думаем, что в наше полное прогресса время подобного качества вправе ожидать от каждого вполне развитого человека, который всегда сам поймет что без ошибок невозможно, немислима ни одна из человеческих деятельностей...»¹⁰

И все же сейас, по прошествии более ста лет, нельзя по признать, что особенности приморских бухт и заливов, отмеченные в свое время Клыковым, действительны и по сегодняшний день, и многочисленные исследования молодого гидрографа принесли пользу не только мореплавателям прошлого, но и нашим современникам.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ

...Благодаря хорошему лету мне удалось осмотреть все дороги и тропинки между гаванями Посъета, Ольги «Уссури».

П. А. Гельмерсен. 1864

Что ни год, то новые и новые экспедиции отправлялись в Уссурийский край. Одни исследовали его со стороны моря, других больше интересовала суша, но все путешественники возвращались обогащенные знаниями, впечатлениями и новыми сведениями о востоке России, а некоторые могли даже записать на свой счет важные открытия. Но тем не менее приморская земля, особенно ее южная часть, таила в себе немало секретов и продолжала привлекать внимание администрации Восточной Сибири.

В конце 1863 года, в самое, казалось бы, неподходящее для начала экспедиций время, из Иркутска выехало несколько верховых. Среди них был курьер генерал-губернатора Восточной Сибири штабс-капитан Петр Андреевич Гельмерсен. В его дорожной сумке среди других бумаг лежало два документа, которые объясняли срочность и важность этого выезда.

Первым было предписание для самого Гельмерсена: «В виду возможности военных действий весьма -важно подробное исследование путей, ведущих к восточным, а в особенности, к южным гаваням Уссурийского края, от занятых уже нами пунктов в этом крае.

Предназначив Ваше благородие для этих исследований, я командирую Вас ныне с весьма важными бумагами курьером в Николаевск, где по прибытию Вы поступите в распоряжение Приморского губернатора и откуда Вы будете командированы контр-адмиралом Казакевичем для означенного поручения.

При предстоящих в Уссурийском крае исследованиях Вам необходимо: во-первых, определить, в какой степени разведанные Вами пути удобны для прохождения всех родов войск, какие встречаются к этому препятствия и какие необходимо произвести работы для устранения этих препятствий; и, во-вторых, произвести гъемки по этим дорогам и составить подробные маршруты.

При этом считаю нужным присовокупить, что Вам должно будет разведать путь с Раздольного поста на Зуйфуне к заливу Посьет, а также путь с Суйфуна на Хорогу, по коей следует партия, направленная полковником Романовым с верховьев Уссури к Владивостоку... 25 ноября 1863г.»¹.

Вторым документом было письмо военному губернатору Приморской области от штаба сухопутных и морских сил Восточной Сибири: «...должна быть исследована в подробности вся местность, окружающая залив и пути к нему ведущие с Суйфуна (ныне Раздольная), тем более, что и телеграфная линия должна быть по шестому повелению проведена до залива Посьета, а потому, отправляя ныне курьером и в распоряжении вашего превосходительства офицера генерального нп а-)а Гельмерсена, прошу Вас командировать его без задержания в Уссурийский край для означенного исследования, а также для разведки путей с Суйфуна по дороге, по которой следует телеграфная партия, и к другим южным гаваням по указанию Вашему. Занятия эти должны быть окончены им к осени будущего года»².

Контр-адмирал П. В. Казакевич выполнил распоряжение, адресованное ему, и выделил штабс-капитану Гельмерсену опытного топографа Кудрина и шесть солдат, и уже 16 февраля 1864 г. Гельмерсен со спутниками выехал из Хабаровки на Уссури.

Только к началу марта он добрался до села Красноярского, расположенного на этой реке, где пришлось ненадолго задержаться: неожиданно выпал большой пит, лошади к тому времени уже были утомлены, и им требовался отдых.

Зато оставшийся путь до Ханки был пройден быстро. Дорога шла прямо по руслу реки, которая была еще прочно скована льдом. В четырех постах, расположенных на реке, задерживаться не было нужды, так же, как и в посту Раздольном, куда путники добрались через несколько дней.

Восемь месяцев продолжалась экспедиция. За это время Гельмерсен исходил юго-восточную часть края буквально вдоль и поперек. Больше всего его интересовали перевалы через хребты Сихотэ-Алиня. Одни были слишком круты, и офицер в своей карте отмечал их как неудобные для передвижения, другие отвергались из-за того, что густо поросли лесом.

Базового лагеря у путников не было, все их имущество и продовольствие находилось с ними. Приходилось довольствоваться самым необходимым, а часть пропитания добывать в тайге. Правда, еще перед началом экспедиции у Гельмерсена была договоренность со штабом Сибирской флотилии, что на попутном корабле будет завезена провизия в Уссурийский залив. За ней пришлось сходить, отложив на некоторое время основные исследования.

От Уссурийского залива берегом путники прошли в Золотую долину, чтобы оттуда разведать маршрут на один из притоков Уссури. Им это удалось, причем в пути Гельмерсен обнаружил развалины старинных укреплений, которые он также нанес на карту.

Надо сказать, что на карте офицера появлялись также обозначения мест, удобных для поселения: Ханкайская долина, Посьет, река Раздольная, Золотая долина. Это не входило в прямые обязанности Гельмерсена, но, считая себя человеком, причастным к освоению Приморья, и предполагая дальнейшее развитие края в ближайшем будущем, он не мог равнодушно пройти мимо тех богатств, которые встречались ему на пути. Разнообразие природы, особенности растительного и животного мира также нашли отражение в его дневнике, к сожалению, так и не опубликованном.

Пройдя пешком огромное расстояние, Гельмерсен обнаружил, что многие реки на карту нанесены неверно, и он промерил их заново.

Согласно первоначальному плану, к середине октября экспедиция закончилась в бухте Ольге, откуда на шхуне «Сахалин» Гельмерсен со спутниками ушел во Владивосток, а оттуда пешком направились в Казакевичево³.

В своем рапорте на имя генерал-губернатора Восточной Сибири штабс-капитан П. А. Гельмерсен напи сал: «Для картографирования южного края теперь I вольно материалов, и карта, составленная из них, может надолго удовлетворить общую потребность, хотя в ней будет еще очень много пропусков, наполненных расспросами...

Нельзя не сказать здесь, что при командировках на короткое время это будет всегда повторяться и посылка топографов или даже офицеров с этой целью на бо-* лее долгое время была бы весьма полезна, потому что не терялось бы много времени и денег и было можно идти более систематически»⁴.

Экспедиция П. А. Гельмерсена явилась своеобразным продолжением работы в Приморском крае Венюкова и послужила в дальнейшем основой плодотворной экспедиции Пржевальского.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РАПОРТА ПОРУЧИКА ЛОПАТИНА

Это был редкий у нас тип исследователя природы, не привязанного ни к какому учреждению, ни к какому служебному месту, и всю жизнь отдавшего свою работу на пользу науке.

Сотни книг рассказывают нам о путешествиях и исследованиях в Приморье. У одних авторов вышли в свет солидные тома в роскошных кожаных переплетах с золотым тиснением, с прекрасными гравюрами и картами, другие путешественники и ученые довольствовались более скромными публикациями.

Исследователь, о котором мы поведем рассказ, о результатах своих экспедиций сообщал публике в коротких заметках, озаглавленных «Извлечения из рапорта поручика Лопатина».

Иннокентий Александрович Лопатин почти не оставил своего имени на географической карте Приморья и Дальнего Востока, но его нужно считать истинным первооткрывателем многих важнейших месторождений полезных ископаемых в нашем крае.

В то время, когда с транспорта «Манджур» на пустынный берег Золотого Рога высаживались основатели поста Владивосток, 22-летний Иннокентий Лопатин получал документ об окончании Горного корпуса. Молодой горный инженер был направлен для дальнейшей работы в Нерченский округ, который в то время подчинился генерал-губернатору Восточной Сибири. Его приказом Лопатин вскоре был переведен на Дальний Восток, так как развивающемуся краю уже требовались специалисты самого разного профиля¹.

Прежде всего интересовали «запасы каменного угля, необходимого в качестве топлива винтовым клиперам, бороздившим Японское море. Уголь в Приморском крае имелся и в Посъете, и в окрестностях Владивостока, и в некоторых других местах, но сведения о качестве и количестве его в том или ином месторождении были весьма противоречивы. Требовались точные данные о запасах угля, особенно в южном Приморье, с этой целью и поехал горный инженер в Уссурийский край.

По реке Раздольной в мае 1862 года он добрался до Амурского залива, а оттуда берегом дошел до Посъета, до заброшенных угольных копей. Солдаты, занимающиеся добычей угля в этих местах, вынули почти весь уголь, лежащий выше уровня моря. Когда наклонная выработка дошла до того урона, где приток воды стало трудно откачивать, копи забросили.

Лопатин определил, что лучшая часть пласта уходит под волну бухты, а на поверхности остается некачественный бурый уголь, который, тем не менее, может использоваться в пароходстве.

Из Посъета Лопатин вернулся к устью реки Раздольной, проверяя попутно карту угольных месторождений, составленную за два года до этого майором П. Н. Хитрово. Побывал он и на берегу Золотого Рога, оставив такие воспоминания об увиденном: «Владивосток расположен в узкой бухте, которая врзается в оконечность полуострова, разделяющего Амурский залив от Уссурийского. Бухта Владивосток совершенно защищена от ветров, глубока настолько, что в ней могут стоять большие корабли, но не велика. Здесь кроме постовых строений, как и в Посъете, есть и казармы, и лазарет для матросов русских военных судов. Тут же строится механическое морское заведение, две пристани для выгрузки судов, церковь, несколько домов семейных солдат и лавка одного русского купца»².

До конца 1862 года находился путешественник в Приморье, результатом его многочисленных поездок стала карта угольных месторождений южных районов Приморского края и отчет о запасах, а первые впечатления были опубликованы в виде короткой статьи в «Записках Сибирского отдела Географического общества» за 1864 год.

В том же году Лопатин получил предписание исследовать предполагаемое месторождение свинца в районе Ольги. 1 апреля 1864 г. он выехал из Иркутска в Николаевск, где должен был сесть на попутное судно. Но транспорта пришлось ждать долго, и Лопатин успел по поручению П. В. Казакевича совершить непродолжительную поездку вверх по Амуру.

Только 1 июля 1864 г. геолог поднялся вместе с переселенцами на транспорт «Манджур», чтобы добраться до Ольги. Среди пассажиров «Манджура» обращал на себя внимание молодой немец, почти не говоривший по-русски. «Герр Кунст» — так представлялся он при знакомстве, но о целях своей поездки в Ольгу предпочитал не распространяться, ссылаясь на плохое знание русского языка. Но тем не менее он заметно льнул к русскому горному инженеру.

Здесь надо пояснить, что первые сведения о месторождении свинца в районе Ольги сообщили в Иркутск русские топографы, которые наносили на карту местность от Ольги до верховьев Усури. Удивительно, но это сообщение неизвестно какими путями дошло и до гамбургских предпринимателей. Немецкий коммерсант с французской фамилией Гodefруа сразу же послал своего доверенного Дитмара в Ольгу, который и взял пробы.

После этого и появился в Николаевске Кунст. Да, богатая земля, где бы она ни находилась, всегда виделась лакомым кусочком для иностранных коммерсантов. Остается только удивляться, каким образом удавалось им узнавать о каждой возможности пожить в молодом крае³.

Два с лишним месяца провел Лопатин в окрестностях Ольги, уточняя расположение уже известных залежей и разыскивая новые. К сентябрю, когда настала пора возвращаться в Иркутск, котомка Лопатина была доверху набита пробами.

Обратный путь его лежал через Сихотэ-Алинь к Усури, по которой он спустился на лодке до Хабаровки. 15 ноября он прибыл в Иркутск. Результаты анализов вызвали большой интерес, подтвердив наличие значительных запасов свинца в Ольге. Особенно богатым оказалось

месторождение, лежащее в 115—120 верстах от поста.

В 1865 году Русское географическое общество поручило И. А. Лопатину руководство Витимской экспедицией⁴, а на следующий год он уже возглавил экспедицию в Туруханский край⁵. Результаты этих путешествий были высоко оценены в Петербурге. Вице-президент Общества Ф. П. Литке представил Лопатина к награде, «дабы поощрить как этого молодого человека на дальнейшие труды, так и вообще то стремление в отделе к исполнению целей, указанных Обществом, которое постоянно выказывается в нем разными лицами в последнее время»⁶.

Что ни год, то новые экспедиции. В 1867 году Лопатин отправляется на Сахалин для исследования минеральных богатств этого острова. Сибирский отдел Общества снабдил его для дополнительных работ некоторыми научными приборами. Все их путешественнику приходилось нести на себе, так как использовать лошадей для передвижения вдоль береговой полосы не было никакой возможности. Утесы круто падали в воду, и, обходя их, Лопатин либо карабкался по прибрежным камням, либо обходил их поверху, пробираясь сквозь густой лес. Несмотря на трудность подобных переходов, геолог за два года исследовал всю южную часть острова и совершенно неизвестный до тех пор отрезок восточного берега.

Окрестные породы подавали надежду на открытие месторождений золота, но все шурфы, которые бил Лопатин на склонах хребтов, утверждали обратное. Зато в геологическом отношении ему удалось собрать некоторые интересные данные. Выполнил он и поручение Географического общества: вел наблюдения над количеством снега, выпадающего на южном Сахалине, и над уменьшением его глубины по мере приближения к морскому берегу.

По возвращении с Сахалина Лопатина направили в Приморье, где он должен был продолжить разведку месторождения свинцовых руд вблизи Ольги. Результаты анализов показывали перспективность этой работы, а в Иркутске были заинтересованы в скорейшем открытии хотя бы одного рудника. Близость к прекрасной бухте давала надежду, что разработка этого месторождения может начаться довольно быстро и вестись успешно.

8 августа 1868 г. Лопатин появился в Камень-Рыболове. В тот год лето в Приморье выдалось дождливым, все речки окрест вышли из берегов, и у геолога не было никакой возможности в ближайšie дни уехать во Владивосток, откуда на попутном транспорте он предполагал добраться до Ольги.

Дожди задержали исследователя в Камень-Рыболове надолго, и этот отдых оказался ему очень кстати. Из трудных путешествий на Сахалине геолог вывез не только прекрасные результаты, но и жесточайший радикулит, который свалил его в Камень-Рыболове.

Вынужденная задержка в пути, а главное, болезнь, заставили Лопатина отказаться от первоначального плана. Из Владивостока он попал только на остров Аскольд, о золотых россыпях которого на Дальнем Востоке ходило немало легенд и слухов.

Вернувшись той же осенью в Иркутск, Лопатин, которому в то время был 31 год, не откладывая в долгий ящик, выполнил решение, которое созрело в последнем путешествии. В своем рапорте на имя генерал-губернатора Восточной Сибири он написал: «Предписанием от 14 апреля 1867 г. за № 700 вашему превосходительству угодно было возложить на меня поручение касательно исследования в 1867 и 1868 годах Амурской страны в минеральном отношении по мере ассигнования на то средств. Исполняя это дело, я лишился здоровья, потому принужден, ваше превосходительство, оставить службу правительству»⁷.

Говоря о подорванном здоровье, Лопатин не преувеличивал. Не только радикулит, но и множество других болезней терзали его, потому и прошение об отставке его было быстро принято. Уезжая из Сибири, Лопатин обещал друзьям вернуться к ним, как только восстановится здоровье, но служба его так и не возобновилась.

По пути к месту лечения на минеральные воды исследователь заехал в Петербург, где встретился со своим сослуживцем и другом П. А. Гельмерсеном. Здесь надо сказать, что у Лопатина было большое увлечение, которому он предавался с необъяснимой страстью — археология. Во всех своих путешествиях он не забывал отмечать в картах и планах следы старых поселений, крепостей и других археологических памятников. В его тяжелой котомке наряду с отобранными пробами соседствовали и черепки.

Долго шли в тот вечер разговоры между друзьями о Приморском крае и о том, что местная администрация не желает сохранять памятники прошлого, быстро исчезающие с лица земли⁸.

1 декабря того же года Гельмерсен выступил на заседании Совета географического общества: «Недавно действительный член Общества И. А. Лопатин в проезд свой через Петербург сообщил мне, что русскими жителями деревни, поселенной внутри этого вала (около села Никольского), найдены другие предметы в высшей степени интересные, как то: статуи, черепаха с щитом и другие. Сам Лопатин привез сюда и передал В. П. Васильеву бронзовый круг с надписью и одну монету. Все же находки, 'могущие послужить к разъяснению истории северо-восточной Маньчжурии, в которой происходили столкновения между несколькими народами и династиями, в настоящее время гибнут от невежества жителей, и Лопатин рассказал, что камни с названиями уже употреблены на жернова»⁹.

Вице-председатель Общества Ф. П. Литке сразу же написал письмо генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову с просьбой немедленно принять меры к сохранению исторических памятников, Предостережение поспело вовремя: древние скульптуры были сохранены, и сейчас мы видим знаменитую черепаху в краеведческом музее г. Хабаровска, а статуи

— во Владивостоке.

Страсть к путешествиям не оставляла Лопатина и после того, как он вышел в отставку. Вместе с другом Ф. Б. Шмидтом, с которым он познакомился еще на Дальнем Востоке, неутомимый исследователь побывал на Подкаменной Тунгуске, Ангаре и Чулыме, открыв там многие месторождения полезных ископаемых, которые разрабатываются и по сей день. Все, кому приходилось работать рядом с Лопатиным, отмечали, что он обладает удивительным чутьем, позволяющим ему углубляться в исследования именно там, где что-то можно найти. При этом он был искусным составителем геологических карт, охватывающих огромные расстояния.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Сильная, с детства взлелеянная страсть к путешествию заставила меня после нескольких лет предварительной подготовки перебраться на службу в Восточную Сибирь — эту громадную и столь интересную во всех отношениях окраину царства русского.

Н. М. Пржевальский

В 1867 году после долгих хлопот молодому офицеру Н. М. Пржевальскому удалось добиться перевода из Польши на новое место службы — в штаб Восточно-Сибирского военного округа. По пути в Иркутск он заехал в Санкт-Петербург и, зайдя в Географическое общество, высказал там намерения заняться путешествиями и попросил помощи. В то время Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, которые проводили исследования по своей собственной инициативе, — может быть, потому, что такая инициатива проявлялась слишком редко, но время от времени оно снаряжало свои экспедиции, подирая в их состав исключительно тех лиц, которые были уже известны в научных кругах.

Но всего лишь 28 лет, для научного мира представлял Николай Михайлович Пржевальский, которому бы-совершенно неизвестного человека, и выдать ему пособие на предполагаемые путешествия Совет Географического общества отказался. Однако председательствующий на нем П. П. Семенов-Тянь-Шанский проникся теплыми чувствами к молодому человеку, почувствовав в нем будущего замечательного путешественника, и постарался ободрить и утешить Пржевальского.

От него Пржевальский получил рекомендательные письма к генерал-губернатору М. С. Корсакову и генералу Б. К. Кукелю. При этом Семенов-Тянь-Шанский обещал начинающему путешественнику, что если на собственные средства он сделает какие бы то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском крае и докажет тем самым свою способность к путешествиям и географическим исследованиям, то по возвращении из Восточной Сибири он может надеяться на организацию со стороны Общества под его руководством более серьезной экспедиции в Среднюю Азию.

Около двух лет провел Н. М. Пржевальский в Приморье, покрыв пешком или верхом громадные расстояния от устья реки Усури до Посьета, оттуда берегом по выючной тропе во Владимир, а затем через Сихотэ-Алинь в Ханкайскую долину.

Об этом путешествии Пржевальского по Уссурийскому краю уже достаточно много известно. «Это была чудная, обаятельная жизнь, — писал Пржевальский, — полная свободы и наслаждений! Часто, очень часто теперь я вспоминаю ее и утвердительно могу сказать, что человеку, раз нюхнувшему этой дикой свободы, нет возможности позабыть о ней даже при самых лучших условиях дальнейшей жизни»¹.

На титульном листе книги путешественника напечатано: «Издание автора», это означает, что она была напечатана на средства самого Пржевальского. Известно, что путешественник жил весьма скромно, довольствуясь одной лишь армейской зарплатой. Откуда же взял он деньги на солидное издание в полукожаном пересчете?

Имеется две версии на этот счет. В основу первой пошла воспоминания П. К. Козлова,

товарища Прже-ийского по путешествию в Средней Азии. «...Пржелальский в свое путешествие в Уссурийском крае, — писал Козлов, — при зимних пребываниях в Николаевске или Владивостоке вел большую игру в карты, притом играл хорошо и счастливо, но товарищей никогда не допускал в свою партию, а обыкновенно играл с местными купцами и морскими офицерами.

— Я играю, — говорил Пржевальский, — для того, чтобы выиграть себе независимость. И он действительно достиг своей цели. Впоследствии, уезжая из Николаевска, он бросил карты в Амур,

— С Амуром, — сказал он при этом, — прощайте и амурские привычки. Таким образом выигранный капитал, около пятнадцати тысяч рублей, как нельзя более кстати пригодился»².

По другой версии Пржевальский, зимую в Николаевске, держал пари на крупную сумму с местным начальством о том, когда вскрыется Амур, и выиграл. Об этом вспоминал путешественник Б. К. Дыбовский.

Не будем гадать, какая из этих двух версий достовернее, главное другое — в результате нечаянной денежной удачи вышла в свет замечательная книга.

Малоизвестен и другой факт из «уссурийской» биографии Пржевальского — о том, какой резонанс получили результаты его исследований в Восточной Сибири. В первом номере «Известий Сибирского отдела Географического общества» за 1870 год была опубликована рецензия на статью Н. М. Пржевальского о населении Уссурийского края. В ней говорилось:

«Нельзя не пожалеть о том, что автор, вводя в свое солидное сочинение несколько ярких страниц о населении уссурийского казачьего батальона, не везде был беспристрастен, а и сообщаемые им сведения о характере населения и действиях администрации не вполне точны. Так, например, говоря о бедственном положении казаков, о голодовках, автор сообщает о «выколачивании» хлебных долгов и советует сложить их, тогда как долги эти на крупную (до 60 тысяч рублей) сумму сложены еще в 1869 году. Подобное несправедливое сообщение тем более странно, что автор знал об этом достоверно по возвращении своем в Иркутск»³.

Эта рецензия, которая публично обвиняла Пржевальского в искажении фактов, стала предметом широкого обсуждения на общем собрании Сибирского отдела Географического общества 22 октября 1870 г. Те члены Общества, которые сами не могли равнодушно пройти мимо тревоживших их фактов российской действительности, понимали, что рецензия — это всего лишь способ поставить на место путешественников, которые суют свой нос куда не надо и выносят сор из избы. Но были среди собравшихся и колеблющиеся. К ним-то прежде всего и обращался Пржевальский, когда зачитывал собранию свое открытое письмо, позднее опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях» (сибирские чиновники отказались помещать его в иркутской газете).

С глубоким прискорбием прочитаны были мною эти строки, — говорил Пржевальский, — тем более, что в описании быта уссурийских казаков я еще значительно смягчил факты против действительности. Каждый бывший на Уссури и видевший тамошних казаков, их нищету, голод и полнейшую деморализацию, надеюсь, согласится со мной в этом случае, если только беспристрастно отнесется к делу. Со своей стороны я считал святым долгом выставить все это в надлежащем свете, а не соображаться с чьими бы то ни было желаниями или взглядами.

Молодой офицер со знанием дела бросал собранию «грустные факты, которых мне лично не раз приходилось быть свидетелем во время господства терроризма на Уссури, то есть в 1867 году. Но если б автор библиографической заметки видел, как брали у казака продавать его последнюю корову, или как наказывали старика-отца за неисправность детей, или как местный доктор, вскрывая трупы умерших, находил в желудке куски сапожной кожи и глины, которую несчастные ели вместо хлеба, — тогда он не вздумал бы упрекнуть во лжи человека, писавшего эти факты с голой действительности и беспристрастно выставившего их на общественный суд»⁴.

Зал зашумел, ведь все это имело отношение и к некоторым из высокопоставленных лиц, которые сидели здесь же на почетных местах.

- Я предлагаю, — продолжал Пржевальский, — к напечатанию в тех же самых «Известиях», в которых была опубликована библиографическая статья, настоящий мой доклад.

Неожиданно в полемику вмешался М. И. Тихменев, бывший начальник штаба войск Приморской области, который по служебному положению имел прямое отношение к Уссурийскому казачьему батальону. Он обратился с открытым письмом в газету «Санкт-Петербургские ведомости», которое было опубликовано 19 декабря 1870 г.

— В течение трех лет, — говорил Тихменев, — я занимался изучением уссурийского казачества, как наиболее поврежденного члена в общем болезненном организме Приморской области. Но полученные материалы по не вполне зависящим причинам издать не смог... Ко всему сказанному Пржевальским о современном гражданском и экономическом положении Приамурского края в период с 1866 и до первой половины 1869 года включительно, можно прибавить весьма немногое, и то не вполне удобное для напечатания; возразить же против действительности заявленных фактов и верности сделанных заключений едва ли решится кто-либо из бывших в том крае и знакомых с ним не по слухам, а по действительно совершившимся событиям... Подтверждая все сказанное Пржевальским относительно уссурийского казачества, я действую прямо в ущерб себе: будучи поставлен по моему служебному положению в некоторое до известной степени

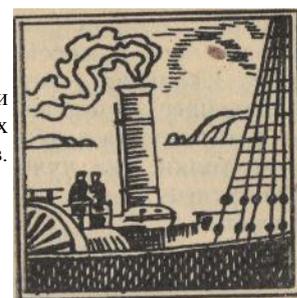
влиятельное отношение к уссурийскому казачьему батальону, я в известной мере должен принять на себя и ответственность за все совершившееся на Уссури...»

Путешествия Пржевальского в Приморье — всего лишь небольшая и далеко не самая значительная страница его жизни, этот путешественник стал известен всему миру после выдающихся исследований в Средней Азии, но, тем не менее, нам дорого имя этого человека, одного из первых, кто в процессе изучения нашего края обратил внимание на условия жизни первых поселенцев, пытался помочь им в борьбе за существование и предсказал дальнейшее развитие Приморья: «Много тысяч семейств уместится здесь совершенно свободно, и если только новые, поселенцы примутся, с энергией, за устройство своего житья-бытья, то можно ручаться, что через несколько лет они станут жить в полном¹ довольстве и не пожалеют о том, что рискнули бросить свою родину»⁵.

«Такие люди как Пржевальский, — писал А. П. Чехов, — во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, — имели еще громадное воспитательное значение... Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают»⁶.

АРХИМАНДРИТ ПАЛЛАДИЙ {П. К. КАФАРОВ}

Обращаясь к населению Уссурийского края, мы не можем не заметить глубоких и существенных перемен в племенном его составе. Заведение русских земледельческих поселений оказывает неотразимое влияние на окружающих их иноплеменников.
Архимандрит Палладий

Солнце, поднимаясь, ярко осветило горы. Накануне прошел сильный дождь, и воздух был на редкость чист и свеж. Огромная равнина зеленела всходами хлебов. Через пекинские северо-восточные ворота выехали пять крытых двуколок, к кот⁷рьш были прикреплены желтые треугольные значки. Они означали, что путешествует некто из великой русской державы.

В передней повозке задумчиво сидел, слегка покачиваясь в такт шагам неторопливых мулов, пожилой человек в походной одежде. Это был глава Пекинской духовной миссии архимандрит Палладий, в миру П. К. Кафаров. Его путь лежал из Пекина в сторону Благовещенска¹.

Что же заставило почтенного Ва, как называли Палладия китайцы, отложить работу по горячо любимому китаеведению и отправиться в далекий и нелегкий путь?

В мае 1869 года в Русское географическое общество в Петербурге поступило уведомление Морского министерства о направлении в Приморье большой правительственной комиссии под руководством генерал-адъютанта Сколкова, которая должна была определить дальнейшее развитие края и решить, наконец, вопрос, по которому уже несколько лет шли бесконечные споры и толки: где лучше и выгоднее держать морские и сухопутные силы обороны, во Владивостоке или в Посъете.

В Географическом обществе была спешно образована специальная комиссия, в которую вошли видные ученые-путешественники П. А. Гельмерсен, П. А. Кропоткин, Р. К. Маак, Г. И. Радде, А. С. Сгибнев и Л. И. Шренк. Они должны были решить, каким образом Географическое общество может принять участие в этом деле².

Эти люди были знакомы с Дальним Востоком и понаслышке, каждый из них в достаточной степени побродил по Приморью и Приамурью, поэтому ни споров, ни разногласий между ними по поводу будущей экспедиции не было. Сделав тщательный обзор научных работ по Амурскому и Уссурийскому краям, комиссия приняла решение по дальнейшему освоению дальневосточной окраины.

В протоколе окончательного заседания, который назывался «Предположения об экспедиции в Амурский край в 1869 году», они записали, что «первым условием успеха является отстранение всего искусственного и насильственного, и необходимо иметь в виду и те задатки, которые представляют сами туземцы для будущего своего развития и принятия русской гражданственности»³.

Действительно, после естественно-научных, путешествий на Дальний Восток Максимовича, Будищева, Маака, Пржевальского, геологов Аносова и Лопатина, а также многочисленных топографов, этнография края оставалась загадкой. Весьма мало было известно о туземном населении Амурского края, о бытовой стороне их жизни, о нуждах и потребностях, об отношениях к русским переселенцам, с одной стороны, и к жителям соседних Маньчжурии и Кореи — с другой.

Лишь работа А. Д. Брылкина внесла небольшой вклад в эту область знаний⁴, а между тем вопрос о малых народностях Дальнего Востока встал на повестку дня в то время со всей

остротой. Вот почему возникла необходимость в организации специальной этнографической экспедиции.

Исследования полагали начать комплексно с приграничных к Китаю территорий, то есть с Уссурийского края, где на сравнительно небольшой площади встречается немало народностей. Наряду с этим, было предложено провести и археологические работы, осмотреть остатки древних городищ, развалин и укреплений.

Для проведения этих работ лучшей фигуры чем Пал-ладий-Кафаров тогда найти было невозможно. «Его глубокие знания по части географии, истории и словесности Маньчжурии, Китая и Кореи представляли наилучшее ручательство в том, что его поездка принесет самые обильные и важные результаты», — такую характеристику дал П. П. Семенов-Тянь-Шайский этому видному этнографу⁵.

Пока шла официальная переписка с обер-прокурором Святого Синода о 'разрешении Палладию работать в этой экспедиции, ученый секретарь Географического общества Ф. Р. Остен-Сакен написал архимандриту личное письмо с предложением совершить эту поездку. Тот немедленно откликнулся и сообщил о своем согласии, высказав при этом намерение ехать в Приморье не обычным путем всех караванов через Монголию, а затем Кяхту, а прямым — через Благовещенск.

В результате этого можно было получить совершенно новые сведения о маршруте.

Разрешение от духовного ведомства было вскоре дано, и Палладий начал собираться в дорогу. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков прикомандировал к нему классного топографа Г. Нахвальных, который должен был по глазомерной съемке составить новые карты пути.

Это был опытный топограф, при его участии составлялось большинство карт Сибири и Дальнего Востока.

21 июня 1870 г., благополучно достигнув пределов России, экспедиция направилась вниз по Амуру в Хабаровку, где пересела на пароход «Сунгача» и поплыла вверх по Уссури. 7 июля путешественники пересекли озеро Ханка и попали в Камень-Рыболов, маленький солдатский пост, а через три дня на лодке отправились в село Никольское, которое Палладий избрал основным местом работы.

Деревня Никольская, ныне г. Уссурийск, располагалась на почтовом тракте Владивосток — пост Камень-Рыболов и, как писал Палладий в своем дневнике, состояло «из дворов семидесяти; так как каждый крестьянин старался занять под свой дом и огород как можно больше земли, то селение раскинулось на большое пространство; жители его, почти исключительно суть астраханские переселенцы, они перенесли с собой наречия, обычаи, поверья и устройство домов, выходцев из других губерний России они не жалуют и стараются вытеснить их от себя, поэтому воронежские переселенцы образовали особую улицу, отдельно от астраханцев»⁶.

Путешественник Алябьев, побывавший в Никольском за год до Палладия, в своей работе «Далекая Россия — Уссурийский край» рассказал такой эпизод: «Жена крестьянина, у которого в доме я остановился, разговаривая о прежней своей родине, выражала, не помню по какому случаю, неудобства здесь постиглись Желая ободрить ее, я сказал ей:

- Что делать? Бог простит, ведь это не Россия. — Употребив последнее слово в том смысле, в котором употребляют его все здешние жители, желая сказать, что они не здешние уроженцы.

- Нет, батюшка, это ничего, — отвечала она, — мы еще маленько 'поживем, так и сами здесь Россию сделаем...»⁷

Уже на следующий день Палладий отправился рассмотреть городище, находившееся вблизи Никольского. Пройдя по огромному валу, он увидел следы древних улиц и домов. Около десяти дней он провел в исследовании окрестностей. В своем плане он отметил сохранившиеся статуи людей и баранов. Внимательно осмотрел Палладий и каменную черепаху, стоящую на небольшом кургане. В селе он приобрел более десяти медных монет, найденных поселенцами в развалинах городища и проливающих некоторый свет на историю здешнего края.

В письме в Петербург в Географическое общество Палладий писал: «Все время мое занято поездками, переездами, осмотром и приведением заметок в порядок. Надеюсь, что зимнее время - даст мне более досуга. Летняя пора не совсем удобна для осмотра древностей: все заросло густой и высокой травой, или лесной чащей; кроме того, здесь постоянно идут дожди. Жду осени, чтобы пополнить и проверить мои наблюдения. ...Бесполезно повторять, что здешний край представляет обширное поле для археологических изысканий; так, почти все течение реки Суйфун (Раздольная) было линией поселений и военных укреплений; местность около села Никольского, по-видимому, была особенно важна в стратегическом отношении»⁸.

Одной из основных задач Палладия было найти сведения о малых народностях, в частности, нанайцах. К тому времени, когда путешественник достиг Никольского, они перекочевали на север Приморья, и ученый решил попытаться поискать их там, сев на попутный пароход из Владивостока.

В конце июля, оставив Нахвальных в Никольском дочерчивать начисто карту путешествия Приморья, Палладий отбыл во Владивосток. В устье реки Раздольной он сел на «Суйфун», рейсовый пароходик. Казалось, даже небольшие волны Амурского залива грозили переломить надвое корпус «нежного, тонкого и вместе с тем длинного», как писал Палладий, судна. Но переход закончился благополучно. Капитан Векман лихо зашел в Семеновский ковш и причалил

к небольшой пристани. Путешественник с трудом перешагивал через обтесанные бревна для Владивостокского поста, которые в беспорядке валялись по всему берегу.

До поста можно было добраться по узкой тропке, ведущей по сопке через ручей. В тот день с утра зарядил дождь, было слякотно и скользко, и Палладий с трудом преодолел две версты, отделявшие Семеновский ковш от поста.

В своем дневнике П. Ф. Кафаров так описал впечатление, которое произвел на него будущий город: «Владивосток разделился на три части; среднюю занимают городские обыватели; на востоке от нее в версте следует военный сухопутный пост, называемый здесь «Артиллерией» ради того, что на полдороге устроена была некогда батарея, теперь упраздненная; несколько огромных орудий и теперь лежат на берегу бухты. Западная часть города принадлежит морскому ведомству; там есть казармы для береговой команды, механическое заведение и небольшой док. Пустынное углубление бухты называется Золотым Рогом. В городе есть до шести магазинов, из них один русский; все наполнены дрянными винами и мануфактурными изделиями Гамбурга и Америки. Жителей насчитывается до 800, но большая часть их обязана службе»⁹.

Те несколько дней, что Палладий пробыл во Владивостоке, либо шел дождь, либо был морозящий туман. Попутных судов, отходящих на северное побережье, не было, и Палладий был согласен добраться хотя бы до Находки или Ольги. Но командир «Алеута», шедшего туда, не давал никакой гарантии забрать его оттуда до зимы, и поездку пришлось отложить.

Зато в один из погожих дней он совершил поездку на Русский остров в бухту Новик. Там он тоже обнаружил интересные археологические находки: следы старинной крепости.

10 августа, окончательно оставив надежду попасть на север Приморья, Палладий вернулся в село Никольское. Здесь он продолжил свои исследования и *наблюдения* за жизнью и нравами местных жителей, недавних переселенцев. «Странствовали они с разными остановками три года, пока не достигли Ханкайского округа, — писал ученый в дневнике, — и во время путешествия потеряли большую часть скота и денег. Во сколько выгоднее было бы совершить переезд морем прямо во Владивосток»¹⁰.

Этнограф ближе познакомился с жителями села, бывал в их домах, присматривался к нравам и обычаям поселенцев. Быт николец показался ему во многом необычным, несвойственным для центральной России, некоторые черты его были как бы перенесены из глубокой древности.

Поздней осенью в Никольском игрались свадьбы. Но селу скакали на лошадях друзья жениха, на их шапках развевались красные ленточки. На хате молодых после свадебного гулянья водружался красный флаг.

Зимой молодежь собиралась на вечерки. На Рождество, Крещение пели гимны и песни, в которых слышались отголоски прошлого. Палладий писал, что «в нетрезвой жизни астраханцев упрекнуть нельзя, хотя и попадаются примеры запоя, но очень редкие»¹¹.

2 января 1871 г. Палладий отправился по замерзшей реке на трех тройках во Владивосток. Он хотел в самом начале навигации отплыть в Ольгу. Когда отъезжая из Никольского, была ясная и морозная погода без ветра, но чем ближе становилось море, тем сильнее оно давало о себе знать. Санная дорога во Владивосток проходила по Амурскому заливу. На середине пути тройка, на которой ехал Палладий, провалилась под лед, но все закончилось благополучно.

Во Владивостоке было холодно и ветрено. В бухте зимовала лишь одна паровая шхуна «Восток», пришедшая на смену «Алеуту». Военный губернатор Приморской области разрешил Палладию воспользоваться этой шхуной для поездок в Посыет, Находку и Ольгу, дело оставалось только за началом навигации.

Палладию удалось пополнить здесь свою коллекцию: у морского офицера Петрова он приобрел редкую древность, каменный топор темно-зеленого цвета, очень искусно выточенный из диорита. Офицер нашел его при рытье погребов на берегу бухты и охотно уступил путешественнику.

Ожидая начало навигации, Палладий знакомился с первыми владивостокцами, вел с ними долгие беседы. «Люди компетентные предсказывают Владивостоку блестящую будущность», — отмечал он в своих записках¹².

14 марта в проливе Босфор Восточный показалась полоска синей воды, но только через две недели, 30 марта, когда поднялся сильный ветер с юга, началась подвижка льда в Золотом Рого. Она была настолько мощной, что принесла немалый урон порту. У транспорта «Байкал», который стоял блокшивом у Морского участка (район нынешнего памятника Невельскому), громадные острые льдины пробили оба борта, и судно, на котором хранилось портовое имущество — паруса, канаты и пр. — всей кормой село на грунт. По всей бухте плавали бревна, ящики, бочки, так как вода затопила и док. Бак «Байкала» поднялся и торчал из воды, позволяя оставшемуся грузу беспрепятственно скатываться с палубы в воду. Только огромные каменные жернова, стоящие на корме, удерживались силой своей тяжести на месте, но судно было обречено.

Через год командир шхуны «Алеут» лейтенант Лавров дал следующее заключение: «...относительно корпуса «Байкала» по-моему устраивать что-либо для подъема его положительно не стоит, а для того, чтобы можно было вынуть его по частям и очистить место бухты, самое лучшее взорвать именно минами...», что и было сделано¹³.

Но это было через год, а пока Палладий с крутого берега с благоговением смотрел на историческое судно Невельского.

5 апреля 1871 г. на шхуне «Восток» путешественник отправился на юг Приморья, в залив Посьет. Проходя мимо мыса Гамова, Палладий написал: «Мыс назван так в память офицера генерального штаба Гамова, принадлежащего к плеяде наших ученых тружеников, которые с лишениями и разными затруднениями научно исследовали неведомый край Приморской области; непростительно было бы не увековечить имена их наряду с призрачными Босфорами и Золотыми Рогом; мы могли бы обойтись и без Улиссов, Диомидов и Патроклов, когда у нас есть свои Улиссы науки и самопожертвования»¹⁴.

Можно, конечно, поспорить с архимандритом Палладием насчет географических наименований, но он, по себе знавший, насколько труден и тернист путь ученого и путешественника, несомненно прав, поднимая вопрос об увековечивании имен всех тех людей, которые внесли свой вклад в освоение Приморья. И лишь в одном ошибался он: тот мыс был назван не в честь участника Уссурийской экспедиции офицера Гамова, а в честь его однофамильца, гардемарина с фрегата «Паллады» Дмитрия Гамова, увидевшего мыс первым.

7 апреля «Восток» бросил якорь в Посьете. П. К- Ка-фаров провел там несколько дней, занимаясь исследованиями окрестностей. «Я очень сожалел, — писал Палладий, что не застал в живых прежнего начальника поста Дьяченко, который провел здесь много лет и изучил страну в совершенстве; он был одним из немногих оставшихся в живых сподвижников графа Муравьева-Амурского, до сих пор любящих вспоминать об эпических временах приобретения Золотого Руна на Крайнем Востоке»¹⁵.

По пути в Находку Палладий посетил Славянку, тогда совсем небольшой пост. Находка очень понравилась ученому. Вот какой он запомнил ее: «Небольшая, но глубокая бухта эта со всех сторон окружена горами; фактория расположена на самом берегу бухты. Большое болото, изрезанное канавами для просушивания его, отделяет механические заведения от жилых -домов (домов десять); посредине болота протекает ручей пресной воды. В это самое время только что раздался призывный звонок с деревянной башенки, и вскоре закипела жизнь в этом маленьком уголке, раздавался звук топоров в плотнической, ударов молота в кузнице, шипение паров в лесопильне и мукомольне. Любо было смотреть на опрятность зданий, на порядок во всем, господствующий здесь. На возвышенном месте красовался дом управляющего факторией с флагом удельного ведомства»¹⁶.

Без малого месяц провел Палладий в Находке. За это время он побывал в Золотой долине, где обнаружил много археологических памятников¹⁷.

Почти все лето провел путешественник в исследованиях, побывав еще в Ольге, Владимире, Находке, но сроки экспедиции заканчивались, и Палладий подумывал о возвращении к постоянному месту службы, в Китай.

По прибытии во Владивосток Палладий застал там интересное судно, необычное по виду: огромные красные чугунные колеса на баке и корме парохода, длинный черный корпус резко выделяли его среди стройных парусников. Это был транспорт «Африка», принадлежащий Датской телеграфной компании, которая соби- ралась проложить подводный кабель между Владивостоком, Нагасаки и Шанхаем. Рядом с «Африкой» стоял военный фрегат «Торденскельд» — старый деревянный парусник с массивным рангоутом, сопровождавший «Африку».

Узнав, что отход этих судов назначен на ближайшие дни, Палладий обратился к командиру фрегата Лунцу с просьбой взять его в качестве пассажира, и тот любезно согласился. В тот же вечер ученый попрощался с офицерами «Востока», с которыми он очень сблизился за время морского путешествия. Офицеры в свою очередь оказали честь ученому, переправив его в шлюпке на фрегат.

Вскоре оба датских судна снялись с якорей и встали на рейде в Амурском заливе. Там к «Африке» присоединили кабель от телеграфной станции, и она, малым ходом, взяла курс в открытое море.

К сожалению, отчет этнографа об экспедиции в Приморье не был опубликован. Большой объем полученных сведений так и остался в виде дневниковых записей и кратких заметок.

На пути из Китая в Петербург Палладий умер. Ф. Ф. Бусее 'разыскал в Русском Географическом обществе его рукописный дневник периода экспедиции и попытался с помощью другого активиста общества Шевелева его издать. В десяти номерах газеты «Дальний Восток» публиковались отрывки из дневника, но полностью он так и не увидел свет, и сейчас лишь немногие исследователи читают скупые строки повествования Палладия, хранящиеся в архиве.

ПОДВИГ ТОПОГРАФА

..Военные топографы экспедиции под начальством полковника Большева сняли мензулою всю береговую полосу от залива Пластун вплоть до Де-Кастри. Кому приходилось путешествовать сухим путем вдоль этого побережья, тот знает, каких громадных трудов это стоит. Какие же труды надо было вынести, чтобы не просто пройти вдоль берега, но пройти его с мензулою, делая точную съемку? Труд огромный. -

М. Е. Жданко

В то время, когда южные берега Приморья мало-помалу осваивались и засеялись, а карты побережья постоянно дополнялись и уточнялись, облегчая условия мореплавания, береговая черта на севере по-прежнему оставалась неизученной. Кое-где на картах она была обозначена пунктирами, в других же местах была настолько недостоверной, что моряки убеждались в этом собственными глазами. То карта показывает, что суша далеко вдается в море, но сколько ни вглядываются матросы, ничего похожего на берег не замечают. То, напротив, карта обещает безопасную глубину, и корабль, поверив ей, на полном ходу садится на мель.

Несколько судов нашло свою гибель на камнях и отмелях северного приморского побережья, это и вынудило главного командира Восточно-Сибирских портов вице-адмирала А. Е. Кроуна в 1873 году выйти с предложением к генерал-губернатору Восточной Сибири Фредериксу организовать экспедицию по исследованию северной береговой черты Приморья.

Окружной штаб согласился с доводами Кроуна, и уже на следующий год ранней весной все было готово для отправки экспедиции. Возглавил ее опытный топограф Логин Александрович Большое. Вместе с ним на побережье Японского моря отправились 11 съемщиков: З. М. Белкин, И. Е. Андреев, П. С. Гроссевич, А. И. Сосунов, И. К. Ванин, И. В. Павлович, Ф. А. Силантьев и другие, в основном опытные, знающие топографы.

Помимо своего основного задания, Л. А. Большое получил широкую программу работ от Восточно-Сибирского отдела Географического общества для сбора геогностических, этнографических и статистических сведений об этом районе.

19 апреля экспедиция тронулась в путь из Иркутска. На -Амуре исследователи пересели на пароход «И-года». Это было для них первой проверкой на прочность, ибо 16 мая 1874 г. «Ингода» вылетела на камни близ пристани Албазин, что находится между Сретенском и Благовещенском, и затонула. К счастью, все пассажиры спаслись. Повезло и в другом: среди товарищей по несчастью оказался полковник генерального штаба Манькин-Невструев, который на «Ингоде» направлялся для ревизии в Николаевск-на-Амуре и на Сахалин. Благодаря любезности полковника топографы смогли продолжить путешествие почт[^] без промедления на другом судне — «Чардыше»¹.

По Усури через Камень-Рыболов, а затем почтовым трактом мимо поста Раздольного Большев со спутниками добрался до Владивостока. Здесь, согласно предписанию, они должны были получить для дальнейшей работы судно и сто солдат. Но местное начальство, видимо, мало интересовало северное побережье, и все, что оно предложило топографам, был старый «Восток», самое ветхое судно здешней флотилии.

К прибытию экспедиции во Владивосток шхуна была в неисправности, и путешественники потеряли почти две недели, ожидая, когда будут выполнены все необходимые ремонтные работы. Даже после выхода в море 20 июня экспедиции пришлось задержаться в Ольге— туда зашли для осмотра машины, которая, несмотря на ремонт, работала все же из рук вон плохо.

Согласно заранее составленному плану, шхуна «Восток» должна была развезти всех съемщиков по побережью—от залива Пластун до Де-Кастри и рассадить их по двое приблизительно через 200 верст. Каждый съемщик должен был двигаться навстречу товарищу из соседней партии и соединиться с ним где-то на середине пути, а затем, теперь уже вдвоем, следовать к ближайшей бухте, откуда их можно было бы снять. В это время начальник экспедиции полковник Большое должен был работать с судна, чтобы определить на всем протяжении береговой черты ряд основных астрономических пунктов, которые могли бы в дальнейшем служить опорными пунктами для гидрографических работ и на которые впоследствии можно было бы положить всю съемку местности².

Для выполнения этой трудоемкой программы помимо шхуны «Восток» экспедиции требовалось много рабочих рук и хотя бы несколько баркасов для нужд съемщиков. Но вместе с тем солдат Большое получил 92 человека из команды Сибирского линейного батальона, баркасов же не дали ни одного, заменив их лодками. Впоследствии оказалось, что только одна из них была годна для работы.

Да и сам «Восток», латаный-перелаташый, без полного комплекта парусов не оставлял больших надежд на удачное плавание. Но выбора у начальника экспедиции не было, а потому приходилось довольствоваться хотя бы тем, что удалось заполучить во Владивостоке, отводя душу свободными вечерами в кают-компани и браня не столько старый неудобный «Восток», сколько тех начальников, которые не могут понять, что эта шхуна уже отслужила давно свой срок.

4 июля экспедиция приступила к осуществлению основной программы: «Восток», выйдя из Ольги, начал развозить партии съемщиков по побережью³.

Много можно было бы рассказывать о невероятно трудных условиях, в которых пришлось работать экспедиции Большева. Частые туманы затрудняли исследования. Скалистые берега, круто обрывающиеся к морю, поросшие густым кустарником, не способствовали быстрому продвижению топографов, равно как и многочисленные овраги и устья небольших рек, встречавшихся на пути.

Лишь изредка съемщикам попадались местные жители, которые вначале разбежались при виде незнакомых людей, но потом, как вспоминал Большев, «убедившись, что мы не имеем против них воинственных намерений, возвращались со словами, что мы, должно быть, такие же хорошие люди, как и они. Притом они приносили подарки рыбою и диким мясом»⁴.

Именно эти подарки и помогли в дальнейшем некоторым членам экспедиции избежать голодной

смерти, когда, выйдя на побережье в назначенный срок, они были вынуждены практически без продовольствия дожидаться там «Востока», которого частые поломки и туманы нередко ставили в весьма критическое состояние.

В самом тяжелом положении оказался 30-летний топограф Петр Степанович Гроссевич, которого в пути обокрали его солдаты-помощники. Он остался в безлюдной тайге один, без продуктов и одежды, и только случайная встреча с удэгейцами спасла его от неминуемой гибели. Позднее с П. С. Гроссевичем встретился знаменитый путешественник В. К. Арсеньев, который описал жизнь топографа в удэгейском стойбище в своей книге «В горах- Сихотэ-Алиня». А не так давно уже молодой дальневосточный прозаик А. Ильин в рассказе «Там, где Ботчи...» вернулся к этой теме.

Много неясного в судьбе этого топографа из экспедиции Большева. На протяжении всей своей долгой службы, — а умер Гроссевич в 1916 году — он периодически примерно через 5—6 лет, что видно из его послужного списка, возвращался в Южно-Уссурийский край⁵. Что же влекло туда Гроссевича?

Но вернемся к экспедиции Л". А. Большева. К октябрю 1874 г., несмотря на невероятные трудности, она успешно закончила свою работу. Инструментально было пройдено около 3800 квадратных верст, определено около 200 вершин Сихотэ-Алиня, сделано множество промеров в реках, озерах, не считая прибрежных вод. В придачу к основной работе экспедиция собрала немало данных по географии, этнографии тех мест. Когда Большев выступал с отчетом на заседании Русского Географического общества, зал рукоплескал. Чуть позже Л. А. Большев возглавил Сибирский отдел Географического общества в Иркутске.

К сожалению, жизнь Л. А. Большева была недолгой. В воскресенье 3 августа 1880 г. он внезапно умер прямо на службе. В небольшом некрологе, опубликованном в Известиях Общества, было написано: «Бедствия, поразившие Иркутск после пожара в виде усиленной болезни и чрезвычайной дороговизны жизненных потребностей, поставили Логина Александровича лицом к лицу с беднейшими жителями города, причем он мог вполне обнаружить всю теплоту своей души: много, много благословений и благодарных слез провожало в могилу достойного труженика, не ожидавшего ни поощрений, ни влияний извне, чтобы спешить на помощь тем, кому она была нужна»⁶.

После смерти у Большева осталась большая семья, и даже полковничья пенсия не могла обеспечить всем ее членам сносного существования, поэтому командующий войсками Восточной Сибири генерал-лейтенант Д. Т. Анучин обратился с предложением в Географическое общество поддержать ходатайство об увеличении пенсии для семьи Большева в связи с большим его вкладом в географическую науку⁷.

Пенсия семье была увеличена, но еще большей наградой для руководителя трудной экспедиции и его топографов стали географические названия на приморской карте: мысы Большева, Сосунова, Белкина, Павловича, бухты Гроссевича, Ванина и многие другие.

КОМАНДИРОВКА НА ТИХИЙ ОКЕАН

Как из копеек составляется рубль, а потом капитальные суммы, так и из отдельных промеров, соединенных вместе, может получиться со временем нечто цельное, долженствующее дать нам верное представление рельефа¹ дна моря.

К. С. Старицкий

Тяжелые портьеры на окнах, золоченые корешки книг в старинных шкафах, массивные глобусы, старые карты, — вся обстановка зала заседаний Русского Географического общества, что находилось напротив Певческого моста в Петербурге, создавала ту атмосферу благоговения, которое испытывает каждый человек, прикасающийся к притягательному миру путешествий.

В тот день, о котором пойдет речь, пролетки и кареты заполнили всю небольшую площадь перед зданием: в Географическом обществе шло совместное заседание двух самых крупных отделений — математического и физического.

В зале седовласые путешественники, ученые, немало и просто любопытствующей публики. Сверкают золотом мундиры, чернеют строгие фраки, многие в морской форме. Кое-кто из старичков дремлет в старинных мягких креслах, но в основном аудитория слушает заинтересованно. Обсуждается серьезный вопрос: кому и за что можно присудить высшие награды общества. Стрелка преимуществ на весах справедливости поминутно склоняется то в одну, то в другую сторону.

Сосредоточен взгляд вице-председателя П. П. Семенова, который фактически управлял делами Географического общества. Августейший председатель, его императорское величество великий князь Константин Николаевич приходил сюда крайне редко, да и то лишь затем, чтобы внести некоторое разнообразие в свою до предела заполненную утехами и развлечениями жизнь.

Шепот прокатился по рядам, когда стал выступать Э. А. Коверский, один из лучших картографов России того времени:

- Выдающийся труд почтенного академика Шренка под заглавием «Обзор физической географии Японского моря» дал уже систематические указания относительно свойств берегов, а также познакомил нас с приливами и отливами, с течениями и другими особенностями Японского моря, — говорил докладчик, — но тем не менее и это прекрасное соединение только немного облегчило странствие в этих неприветливых окраинах; по-прежнему чувствуется недостаток в точных определениях географических и магнитных координат и в хороших картах для безопасного плавания. Пополнить отчасти этот пробел выпало на долю господина Старицкого... <...> Долг справедливости вынуждает сказать, что труд его может быть сравнен только с подобным же трудом исследователя математического отдела Сибирской экспедиции общества астронома Людвиг Шварца. Принимая же во внимание, что Академия наградила этот последний труд Демидовской премией, комиссия отдела математической и физической географии находила бы справедливым наградить господина Старицкого тоже одной из высших наград, которыми располагает общество, а именно: медалью имени того, который сам некогда трудился в водах Восточного океана, — медалью графа Федора Петровича Литке»¹.

Докладчик поклонился аудитории и занял свое место, а присутствующие на заседании, многие из которых хорошо знали друг друга, принялись оглядываться, пытаясь найти глазами в зале того, о ком только что шла речь.

Константин Степанович Старицкий скромно сидел в последнем ряду. Только безупречная выправка флотского офицера не позволяла ему смущенно опустить голову, лишь щеки слегка покраснели от похвал, да пальцы крепче сжали подлокотник кресла.

...Казалось, не так давно его отправляли в ту далекую командировку на Тихий океан из Кронштадта на корвете «Аскольд». Милейший директор Гидрографического департамента С. И. Зеленый при прощании сказал ему:

•— Все, чем смог я вам помочь, Константин Степанович, так это прекрасными инструментами. Некоторые из них дала на благое дело Академия наук. Наше же Морское ведомство в который уж раз отказалось выделить для ваших нужд особое паровое судно. Может, вы сумеете об этом договориться во Владивостоке с командованием эскадры судов Тихого океана или Сибирской флотилии?»

Напутствуемый добрыми словами своего начальника молодой офицер отправился на Дальний Восток.

Переход из Балтики в Японское море прошел довольно спокойно и скучно. Единственное, что занимало мысли Старицкого, было беспокойство за сохранность инструментов, которыми была заполнена вся его каюта. Мерно тикали хронометры, отщелкивал мили специально выброшенный за борт для проверки новый лаг, в трюме лежала дюжина новейших лотов Брука.

Нагасаки, куда весной 1866 года пришел корвет «Аскольд», встретил моряков очарованием цветущей сакуры. Бело-розовым кипением были заполнены все парки, скверы и совсем крохотные садики у японских, похожих на игрушечные домиков.

В Японии молодой гидрограф оказался впервые. Ему было интересно каждое проявление национального характера и культуры, каждая мелочь японского быта, но времени на этнографические экскурсии не было. С «Аскольда» Старицкий сразу же пересел, на корвет «Варяг», который занимался работами по заказу Русско-американской телеграфной компании.

Каждое плавание было насыщено до предела. В невероятно трудных условиях он сумел связать при помощи переноса времени на 12—15 столовых хронометрах девять основных портов Японского, Охотского и части Берингова моря: Владивосток, Де-Кастри, Николаевск, Дуэ, Хакодате, Нагасаки и др.

Помимо этого была масса промежуточных определений. От множества цифр и напряжения постоянно болела голова. Боязнь ошибиться заставляла Старицкого вновь и вновь проверять все расчеты. Это продолжалось до самого конца навигации — середины октября 1866 года.

Старицкий поселился во Владивостоке, где он мог в спокойной обстановке привести в порядок все определения и систематизировать свои наблюдения. Нередко поздно вечером, когда все дома погружались во тьму, а сильный ветер гнал поземку по единственной безлюдной улице Владивостока, в небольшом домишке, одиноко стоявшем прямо на берегу замерзшего Золотого Рога, светилось окно, а за ним два лейтенанта — Старицкий и прикрепленный к нему в помощники молодой офицер с «Варяга» — склонившись над столом, что-то высчитывали, записывали, снова углублялись в расчеты.

Ранней весной 1867 года Старицкого ждала работа на шхуне «Алеут», которая занималась снабжением провиантом портов и постов Восточного океана. «Алеут» совершал челночные рейсы в Посыет, Находку, Ольгу, Преображенье и другие населенные пункты огромной, но малоизученной и еще меньше освоенной Приморской области, и каждый рейс добавлял что-то новое в определение географического положения портов и постов, уточнял ранее имеющиеся

сведения, дополнял карты и лоции.

И так из месяца в месяц, из года в год. «Алеут» сменила «Америка», которую в свою очередь сменил «Восток». Затем Старицкий перешел на «Горноста́й», который в 1868 году высадил его в Находке, Предстояло сделать более точные определения Находки и Владивостока, попутно определив географическое положение самой большой деревни тех мест — Александровки/

Весной 1869 года К. С. Старицкому пришло распоряжение Гидрографического департамента о направлении его в Охотск для наблюдения за предстоящим солнечным затмением, которое ожидалось 27 июля. Гидрограф отправился туда на палубном боте «Куэгда» из Николаевска.

Об этом драматическом плавании можно было бы написать целую повесть. В Охотском море бот попал в сплошные льды, выбраться из которых он не смог. Дрейф во льдах, голод, гибель командира бота П. А. Корнилова — все это пришлось пережить Старицкому вместе с экипажем².

Морякам чудом удалось высадиться в бухте между мысами Марии и Елизаветы на севере Сахалина. Тогда же эта бухта была названа в честь бота Куэгдой. На ее берегу Старицкий, потерявший к этому времени уже всякую надежду добраться до Охотска, прямо в палатке проделал все математические расчеты и приготовился там же наблюдать и затмение. Но к его великому огорчению в расчетное время сильный туман скрыл от наблюдателя не только солнце, но даже бот, валявшийся совсем рядом на берегу.

После Сахалина больной и измученный Старицкий попал в Де-Кастри, где пересел на корвет «Всадник», который под командованием капитан-лейтенанта Д. В. Михайлова только что пришёл с Балтики. На «Всаднике» гидрограф ближе всех других членов экипажа сошелся с 22-летним гардемаринем Михаилом Онацевичем, который начинал на корвете службу после окончания Морского училища и очень интересовался исследованиями на Дальнем Востоке. Эта встреча двух гидрографов — опытного и начинающего — во многом определила дальнейшую судьбу гардемарина.

Из Де-Кастри «Всадник» ушел в Хакодате, где зимой базировалась русская эскадра. За зимние месяцы лейтенант Старицкий с помощью поручика Титова составил две меркаторские карты северной части Татарского пролива и южной части Сахалина с проливом Лаперуза.

Тогда же при содействии некоторых офицеров Сибирской флотилии и сотника Забайкальского казачьего войска Белкина были систематизированы астрономические наблюдения 1867 и 1868 годов, сняты копии 50 планшетов одноверстной мензуальной съемки более полутора тысяч верст побережья Сахалина. Вся эта огромная и важная работа была проделана в самое короткое время.

В 1870 году Старицкий продолжил работу на «Всаднике», перепроверяя свои ранние определения, сделанные на Сахалине, побережье Приморья и Японии. Тогда же Старицкий закончил определения и хронометрически связал 24 основных порта Японского моря. И как знать, смог ли бы он выполнить эту объемную работу в срок, если бы не помощь М. Л. Онацевича, которому занятия старшего друга пришлось явно по душе.

В одно время с русскими гидрографами в Японском море работали и иностранцы. С завистью смотрел Старицкий на превосходное оборудование французской шхуны «Аспик» водоизмещением 300 т и с бронированным корпусом, которому были не страшны льды, и английской «Сильвии», тоже специально предназначенной для гидрографических работ. Шхуны эти в то время занимались описанием побережья острова Хоккайдо.

«Берега этого острова, — писал Старицкий в одном из своих писем из Японии, — особенно северные, вовсе еще не описаны, а были лишь издали, да и то частью, осмотрены в конце прошлого и начале нынешнего столетия Лаперузом и Крузенштерном, отчего до сих пор еще значатся на картах даже на десятки миль неверно. ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ И С НАШЕЙ СТОРОНЫ НАЗНАЧЕНО БЫЛО СУДНО ДЛЯ ПРОМЕРА И МОРСКОЙ ОПИСИ ЮЖНОГО САХАЛИНА, (выделено в «Яхте») иначе от Хоккайдо англичане перейдут к этому последнему острову, что в виду- существующих там наших постов вряд ли может быть приятно для нашего национального самолюбия...»³.

Но Морское ведомство не особенно вникало тогда в нужды моряков-дальневосточников.

Более шести лет провел гидрограф в своей дальневосточной командировке, пробыв за этот период на берегу всего полтора года, а в море — остальные четыре с половиной. И вот вновь с борта судна он окинул взглядом Владивосток, на этот раз прощаясь с ним надолго.

На две версты тянулся городок вдоль морского берега и, если глядеть на него с моря, был как на ладони. Вот как описывала молодой город газета «Всемирная иллюстрация» за 18 марта 1868 г.: «Во Владивостоке пока еще мало зданий. Кроме солдатских казарм, офицерского дома и маленькой механической мастерской находится не более шестидесяти домов и трех десятков китайских мазанок. Число жителей простирается до 600 человек. Теперь Владивосток ничего не производит, кроме так называемой «морской капусты». Это составляет теперь главную отпускную торговлю. И та пока в руках трех или четырех иностранных купцов. Эти же купцы имеют тут свои лавки, в которых вполне без совести грабят тамошнее население. Нам лично случилось покупать в этих лавках всевозможные товары для русской эскадры Тихого океана, и чудовищные, ценные на залежалый, бракованный товар поражали наше воображение и карманы».

По прибытии в Петербург К. С. Старицкий положил на стол директора Гидрографического департамента объемистый отчет о своей командировке. Наряду с результатами исследований, он

содержал и сведения о событиях, весьма далеких от гидрографии, которые, как писал Старицкий, «...потребовали от меня самого деятельного участия в защите края и его учреждений, т. к. военные силы наши в крае были до того слабы, что еще во второй половине мая разбойники имели возможность выжечь село Никольское, несколько почтовых станков и прочее. ...В течение 50-дневного пребывания в заливе Америка и во время крейсерства у острова Аскольд я исполнял свой долг как следует,— обстоятельства же бывали подчас весьма серьезные и приходилось во многих случаях действовать вполне самостоятельно и энергично...»⁴

Учитывая выдающийся вклад в географическую науку, Русское географическое общество присудило К. С. Старицкому Золотую медаль имени Литке⁵.

После возвращения с Дальнего Востока Старицкий занялся обработкой своих научных результатов, командовал миноносцами «Камбала» и «Акула». В 1890. г. в чине контр-адмирала К. С. Старицкий уходит в отставку. 11 ноября 1909 г. он скончался и был похоронен в своем родовом имении в Полтавской губернии.

Друзья-гидрографы написали в некрологе: «Где бы не работал Константин Степанович, он во всякое дело вносил и с твердостью проводил свой честный взгляд, а своей неподкупной справедливостью привлекал к себе всех лиц, с которыми ему приходилось работать. Всегда доступный и простой, отличавшийся необычайной искренностью и душевной чистотой К. С. Старицкий производил чарующее впечатление на тех, с кем ему приходилось сталкиваться. Особенно он любил молодежь и охотно помогал ей, как только мог. До конца дней своих он не переставал интересоваться наукой, особенно географическими исследованиями вообще и гидрографическими в частности. Каждый серьезный исследователь был близок его душе и был всегда дорогим, гостем его и его радушной семьи»⁵.

МОРЯК — УЧЕНЫЙ

Все вообще наблюдения, касающиеся морей Востока, нельзя не признать драгоценными, особенно, если принять во внимание, с каким трудом они достаются там, при полном отсутствии правильно организованных экспедиций...

М. Л. Онацевич

В конце 1874 года астрономы всего мира готовились наблюдать интереснейшее явление: Венера должна была пройти перед диском солнца. Одним из членов специальной экспедиции, отправляющейся на Дальний Восток для наблюдения за Венерой, был молодой офицер-гидрограф Михаил Люцианович Онацевич.

Два года, проведенные им на клипере «Всадник», где он занимался исследованиями под руководством К. С. Старицкого, не прошли для него бесследно. Наградой за глубокую и тщательную работу по изучению дальневосточных морей был орден Станислава, врученный молодому гидрографу после возвращения в Петербург по представлению Старицкого. В рапорте, отправленном Старицким начальнику Гидрографического департамента, об Онацевиче было сказано немало добрых слов: «Мичман Онацевич, много помогавший мне в производстве астрономических и гидрографических работ в Тихом океане, готов и ныне содействовать мне в вычислениях и разработке собранных материалов, намереваясь при этом готовиться к поступлению в Морскую академию, поэтому очень желательно бы было прикомандировать мичмана Онацевича в Гидрографический департамент, чтобы освобождением его от обязанностей береговой строевой службы дать ему больше удобств к вышеуказанным занятиям»¹.

Теперь Онацевичу предстояла новая поездка на Дальний Восток, во Владивосток, куда он выехал жарким летним днем 2 июля 1874 г., напутствуемый добрыми пожеланиями всех родных, друзей и сослуживцев. Нужно было спешить, чтобы успеть до 1 октября добраться до другого конца необъятной Российской империи.

Сначала поездом по железной дороге, затем паромом по Каме и Волге, потом на почтовых двигался моряк на Восток. Дорога, особенно ее азиатская часть!, была настолько отвратительна, что вытряхивала душу. Почтовые лошади едва плелись по ухабистому, разбитому тракту, который если и годился на что-либо, то только для постановки телеграфных столбов, но отнюдь не для езды.

Между тем один за другим большие города оставались позади: Москва, Владимир, Тюмень, Томск... Только в Иркутске Онацевич позволил себе небольшой отдых и то главным образом затем, чтобы внимательно осмотреть взятые с собой приборы. Благодаря тщательной упаковке и аккуратному размещению в багаже, все оказалось в целости, лишь треснул, вероятнее всего при

перекладке груза, один термометр.

Доехав до „Байкала, Онацевич решил не объезжать вокруг озера, а пересечь его на пароходе, который только-только появился в здешних местах. При этом он попал в маленькое приключение, достойное моряка. «Пароход, направляемый неизвестно кем и неизвестно куда,— писал с иронией гидрограф, — отвалил от пристани в 9 часов вечера. Ночью мы потеряли управление и должны были в ожидании рассвета, который помог бы нам определить, где была пристань, продержаться на месте»².

Все бы ничего, да малочисленная пароходная команда почти не умела управлять своим суденышком. В пол-ной темноте оно описывало круги по Байкалу, рискуя сесть на мель или налететь на камни, и никто из пассажиров не знал, встретит ли он целым и невредимым рассвет.

Наконец, Онацевич добрался да Забайкалья, откуда начинался самый трудный участок пути на Дальний Восток. Интересные воспоминания об этой дороге оставил один моряк, которому довелось проехать по ней примерно в одно время с Онацевичем. Имени этого человека история не сохранила, но его путевыми заметками мы воспользуемся, чтобы лучше представить себе, что мог испытывать Онацевич, следуя от Байкала до Приморья.

«Едущим по Забайкалью, особенно по Нерчинскому округу и бассейну Шилки, надо сделать некоторые очень важные запасы. Прежде всего иметь бесконечную массу терпения и невозмутимого спокойствия. Без этого невозможно безопасно добраться до места, населенного людьми. Только если вы способны настолько владеть собой, что будете хладнокровно слушать на каждом шагу грубые, до бесконечности наглые оскорбления, и не будете обращать на них внимания, вы проедете без неприятностей. Если вы не будете смотреть в оба за вашими вещами, вас обворуют, а если при вас не будет ре-воль'вера, еще чего доброго, поубьют»³.

У Михаила Онацевича при себе было оружие, да и глядя на его крепкую коренастую фигуру, едва ли кому могла прийти в голову мысль безнаказанно поийтересо-ваться содержимым объемистого багажа путника.

В Сретенске Онацевич встретился с другими астрономами, которые также отправлялись в Приморскую область для наблюдения за Венерой. Передвигаться группой было и безопаснее, и веселее, чем в одиночку, и Онацевич с радостью принял предложение коллег присоединиться к ним.

•Спустившись по Шилке к Амуру, а затем двигаясь вниз по течению этой великой дальневосточной реки, они добрались до Хабаровки, небольшой казачьей станицы. Воспользуемся еще раз путевыми заметками уже знакомого нам моряка, чтобы представить, каким был город Хабаровск 112 лет назад: «Владея устьем реки Усури и командуя нижним и средним течением Амура,-Хабаровка занимает и самое выгодное место во всей Восточной Сибири, но до сих пор всецело принадлежит будущему. Теперь она представляет собой деревню в сыром виде, гигант в пеленках, сруб для дворца. Расположенная на горе и защищенная от всяких разливов рек, она бы уж давно могла начать фундаментально о гетра академию, поэтому очень желательно бы было прикомандировать мичмана Онацевича в Гидрографический департамент, чтобы освобождением его от обязанностей береговой строевой службы дать ему больше удобств к вышеуказанным занятиям»¹.

Теперь Онацевичу предстояла новая поездка на Дальний Восток, во Владивосток, куда он выехал жар- ким летним днем 2 июля 1874 г., напутствуемый добрыми пожеланиями всех родных, друзей и сослуживцев. Нужно было спешить, чтобы успеть до 1 октября добраться до другого конца необъятной Российской империи.

Сначала поездом по железной дороге, затем пароходами по Каме и Волге, потом на почтовых двигался моряк на Восток. Дорога, особенно ее азиатская часть, была настолько отвратительна, что вытряхивала душу. Почтовые лошади едва плелись по ухабистому, разбитому тракту, который если и годился на что-либо, то только для постановки телеграфных столбов, но отнюдь не для езды.

Между тем один за другим большие города оставались позади: Москва, Владимир, Тюмень, Томск... Только в Иркутске Онацевич позволил себе небольшой отдых и то главным образом затем, чтобы внимательно осмотреть взятые с собой приборы. Благодаря тщательной упаковке и аккуратному размещению в багаже, все оказалось в целостности, лишь треснул, вероятнее всего при перекладке груза, один термометр.

Доехав до „Байкала, Онацевич решил не объезжать вокруг озера, а пересечь его на пароходе, который только-только появился в здешних местах. При этом он попал в маленькое приключение, достойное моряка. «Пароход, направляемый неизвестно кем и неизвестно куда,— писал с иронией гидрограф, — отвалил от пристани в 9 часов вечера. Ночью мы потеряли управление и должны были в ожидании рассвета, который помог бы нам определить, где была пристань, продержаться на месте»².

Все бы ничего, да малочисленная пароходная команда почти не умела управлять своим суденышком. В пол-ной темноте оно описывало круги по Байкалу, рискуя сесть на мель или налететь на камни, и никто из пассажиров не знал, встретит ли он целым и невредимым рассвет.

Наконец, Онацевич добрался да Забайкалья, откуда начинался самый трудный участок пути на Дальний Восток. Интересные воспоминания об этой дороге оставил один моряк, которому довелось проехать по ней примерно в одно время с Онацевичем. Имени этого человека история не сохранила, но его путевыми заметками мы воспользуемся, чтобы лучше представить себе,

что мог испытывать Онацевич, следуя от Байкала до Приморья.

«Едущим по Забайкалью, особенно по Нерчинскому округу и бассейну Шилки, надо сделать некоторые очень важные запасы. Прежде всего иметь бесконечную массу терпения и невозмутимого спокойствия. Без этого невозможно безопасно добраться до места, населенного людьми. Только если вы способны настолько владеть собой, что будете хладнокровно слушать на каждом шагу грубые, до бесконечности наглые оскорбления, и не будете обращать на них внимания, вы проедете без неприятностей. Если вы не будете смотреть в оба за вашими вещами, вас обворуют, а если при вас не будет револьвера, еще чего доброго, поубьют»³.

У Михаила Онацевича при себе было оружие, да и глядя на его крепкую коренастую фигуру, едва ли кому могла прийти в голову мысль безнаказанно поинтересоваться содержимым объемистого багажа путника.

В Сретенске Онацевич встретился с другими асгро-номами, которые также отправлялись в Приморскую область для наблюдения за Венерой. Передвигаться группой было и безопаснее, и веселее, чем в одиночку, и Онацевич с радостью принял предложение коллег присоединиться к ним.

•Спустившись по Шилке к Амуру, а затем двигаясь вниз по течению этой великой дальневосточной реки, они добрались до Хабаровки, небольшой казачьей станицы. Воспользуемся еще раз путевыми заметками уже знакомого нам моряка, чтобы представить, каким был город Хабаровск 112 лет назад: «Владея устьем реки Уссури и командуя нижним и средним течением Амура, -Хабаровка занимает и самое выгодное место во всей Восточной Сибири, но до сих пор всецело принадлежит будущему. Теперь она представляет собой деревню в сыром виде, гигант в пеленках, сруб для дворца. Расположенная на горе и защищенная от всяких разливов рек, она бы уж давно могла начать фундаментально огстраиваться, но дело ее имеет очень много тормозов, как в неудачах амурских пароходных обществ, так и в отчужденности от океанских портов, так как Николаевск и признавать портом не стоит. Тем не менее Хабаровка уже обзавелась торговыми фирмами, делающими жизнь в ней почти невозможной: в ней не признается никакой другой монеты, как рубль; что ни попросите — меньше рубля нет цены»⁴.

В Хабаровке наши путники не стали задерживаться. По Уссури они добрались до Камень-Рыболова, откуда начинался прямой тракт во Владивосток. Начальник местного округа майор Ножин предложил астрономам казачьих лошадей и проводника. Тяжелый багаж он посоветовал оставить на время в Камень-Рыболове, пообещав отправить его при первой же возможности попутным транспортом. Майор также составил предписа-•• ние всем заведующим станциями оказывать полное содействие путешественникам.

Казалось, все трудности позади, но и на этом коротком заключительном отрезке пути исследователям, пришлось хлебнуть горя. Как писал Онацевич, на следующей же станции они застали «единственное полновластное лицо, какую-то старуху, которая не обратила внимание на предписание, да и читать его не могла за безграмотностью»⁵.

Накануне прошли сильные дожди, и дорога была почти непроходима. Онацевич порадовался, что оставил приборы з Камень-Рыболове: довести их до Владивостока в целостности-сохранности не было никакой возмозж-, ности. Равнинной дороги совсем не было видно. Казалось, лошади шли не по почтовому тракту, а напрямиком через поле. Порой вода доходила им до брюха, а иная лошадь и вовсе увязала в какой-нибудь яме.

14 сентября 1874 г. М. Л. Онацевич въехал во Владивосток, затратив на весь путь через Россию два с половиной месяца. Прошло уже два года, как сюда из Николаевска было перенесено местопребывание главного-командира сибирских портов, и Российская казна ежегодно выделяла на постройку города около ста тысяч рублей. На тринадцатом году своего существования Владивосток, однако, как и Хабаровск, был еще «весь в будущем», хотя уже тогда его сравнивали с Сан-Франциско, Гонконгом, Мельбурном.

И все же перемены в молодом городе были значительными. Теперь уже, как писала газета «Голос» 27 февраля 1873 г., он «представляет не один ряд кабаков, где промышленяли разные отставные, а за ними и неотставные чины продажей спирта. Немало зданий благочестивой архитектуры, т. е. казенного вида, возникло на берегу бухты, которую основатели Владивостока называли Золотым Рогом, вероятно, желая дать понять, что если у нас нет Стамбула, то есть хоть залив в роде того, при котором он расположен. Теперь можно жить во Владивостоке зимой и не терпеть тех бедствий, какие описаны лет десять «азад г. Бурачком и трогали даже сердца иностранцев..., что нужно иметь героизм и самоотверженность русского офицера, чтобы выносить те физические и нравственные лишения, которым подвергались здесь люди.»

Но тем не менее и в ту пору во Владивостоке жилье найти было невозможно. Онацевича приютил у себя капитан 2 ранга Д. М. Афанасьев. В его доме гидрограф нашел место и для своих хронометров, расставив их прямо на полу вдоль стен.

В бухте Золотой Рог уже стоял военный корвет «Корсар» Соединенных Северо-Американских Штатов, который обеспечивал работу американской экспедиции по наблюдению за Венерой, под руководством профессора Галла. Заранее приехал кругосветным путем и помощник Онацевича подпоручик корпуса флотских штурманов Шубин, который привез часть приборов и инструментов. До прибытия Онацевича он успел выбрать место для наблюдения на высоком берегу бухты в нескольких метрах от деревянной будки, служившей в свое время наблюдательным пунктом еще для учителя Онацевича К. С. Старицкого.

Мастеровыми из портовых мастерских была уже построена специальная башня цилиндрической формы для телескопа, которая состояла из деревянных щитов, скрепленных металлическими полосами, и стояла на каменном фундаменте. Вероятно, из-за спешки в строительстве кирпичная кладка фундамента оказалась непрочной, и он стал разваливаться прямо на глазах. Очаевич вытаскивал кирпичи из башни голыми руками и ругался про себя на строителей. Отчитав Шубина за доверчивость, он заказал новую башню, где связи между кирпичами были уже из цемента.

Верхняя часть башни с крышкой вращалась на подшипниках, рядом стоял столб для пассажного инструмента, на котором находился телескоп из Пулковской обсерватории с диаметром объекта 6,3 дюйма, перемещаемый автоматически по горизонтали.

Рядом с пунктом наблюдения Очаевич с Шубиным установили старенькую палатку из парусины, принадлежавшую еще К. С. Старицкому.

Уже к 28 сентября все основные приготовления были закончены. Оставалось выверить приборы, но тут после теплых и ясных сентябрьских дней внезапно задули холодные ветры, которые принесли с собой массу песка и пыли. Совсем некстати местные жители запалили сухую траву: дым застал все вокруг плотной пеленой. В таких условиях и думать было нечего заниматься выверкой приборов, и в дни вынужденного простоя Очаевич сходил в гости к американцам. Проф-фесор Галл радушно встретил русского гидрографа и показал свой наблюдательный пункт. Американцы устроились гораздо лучше Очаевича, построив себе на западном склоне Золотого Рога, недалеко от телеграфной станции, двухкомнатный дом с большой печкой и фотолабораторией.

В конце ноября резко похолодало, штормовые ветры с севера принесли массу снега. Завьюжило. Дом Афанасьева, сравнительно крепкий на вид, продувался насквозь. Теплую одежду не снимали с себя даже на ночь. Ветер с такой силой бил по стеклам, что рамы с трудом, выдерживали напор стихии. Лишь мерно тикающие хронометры вносили в душу некоторое успокоение и понимание того, что любым невзгодам рано или поздно приходит конец.

Наконец, настал и долгожданный день — 27 ноября 1874 г. К нему уже давно были готовы и Очаевич со своим помощником Шубиным, и другие исследователи. Для того чтобы обеспечить точность наблюдения и застраховать себя от всяческих возможных случайностей, они вели наблюдение из разных мест: Очаевич — во Владивостоке, Глазенап — в Никольск-Уссурийском, Струве — в Посьете, Петровский — в Камень-Рыболове. Шубина Очаевич- отправил в Находку, а в Японии находился русский гидрограф Елагин⁶. Со всеми ними Очаевич постоянно поддерживал связь при помощи телеграфа.

В решающий день Очаевич встал пораньше, тщательно подстриг свою короткую бороду, надел парад* ную форму.

«Будто иду на свидание с любимой девушкой, о которой последние месяцы были все мысли, — подумал Очаевич, — недаром она зовется Венерой».

Утро было ясное, но стрелка барометра падала, предвещая плохую погоду.

«Неужели не повезет, и наблюдение сорвется?» — думал Очаевич. Даже сознание того, что другие исследователи окажутся, скорее всего, более везучими, чем он, не успокаивало гидрографа. Мысль, что он может не увидеть уникального явления, не давала ему покоя.

Откуда ни возьмись, появились слоистые облака, они медленно плыли по небу, заполняя постепенно весь небосклон. Скрылось солнце. Очаевич начал нервничать, бросаясь от одного прибора к другому.

Матрос, выделенный ему в помощники, попытался пошутить:

— Взять бы сейчас метлу да разогнать облака от солнца!

Но Очаевич шутку не поддержал.

В последнюю минуту солнце будто бы услышало, ^молитву исследователя и засияло в голубой прогалине, внезапно образовавшейся среди облаков. Очаевич кинулся к телескопу. Хронометры отметили 10 часов 59 минут и 32 с половиной секунды, когда Венера медленно, величаво, словно особа царских кровей, вступила-на диск солнца⁷.

Операция «Венера» закончилась благополучно.

Вплоть до начала нового, 1875 года, Очаевич заканчивал все расчеты, касающиеся этого явления, а затем, получив от лейтенанта Л. П. Елагина, как по эстафете, все гидрографические приборы и инструменты, остался в Приморье заниматься гидрографическими работами.

Три самых холодных месяца — январь, февраль и март — Очаевич делал промеры и съемки местности в окрестностях Владивостока. Начало весны заставило его, словно перелетную птицу, подумать о дороге: как и всякому гидрографу, ему не сиделось на месте.

Капитан 2 ранга Д. М. Афанасьев, исполнявший в то время обязанности командира портов Восточного океана и относившийся дружески к Очаевичу, направил его на шхуну «Восток», которой было поручено следовать в Охотское море «с целью заявить иностранным судам наши требования относительно их промысла; требования эти должны были обеспечить промысел наших китоловных судов от столкновения из обширных заливов и губ Охотского моря, с обязательством не заниматься ловлей китов ближе трех миль от наших берегов»⁸.

С такой же целью одновременно с «Востоком» в Берингово море вышел клипер «Гайдамак», который взял на борт и секретаря Сибирского отдела Русского географического общества К- К. Неймана: он должен был произвести астрономические и магнитные наблюдения на берегу

Охотского моря.

Командир шхуны «Восток» лейтенант О. В. Старк, еще в прошлом году работая с экспедицией Большева, познакомился там с Онацевичем и радушно встретил его на борту своего корабля, предложив поселиться в своей каюте.

Сначала «Восток» совершил снабженческий рейс на юг Приморья в Посъет, где Онацевич сделал астрономические определения мыса Гамова. Затем шхуна, минуя Владивосток, взяла курс в Охотское море, на Корсаков, куда зашла всего на один день.

«В тот же день вечером, — писал Онацевич, — шхуна оставила Корсаковский порт, и мы должны были считать себя с этого времени совершенно изолированными, уходя к берегам отдаленного, малоизвестного и негостеприимного моря, где в летнее время при устьях рек можно найти только прикочевавших туземцев, занятых рыбной ловлей, да в селеньях, громко называемых городами, встретить горсть русских. Последние, раз уже добравшись до своего места и то благодаря случаю, однообразно проводят длинные, суровые зимы, ожидая по целым годам новостей».

Каждый день на шхуне у Онацевича был расписан по минутам: постоянные метеонаблюдения чередовались с измерениями глубин и пробами воды. Старался гидрограф и по возможности делать астрономические определения на берегу. При этом приходилось отрывать экипаж, весьма немногочисленный, от судовых работ, чтобы моряки- на шлюпке переправляли его на берег.

В октябре 1875 г., «Восток» вернулся из крейсер стеа в Приморье. С наступлением зимы Онацевич пересел на клипер «Гайдамак», к тому времени тоже вернувшийся из Охотского моря, и отправился на нем в Японию, где зимовал отряд русских кораблей.

На «Гайдамаке» гидрограф вновь встретился с Нейманом, с которым его роднил большой интерес к науке⁹ и Дальнему Востоку. Те несколько дней, что два исследователя провели вместе на клипере, проходили в оживленных беседах. Нейман рассказывал о своем последнем, весьма интересном плавании, когда он хотел по возможности приблизиться к острову Врангеля и определить в нескольких местах азимут его горных вершин.

К сожалению, недостаток угля не позволил «Гайдамаку» зайти так далеко на север. Достигнув чукотско-> го селения Уэлен, лежащего на перешейке, соединя--ющем Восточный мыс с материком, клипер повернул назад. Хотя Нейман и не выполнил намеченного, он остался доволен рейсом и с жаром делился впечатлениями от увиденного.

«Чужеземных промышленников, а иначе говоря, браконьеров, мы встречали мало, — рассказывал он. — Видимо, их уже предупредили, что в северных водах на-, ходятся русские корабли. Только раз нашему клиперу удалось накрыть в уединенной бухте американскую шхуну. Моряки с нее продавали спирт чукчам за меха да моржовые клыки. Наш офицер отобрал спиртное и вылил его на землю три капитане 'браконьерской шхуны и заставил того вернуть чукчам все их меха и кльк ки. Капитан возмущался, кричал, что он ничего не читал про такой запрет, и остался убежденным, что с ним поступили несправедливо. Впрочем, — закончил рассказ Нейман, — скорее всего в накладе все равно останутся чукчи: что стоит этой шхуне вернуться, как только мы уйдем, и продать чукчам оставшийся спирт, сторицей вознаградив себя за потерянное...»¹⁰

В конце октября «Гайдамак» пришел в Хакодате, а'спустя некоторое время в этот же порт с наглухо зарифленными -марселями под одним штормовым фока-стакселем и грот триселем влетел, убегая от шторма, клипер «Всадник» под командованием капитан-лейтенанта Новосильск-ого. Перед этим экипаж клипера участвовал в передаче России части острова Сахалин, которая до этого времени находилась под совместным,

управлением Японии и. России. Церемония состоялась в Корсаковском посту, куда «Всадник» зашел в конце августа 1875 года. Полковник Барабаш выстроил здешние войска. При звуках музыки и пальбе с береговой и корабельных батарей (кроме русского клипера здесь стоял японский корвет «Асама-кан») произведен был торжественный спуск японского и подъем русского флагов, после чего все отправились на открытие первой на острове школы.

Перезимовав в Японии, Онацевич продолжил гидрографические работы на клипере «Всадник». Зийдя ненадолго во Владивосток для пополнения запасов продовольствия, 4 мая 1876 г. клипер взял курс на север. Несколько дней моряки не видели ничего, кроме морской воды да густого тумана, почти постоянно окутывающего корабль. Все оживились, когда ветерок принес запах земли, а вскоре сквозь пелену тумана моряки увидели берега Камчатки.

За три дня, проведенных в Петропавловске, Онацевич успел сделать все необходимые исследования, и в самом начале июня «Всадник» продолжил свое нелегкое плавание в северных водах. Шли вдоль черного, неприветливого, почти безжизненного берега. При виде его Онацевич вспомнил слова путешественника Биллингса: «Чукоция есть не что иное, как громада голых камней»¹¹.

Но время гидрографа, проведенное на клипере, уходило не только на созерцание окрестностей. Имея под рукой все работы других исследователей, побывавших в этих местах раньше, Онацевич сравнивал описания прошлого с тем, что видел он сам, и через каждые пять—пятнадцать миль заносил в путевой дневник новые сведения о берегах¹².

«Я заимствовал, где это возможно, — писал он, — названия мысов, гор, заливов и прочее от чукчей, прежде чем давать какие-либо произвольные названия, потому что считаю это крайне необходимо для избежания недоразумений, когда кто-нибудь другой будет искать посещенную вами

местность. Впрочем, это есть элементарное правило описи»¹³.

Во время стоянок и кратковременных подходов к берегу Онацевич посещал и местных жителей, присматриваясь к их незнакомой и совсем не понятной для него жизни. Узнав побольше о быте и привычках чукчей, гидрограф отнесся к ним с большой симпатией, и они отвечали добротой на его внимание. Чукчи неизменно сопровождали гидрографа во всех его походах по берегу и как только замечали, что ему требуется помощь — устроить защиту от ветра универсальному инструменту, или перенести его на другое место, или выкопать ямы для ножек штатива, — тут же бросались к нему. Никакой платы за свои услуги они не ждали, да и деньги, которые мог им предложить Онацевич, вряд ли могил понадобиться им, и офицер нашел довольно оригинальный способ отблагодарить своих добровольных помощников: блестящими пуговицами его форменного сюртука.

Моряки посмеивались над Онацевичем:

— Эдак вы, Михаил Люцианович, скоро совсем без пуговиц останетесь! Как же тогда вы явитесь в Петербург? Придется, видно, запахиваться и подвязываться льняком!

Но шутки эти были беззлобными, сами моряки, хотя это и не входило в их обязанности, постоянно помогали Онацевичу: кто занимался промерами, кто съемкой берега. Гидрограф организовал работу всех офицеров, желающих помочь, таким образом, чтобы гарантировать качество и точность работ.

12 суток провел в Ледовитом океане клипер, меньше всего пригодный для плавания в полярных широтах. Мало какое судно до него заходило так далеко на север. Моряки «Всадника» совершили настоящий подвиг во имя науки.

6 октября 1876 г. «Всадник» вернулся из своего нелегкого полярного плавания. Почти два года занимался Онацевич обработкой материалов, необходимых всем морякам, плавающим в дальневосточных морях. Морской ученый комитет издает в 1878 году его обработанный отчет «Собрание наблюдений, произведенных во время гидрографической командировки в Восточный океан в 1874—1877 годах». Эта книга получила высокую оценку специалистов, а конференция морской академии приняла ее как диссертацию. Морская академия также занесла имя Онацевича на мраморную доску с именами наиболее выдающихся исследователей моря и выделила ему средства на заграничную командировку.

Онацевич побывал тогда в Америке, Англии и Франции — ведущих морских державах того времени, — знакомясь всюду с современным состоянием гидрографии. Выводы его, касающиеся состояния русской гидрографической науки, были весьма пессимистичными. В газете «Яхта» 2 сентября 1878 г. Онацевич писал: «Теперь снаряжается отдельное судно, шхуна «Восток»; приказом командира портов Восточного океана назначена новая экспедиция под начальством метеоролога Э. В. Майделя. Не было ни гроша, да вдруг алтын. В развивающемся еще молодом крае, и не удивительно, что дело поручено метеорологу. А что, если гидрограф приедет, а в это время надо разоружить «Восток», и опять будет недостаток в судах, как это было в течение прошедших тринадцати лет».

По приезде в Петербург Онацевич начинает хлопотать об организации целой научной экспедиции. Трудно передать, сколько пришлось пережить ему, уговаривая чиновников гидрографического департамента и Морско-го министерства пойти ему навстречу. Иногда Онацевичу казалось, что намного легче было в трудных условиях проводить исследования, чем ходить по кабинетам, доказывая свою точку зрения.

Неожиданно идею Онацевича поддержал управляющий Морским министерством адмирал С. С. Лесовский. Его стараниями для нужд экспедиции был выделен все тот же старый «Восток» с шестью паровыми и гребными шлюпками, а также 46 матросов. Пулковская обсерватория предложила снабдить моряков своими приборами.

«Главная цель экспедиции, — писал Онацевич, — состоит в пополнении пробелов в описи и исследованиях, оставшихся после работ экспедиций Бабкина, Больше-ва, гидрографов Старицкого *и Елагина и частных съемок, произведенных разными судами нашего флота. Ближайшая задача нашей экспедиции... состоит в дополнении астрономических пунктов и гидрографических исследований устьев рек по материковому берегу Японского моря, от южной нашей границы до залива Де-Кастри, в геодезической съемке юго-западной части залива Петра Великого и лимана Амура, причем особое внимание будет обращено на исследование сахалинского фарватера, в определении астрономических пунктов на южном и восточном берегах острова Сахалина, в исследовании пролива Лаперуза, Японского моря вообще и в частности у западных берегов острова Сахалина и вдоль материкового берега, в определении магнитных элементов и прочее»¹⁴.

16 октября 1879 г. Онацевич выступил в Петербурге на заседании Географического общества и рассказал о широких планах предстоящей экспедиции. При этом он пообещал, что члены экспедиции, бывая в малоизученных местах, готовы проводить дополнительные исследования и собирать коллекции согласно указаниям Географического общества.

Вскоре позади остались все хлопоты, собраны чемоданы. Отъезд Онацевича на Дальний Восток был назначен на 18 декабря 1879 г., но «...25-го декабря он действительно выехал, но только не в Восточную Сибирь, а в ту страну, где нет болезней, печалей и воздыханий, но жизнь бесконечная.

Жесточайший тиф с мозговыми осложнениями в три дня сложил и уничтожил человека, и мы, еще 21-го числа видевшие его только с легкими признаками простуды, были -как громом поражены известием, 22 числа, что наш незабвенный друг и товарищ лежит в бессознательном состоянии с температурой тела в 40,9 градуса. Все возможные меры были приняты для спасения дорогого человека, отца семейства, примерного офицера, моряка и работника; кроме врачей, призванных семьей, близкими и товарищами, управляющий Морским министерством направил самых известных профессоров-специалистов, но все эти человеческие усилия оказались тщетными...»¹³

...Снег падал пушистыми белыми хлопьями, и Смоленское кладбище в Петербурге в тот день перед Рождеством выглядело убранным и торжественным. Его покойную тишину и белизну нарушала только масса людей, заполнивших одну из боковых аллей кладбища и подступы к ней. В похоронной процессии в основном чернели флотские шинели, и на их фоне особенно отчетливо выделялось мертвенно-бледное лицо молодой женщины, жены Онацевича. Крепко прижимая к себе двух маленьких детей, она с ужасом глядела в черную дыру могилы, не в силах поверить, что предстоящая разлука уже не принесет ей, как раньше, долгожданного свидания.

В тот же день похорон было написано письмо, опубликованное затем в первом номере «Кронштадского вестника» от 1 января 1880 г. Вот оно: «С.-Петербург, 28 декабря 1879 г. Сегодня схоронили мы даровитого молодого гидрографа, нашего лейтенанта Михаила Люциановича Онацевича, многостороннею замечательною деятельностью которого мы так давно уже привыкли гордиться и на дальнейшее широкое развитие которой мы так основательно, казалось, могли рассчитывать. Управляющий Морским министерством, и. д. директора Гидрографического департамента, директор Морского училища, многие члены конференции и профессора Морской академии присутствовали при отпевании, а лица помоложе, товарищи и близкие, проводили покойника на Смоленское кладбище и засыпали могилу, — но вся эта дань уважения к усопшему и все почести, ему оказанные при погребении, не утешают в невознаградиво! утрате».

В этом некрологе, скромно подписанном лишь одной буквой С., нетрудно угадать руку Старицкого, любимого учителя Онацевича, его старшего друга, который все последние годы с восторгом наблюдал за успехами способного ученика.

«БЕДНЫЕ ЭКСПЕДИТОРЫ»

Всех планов представлено было десять листов; исполнение их можно назвать художественным. Что же касается до точности самих работ, то она столь общеизвестноупоминания не требует.

Из отзыва о работе экспедиции А. С. Стенина. 1885

на, что

1880 год для Дальнего Востока, и в особенности для Владивостока, был богат событиями: это и открытие Добровольным флотом регулярных рейсов, связавших европейскую часть России с восточной окраиной, и мирное разрешение Кульдинского инцидента. Казалось, что Владивосток, который стал в тот же год городом, вдохнул в себя какие-то новые силы и широко зашагал в будущее.

В конце мая в городе собралась вся экспедиция, о которой хлопотал и которую должен был возглавлять внезапно умерший М. Л. Онацевич. Последними пришли в Золотой Рог на «Владивостоке» мичман Г. К. Ла-иевский-Волк и подпоручик В. Л. Геллер, которые привезли все необходимые приборы и громоздкий багаж.

Ждали только нового начальника экспедиции 42-летнего капитана корпуса флотских штурманов Алексея Семеновича Стенина, который задержался из-за короткой стажировки в Пулковской обсерватории. Перед нелегкой и ответственной работой на Востоке Стенин хотел подновить свои знания.

По приезде во Владивосток все инструменты и приборы, бывшие на руках у членов экспедиции, были сданы М. А. Клыкову, который тогда возглавлял гидрографическую службу на Тихом океане и который на первых порах очень помогал молодым офицерам.

Для них были выделены две небольшие комнаты в здании штаба главного командира, где гидрографы сложили свой багаж, расставили инструменты. В первые же дни, осматривая город, они побывали в саду главного командира, где сохранился каменный столб — астрономический пункт наблюдения К. С. Старицкого, а затем и М. Л. Онацевича.

За прошедшие с того времени годы кусты сильно разрослись, а деревья поднялись настолько, что превратили аллею в тенистый лес, и это место теперь годилось разве что для прогулок

влюбленных, но не для научных наблюдений. Да и сам столб покосился от времени и дождливой приморской погоды.

Появив своего командира, гидрографы сразу же взялись за работу, занимаясь ежедневно определениями необходимых поправок и подготовкой инструментов. Встретились они и с затруднениями, о которых не подозревали в Петербурге.

По предварительной смете, утвержденной в Петербурге, офицеры-гидрографы должны были получать зарплату как офицеры столичного Гидрографического департамента: 61 рубль в месяц при работе на берегу и 148 рублей в море. Это было хорошо в столице, но не на далекой окраине, где жизнь была очень дорогой, соответствуя поговорке: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз».

Чтобы снять хотя бы плохонькую квартирку, требовалось не меньше 45 рублей в месяц, прачке и вестовому — десятка, и оставалось на табак, карманные расходы и еду всего лишь шесть рублей. Еще в прошлом году, перед самым отъездом, члены экспедиции спрашивали об условиях оплаты у Онацевича. Он, с головой ушедший в предотъездную суету, отмахнулся от товарищей:

- Друзья, об этом не беспокойтесь и не спрашивайте даже, будьте уверены, нас не обидят!

По приезде во Владивосток гидрографы обратились с тем же вопросом в штаб, но там их послали просто к черту, вернее, к петербургскому начальству.

— Господа офицеры, вы не наши. Отсылок с вами нет и вдобавок количество содержания при подобном рода командировках не определено ни одной статьей табеля о довольствии.

- Вот так и живи: питайся свежим воздухом и занимайся исследованиями, которые, как все говорят, так нужны России, — ворчали меж собой офицеры-гидрографы.

Владивосток тех лет был похож на все губернские города, разве что здесь не было привычных всем пожарной каланчи и жандармов. Местной достопримечательностью был казенный сад, где играл военный оркестр, состоящий из матросов, которые не знали других инструментов, кроме балалайки да гармони. Ими руководил немец-капельмейстер, ни слова не говоривший по-русски.

Население города было весьма пестрым. Женщин было очень мало, примерно одна на десять мужчин, но тем не менее в местном «приличном обществе» скопилось около четырех десятков девиц на выданье. Дело в том, что безусые мичманы после окончания Морского училища и отправляющиеся на Дальний Восток получали разрешение жениться раньше положенного срока. Высшее командование считало, и не без оснований, что молодым офицерам гораздо проще и благоразумнее найти себе подругу жизни в столичном обществе, нежели где-то на окраине России.

Завязанные же холостяки и на Востоке не изменяли своим привычкам и избегали вечеров, на которых заботливые мамы пытались пристроить своих дочерей.

Владивостокское аристократическое общество составляли чиновники и флотские офицеры. Знаменитая Сибирская флотилия к тому времени числилась только на бумаге. Прославленные ветераны, дважды отслужившие свой срок — пароходо-корвет «Америка» и транспорты «Манджур» и «Японец» — забытые, печально стояли на морском кладбище, дожидаясь, когда их разберут на дрова.

«Безлошадных» офицеров почему-то не отправляли в Кронштадт, да и сами они не спешили покидать Владивосток. Главная причина их нежелания возвращаться в Европу заключалась в большой пенсии за десять лет службы, двойных прогонах за каждое пятилетие и внеочередном присвоении чина. Каждое, даже самое невзрачное суденышко, возившее в порт песок и глину, имело на борту, штаб-офицера, лейтенанта и штурмана. И все же большей части моряков не хватало работы, и они продолжали сидеть на берегу, «в тихой грусти глядя на море», потому что морское довольствие было выше берегового в три раза¹.

Питейных заведений во Владивостоке было предостаточно, водку продавали по девять рублей за ведро. Молодые офицеры проводили свободное время чаще всего в Морском клубе, деревянном здании, выстроенном на самом берегу моря, где была небольшая приставь для шлюпки, что было удобно флотским офицерам, возвращающимся поздними вечерами на суда.

В Морском клубе часто звучала музыка, устраивались танцевальные вечера. В буфете клуба — за обед. рубль с персоны — хозяйничал весьма скромный буфетчик Иван Иванович, по общему мнению, «добросовестный малый и можно сказать благодетель человечества, потому что он не только питает безгранично в кредит, но даже снабжает деньгами в минуты жизни трудные без всяких процентов»².

Буфетчик, да еще экипажный казначей не раз выручали «бедных экспедиторов», как образно называли молодых офицеров местные обыватели. Жизнь во Владивостоке была скучной, и сплетни являлись частью развлечения у всех категорий жителей — от посыльных до старших офицеров.

:— Вся эта экспедиция выеденного яйца не стоит, -злословили городские чиновники. — Кому это надо жить здесь, на краю земли, на нищенском довольствии?

- Вот увидите, господа, что их терпения хватит не больше, чем на два-три месяца, — подхватывали офицеры и уже вместе продолжали перемывать косточки «бедным экспедиторам», которые, сами о том не подозревая, стали мишенью для всяческих острот и пересудов.

Разговоры прекратились 15 августа 1880 г., когда -на пароходе Добровольного флота «Россия» во Владивосток прибыл капитан Алексей Семенович Стенин. Он был моряком во втором поколении. Отец Стенина, происходивший из крестьян, впоследствии стал боцманом и для сына своего тоже хотел морской судьбы. Поэтому Стенин еще десятилетним по ходатайству отца был зачислен

кадетом в Первый штурманский полуэкипаж Кронштадта, где учился в течение девяти лет. С детства Стенин отличался прилежанием и аккуратностью, большим трудолюбием. Не удивительно поэтому, что он отлично учился, имея особенно высокие оценки по математике, навигации, географии, астрономии.

На этом образование Стенина не окончилось, он поступил слушателем в офицерские классы при Морском кадетском корпусе, которые также успешно закончил, начав самостоятельную службу в Балтийском флоте.

Прибыв во Владивосток, Стенин едва успел познаться со всеми членами Отдельной съемки Восточного океана — так официально называлась эта экспедиция, — как пересел на шхуну «Восток» и отправился в Посыет, откуда предстояло начать гидрографические работы.

Если в первый год деятельность экспедиции носила в основном ознакомительный характер, то в дальнейшем было начато подробное исследование залива Петра Великого.

В 1881 году был сделан зимний промер вдоль западного берега островов Русский и Попова, а также в бухте Золотой Рог и проливе Босфор Восточный. Этим занимались подпоручик корпуса флотских штурманов В. И. Филипповский и прапорщики того же корпуса А. А. Rogozin и А. П. Игнатьев.

Летом 1881 года гидрографические работы продолжались в Амурском заливе. В распоряжение гидрографов была выделена шхуна «Восток» и пароход «Амур».

В 1882 году, как и в предыдущем, исследования проводились и зимой, и летом. Промером по льду партия поручика А. И. Худолея исследовала бухту Новик на Русском острове. Летом были изучены острова Римского-Корсакова, параллельно велись работы в заливах Ольги, Де-Кастри и в Амурском лимане. Для этого были организованы две партии: начальником одной стал лейтенант Г. К. Ланевский-Волк, производитель работ прапорщик М. А. Иванцов, другой — прапорщик А. И. Худoley, с производителями работ прапорщиками С. А. Варгиным и А. Н. Моисеевым³.

...6 июля 1883 г. в жизни гидрографов начинался ничем не примечательный день: отдельная съемка Восточного океана продолжала заниматься исследованием

островов Римского-Корсакова. Рано утром, поднимаясь на борт «Востока» с острова Большой Пелис, где у гидрографов была небольшая база, ни Стенин, ни его помощники не подозревали, что этот рейс «Востока» будет последним выходом в море этой шхуны.

Стоял ясный день. Шхуна направилась к острову Редклиф, до которого было ходу не более получаса. Все офицеры, стоя на палубе, любовались спокойным морем, покрытым лишь небольшой зыбью. Первая неприятность случилась при проходе северного рифа острова Редклиф, к которому шхуна подходила с минимальной скоростью. Материалы судебного дела воспроизводят с точностью все происшедшее в тот момент на шхуне.

Стенину, хотевшему добиться большой точности исследований, требовалось как можно ближе подходить к берегу, и это всегда было поводом для споров с командиром шхуны «Восток» капитан-лейтенантом С. И. Рыковым. Вот и в то утро между ними состоялся такой разговор:

- Уже видно дно, — сказал Рыков Стенину. — Пора остановиться.

— В такую погоду и при восьми саженях дно видно, — пробурчал Стенин. — Пошли ближе!

Рыков безнадежно махнул рукой и послал старшего штурмана Пипийского на корму отдать распоряжение на промер глубины, но тут раздался крик лотового с 'бака:

— Три сажени!

Тут же послышался скрежет днища шхуны о камни: «Восток» сел на мель. Спустя некоторое время при полном заднем ходе шхуна снялась.

- Вот видишь, все обошлось, — сказал Стенин командиру, как ни в чем не бывало, — теперь можно продолжать работу.

Но приступить к работе гидрографы не успели: буквально через несколько минут «Восток» снова сел на мель, на этот раз прочно. Дело осложнилось и тем, что зыбь резко усилилась. Что только ни делали моряки для спасения шхуны: с нее сняли весь груз, позвали на помощь из Владивостока суда — около острова встали на якорь корвет «Скобелев», клипер «Наездник», камонерские лодки «Горностай» и «Нерпа».

Почти неделю длились спасательные работы у острова Редклиф, но результатов не дали. Вскоре сильный шторм окончательно разбил корпус шхуны, и волны навсегда поглотили ее⁴.

Газета «Владивосток» 17 июля 1883 г. писала: «Шхуна «Восток» разбилась совершенно. От судна, возившего Гончарова в Охотское море в 50-х годах, остались только мелкие обломки, закрытые водой. Это было старейшее и заслуженное судно Сибирской флотилии, оказавшее немало пользы в свое время. И странное совпадение: первым командиром его был Римский-Корсаков, но дольше всех командовал Молчановский, умерший в прошлом году, — и шхуна погибла на Редклифе, — рядом с островом Римского-Корсакова и бухтой Молчановского».

Морской суд во Владивостоке оправдал командира «Востока». Старший штурман Пипийский на суде дал показания, что в течение двух лет плавания на шхуне он «постоянно слышал выражения неудовольствия от капитана Стенина на то, что командир держал далеко от берега. Может быть, вследствие этого командир настолько приблизился к берегу, что шхуна села на мель. Кроме того, он слышал, как капитан Стенин говорил, что шхуна, назначенная в промер,

по всей вероятности, будет становиться на мель, и в случае такого несчастья будет отвечать он, Стенин, а не командир»⁵.

Понять Стенина можно: азарт исследователя не давал ему покоя, но Рыков как командир отвечал за безопасность судна. Видимо поэтому вновь состоявшийся военно-морской суд в Петербурге не утвердил владивостокский приговор и признал «капитан-лейтенанта Рыкова 2-го за упомянутую неосторожность, повлекшую за собой гибель вверенного ему судна, считать отрешенным от должности командира с последствиями, означенными в статье 46 упомянутого устава; что касается убыток, происшедших от гибели шхуны «Восток», то ввиду весьма продолжительной службы этого судна списать все за счет казны»⁶.

Удивительным было то, что несмотря на суровое на-казание, Рыков, не служа, продолжал расти в звании: в 1885 году он стал капитаном 2 ранга, в 1890 — капитаном 1 ранга, а затем и генерал-майором. Загадка да и только. Разгадать ее, вероятно, можно лишь вспомнив, что братья Рыковы занимали ответственные посты на флоте.

Морские съемки под руководством Стенина продолжались до 1888 года. 15 января жизнь капитана «оборвалась как раз в то время, когда мысли его были направлены к предстоящим еще более трудным задачам, решение которых, можно сказать с глубокой уверенностью, увенчалось бы обычным успехом и прибавило бы к длинному ряду трудов покойного еще новые образцы замечательного, честного отношения к работе, строгой до педантизма научной обработки и неустанной энергии»⁷.

Стенин до конца своей жизни переживал гибель «Востока» и, проводя дальнейшие исследования, старался обходить опасные места стороной. Остров Ред-клиф, ставший последним пристанищем шхуны «Восток», был переименован в остров Стенина в честь этого труженика моря.

ГИБЕЛЬ «АЛЕУТА»

Пока люди живут на земле, они должны хранить память о тех, кто погиб, отдав все силы борьбе с разбушевавшейся стихией. Вместе с тем всяческого уважения со стороны нынешнего поколения заслуживают наши соотечественники, которые отдали все силы, чтобы спасти этих людей.

Сасаки Есихару, мэрг. Сэтана, о-в Хоккайдо, Япония. 20 октября 1972

В Сибирской флотилии о шхуне «Алеут» ходила легенды: даже бывалым морякам редко приходилось встречать такую некудышнюю шхуну, как эта. Сказать, что парусные качества «Алеута» были неважными, значило ничего не сказать. Они, попросту говоря, были никакими. Не единожды шхуна оказывалась на краю гибели, когда ветром ее несло на камни: 40-сильная машина была недостаточно мощной, чтобы противостоять дальневосточным штормам.

Даже в полный штиль под парами «Алеут» давал всего около пяти узлов, а встречный ветер и вовсе сводил на нет все усилия машинной команды. Бывало, при заходе в Золотой Рог машина работает на полный ход вперед, а легкий бриз удерживает шхуну на месте. Командир, не в силах сдержаться, кидает чертей в переговорную трубу, в машинном отделении манометр едва не зашкаливает, а судно как стояло, так и стоит, предоставляя экипажу полную возможность наблюдать, как рядом крохотный портовый пароходик «Кит» с баржами не спеша заходит в порт.

Во владивостокских портовых мастерских одно время хотели было как-то улучшить мореходные свойства «Алеута», добавив бизань-мачту, но и от нее проку не было. Мачту убрали и от шхуны отступились. «Ничего, ребята тертые, управятся!» — посмеивались в мастерских⁸.

Так и ходила шхуна «Алеут» по различным служебным надобностям вблизи приморских берегов от мыса к мысу, опасаясь порой, как бы ветром не унесло в открытое море, а то, чего доброго, можно однажды оказаться вместо Владивостока в Японии. Позднее так оно и случилось.

В конце августа 1877 года «Алеут» под командованием лейтенанта Крашенинникова снялся из Владивостока в Николаевск, где, быстро сняв бакены, отправился в обратный путь. Кроме командира в состав экипажа входили вахтенные начальники: лейтенант Хартулари, мичман Китаев, штабс-капитан Асташев, старший штурман прапорщик Панов, старший механик прапорщик Криницин, гидрограф поручик Кудрин и 53 матроса. Взяли на борт и двух пассажиров.

Был октябрь, месяц штормов. По пути во Владивосток «Алеуту» пришлось зайти в Императорскую гавань (ныне Советская Гавань), чтобы укрыться от непогоды. «Шнапка», местный купец и неформальный губернатор тех мест, побаловал моряков горячей банькой-, которая

славилась тогда по всему побережью Японского моря.

Через два дня, 18 октября 1877 г., когда ветер успокоился и только сильная зыбь напоминала о прошедшем шторме, «Алеут» снялся по назначению.

За мысом Низменным ему пришлось немного оторваться от берега, который здесь делал изгиб и позволял несколько сократить и без того порядком надоевший путь. Ночью усилившийся ветер и небольшая волна заставили шхуну лечь в дрейф. Утром она оказалась оторванной от берега на 16 миль, и не успели моряки как следует протереть глаза, ее отнесло еще дальше в море.

Трое суток дрейфовала шхуна в штормовом Японском море. Видневшийся вдали пик Де-Лангль ясно го ворил морякам, что их отнесло к западному берегу Японского острова Мацмая, но погода никак не позволяла им взять курс к родным берегам. Как щепку швыряло «Алеут» по бушующему морю. Катер, висевший на шлюпбалках, наполнило водой, и, так как он создавал крен на одну сторону, его пришлось сбросить за борт.

Вдобавок ко всем бедам на «Алеуте», не рассчитанном на длительные плавания, подошел к концу уголь, и командир решил идти в Хакодате. Четвертого ноября они с трудом добрались до острова Окоеири, лежащего в 60 милях от Хакодате. При входе в пролив скорость шхуны упала до одного узла. Нужно было все-таки отстояться. Выбрав подходящее место около селения Сетанай и воспользовавшись тем, что ветер дул от берега, командир решил встать на якорь.

Но с седьмого ноября штормовой ветер усилился до ураганного. Теперь он изменил направление и со страшной силой дул по направлению к берегу. Якорные канаты были набиты так, что, казалось, вот-вот зазвенят. В 11.30 утра один канат не выдержал сильного порыва ветра и лопнул, и уже через полчаса глубина под «Алеутом» уменьшилась на семь саженей: оставшийся якорь не мог удержать судно на безопасном расстоянии от берега.

Вскоре вокруг судна появилось множество бурунов, и всем на борту стало ясно, что до крушения оставались считанные минуты. Командир приказал всем офицерам спуститься в кают-команию на совет. Там, стоя в воде, плескавшейся по палубе, среди беспорядка, созданного штормом, офицеры «Алеута» сочли единственным верным решением выброситься на песчаную отмель. Молча, без привычных шуток, командир достал из какого-то шкафа бутылку шампанского и, вытерев рукавом плаща мокрое лицо, разлил вино по бокалам.

Глубина между тем уменьшилась до пяти саженей. Как только начали расклепывать якорный канат и поставили парус, пытаясь развернуть шхуну носом к берегу, огромная волна подхватила парусник и скачками потащила его на сушу.

Дрожь от холода, люди столпились на правом шкафуте и под мостиком. Некоторые вслух молили бога о спасении. Командир, слегка побледневший, наблюдал за всем происходящим с трапа, ведущего на мостик.

Шхуна остановилась в саженях пятнадцати от берега. Она стояла почти ровно на киле, зарывшись в песок несколько под углом к берегу. Иногда она вздрагивала, будто корчилась, от ударов волн. Форштевень шхуны был сильно приподнят, левый фальшборт отсутствовал. Многие иллюминаторы и люки были разбиты, по всей шхуне гуляла вода.

Единственным сухим местом было командное отделение. В нем собрался почти весь экипаж. Теплое, защищенное от моря помещение вернуло людям оптимизм и веру в спасение, но оставаться на шхуне было невозможно, нужно было как можно скорее найти способ переправить людей на берег.

Фельдшер вызвался добраться до берега вплавь и передать туда проводник. Обвязав веревкой, его спустили за борт, но сильный прибой не дал фельдшеру даже встать на ноги. Измученного, его втащили обратно на борт.

На берегу собрались местные жители — японцы и айны. Они зажгли костры и были готовы помочь потерпевшим кораблекрушение. Щ^рн из мужчин после неудачной попытки фельдшера передать проводник тоже бросился в воду, чтобы доплыть до шхуны, но и ему не удалось этого сделать.

И все же старания моряков были не напрасными: один из лотовых матросов сумел все-таки добросить выброску до берега, а кто-то из японцев, бросившись в воду, вытащил ее. На берег были заведены два прочных конца. Теперь, обмотавшись концом вокруг туловища, моряк прыгал в воду, а на берегу его уже вытаскивали местные жители.

Не считая прапорщика Криницина, который, прыгнув в воду в меховом пальто, сразу же пошел ко дну и успел наглотаться морской воды, пока его не вытащили, остальные переправились без приключений. Последним покинул борт «Алеута» командир, спустив предвзрительно флаг.

На берегу в это время уже всюю горели костры, люди сушили одежду и отогревались. Японцы снабдили моряков сухими вещами, накормили простой, но сытной и горячей едой. Уже по темноте японцы отвели русских моряков в селенье Сетанай, лежащее в шести верстах от места крушения шхуны. Здесь морякам выделили большой дом, внутри которого на глиняном полу по японскому обычаю горел огонь. Моряков поджидал горячий зеленый чай и теплое саке, что тоже было по общему мнению весьма кстати.

На огне уже стоял большой медный котел с рисом. Его ели прямо горстями, не забывая,

однако, и про другие угощения: поджаренную на палочках соленую рыбу и квашеную капусту. О сне никто и не думал, до самого утра продолжались разговоры о пережитом.

Наутро моряки вернулись на берег моря к «Алеуту», Шхуна стояла на прежнем месте, но волнение немного стихло, и несколько моряков сумели, перебравшись на шхуну, доставить на берег одежду и продовольствие.

В тот же день мичман Китаев был отправлен в Хакодате, чтобы известить командование во Владивостоке о гибели «Алеута». Сразу скажем, что добирался он туда шесть дней.

Ожидая помощь, моряки сколотили недалеко от места крушения деревянный барак, который обтянули еще и парусиной. Внутри поставили нары, сделали камбуз. Рядом вырыли землянку для бани. Дни у экипажа были заняты разгрузкой шхуны. Надо сказать, что, несмотря на ледяные купели, в которых морякам частенько приходилось оказываться, и на жизнь в бараке, продуваемом всеми ветрами, в экипаже не было ни единого случая даже легкой простуды. Видимо, в экстремальных ситуациях организм человека мобилизуется и может противостоять любым суровым условиям.

Деревушка, куда волею судьбы попали русские моряки, была точно такой же, как и сотни других, расположенных на побережье. Японским правительством эти места были закрыты для посещения иностранцев. Люди жили здесь бедно, занимаясь в основном рыболовством и добычей морской капусты. Из-за гористой песчаной почвы огороды не сажали, не было и скота, даже кур держала не каждая семья.

Жители Сетаная по-доброму относились к морякам, и это прежде всего проявлялось в помощи продовольствием. Когда моряки сказали, что одной курицы на всех маловато, сельчане стали доставлять по две. А когда в деревушке иссяк запас курятины, то за ней стали посылать в соседнюю деревню.

Конечно, для населения было весьма чувствительным появление лишних шестидесяти ртов, да еще каких! Но никто не выражал недовольства, напротив, при встрече айны поднимали ко лбу сложенные ладони и отвешивали церемонные поклоны. Своими черными окладистыми породами и падающими на плечи волосами они напоминали морякам русских деревенских мужиков.

Каждый день моряки выходили на берег и смотрели на море, ожидая помощь, но изо дня в день горизонт оставался чист. Чувство неопределенности уже начало овладевать экипажем, когда утром 27 ноября недалеко от берега встал на якорь клипер «Абрек», а чуть позже подошел и однотипный с ним «Всадник». Погода стояла на редкость тихая. От кораблей дружно отвалили четыре катера за командой «Алеута» и два вельбота с командирами «Абрека» и «Всадника». Они смело направились к берегу, не подозревая, какая опасность подстерегала их. Дело было в том, что крутые придонные волны почти сливались с береговым прибоем. Один за другим все катера и вельботы были выкинуты на берег. Алеутцам пришлось вытаскивать из воды незадачливых спасателей. К счастью, никто не погиб, лишь один командир, наглотавшись воды, чувствовал себя неважно.

Только одна шлюпка, вовремя заметив опасность, повернула назад и подошла к берегу в безопасном месте. С помощью ее да двух больших японских рыбачьих лодок началась перевозка людей на клипера. К вечеру смогли отойти от берега и другие катера и вельбот, кроме одного, с «Абрека», которого задержал у берега усилившийся ветер.

«Всадник», взяв на борт моряков с «Алеута», отошел от негостеприимных берегов и остановился в безопасном месте. 3 декабря на нем подняли флаг: сигнал катеру немедленно возвращаться. Легко сказать — возвращаться, но как это сделать, если прибой не дает даже отойти от берега. При очередной попытке катер с такой силой отбросило волной на берег, что от него остался один киль.

Удостоверившись, что никто не утонул в прибое, с «Абрека» бросили бочонок с известием, и клипер снялся в море. «Если завтра утром клипера не будет, то я ушел во Владивосток, а вы с командой идите в Хакодате; там оставлена провизия, деньги и вещи у г. Портера... Провизия для алеутской команды прилетит берегом; подробности узнаете из предписания. Суббота, 3 декабря 1877 г.»

Таково было содержание записки, спрятанной в бочонке, от командира «Абрека», офицеру, командовавшему шлюпкой. Но уже вечером того же дня, поняв, что снять людей нет никакой возможности, клипер поднял сигнал «счастливого пути» и, осветившись фальшфарами, снялся с якоря.

Теперь морякам был один путь — по берегу в Хакодате. Они обратились за помощью к местным властям, но те отказались дать проводника, ссылаясь на отсутствие разрешения губернатора Хакодате. Делать было нечего, приходилось ждать. Пурга и холодные северозападные ветры почти не прекращались, огромные сугробы выросли вдоль улицы.

В скуке проходили зимние дни. Уже иссякли все темы для разговоров, от безделья начали возникать первые споры. Единственным человеком, который работой мог скрасить свое существование, был судовой фельдшер: ему разрешили посещать жителей Сетаная и лечить их.

В томительном ожидании ответа от губернатора Хакодате прошло несколько недель, и только 16 декабря оно было получено, а уже через неделю, 23 декабря, одиннадцать матросов и три офицера добрались до Хакодате. Командир «Алеута» лейтенант Крашенинников отправил письмо губернатору города Токито Тамемото.

«...в несчастии, случившемся с нами, — писал он, — прием, оказанный жителями этой местности, послужил для нас большим утешением. Все, что только было возможно, все было для

нас сделано... Нет слов, чтобы выразить ту глубокую благодарность и уважение, какую чувствуем мы все ² к жителям и вашему превосходительству, начиная от меня и кончая последним матросом...»²

Моряки поселились в русской гостинице и стали ждать подходящего судна, чтобы забрать из Сетаная оставшихся алеутцев. Только в апреле 1878 г. пришла шхуна «Ермак» под командованием 34-летнего лейтенанта Б. К. Деливрона. О дальнейших событиях нам рассказывают страницы дневника одного из офицеров «Алеута».

«Мы пришли в Сетанай утром при полном штиле. Буруна совершенно не было видно, так что баркас, посланный за спасенным имуществом, пристал совершенно свободно к самому берегу. К вечеру, однако же, пошла зыбь, и бурун снова начал разыгрываться. Баркасу, который вернулся на шхуну «Ермак» с частью имущества, приказано было прекратить работы и забрать людей, которые оставались на берегу при погрузке вещей. Офицер, посланный с этой целью, застал под берегом уже весьма значительное волнение, благодаря которому исполнение поручения становилось крайне затруднительным, так как приходилось заботиться о том, чтобы не разбить баркас и не потопить людей во время их посадки на шлюпку, к которой тем нужно было пробираться по воде. Не зная местных условий и предполагая, что офицер медлит только потому, что относится небрежно к своему поручению, командир шхуны сигналом потребовал баркас к борту, посадил в него унтер-офицера и приказал последнему во что бы то ни стало забрать людей с берега. Время подходило уже к закату солнца, когда баркас отвалил от борта. Скоро наступили сумерки, затем стемнело окончательно, а баркас все еще не возвращался. Шхуна заметно покачивалась на зыби. Команда и офицеры тревожно всматривались в темноту, тщетно стараясь уловить удары весел по воде. Было уже около 9 часов. Вдруг с берега донесся как будто слабый крик. Все замерли и начали вслушиваться. Снова крик и хотя тоже едва слышный, но уже не позволяющий думать, что слух обманывается, тем более, что сейчас же по берегу замелькали фонари, а спустя немного вспыхнул костер. Не оставалось сомнения, что с баркасом случилось какое-то несчастье. Командир решил подождать утра, чтобы узнать, в чем дело, так как посылать другую шлюпку в бурун было бы явным безрассудством. После полуночи задул, однако же, ветер и засвежел настолько, что заставил шхуну уйти в море, где она продержалась около двух дней, пока погода не стихла. С сильной тревогой подходили мы вторично к злополучному месту. Вельбот, посланный к берегу, пристал около деревни Сетанай, там, где раньше высаживался командир клипера «Абрек», потому что в остальных местах ходил бурун. Скоро привез он печальное известие: баркас на обратном пути был залит в буруне, и из 28 человек, находившихся на нем, 13 погибли; семь трупов уже найдены и положены в покинутом доме, где зимовала алеутская команда...»³

Вот такую цену заплатил командир шхуны «Ермак» Б. К. Деливрон за свою поспешность.

Еще не все алеутцы были вывезены из Сетаная, а их шхуну уже исключили из списков флота. 4 марта 1878 г. морская газета «Яхта» перепечатала приказ об этом. Позднее «Алеут» был продан за 1050 долларов одному англичанину, который снял ее с мели и привел в Хакодате. После этого шхуна уже под другим именем плавала, пока не погибла на восточном берегу острова Мацмая недалеко от Хакодате.

...У подножия горы Самбонсуги в окрестностях небольшого современного японского городка Сэтана на возвышенном месте стоит строгий и красивый каменный обелиск. На японском и русском языках на нем написано: «Памятник русским морякам с винтовой шхуны «Алеут». С этого места открывается широкая панорама Японского моря, за которым осталась родина похороненных здесь людей.

Их восемь, русских моряков, нашедших свое последнее пристанище на японском берегу, тела четверых море так и не вернуло. Их останки были перенесены сюда по просьбе жителей города Сэтана, которые в 1971 году предложили в знак укрепления дружбы между Японией и СССР построить на месте захоронения памятник. Сразу же был создан комитет по строительству памятника, а в сентябре 1972 года уже состоялась церемония его открытия.

В предисловии к буклету, который издали в честь этого события, мэра г. Сэтана Сасаки Есихару написал: «Данный памятник, поставленный в память двенадцати погибших членов экипажа «Алеут», создан на средства, собранные местными жителями, готовыми во имя добрососедства прийти на помощь терпящим бедствие на море. Пользуясь случаем, хочу выразить уверенность в том, что мир и дружба между народами Японии и Советского Союза будут и впредь развиваться и крепнуть»⁴.

До последнего времени не были доподлинно известны имена простых русских моряков, погибших на чужбине. И лишь недавно в результате длительных поисков нам удалось установить девять из них. Это алеутцы: квар-тирмейстер Иван Кайгородов, сигнальщик Яков Щеп-тунов, матросы 1 статьи Кузьма Фелелов, Василий Си-ницын, Игнатий Подварков, Дмитрий Гурьев, и моряки с «Ермака»: матрос-рулевой Семен Богомолов, матросы 1 статьи Никои Усов и Фрол Алексеев⁵.

Теперь времена меняются: Сибирская флотилия сыграла свою роль и уже умирает, а с нею скоро должен исчезнуть и тот тип моряка, который выработался в ее суровой школе, под давлением ее своеобразных традиций и местных условий. Всею своя очередь.

Газета «Владивосток». 21 июня 1887

2 ноября 1910 г. состоялось торжественное заседание Владивостокской городской думы, посвященное 50-летию основания Владивостока. Одним из самых ярких выступлений на нем была речь видного исследователя Дальнего Востока М. Е. Жданко:

«— Достаточно взглянуть на карты нашего края, чтобы убедиться, что вся история его исследования и изучения связана с нашим флотом. Проследите по картам Приморской области, и вы встретите имена Палла-ды, Дианы, Авроры, Оливуцы, Байкала, Манджура, Гридья, Америки, Востока, Алеута, Воеводы, Калева-лы, Горностая, Соболя, Новика, Абрека, Джигита, Наездника, Пластуна, Стрелка, Разбойника, Опричника, Рынды, Витязя, Аскольда...»¹.

Этот длинный список можно было бы продолжить и другими славными именами кораблей, которые волей судьбы составили первый дальневосточный флот. Впрочем, и кораблями-то их можно назвать с некоторой долей условности, особенно, если сравнивать с современными судами, которые мы видим в наших дальневосточных портах.

Небольших размеров, с парусным вооружением, в основном, с деревянным корпусом,— суденышки, да и только, но эти суденышки вынесли на себе всю тяжесть первых исследований дальневосточного побережья.

«Сибирское судно гоняли сплошь целое лето,— писала в 1887 году газета «Владивосток»,— без отдыха, по всем щелям Татарского и сахалинского берега, так что зачастую пары не прекращались по 30 и более суток. Ходили они при этом всячески: и под парами, и под парусами, с рангоутом и без рангоута, то с генералами на палубе, то с плотами за кормой; делали описи, зимовали в разных труппах и цинготелл во время бурных осенних плаваний, когда слабые машины отказывались служить и судно, случалось, двигалось вперед не носом, а кормою, повинувшись течению, несмотря на всю надраенную парусину². Словом, сибирскому моряку приходилось за свою «транспортную» службу видеть веяние виды»³.

Действительно, условия плаваний в дальневосточных морях в те годы были не для слабых духом и телом, зато тот, кто прошел эту суровую школу, мог считать себя не только моряком, но и первопроходцем, первооткрывателем. Потому и носят десятки заливов, бухт, мысов имена кораблей российского флота, либо первыми побывавших в безлюдных до той поры местах, либо оставивших свой след в чистых водах приморских бухт.

Трехмачтовое судно с парусным вооружением, изображение которого мы видим на ростральной колонне при въезде во Владивосток, конечно же, знакомо многим: транспорт «Манджур», открывший первую страницу в истории Владивостока. Впервые паруса этого судна, участвовавшего тогда в экспедиции Муравьева-Амурского, появились в заливе Петра Великого 22 июня 1859 г.

Около двух часов дня, пройдя Босфором Восточным, а затем еще небольшим проливом, который сейчас носит имя Токаревского, «Манджур» зашел в бухту Новик на Русском острове.

Вахтенный -начальник транспорта записал в шха-нечном журнале: «...при входе его, на глубине 10 сажень, грунт ил, положили якорь даглист, канату вытравили 24 сажени и прекратили пары. В бухте стоят на якоре: корветы «Новик» и «Боярин». Отправили команду на берег для рубки дров для машины»³.

Не знал тогда командир «Манджура» капитан-лейтенант Алексей Карлович Шефнер, что ровно через год ему будет суждено вновь прийти в залив Петра Великого, но уже с более исторической миссией: высадить солдат, которые положат основание большому городу.

Немного сохранилось данных о том, как: и где был построен этот знаменитый транспорт. В документах, касающихся Сибирской флотилии, имеется лишь небольшая переписка на эту тему.

9 мая 1857 г. представитель Морского министерства в Северо-Американских Штатах капитан-лейтенант Александр Егорович Кроун писал из Нью-Йорка в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири: «В исполнение полученной мной инструкции от управляющего Морским министерством имею честь донести о ходе возлагаемого на меня поручения следующее:

1) Большой винтовой транспорт в 1325 тонн...заказан в Нью-Йорке за двести двадцать

восемь тысяч триста долларов и выйдет в море не позже 1 марта/17 февраля будущего 1858 года. Размерение его следующее: длина между перпендикулярами 211 футов, ширина 36 футов и глубина 17 1/2 фута. Машина низкого давления в 300 сил с двумя качающимися цилиндрами, каждого 51 дюйм, ход поршня и винта 11 футов.

Транспорт этот может носить по одному бомбовому 8-ми дюймовому орудью на носу и корме и по четыре 32-футовых орудий на каждой стороне.

При условиях, данных для постройки этого транспорта, он не углубится более 11 1/2 фута, самое же более его углубление в воде в полном грузу 13 1/2 фута.

2) Малый винтовой транспорт в 720 тонн из дерева заказан с разрешения его императорского высочества за 117633 доллара в Бостоне и будет готов к выходу в море в одно время с большим транспортом.

Размеренна его следующие: длина 180 футов, ширина 37 футов и глубина 12 футов. Машина низкого давления с двумя качающимися цилиндрами, диаметр каждого 40 дюймов, ход поршня 4 фута, диаметр неподъемного винта 11 футов.

Транспорт этот имеет запас угля на 10 дней, провизию и воду на три месяца и 10 тонн груза, будет сидеть в воде не более 8 футов...»⁴

Первый транспорт получил название «Японец», второй — «Манджур». Оба они строились специально для Дальнего Востока, а малая осадка нужна была для того, чтобы суда могли работать в Амурском лимане.

5 апреля 1858 г. первым в море вышел транспорт «Японец». Пройдя через мыс Доброй Надежды, он взял курс на Николаевск, в который пришел 13 сентября 1858 г. Вслед за ним из Бостона вышел и транспорт «Манджур», на который было погружено два паровых молота для вбивания свай (новым бухтам срочно требовались причалы), землечерпалка и 500 пудов машинного масла.

Оба транспорта были совершенно плоскодонными, поэтому можно представить, как они вели себя в открытом океане. Достаточно сказать, что в волну они давали крен до сорока градусов.

Оба судна перегоняли американские команды. Командиром «Японца» был капитан Халл, который, сойдя в Николаевске на берег, всячески ругал транспорт, называл его «мокрым судном» и сдобривая свои высказывания непереводимыми словами⁵.

Но Халл все же довел свое судно до места назначения, тогда как переход «Манджура» оказался куда более сложным. Капитан Томпсон смог довести его только до Гонконга, где, сославшись на болезнь и даже отказавшись от вознаграждения, причитавшегося ему за переход, бросил «Манджур». Разбежалась вслед за капиталом и часть команды. Дальше транспорт повел капитан Эллиот. Как писала потом газета, «человек еще совершенно молодой, он явился к месту назначения совсем седым и поклялся на подобных судах больше не плавать»⁶.

Русские моряки оказались крепче. Около десяти лет командовал «Манджуром» А. К. Шефнер, который только посмеивался, видя, как бледнели молодые моряки при бортовой качке. Первый командир «Японца» Н. Я. Шкот нередко на переход запечатывал машину, и судно шло только под парусами.

Много работы было у транспортов, считавшихся в те годы самыми крупными судами, плавающими в дальневосточных морях. Каждый раз, когда требовалась переброска большой партии груза или значительной группы людей, рассчитывать могли только на них. Не случайно, когда было принято решение о переносе главного порта на Тихом океане из Николаевска во Владивосток, именно «Манджур» был отправлен в бухту Золотой Рог. В первый рейс он перевез туда сибирский флотский экипаж с канцелярией и прочим имуществом, во второй рейс на нем ушли офицеры с семьями, кадровыми мастеровыми и судостроительным оборудованием в трюмах⁷.

Но приходит время, когда даже самым крепким и мощным судам приходится уступать место другим. 20 августа 1878 г. «Кронштадтский вестник» писал о транспорте «Манджур»: «Означенный транспорт, много лет прослуживший с честью в водах наших далеких окраин, в настоящее время совсем уже одряхлел и все просится к порту. Котлы его, перетерпевшие на своем веку много «евзгод, заплатанные и перезаплатанные, энергично протестуют о своем крайнем бессилии, но продолжают службу и ждут — не дождутся, когда-то их спишут в расход».

И это время настало. Через полтора года «Санкт-Петербургские ведомости» писали об этом: «Высочайшим повелением, объявленным в приказе Его Императорского высочества генерал-адмирала от 1 декабря прошлого года, отчислены к порту три наиболее крупные судна Сибирской флотилии: транспорты «Японец», «Манджур» и 'пароходо-'шрвет «Америка». Отчислить к порту — это первая ступень к исключению из списков флота. Сибирская флотилия, лишаясь разом трех судов второго ранга, остается в настоящее время при самом мизерном составе; в ее списках числятся: один многоплавающий старый клипер, пароход, исполняющий должность яхты главного командира, четыре лодки, из которых две давно уже просятся к порту, три плохонькие шхуны и несколько портовых небольших пароходов. Отчисленные суда давно уже были для Сибирской флотилии большой обузой, требуя для своего содержания больших затрат, они в то же время не приносили никакой пользы и ходили в плавание последнее время больше для того, чтобы дать хлебушко трем штаб-офицерам и почти трем десяткам обер-офицеров всех специальностей»⁸.

11 марта 1884 г. на улицах Владивостока забелели объявления: «Контора над портом Восточного океана вызывает торговаться на покупку судов, отчисленных к порту, «Манджур» в

1187 тонн и 150 сил «парохода-корвет «Америка» в 637 тонн и 140 сил с машинами и имуществом». Примерно в это же время продавался и «Японец»⁹.

5 августа того же года молоточек аукциона опустился, и суда-ветераны были куплены кем-то из местных жителей на дрова. Тогда и в голову никому не пришло, что об этих старых, изношенных, побитых временем и штормами транспортах кто-то еще может вспомнить. И уж тем более никто не мог предполагать, что они станут судами из легенды, участниками ярчайших событий на Дальнем Востоке в момент его освоения¹⁰.

АМУРСКИЕ ОБЕДЫ

Неожиданная встреча лиц, не видавших много лет и связанных воспоминаниями о перенесенных вместе лишениях и трудах, встреча деятелей, работавших по одному делу, но в разное время, много рассказов из первых времен присоединения и современного состояния Амурского края, все это придавало обеду 26-го февраля весьма оживленный и дружественный характер.

Газета «Голос»

26 февраля 1872 г. К скромному петербургскому ресторану «Малый Ярославец» по заснеженной улице то и дело подъезжали роскошные экипажи, розвальни, открытые сани, подходили люди.

— Давненько «амурцев» видно не было,— приговаривал седовласый швейцар, почтительно склоняясь при виде очередных адмиральных погон.— Бывало, каждую зиму здесь встречаться изволили, а в последние годы что-то перестали.

В тот февральский вечер возродились знаменитые «амурские обеды», начало которым было положено в 1861 году ушедшим к тому времени в отставку генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амуриком,

«...Граф Николай Николаевич! Тринадцатилетними неусыпными трудами Вашими положены прочные основания к утверждению гражданского благоустройства и развитию промышленного благосостояния Восточной! Сибири. Необходимые меры к успешному заселению, весьма обширного, Вами приобретенного края, в особенности с изменением юго-восточных границ оною, и вызванные местными условиями расширение морских и преобразование военно-сухопутных учреждений составляли непрестанно предметы неутомимой заботливости Вашей. Важные для успехов торговли нашей благоприятные отношения к сопредельным Китаю и Японии поддержаны и вновь скреплены при непосредственном настойчивом участии Вашем...»¹

Муравьев-Амурский держал в руках долгожданный! документ с высочайшим позволением уйти в отставку. Уже несколько раз подавал он царю прошение, но оно, неизменно отклонялось, и вот, наконец-то, приятная весть. Вместе с рескриптом, подписанным царем в исторический для России день—19 февраля, день отмены крепостного права в империи, Муравьев-Амурский получил и награду— орден Владимира первой степени с мечами.

Слухи о том, что Муравьев-Амурский собирается в отставку и окончательно уезжает из Сибири, давно, уже ходили среди его подчиненных. Еще задолго до его возвращения в Петербург все, хорошо знавшие генерал-губернатора, решили сделать ему подарок в память о деятельности в Восточной Сибири. Думали и спорили очень долго: одни предлагали подарить именное столовое серебро, другие — заказать известному художнику эпическую картину на тему освоения Дальнего Востока. Уже перед самым известием Муравьева-Амурского из Иркутска решено было подарить ему серебряные часы, изготовленные по специальному заказу.

Часы, ставшие поистине уникальными, отливались по рисункам академика Зичи. На циферблате вместо циферблата была надпись: «16-го мая 1858 г.»—дата • заключения Айгунского договора. Над циферблатом два гения поддерживали герб Н. Н. Муравьева-Амурского, один из них держал еще и маленький щит с датами «11/19 января 1851—1854 гг.», это были годы первых русских экспедиций на Амур. По обе стороны от циферблата располагались символы новой жизни на Крайнем Востоке России: развитие промышленности и торговли, результаты научных экспедиций по Амуру².

По бокам массивных часов были отлиты барельефы: первые плавания по Амуру и его лиману, вид Николаевского поста в 1855 году, сцена заключения Айгунского договора и торжественное построение войск в станице Благовещенской. Увенчивала часы фигура красивой женщины, олицетворяющей реку Амур.

С тыльной стороны часов были выгравированы имена людей, преподнесших этот подарок — всего около двухсот.

Для этих часов был сделан мраморный пьедестал с маленьким органом, который играл «Амурский марш» и другие пьесы, звучавшие во время первых экспедиций по Амуру.

Часы были готовы только к первому марта, в этот день и состоялось их вручение виновнику

торжества. Муравьев-Амурский занимал тогда квартиру в доме на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переулка. Рядом с ним жил начальник штаба войск, расположенных в Восточной Сибири, Б. К. Кукель. Между этими квартирами располагался никем не занятый большой зал. В нем-то, пройдя через квартиру Кукеля, и собрались сибиряки, установив часы в центре зала. Когда ни о чем не подозревавшего Муравьева-Амурского пригласили туда, он не смог сдержать слез, настолько он был тронут вниманием тех, с кем делил все тяготы нелегкой жизни на Дальнем Востоке.

— Чем же я-то отблагодарю вас, господа, за ваше внимание и память?— голос отставного генерал-губернатора дрожал от волнения.

Один из присутствовавших не растерялся:

- Ваше превосходительство! Если это возможно, то подарите всем нам, людям, почитающим ваши деяния, ваш портрет.

Муравьев-Амурский повернулся к рядом стоящему Б. К. Кукелю:

— Болеслав Казимирович! Дорогой, закажите в Париже для всех дагеротипии с моим портретом.

Тогда же было договорено собраться всем вместе на следующий день и пообедать в ресторане «Малый Яро-славец». Тем самым и была положена традиция «амурских обедов».

Один раз в год, обычно в конце февраля, собирались в «Малом Ярославце» люди, связанные так или иначе с освоением Дальнего Востока. Правда, через несколько лет встречи нарушились, но в 1872 году общество «амурцев», как они себя называли, собравшись вместе пообедать, решило воскресить хороший обычай, и с этого времени стали регулярными встречи людей, объединенных общим интересом к далекой окраине России.

На традиционный обед приходили люди, только что вернувшиеся из экспедиции по Дальнему Востоку, те, кому в какой-то период довелось руководить освоением необжитых земель, и те, кто работал под их началом.

На одном обеде можно было видеть и знаменитого путешественника Н. М. Пржевальского, совершившего в Приморский край свое первое путешествие и написавшего об этом свою первую книгу.

Бывал на обедах и писатель С. В. Максимов, автор многих книг о Дальнем Востоке. С благодарностью принимали приглашение на эти встречи и предприниматели. А уж С. С. Лесовский, П. В. Казакевич, Г. И. Невельской, И. И. Зарубин, К. С. Старицкий, М. П. Тихменев и другие высшие военные чины, поселившиеся к тому времени в Петербурге, были постоянными участниками «амурских обедов».

По установившейся традиции на этих обедах произносилось всего два тоста: «за процветание Амурского края, за бывших, настоящих и будущих деятелей в нем» и второй в честь Н. Н. Муравьева-Амурского. Но «амурцы» любили не только предаваться воспоминаниям, все они внимательно следили и за дальнейшим развитием молодого дальневосточного края, а некоторые из них продолжали занимать там ответственные посты.

Начиная с 1872 года возник хороший обычай: проводить во время обеда сбор средств на «пособия для образования лиц, родившихся на Амуре»³. Эти деньги позволили «амурцам» в 1881 году начать ходатайство об открытии во Владивостоке мореходных классов под названием Александровских в честь 25-летия правления Александра Второго.

Как правило, на обедах не говорились длинные речи, «о участники их нередко делились результатами своих научных наблюдений на Дальнем Востоке. Так, в 1876 году П. Н. Назимов зачитал на обеде весьма любопытный документ о происхождении звания старосты у одной из малых народностей Амура — ульчей. Такой обмен впечатлениями и наблюдениями привел в том же 1876 году «амурцев» к мысли об их «святой **•обязанности** приступить, пока не ушло время, пока не изгладились живые следы событий», к собранию исторического материала о Дальнем Востоке⁴.

Предложение это было принято с интересом. Многие из присутствовавших заявили о своей готовности немедленно прислать имеющиеся у них материалы. Вскоре в «Кронштадтском вестнике» и других газетах было дано объявление о сборе этих материалов Ф. Ф. Буссе, будущим основателем Общества изучения Амурского края, и издателем Б. А. Малютиным. Сборник, к сожалению, так и не вышел, а судьба собранных материалов до сих пор неизвестна.

На 25-летнем юбилее «амурских обедов» было принято решение увековечить память о Н. Н. Муравьева-Амурском, умершем в 1881 году. К этому времени по подписке уже было собрано 54 тыс. р. на памятник ему, который сначала хотели установить во Владивостоке как «конечном морском пути», но большинством голосов решено было поставить прочный крест с надписью на месте слияния Шилки и Аргуни, откуда ушла первая экспедиция Н. Н. Муравьева. Для самого же памятника было найдено место в Хабаровске — на величественном утесе, у подножья которого Усури вливается в Амур.

В одном из своих писем К. С. Старицкому Ф. Ф. Буссе, который в то время уже работал в Приморье, обратился с просьбой на одном из «амурских обедов» сообщить о создании Общества изучения Амурского края и сборе пожертвований на него. «Амурцы» охотно откликнулись на это предложение, понимая, какую важность имеет организация научного общества в неизведанном крае.

Общество имеет целью всестороннее изучение р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей и ознакомление с ними посредством собирания коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии, археологии и научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из сочинений об указанном крае, не ограничиваясь какой-либо специальностью.

Первый параграф устава Общества изучения Амурского края

Уже в семь часов утра город оживал: открывались магазины, сновали по улицам извозчики, горожане принимались за свои повседневные дела. С двенадцати часов до двух Владивосток обедал, а затем снова работал, Около девяти часов вечера наступала тишина, нарушаемая лишь торопливыми шагами запоздавших прохожих да шумом конных экипажей.

Редкое окно светилось в это время. Не спали лишь винтеры да любители штоса, другой карточной игры, весьма распространенной во Владивостоке, несмотря на всеобщее безденежье. В азартные игры играли в гостиницах и частных домах, особенно увлекались «специально амурской» игрой «а ля мур».

Скучное и унылое существование владивостокцев отражено в заметке, опубликованной 12 июля 1878 г. В «Кронштадтском вестнике»: «Вот уже с месяц, как стоит у нас невыносимо тяжелая погода; почти ежедневные туманы, дождь и сырость ввергли всех и все в какую-то сонную, трудно пробиваемую апатию. Между тем и без этой апатии скучна и бледна наша общественная жизнь. Мы—оторванный кусок от общей морской семьи — силимся разорваться еще на сотни отдельных, мельчайших кустов, силимся втиснуть нашу общественную жизнь в сотни ничтожных отдельных «кружков», с узкими, эгоистическими интересами, с мелким самолюбием, с диким злословием и тщеславием. Словом, во Владивостоке нет общественной жизни, а есть сотни отдельных «кружковых» прозябаний, узких, мелких и грустных. Общественный раскол наш дошел до ужасающих размеров. Что будет дальше — аллах ведает! Каждый отдельный кружок ведет деятельную, подпольную борьбу с теми кружками, которые хоть немного расходятся с ним в воззрениях и привычках... Между тем никто не думает сплотить разрозненное, одичалое общество, и главное, нет места, где бы оно могло спланиваться...»

Всеобщую скуку внезапно развеяло появление еженедельной газеты «Владивосток», первый номер которой вышел в свет 17 апреля 1883 г. Редактором ее стал Н. В. Соллогуб. В колонке «От редакции», помещенной на первой странице первого номера, он писал: «Выпуская в свет первый номер нашей газеты, мы освобождаем себя от широковещательных программ издания. Скажем коротко: сделаем что можем. Столбцы газеты открыты для всякого правдивого слова, ведущего ко благу края. Статьи по морскому делу также найдут всегда место в газете.»

Можно представить радостное оживление владивостокцев, получивших свой орган печати. Если раньше им приходилось целыми месяцами ждать живого печатного слова из отдаленного центра России и задним числом волноваться, читая давно устаревшие новости, то теперь появлялась возможность не только не отставать от жизни государства, но и высказывать в своей газете собственные нужды, которых у горожан было предостаточно.

Весь тираж газеты расходился моментально, тем более, что вначале он был совсем небольшим. С жадностью читали владивостокцы все, что публиковала га зета, и, конечно же, от их внимания не ускользнула небольшая, заметка, скромно подписанная «У-В». Позже выяснилось, что за этим сокращением скрывалось имя флотского механика Александра Михайловича Устинова. Речь в заметке шла о необходимости создания во Владивостоке музея.

В начале 80-х годов во многих городах Сибири среди народа появилась тяга к изучению истории и природы родного края, стали возникать библиотеки, музеи. Не стал исключением и Владивосток.

Об А. М. Устинове до сегодняшнего дня почти не имелось сведений, и лишь недавно удалось обнаружить в архиве его послужной список¹.

Родился он 20 сентября 1850 г. в крепости Свеа-борг, где отец его служил прапорщиком. В восемнадцать лет А. Устимов поступил в инженерное училище морского ведомства и в апреле 1872 года получил первое воинское звание: кондуктор корпуса инженеров. Тогда же с Балтики его перевели на Черное море, в Николаевский порт. В 1878 году он был награжден медалью «В память Турецкой войны 1877—1878 гг.»

Первого июня 1882 года А. М. Устинова командировали во Владивосток для сборки плавдока. Здесь он пробыл недолго — около двух лет, но за это короткое время сумел привязаться к

необычному краю, полюбить его природу. 33-летний холостяк использовал каждый свободный день для длительных прогулок по окрестностям Владивостока, из которых возвращался с заинтересовавшими его экземплярами растений, насекомых, но при всем своем старании нигде не мог найти никаких сведений о своих находках.

«Множество даров природы на нашей далекой окраине,— писал Устинов в заметке,—остаются и, вероятно, еще долго останутся нетронутыми и неразработанными. Происходит это от многих причин, в числе которых немалое значение имеет наше незнакомство ей страной. Хотя несколько ученых и путешественников посещали наш край, но они были так непродолжительно в стране, что их исследования нельзя считать точными и полными. К тому же никакое описание не дает точного понятия о предмете, а их коллекции и собрания увезены в Петербург, где они хранятся в музеях, оставаясь совершенно неизвестными для местных жителей, которым они более всего интересны. ...Но неужели в крае не найдется людей, изучивших его хотя бы отчасти, или из любознательности, или будучи поставлены обстоятельствами жизни в такие условия? Мы: думаем, что такие люди найдутся. К сожалению, они; нередко уезжают из края, унося с собой приобретенные знания.

Между тем животные, растения и естественные богатства восточных побережий Азии, а также Ожио-Уссурийского края не только во многом отличаются от соответствующих видов в других странах, но и находится много таких, которые нигде более не встречаются.

У других европейцев повсюду в колониях (Коломбо, Сингапур, Гонконг) устроены громадные роскошные музеи, где собраны естественные произведения и образцы промышленности данной местности, что значительно облегчает изучение страны. Что-нибудь подобное, хотя и не в таких размерах, могли бы и мы устроить...»

В городе о заметке заговорили. Общественная активность горожан, особенно образованных,— а их немало было во Владивостоке среди морских офицеров и государственных служащих — искала выхода и нашла его в предложении Устинова. Действительно, нужно создать музей и сделать его культурным очагом города.

Вначале организационные заботы вместе с Устиновым разделил прокурор Владивостока Иван Алексеевич Бушуев. Уже на следующий день после выхода заметки в его доме собрались обсудить предложение Устинова несколько человек, пока еще мало знакомых друг с другом, но которым суждено было вскоре стать единомышленниками в непростом деле пропаганды научных знаний о молодом крае.

В этот кружок входили председатель переселенческого управления Ф. Ф. Буссе, учитель гимназии В. П. Маргаритов, редактор газеты «Владивосток» Н. В. Соллогуб, несколько офицеров. Позднее их имена были выгравированы на бронзовой доске, установленной в зале музея.

В тот вечер споры и обсуждения в доме прокурора Бушуева затянулись допоздна. Мнений и предложений было много, спорили до хрипоты, вспоминая уже имеющиеся музеи в Восточной Сибири, особенно Иркутский, самый крупный, обладавший ценнейшими коллекциями и сгоревший в страшном пожаре 1879 года.

Вот тогда-то Буссе и предложил создать не просто музей, а целое общество с широким кругом деятельности, организацией комплексных экспедиций по самым насущным для Дальнего Востока вопросам. Музей должен был стать составной частью Общества, хранить коллекции и экспонаты, собранные его членами.

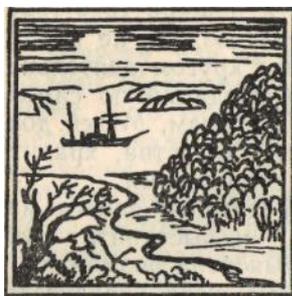
«Нужно ограничить число учредителей самым малым кружком,— доказывал Буссе,— и выступить публично только тогда, когда будет выяснена возможность музея, когда выработается ядро будущего учредителя, ядро людей, от которых можно требовать работы».

24 апреля 1884 г. все заинтересованные лица собрались на первое учредительное собрание. Председателем нового общества был избран Ф. Ф. Буссе, секретарем И. А. Бушуев, членами комитета Л. Ф. Гриневецкий, Л. А. Кропоткин, И. И. Манцевич. Первым директором музея стал В. П. Маргаритов, казначеем — А. М. Устинов.

Тем самым было положено начало разнообразнейшим по широте и исключительно важным по значению научным исследованиям и практическим разработкам в Приморском крае, а Общество изучения Амурского края (ОИАК) стало первым научным учреждением на Дальнем Востоке.

По-разному сложилась судьба основателей Общества. О Ф. Ф. Буссе и В. П. Маргаритове мы еще расскажем в этой книге. И. А. Бушуев погиб в конце 1897 года в результате злодейского убийства на острове Ас-кольд, Л. Ф. Гриневецкий умер, надорвавшись во время работы на Камчатке. А. М. Устинов вскоре вернулся служить на Черное море, но еще долго оставался почетным членом Общества изучения Амурского края.

ЗА НЕИМЕНИЕМ МУНДИРА КО ДВОРУ НЕ ЯВИЛСЯ

Идеалист, яркий продукт шестидесятых годов, очень скромный в своей жизни, привычках и требованиях, спартанского, почти диогеновского направления, он жил лишь для науки, но в нем всегда была ключом энергия, жизнерадостность, подчас чисто юношеское веселье.

А. Д. Рончевский

15 августа 1882 г. пароход Добровольного флота «Нижний Новгород» вышел в свой очередной рейс из Одессы на Дальний Восток. В первые дни плавания пассажиры приглядывались друг к другу, им предстояло делить радости и невзгоды пятидесятидневного пути.

Большинство пассажиров направлялись на побережье Японского моря; двое — в Китай, один в духовную, а другой в дипломатическую миссию. В те же места направлялся один калмык, поклонник Будды, он намеривался добраться до Тибета.

В Константинополе, куда зашел «Нижний Новгород», палубу заполнили паломники, среди которых было немало зажиточных людей. Палуба запестрела коврами и кошмами. Оидя на них, паломники курили из серебряных кальянов и вели неторопливые беседы, благо спешить им было некуда. К ним присоединились и мусульмане из России, среди них было много мулл, особенно выделялся своей осанкой и длинной бородой имам из Уфимской губернии. Каждый вечер на закате заунывный голос муллы созывал правоверных на вечернюю молитву.

Пассажиров третьего класса можно было разделить на две группы. Одну составляли офени — предприимчивые купчишки с коробами, — наполненными разным товаром. Они ехали на Амур. Во вторую вошли десять крепких черниговских крестьян — ходоков в Южно-Уссурийский край. Это были первые крестьяне, рискнувшие попытать счастья в далеком крае. С ними часто можно было видеть пассажира второго класса, немного сутуловатого, с резкими, крупными чертами лица, густыми нависшими бровями, богатой и непокорной шевелюрой. Это был Федор **Федорович** Буссе, которому было поручено руководить переселением крестьян в Приморье.

В ночь на 24 октября 1882 г. «Нижний Новгород» бросил якорь в бухте Золотой Рог. Города почти не было видно, лишь редкие огоньки, карабкавшиеся в сопку, обозначили приблизительно границы городка. Федор Федорович с любопытством вглядывался в темноту, надеясь разглядеть знакомые места. Во Владивостоке он не был пятнадцать лет.

Тогда на Дальний Восток он попал, можно сказать, случайно. В 1855 г. Ф. Буссе поступил в Петербургский университет, где быстро подружился с другими студентами, любил бывать с ними в компаниях. Но не шумные и беззаботные студенческие вечеринки привлекали его, Буссе больше нравились серьезные кружки, на которых обсуждались экономические вопросы. В те годы он заинтересовался статистикой.

Начало 60-х годов прошлого века среди студенчества было отмечено взрывом политической активности. Петербургский университет был закрыт. Старшая сестра Ф. Буссе ('к тому времени у него скончались родители), чувствуя ответственность за брата, якобы в связи с болезнью отправила его на лечение в Швейцарию. Там он пробыл несколько месяцев. По возвращении нечего было и думать об экзаменах, среди друзей Буссе было много арестованных. Семья вспомнила о том, что Н. В. Буссе, двоюродный брат Ф. Буссе, военный губернатор Амурской области, не раз приглашал студента к себе на работу, обещая ему обширное поле деятельности. 3 марта 1862 г. Федор Буссе покинул Петербург.

Сначала он был назначен чиновником особых поручений губернатора, и сразу же начались командировки: от Благовещенска до Николаевска-на-Амуре. Каких только вопросов не приходилось ему решать во время своих поездок: от закупок зерна до судебных тяжб.

В то время Буссе пришлось столкнуться с тем делом, которому он посвятил свою жизнь — переселением крестьян в Приморье. Он был обязан организовать переселение на озеро Ханка. Здесь Ф. Ф. Буссе обнаружил большие беспорядки: ссуда выдавалась переселенцам неправильно, некоторые поселения были размещены в совершенно непригодных для жизни местах, на болотах. Тогда он по собственной инициативе принялся изменять всю программу.

«По сподручности поездки Вашего благородия от Усури в южные посты предписываю Вам, — писал военный губернатор Приморской области, — собрать возможные сведения о проживающих в наших пределах инородцах, как-то о их числе, образе жизни, занятиях, средствах существования и т. п.»¹ Выполняя это задание, Буссе по сути дела провел первую перепись части населения на юге Приморья, собрав важные статистические и этнографические сведения. За три года своей командировки он преодолел свыше 16 тыс. верст.

По результатам своего первого путешествия в Приморье Ф. Ф. Буссе написал работу «Очерк условий земледелия в Амурском крае», которая была высоко оценена. «В течение трех лет пребывания на Амуре, — писал Федор Федорович, — я занимался постоянно по делам заселения края крестьянами из внутренних губерний России: я имел случай побывать во всех вновь основанных селениях, я видел много разных мест, еще не заселенных, вследствие этого у меня накопилось много разных сведений о почве, растительности и климатических условиях разных полос края»². Большое будущее в этой книге Ф. Ф. Буссе предсказывал Владивостоку, который еще никто всерьез не принимал как форпост России на Тихом океане.

В мае 1874 г. его перевели в Санкт-Петербург на работу в министерство финансов. В эти годы Федор Федорович очень много писал о Дальнем Востоке» его знали как яркого, талантливого журналиста»³.

В 1881 — 1888 гг. Буссе деятельно работал над проектом Положения о переселении крестьян в

Южно-Уссурийский край. Немало было предложений, как облегчить путь переселенца. Самым выгодным и удобным: оказался морской.

4 июля 1882 г. Ф. Ф. Буссе был назначен на должность заведующего создаваемого во Владивостоке Пе-рееленческого управления.

И вот Владивосток. На полуострове Шкота недалеко от казарм линейного батальона прибывших ждали тринадцать барачков и два склада. Ходоки разбрелись по Приморью, выбирая места для переселения. Четверо из них вообще решили вернуться назад, но это не очень огорчило Федора Федоровича. Главное, что дело сдвинулось с мертвой точки и большая часть крестьян, прибывших морем, начала по-настоящему обживать на новом месте. Буссе писал: «Зато другие так довольны краем, что один ходок не соглашался уйти, если бы ему дали «тыщу рублей». А двое подали прошение, что их землями желают переселиться в большом числе»⁴.

Пошли пароходы с сотнями переселенцев на борту в Приморье. Одна из газет в те годы писала: «Передвижение переселенцев Черниговской губернии через Гомельский уезд вызвало движение в среде крестьян и уезда и соседнего с ними Рогачавского»⁵.

Ф. Ф. Буссе всегда старался защитить крестьян. Был такой случай. Командир «Костромы» во время рейса одного переселенца за нарушение судового режима приказал отправить в парусную. Несчастный там скончался. Узнав об этом, Буссе поднял большой скандал. Командир был отстранен от командования судном.

Для выдачи оправок переселенцам в канцелярии управления не было установлено казенных часов. Народ шел к Буссе в любое время. Приезжали к нему даже из отдаленных деревень, зная, что здесь они получат все необходимые документы гораздо быстрее, чем в окружной полиции. Терпеливо выслушивал Федор Федорович все просьбы, распорядясь немедленно об их выполнении, или сам тут же давал ответ. Он был настоящим ходячим архивом Дальнего Востока.

В общении с людьми Буссе не заботили должности и ранги. В записках и воспоминаниях его современников сохранились эпизоды, рассказывающие о том, как не любил Федор Федорович, когда упоминали его звание. На одном из заседаний съезда в Хабаровске он, будучи действительным статским советником, с самым серьезным видом прошептал лесному ревизору, что по разным причинам титула за ним не установлено-

Свыше двадцати тысяч переселенцев относились к «ему с полным доверием. Они-то и прозвали его «Дедушкой» с прибавлением переделанной фамилии «Бу-сый».

Жил Федор Федорович в доме купца М. Г. Шевелева, где находилась канцелярия Переселенческого управления. Обстановка кабинета Ф. Ф. Буссе была чрезвычайно проста: у окна большой письменный стол, в углу железная кровать со стареньким байковым одеялом, два шкафа с книгами. Лишь два украшения было в комнате: чучело белой совы над кроватью и над столом картина местного художника Вольского — голова собаки с куском хлеба.

День Федора Федоровича был следующим: в восемь часов утра отворялась дверь кабинета, и он выходил завтракать, после чего возвращался к себе и начинал служебную или литературную деятельность, принимая здесь всех лиц, имевших к нему дело, или пришедших друзей.

В 12 часов шел обедать в семью Шевелевых, при этом любил сидеть за столом за одним и тем же местом. После обеда, если срочные дела не требовали возвращения в кабинет, Буссе оставался в столовой сыграть в домино с домочадцами и служащими Шевелева. Играли на деньги, а выигрыш шел на пользу Общества изучения Амурского края. Эту традицию завел Буссе, он же принимал от проигравшего деньги и немедленно выдавал ему квитанцию из книжки, которую всегда носил в боковом кармане.

Затем Ф. Ф. Буссе возвращался в свой кабинет, где продолжал занятия до вечера, как правило, до шести часов. До ужина он успевал сходить в гости к Кра-ильниковым и Устинову, чтобы поговорить по душам и разложить пасьянс. Вечером же, после ужина, на котором он делался центром всех разговоров, Буссе обсуждал с Шевелевым дела Общества, или заводил разговоры на исторические темы, либо шутил с молодежью, ласково над ней подтрунивая. Подчас же, задетый за живое каким-нибудь возражением или не понравившимся ему мнением, он начинал горячо спорить, при этом терпеть не мог, когда его перебивали, часто-повторяя с жаром: «Позвольте закончить!»⁶

Охотнее всего Буссе знакомился с людьми оригинальными, убежденными, с людьми дела. Поэтому понятно, что среди пионеров молодого края, среди людей, осевших на новых местах и стойко боровшихся с природой, у него было немало приятелей. Ему нравилась суровая жизнь таких людей, как, например, М. И. Янковский. Он любил слушать про его столкновения с тиграми, и сам в ответ рассказывал про крестьянку, содержавшую где-то около Ханки почтовую станцию, бесстрашно защищавшую свой дом от тигров и бродяг, умевшую и гостей принять, и за себя постоять.

Ему были сродни такие сильные характеры, но он откровенно не любил людей нескромных, умевших лишь праздно болтать и делать дело только для вида. Обычно **любезный** и тактичный, в общении с ними он становился грубым.

Людей, близко знакомых с Ф. Ф. Буссе, поражали великая сила его ума, склонного к радушному и сердечному юмору, всесторонняя образованность вкупе с огромным житейским опытом, отзывчивое сердце и, наконец, изумительное трудолюбие в искании научной, истины.

В общении с людьми Буссе не заботили должности и ранги собеседников, он и сам был совершенно чужд м.п'кот самолюбия—,все его знали как Федора Федоровича, а не «превосходительного» генерала, занимавшего один из высших административных постов края. В записках и воспоминаниях современников Буссе сохранились эпизоды, рассказывающие нам о том, как не любил он, когда в обществе упоминалось его звание. Если это происходило среди близких людей, окружающие торопились заявить нарушителю, что с него полагается штраф, а Федор Федорович при этом обязательно доставал квитанционную шиж^ку Общества изучения Амурского края.

Материальное положение Буссе состояло лишь из правительственного содержания. По складу своей натуры он не был расточительным, поэтому был доволен и получаемым за труд вознаграждением, и своим положением. При этом Буссе никто не мог назвать скрягой, напротив, узнав о затруднениях в денежном отношении кого-нибудь из своих друзей, он предлагал им бережно **собранную** на старость сумму, не требуя взамен никаких обязательств вроде расписок или времени возвращения долга.

Федор Федорович никогда не был женат. Одной из причин были его личные убеждения, а другой — то, что, отдавши молодость напряженному труду, он несколько освободился только лишь к старости.

Когда во Владивостоке было создано Общество изучения Амурского края, Буссе весь свой энтузиазм и творческую энергию обратил на него. Как председатель Переселенческого управления он знал, насколько важно иметь научные разработки при размещении 'первых приморских сел. Хотя ряд поселений — Никольское, **Владимировна**, Александровка и др. — и были основаны в исторически сложившихся местах, на месте древних городищ, размещение других зависело от случайного выбора переселенцев.

Вместе с тем возникала другая проблема—сохранение древних памятников. Новому краю требовались дороги, разработки полезных ископаемых. Серьезным вопросом, по сути дела, белым пятном оставалась жизнь малых народностей Приморья. Всем этим, по мнению Буссе, и следовало заниматься Обществу, первым председателем которого он стал.

В первый же год существования Общества изучения Амурского края Буссе направил В. П. Маргаритова на юг Приморья для раскопок раковинных куч, археологических памятников, оставленных на месте древних поселений. Результаты этой первой научной экспедиции вошли в первый том Записок Общества, изданных в 1885 г. В этот же том вошли результаты исследований другого члена Общества полковника И. П. Нада-рова, который совершил несколько экспедиций по Приморью с целью разведки дорог и попутно сделал некоторые этнографические наблюдения.

В 1885 г. сам Ф. Ф. Буссе с другим членом Общества Г. Ф. Михайлозсшш произвел раскопку кургана под знаменитым памятнике черепахи в селе Никольском. Буссе содействовал тому, что в 1887 г. Общество получило из Петербурга приглашение принять участие в выставке по рыболовству и рыбоводству. Распорядительный комитет обратился прежде всего к Я. Л. Семенову, купцу, первому жителю Владивостока, имевшему на Сахалине обширные промыслы морской капусты.. Все образцы собрались у Ф. Ф. Буссе, который стал агентом выставки. Приморские коллекции, посланные в Петербург, получили на выставке две золотые медали: одна была присуждена Я. Л. Семенову, другая Обществу.

24 мая 1888 г. состоялось общее собрание Общества, на котором еще резче обозначились разногласия между Буссе, сторонником чисто научных методов исследований с практическими целями; и некоторыми другими членами Общества, которые заявляли: «Задачи председателя—руководить только Обществом и свое личное, исключительное направление не ставить обязательным для Общества»⁷.

Ф. Ф. Буссе предпочел добровольно сложить с себя звание председателя, но остался неформальный руководителем Общества. В 1889 г. он снаряжает экспедицию лейтенанта С. С. Россета на остров Тюлений. В одном из своих писем К. С. Старицкому он писал: «В ожидании грядущего я пишу отчеты и занимаюсь делами нашего Общества,' воспитывая нового деятеля, пришедшего ко мне, лейтенанта Россета. Он назначается на остров Тюлений -и в бухту Терпения для охраны котиков и, желая воспользоваться своим досугом во славу науки, просит инструкции и книг для ознакомления^ что можно сделать»⁸. Надо сказать, что в то время в ожидании приезда семьи лейтенант Роосет и жил у Буссе.

В письме к сестре Наталье Буссе писал: «Моя ивартира превратилась в какую-то мастерскую. В одной комнате помещается литографический станок, на котором мы предполагаем отпечатать таблицы для статьи Маргаритова, <в другой комнате установлен грандиозный аппарат, при помощи которого Маргаритов производит измерение черепов орочей»⁹. Чуть позже в этой же комнате разместились со своими приборами доктор Исаев и поручик Бородский, которые занимались оформлением коллекции морской фауны бухты Золотой Рог.

В 1893 г. по поручению распорядительного комитета Ф. Ф. Буссе совместно с В. П. Маргаритовым совершил поездку к устью реки Раздольной, в долину Иистой и к селу Никольскому для раскопок древностей, которым угрожало уничтожение.

К этому времени пошатнувшееся здоровье заставило Буссе уйти в отставку, которую он

получил с большим трудом. Став относительно свободным, пенсионер— тогда тоже существовала эта категория люден — стал заниматься обработкой материалов по переселению крестьян в Южно-Уссурийский край, накопленных за долгие годы кропотливого труда. Когда руш-пись была готова, он решил переехать из Владивостока в Петербург, где было проще ее напечатать.

Мысль о необходимости отъезда давно уже мучала Буссе, но он со дня на день откладывал срок прощания с полюбившимся ему краем. Человек предусмотрительный, он понимал, что может не вернуться сюда, и, поэтому принял решение оставить здесь самую большую свою ценность — уникальную библиотеку по истории Дальнего Востока, собранную им в течение всей жизни. Чтобы обеспечить ее сохранность, вначале Буссе запечатал книги в цинковый ящик, а затем поместил его в сундук с разрешением вскрыть его только после смерти владельца.

25 сентября 1894 г. направляясь к причалу, где он должен был сесть на пароход Добровольного флота «Саратов», проходя мимо здания Общества изучения Амурского края, Буссе остановился в задумчивости, и глаза его увлажнились. Именно так описывал отъезд Буссе его близкий друг Н. А. Пальчевский.

В три часа дня пароход снялся с якоря, но, пройдя остров Скрыплева, вернулся, так как вспомнили, что забыли медицинский сертификат судна. На этот раз «Саратов» бросил якорь у мыса Голдобин, и Буссе еще раз окинул взглядом любимый город, прощаясь с ним, как он чувствовал, навсегда.

Из далекого Петербурга во Владивосток пошли, письма и посылки с книгами в адрес Общества. Буссе не хотел терять связи с близкими ему людьми. В письме к Н. А. Пальчевскому он писал: «В половине мая я выпустил в свет свою книгу «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край. 1883—1893 гг.», один экземпляр которой посылаю лично вам. Издание вышло дорогое, т. е. если бы экземпляры были проданы (чего нельзя ожидать) по объявленной цене 4 руб., то я получил бы только затраченный капитал, о гонораре и речи нет ...конечно, я останусь в убытке материально, хотя это меня не смущает, ибо неожиданно напечатав книгу, я выполнил только то, что сам себе обещал. ...Мое здоровье настолько, оправилось, что могу ходить, как и в 1891 г., а недавно я сделал прогулку верст в 5-ти, причем поднимался на довольно высокую гору и отдыхал только два раза в течение трех часов. ...Я говорил вам во Владивостоке, что еду на неопределенное время и что прежде всего хочу исправить здоровье в пределах возможного. Действительно, я здесь очень поправился и надеюсь заметно еще окрепнуть и тогда осенью будет видно. Откровенно говоря, я не думаю, что удастся зимой укатить к вам, ибо здесь предвидится большая работа, конечно, все по Южно-Уссурийскому краю, которую следовало бы сделать мне и тогда уже двинуться»¹⁰.

Но как ни казалось Буссе, что здоровье его пошло на поправку, болезнь сердца взяла свое: 28 декабря 1896 г. он умер. В тот день, как обычно, он пришел в клуб Благотворительного собрания, членом которого состоял свыше двадцати лет. После обеда в клубе сел читать газету. Вдруг газета выпала из его рук... Подо-¹шедшая прислуга увидела, что Ф. Ф. Буссе мертв.

Многие газеты опубликовали некрологи. Проводить старого «амурца» в последний путь пришли все те, с кем приходилось встречаться Буссе в период его деятельности на Дальнем Востоке. Были среди них ученые-исследователи, знавшие его по работе в Обществе изучения Амурского края, профессиональные моряки, государственные служащие. С огромным числом людей Буссе был не просто знаком, но связан общими интересами, совместными заботами о нуждах Приморья.

Свидетельство тому — многочисленные автографы на книгах его библиотеки. К. С. Старицкий на своем сочинении «Гидрографическая командировка в Восточном океане 1865—1871 гг.» написал: «Дорогому товарищу и другу Ф. Ф. Буссе в воспоминание того хорошего края, где мы впервые познакомились; в признательность за постоянное внимание и веру в человека; в благодарность за поправки черновика этой статьи и терпение, с которым вы выслушали чтение его в Москве, и ради многих других причин, между прочим, вследствие восхищения Вашей мудростью, кротким нравом и крепостью мышц».

Н. М. Пржевальский на книге о своем путешествии в Южно-Уссурийский край в 1867—1869 гг., сделал такую дарственную надпись: «Ф. Ф. Буссе— от автора с искренним пожеланием успешного труда в незабвенном для меня Уссурийском крае. Передайте мой поклон озеру Ханка!»

Буссе был очень предусмотрительным человеком. Когда он умер, все его дела и бумаги оказались в таком блестящем порядке, что в них можно было разобрататься в самое короткое время. Заранее он побеспокоился и о завещании в пользу своего дитя — Общества изучения Амурского края, и сейчас, перебирая документы его архива, мы можем многое узнать о характере Буссе, его привычках, склонностях, даже то, что сам он скрывал от других за семью печатями.

«...Его Высокоблагородию Федору Федоровичу имеет честь присовокупить, что для представления государю императору следует прибыть означенного числа в 11½ часов утра в Зимний дворец»¹¹. Такое приглашение получил Ф. Ф. Буссе 13 мая 1873 г. как поощрение за отличную службу.

«Не был по неимению мундира»,— написал он чуть ниже приглашения. Но мундир-то у него был, хотя и крайне редко использовался, а вот желания продемонстрировать свои верноподданические чувства у Буссе никогда не было.

И последнее: в библиотеке у заведующего Переселенческим управлением хранился первый том «Капитала» К. Маркса, изданный в Гамбурге в 1883 году.

ПРЕМИЯ

Так как конкурс на означенную премию не имел характера международного, то премия может быть выдана только русским исследователям и преимущественно проживающим в Приамурском крае и по предложению ИМПИА и ИИГЧЧНПЯ пособий от друзей и учреждений.

11:1 Положения о премии им. Ф. Ф. Буссе

Торжественное заседание Общества изучения Амурского края, посвященное памяти Ф. Ф. Буссе, было назначено на 28 декабря 1907 г. На нем и предполагалось присудить в первый раз премию, названную именем этого человека, первого председателя Общества.

Премия была основана по инициативе сестры Буссе Натальи Федоровны после того, как Русское Географическое общество уже после смерти исследователя за его книгу «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край» присвоило ему Большую золотую медаль. Особым постановлением было решено передать эту золотую медаль сестре Н. Ф. Буссе.

В конце января 1897 года вице-президент Русского Географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал ей: «Передавая Вам эту медаль, я прошу принять ее как знак глубокого уважения, которым пользовался среди нашего Общества покойный брат Ваш; как залог, что в этой среде доброй памяти о нем не суждено умереть, и как доказательство, что Русское Географическое Общество высоко ценило труды Федора Федоровича»¹.

В ответном письме вместе со словами благодарности Наталья Федоровна выразила желание основать премию имени брата: «Желая со своей стороны почтить память брата посильным содействием к поощрению трудов исследователей восточного края, коему брат мой посвятил свою жизнь, я назначай) для этой цели премию в распоряжение Общества изучения Амурского края»².

Затем по совету П. П. Семенова-Тянь-Шанского она написала об этом и во Владивосток: «...мое желание, чтобы из означенных денег был образован капитал неприкосновенный... и чтобы на проценты с этого капитала Общество выдавало бы один раз в каждые три года, или а) премии за сочинения вообще по естественно-историческому, особенно же по геологическому исследованию края, а также по местной археологии и по изучению быта и нужд населения, или б) если не встретится подобных сочинений, то пособие на исследования по тем же предметам»³.

В 1900 году общее собрание ОИАК постановило, что первым днем присуждения премии будет 28 декабря 1902 г., но ни в этом году, ни в последующих премия так и не была присуждена. Только в начале 1907 года, через десять лет после смерти Ф. Ф. Буссе, на конкурс были представлены работы сразу двух кандидатов на премию: магистра зоологии Петра Юльевича Шмидта и геолога Антона Мартиновича Оссендовского.

Если о П. Ю. Шмидте, известном ученом, имеется достаточно сведений, то имя Оссендовского мало кому знакомо. После окончания Петербургского университета Оссендовский был командирован во Францию для продолжения учебы, где, прослушав курс технических наук, он получил диплом инженера.

Тогда же, в Париже, за свои работы по экспертизе химической и горной промышленности на Всемирной выставке 1900 года он получил почетное звание. По возвращении из Франции Оссендовский занял место старшего ассистента на кафедре общей физики Томского политехнического института, читая курс лекций по физической химии.

В 1902 году он переезжает во Владивосток, где становится руководителем химической лаборатории Уссурийской железной дороги. По роду своей деятельности он был связан с исследованиями каменного угля в отношении их химического состава и на этой почве тесно сошелся с другими исследователями Приморья.

В 1903 году молодого ученого избирают секретарем Общества изучения Амурского края. На этом посту он развивает бурную деятельность, успешно совмещая ее со своей основной работой. Оссендовский редактирует отчеты Общества и сам пишет статьи для Трудов Общества, читает платные лекции на тему «Успехи химии в истекшем 19 столетии», передавая деньги в кассу ОИАК, выступает с тезисами о необходимости изучения края в геологическом отношении.

Как только разгорелась русско-японская война, ученый был приглашен на КВЖД как специалист по топливу, где он устроил богатую механико-химическую лабораторию. Работа на

железной дороге сблизила уче* ного с пролетариатом. Свободолюбивый по натуре, критически настроенный по отношению к царскому правительству, Оссендовский не был книжным червем, не видящим ничего, что не касалось его научных интересов. Первая русская революция, всколыхнувшая народные массы, докатилась и до КВЖД. Все чаще и чаще здесь устраиваются забастовки, достигнув самого большого накала в октябре и ноябре 1905 года. Именно в это время Оссендовский возглавляет стачечный комитет.

За революционную деятельность в середине января 1906 года он был арестован, а 26 марта приговорен к полугодовому заключению в Харбинской политической тюрьме. Удивительным в этой истории было то, что как раз из тюрьмы Оссендовский и выдвинул свою кандидатуру на участие в конкурсе.

Надо сказать, что и Общество изучения Амурского края в те годы не стояло в стороне от политики. Имеются документальные свидетельства, что именно в здании музея Общества собирались на нелегальные встречи революционно настроенные активисты Общества.

Но вот наступило и 28 декабря 1907 г., день торжественного собрания. Председатель Общества А. Д. Рончевокий, рассказав коротко о каждом из двух кандидатов на премию, подвел итог:

— Не вдаваясь в подробности обсуждения представленных трудов, комиссия считает оба их солидным вкладом в научную литературу о нашем крае и высказывается в том смысле, что они оба с научной стороны могут быть удостоены премии...

Председатель сделал небольшую паузу, внимательно "оглядел зал и закончил:

- Комиссия считает, что вопрос о присуждении премии клонится в пользу Оссендовского.

Зал разразился рукоплесканием. Общее собрание единогласно присудило премию в размере трехсот рублей политическому заключенному Харбинской тюрьмы Л. М. Оссендовскому⁴.

В советское время премия имени Ф. Ф. Буссе тоже присуждалась исследователям нашего края, в 1959 году ее лауреатом стал известный археолог Алексей Павлович Окладников за научные открытия по археологии Приморского края. Характерно то, что ученый передал свою премию Обществу для дальнейших исследований в Приморье.

ПО ГЛАЗОМЕРНОЙ СЪЕМКЕ ШКИПЕРА ГЕКА

Гек сделал целый ряд беглых работ от Владивостока до Анадырского лимана и далее до мыса Дежнева; эти работы, работы одного человека, истинного морского волка, дали в результате целую кучу кроки и глазомерных планов наших бухт, заливов, устьев рек, якорных стоянок.

Е. М. Жданко

Владивосток, 1893 год. Парусная шхуна с двумя высокими мачтами слабо покачивалась на внутреннем рейде порта. Чистота и порядок царили на ней. Теперь, пожалуй, и бывший хозяин этого судна, американец, не узнал бы своей «Марии», лихой браконьерской шхуны, еще год назад совершавшей набеги на котиковые лежбища и конфискованной, наконец, охранной службой.

Обводы шхуны при длине 93 фута, ширине 22 фута 11 дюймов, осадке носом 7 футов и кормой 9 футов 10 дюймов говорили о том, что судно это хороший ходок. Впрочем, плохих шхун, предназначенных для незаконных действий в территориальных водах России, браконьеры не держали.

Военному губернатору понравилось конфискованное судно, и он решил не продавать его, как обычно, на аукционе, а оставить для военного ведомства. После незначительных переделок шхуна была поставлена на охрану и таможенный надзор за приморским побережьем, получив соответствующее название — «Сторож».

Капитаном был назначен известный в ту пору вольный шкипер Фридольф Кириллович Гек, которому шел тогда 57-й год. Это был опытный судоводитель, изучивший дальневосточные моря, как собственный карман, — так говорили про него моряки.

Родился Гек в Финляндии, в маленьком местечке Тенала. Жизнь у моря рано заставила его связать свою судьбу с морской стихией. Обойдя еще юнгой множество морей, Гек принимает твердое решение получить морское образование. Буквально по грошам он откладывает деньги в матросский сундучок, чтобы в 1854 году поступить, наконец, в мореходную школу финского города Або.

Быстро прошли два года учебы. Экзаменационная комиссия приняла решение, что «после некоторой практики в мореходном искусстве Гек имеет право выходить в открытое море, то есть за пределы Балтийского моря»¹. Этим правом молодой моряк воспользовался незамедлительно: летом 1857 года Фридольф Гек впервые отправляется на Дальний Восток на китобойце Российско-Финляндской китобойной компании.

Около четырех лет плавал Гек по дальневосточным морям, любуясь красотами природы, поражаясь богатству далекого края, но потом все-таки вернулся на Балтику. Дело в том, что для получения диплома капитана нужно было иметь не только плавательный ценз, но и пройти

соответствующий теоретический курс.

В марте 1863 г., успешно сдав экзамен, Фридольф Гек получил диплом и стал «вольным шкипером», которым гордился всю жизнь.

Вольный шкипер... От слов этих так и веет романтикой моря, безграничными океанскими просторами, реющими над волнами белыми парусами. Для молодого • Гека был еще особый смысл, особая притягательность в этом красивом звании. Вольный — значит независимый. Всяких капитанов повидал Гек за годы плавания юнгой, да и любой матрос из команды мог позволить себе покуражиться над парнишкой. Только природная сдержанность, что в крови у скандинавов, да сознание того, что он еще дождетя своего часа, помогали Геку в те минуты, когда жизнь была неласкова к нему.

Теперь, казалось бы, позади все огорчения и хлопоты, и можно было бы, найдя неплохое место на каком-нибудь судне, начать плавание по родной Балтике, а там, быть может, и стать владельцем собственного парусника.

Но недаром и по сей день говорят, что того, кто хоть немного узнал Дальний Восток, будет тянуть сюда постоянно. Вот и беспокойная душа Гека затосковала, ему вспомнилась синева Японского моря, уютные бухты Приморских берегов, лесистые сопки, подступающие норой к самой воде. И он засобирался в дорогу.

К тому времени на родине Гека пронесся слух о том, что на новых богатых и безлюдных дальневосточных землях можно хорошо устроиться. Несколько десятков бедных финнов, которые привыкли все делать основательно, купили в складчину небольшой парусник, чтобы на нем отправиться в далекий край. 28-летний Гек стал у них капитаном.

Это было первое в истории русского Дальнего Востока кругосветное переселение людей морем. Одиннадцать долгих и трудных месяцев длился этот переход. Придя в Приморье, переселенцы выбрали себе место на берегу бухты Находки и Гайдамак. Гек поселился в бухте Наездник на острове Аскольд.

Сохранилось мало свидетельств о том, как обживали финские переселенцы эти берега, одно из них — письмо от 22 апреля 1873 г., написанное кем-то из финнов, поселившимся в Находке, было опубликовано в переводе в столичной газете «Голос»: «Администрация ни о ком не беспокоится, каждый должен полагаться на свою собственную силу, как бы подражая тигру. Другой защиты здесь нет. Книги, которые привезены вместе с нами, первое время были выставлены в магазинах; но так как они не были тотчас раскуплены, то их от нас спря-• тали. Говорят, будто они перевезены в настоящее время во Владивосток. Наверное, есть много семейств, которые нуждаются для своих детей в азбуке.

...В 1872 году у нас здесь было чрезвычайно много дождя, а теперь в 1873 году, начиная с февраля, так много набралось снега, что трудно определить его глубину. Люди были совершенно без всякой помощи, а некоторые даже погибли в снегу или лишились некоторых своих членов. Почти точно так же, как и всякое другое сообщение, почта приходит на лыжах»².

На Аскольде Фридольф Гек подружился с другим исследователем Приморья М. И. Янковским. Вместе с ним и задумали они переехать в уютную бухту Сиде-' ми на юге залива Петра Великого. Там шкипер построил небольшой крепкий дом, каменный фундамент которого, кстати, сохранился и поныне. У входа были поставлены мощные гранитные столбы с выбитыми на них подковами счастья. Особенно живописными были ворота, сделанные из китовых ребер, удостоверяющие, что здесь живет китобой.

Подковы счастья не спасли дом Гека. Вот что написала газета «Голос» 4 февраля 1880 г.: «он (Гек) перешел сюда в 1877 году, из бухты Стрелок, и дела его пошли хорошо. Близость Владивостока обеспечила сбыт хлеба, овощей, молока и других произведений фермы. Эти продукты он доставлял в город на своей маленькой шхуне. В 1879 году пожелал поселиться в соседстве с ним Янковский, окончивший свою службу на золотых приисках на острове Аскольд. В июне 1879 года Гек по условию снял с острова лошадей и часть имущества Янковского и доставил на своей шхуне на 'ферму вместе с двумя конюхами. Потом отправился за новым товарищем и его семейством. По возвращении на ферму колонисты застали ужасную картину. Сломанные двери, разграбленное и изломанное имущество заставили ожидать ещё худшего. И действительно, в задней комнате женщина, видно заправлявшая хозяйством, найдена повешенною со связанными руками; оба конюха и один работник с разрубленными черепами свалены в кучу, семилетний сын повешенной женщины пропал без вести. Судя по степени гнилости трупов и другим данным, надо предположить, что нападение совершено в первую ночь после вторичного отплытия Гека на шхуне, с двумя рабочими; очевидно, хунхузы, скрываясь вблизи, следили за жертвами и выбрали время. Грабители удалились на шлюпках Гека, куда сложили и награбленное имущество.»

Так Гек лишился своей семьи, в дальнейшем он пытался найти следы похищенного сына, но безуспешно. С этой болью он прожил всю жизнь.

Сразу же после трагедии Гек принял предложение от разбогатевшего земляка — местного миллионера О. В. Линдгольма стать капитаном его шхуны. «Сибирь». Это был заурядный парусный двухмачтовый китобоец с небольшой, паровой машиной, дававший в штиль до полутора узлов. Экипаж шхуны был набран с бору по сосенке, большую часть его составляли люди, ничего не смыслившие в морском деле, но искавшие приключений или денег. Первым помощником Гека стал молодой американец, который еще недавно сам был капитаном конфискованной шхуны.

В те годы Военное ведомство, озабоченное браконьерством американцев на Чукотке, несколько раз посылало свои крейсера на охранное дежурство. Было конфисковано несколько шхун, и незаконный промысел у наших северо-восточных берегов немного поутих.

Предприимчивый Линдгольм сразу сообразил, • что при этом население Чукотки лишилось тех товаров, "которые поступали к ним с американских судов, и решил воспользоваться этим.

По сходням «Сибири», стоявшей у торгового причала Владивостока, засновали люди с мешками, ящиками, тюками за спиной. Вскоре основательно осевший корпус шхуны показал всем, насколько широко готовился купец развернуть свои торговые операции на северо-востоке.

Готовясь к дальнему плаванию, Гек побывал в гидрографическом отделе и предложил свои услуги по исследованию побережья Чукотки.

Одним из последних на борт шхуны поднялся храбрый молодой офицер А. А. Рессин, которого приамурский генерал-губернатор отправил на Чукотку, чтобы выяснить состояние дел в тех далеких местах.

Весной 1885 года, окинув прощальным взглядом свой небольшой домик на берегу бухты, — в нем уже хозяйничала молодая уссурийская казачка, которую Гек, не так давно взял в жены с двумя дочерьми, — моряк снялся в далекое плавание.

Конечным пунктом «Сибири» должен был стать мыс Сердце-Камень, лежащий к северу за проливом Беринга. Редко какое судно заходило в эти полярные широты, поэтому исследования, которые собирался проводить Гек, были крайне важны для географической науки.

Об этом плавании можно было бы рассказать многое: буквально из бухты в бухту обошел Гек на «Сибири» все чукотское побережье. В своих записках А. А. Рессин написал о капитане так: «Права, нелегка служба его была до сих пор. Держась все время у самых берегов, муж **но** было постоянно следить за движением шхуны, постоянно командуя то вправо, то влево, то «так держать» и при том то по-русски, то по-английски, смотря по тому, русский или иностранец стоит на руле, и в то же время торговаться с чукчами, которые толпою окружали его, оценивать их товары, отсчитывать или отмерять свои и всякую купленную мелочь, записывать в памятную книжку для отчета владельцу шхуны»³.

И все же Гек успевал выкраивать время на свои гидрографические наблюдения. В свободную минутку он брал в руки старинный октан из черного дерева с лимбом из слоновой кости, который еще в молодые годы -купил себе в Англии, и выходил на крыло шхуны. Все свои определения он аккуратно заносил в большую тетрадь с клеенчатым переплетом.

11 августа «Сибирь» вошла в Ледовитый океан, 20 августа обогнула мыс Сердце-Камень. Гек держал курс на остров Врангеля, но из-за появившегося льда он отказался от своего плана и повернул обратно.

Команда повеселела, почувствовав скорое возвращение, да и сам Гек, освободившись от части забот, все чаще сидел вечерами в кают-компании и «под акком-панемент какой-то веселой мелодии усердно занимался постройкой модели шлюпки, по временам лишь прерывая работу, чтобы сбалансировать в ту или другую сторону при сильном крене судна. По временам он выбегает на палубу, и тогда слышится, против обыкновения, его необыкновенно спокойная и даже с нежностью в голосе команда, а возвращаясь назад, он снимает и вытирает свои очки, вытряхивает свою мокрую шапку. Однажды, решив было, но не сделав поворота,⁴ он возвратился вниз и заявил: «Нельзя, нэт шорт возми, один волна пришел, другой не надо»⁴!

Трудно сказать, кто больше был удовлетворен результатами плавания к берегам Чукотки: купец Линдгольм, получивший больше шести тысяч рублей чистой прибыли, или шкипер Гек, сделавший описание почти всего побережья Чукотки, восточного берега Камчатки. На картах появились новые бухты и мысы, в том числе и мыс Земля Гека⁵.

В этом плавании у Гека проявился талант этнографа: он вернулся домой с ценнейшей коллекцией предметов эскимосской культуры и быта. Сейчас этнографы теряются в догадках, как мог простой моряк собрать такую уникальную коллекцию, не имеющую аналогов во всем мире⁶.

Ее Гек подарил Обществу изучения Амурского края, членом которого он стал 2 сентября 1887 г.

На Чукотке моряк близко познакомился с местным населением. Его беспокоило бесцеремонное отношение американцев к этой земле, до которой не доходили руки официальных русских властей. Позднее Гек писал: «...мы не сомневаемся, что чукчам предстоит печальная будущность, когда их главные предметы продовольствия— киты, моржи и тюлени изведутся; голод и вымирание в этом случае неизбежны, как это было в губе Святого Лаврентия несколько лет тому назад, где "почти все население умерло с голоду. Чукчи сами говорили нам, что это должно случиться между населением на нашей стороне; более трезвые и дальновидные люди между ними прямо жаловались, что американцы убивают и уничтожают без пользы китов и моржей, привозят бочками ром и деморализуют молодых людей и женщин, так что в недалеком будущем нечего будет есть и придется умирать с голоду или переселяться в неволю:...»⁷

После «Сибири» Гек командовал шхуной «Надежда», принадлежащей китобою А. Е. Дыдымову, отставному капитану 2 ранга. На ней Гек также продолжил свои исследования — на этот раз берегов Кореи⁸. И вот новая должность.

Назначение Гека капитаном сторожевой шхуны «Сторож» было на редкость удачным. Из малочисленной команды в 15 человек, из которых почти половина впервые выходила в море, опытный моряк смог сформировать слаженный экипаж. На борт шхуны было взято и оружие.

Его скрывала крепкая дубовая обшивка вместительного трюма.

1.8 июня 1893 г. «Сторож» вышел на свое первое охранное дежурство. На борту шхуны находился и заведующий русскими рыбными промыслами. Район был очень большим: от корейской границы до севера Приморья. Кстати, на ней Гек и продолжил свои гидрографические работы⁹.

Около десяти лет, почти до самой смерти командовал Гек «Сторожем». Это были годы, полные хлопот и опасностей. Случалось, и пули свистели над головой вольного шкипера, не зря ведь браконьеры называли «Сторож» «Черт-шхуну».-

Летом 1897 года на этой шхуне в свой отпуск отправился учитель Владивостокской гимназии С. Н. Брайловский, известный в наше время своими этнографическими работами. Своими впечатлениями о плавании он поделился с владивостокцами в статье, которая была опубликована в газете «Владивосток».

Тогда ежегодно в Приморье выдавались разрешения на отлов красной рыбы, которые брали в основном японцы. Брайловский и описал эпизод проверки «Сторожем» одного из таких участков, расположенного в устье реки.

Вначале были проверены документы, и здесь «опытный не только в плавании, но и во многом другом, капитан шхуны сообразил, что тут дело нечисто: при обыкновенном правильном лове японцы никогда столько рыбы не поймают»¹⁰. Гек, сославшись на то, что немного в-, стороне от места у него лежит припасенный уголь, отправился в одну из протоков, где и подтвердил свою догадку, обнаружив запрещенный невод. Когда он начал составлять акт, японец — хозяин промысла" пытался незаметно подсунуть вольному шкиперу взятку, на что тот, громко рассмеявшись, сказал: «Не спеши, эти деньги и в гораздо большем размере тебе пригодятся в городе на оплату штрафа. А сейчас мы забираем невод и разрешение. Участок закрыт».

Даже после конфискации невода Гек не спешил далеко уходить от японцев. «Сторож» едва вышел из бухты, как Гек велел повернуть обратно, и вот вскоре глазам всего экипажа предстала непонятная картина: вся бригада японцев, сказавшись больной, лежала на полу барака вповалку. «Не эпидемия ли это?» — испугался было учитель, но капитан «Сторожа» беспеременно растолкал, «больных» и вытащил из-под их тел еще один запрещенный невод.

С. Н. Брайловский, заканчивая статью, написал: «Надобно надеяться, что с учреждением специальных должностей для наблюдения за рыбными промыслами, с предоставлением лицам-исполнителям возможности чаще объезжать побережье Татарского пролива, японские законные и незаконные хищники отойдут в область предания. Остается так повести дело, чтобы пивяки почувствовали, что- уж достаточно напились и сами отпали:, иначе придется, хоть и с болью, оторвать их прочь...» "

Щедро делился Гек своим богатым опытом и с дру--М1М1. Руководство мореходных классов во Владивостоке считало за честь согласие Гека принять на практику курсантов. Как писала газета «Владивосток» 25 марта 1901 г.: «Все работы по вооружению и обслуживанию его «Сторожа» лежат на их обязанности, что, бесспорно, дает им хорошую практику, в особенности под командою такого опытного командира, каким является местный моряк Гек, заслуженно пользующийся репутацией «морского волка».

К сожалению, до наших дней дошло немного документальных свидетельств о плаваниях вольного шкипера. I [о совсем недавно в Приморский филиал Географического общества поступил ценный подарок. На потрепанной темно-зеленой обложке блокнота хорошо сохранилась витиеватая надпись золочеными буквами: «1884 год. Записная книга».

Сделанные в ней записи относятся к лету 1885 года, когда Гек совершал снабженческий рейс на шхуне «Сибирь» к берегам Чукотки. В ней есть пометки о том, сколько и где купил Гек моржовой кости, о планируемых и выполненных делах, схема раскроя паруса на «Сибири», а также бегучего такелажа на шхуне. Имеются* в книжке и записи об астрономических определениях,, результаты некоторых съемок.

НА СУШЕ И В МОРЕ

Фамилия Худяковых известна на Дальнем Востоке. Сколько раз они были в переломках с хунзузами, горели в тайге, тонули в речках, отбивались от нападения тигров. Это все их героические подвиги. Много, много раз с риском собственной жизни они спасали погибающих на суше ,и в море.

В. К. Арсеньев

Рассказы о подвигах братьев Худяковых — Павла, Ус-тина и Александра — из села Раздольного распространились далеко за пределы Приморья. Если в годы первых поселений на Дальнем Востоке где-либо заходила речь об удачливом охотнике или образцовом крестьянском хозяйстве, кто-нибудь из собеседников обязательно вспоминал братьев, и не просто вспоминал,

а рассказывал о них самые невероятные истории.

Сами же братья, кряжистые мужики с умными глазами, в ответ на бесконечные просьбы поведать о своих приключениях только усмехались в роскошные бороды. Уж они-то знали, что обросшие массой увлекательных подробностей «х приключения в тайге и на море составляют лишь малую и весьма незначительную часть жизни простых тружеников, неутомимых исследователей края, какими они являлись.

Селу Раздольному, лежащему у излучины небольшой реки, положил начало пост, основанный в 1860 году. Земля здесь не отличалась богатством: каменистая, она плохо поддавалась обработке, а заросшие осокой и камышом луга у реки часто затоплялись, потому-то первые жители Раздольного предпочитали заниматься извозом и охотой, а не земледелием.

Одним из первых жителей села стал и томский крестьянин Леонтий Худяков, который вместе со своими сыновьями — Павлом, Устином и Александром — поселился в этих местах в 1877 году. Охота была основным занятием, к ней он приучал и сыновей; огород же, разбитый у дома, давал только овощи к столу.

Хороший доход в первые годы приносила торговля пантами, но олени уходили все дальше и дальше в отроги Сихотэ-Алиня, и тогда Худяковы обратили внимание на обилие морского зверя — нерпы и сивуча — в залив Петра Великого. Они стали бить зверя зимой на льду Амурского залива, а с приходом весны решили, что было бы неплохо иметь какое-нибудь суденышко.

Сказано-сделано. На берегу реки Раздольной они соорудили небольшую верфь, на которой по собственному нехитрому проекту заложили свое первое судно — однотонный ботик, который верой и правдой прослужил им два года.

В 1893 году отец с сыновьями построили уже пятитонную шхуну и охватили промыслом все побережье Приморья — от корейской границы до поселка Терней. С приходом весны уходили Худяковы в море и возвращались поздней осенью. Эти крепкие, энергичные люди, прочно основавшиеся на берегу, не могли пройти мимо возможности испробовать свои силы и на море, манившем их своей бесконечностью.

Море не обмануло надежд приморских пионеров: оно давало им не только средства к существованию, но и массу ярчайших впечатлений, ценных наблюдений за природой. Как знать, возможно эти наблюдения и остались бы достоянием только одной семьи Худяковых, если бы не одна встреча.

Осенью 1895 года, возвращаясь с промысла, силь-1 «о занемог старший брат Павел. Ближайшим поселком была Находка, туда и завернули Худяковы на своей шхуне. Местному врачу достаточно было только ступить на борт шхуны, чтобы понять причину болезни; полсотни нерпичьих шкур, добытых братьями, создавали невыносимую атмосферу, против которой взбунтовался.

даже привычный ко всему организм лихого охотника.

На берегу болезнь Павла отступила, и вскоре он смог присоединиться к долгим беседам, которые вели вечерами его братья с островным лесничим Н. А. Пальчевским, приютившим их у себя. Тогда-то Пальчевский, узнав поближе охотников и даже подружившись с ними, предложил им стать членами-соревнователями Общества изучения Амурского края, чтобы о наблюдениях и исследованиях Худяковых смогли узнать и другие заинтересованные в этом люди.

Пальчевский сдержал свое слово и в 1901 году выступил в Обществе с докладом о деятельности в Приморье братьев Худяковых, который и послужил рекомендацией для приема охотников в члены-соревнователи Общества изучения Амурского края.

А братья продолжали заниматься полюбившимся им делом. Охота за морским зверем, наблюдение за его повадками показали Худяковым, что к концу лета морские обитатели уходят на север. Пускаться следом за ними на маленьком суденышке было невозможно, и 25 августа 1895 г. охотники закладывают на своей верфи новую, более крупную шхуну. Строительство ее прерывалось охотой на водоплавающую птицу, которая в изобилии водилась и на Раздольной реке, и на Туманной. Как-то братья набили столько гусей, что чуть было не утопили бот. Уже лотом они подсчитали, что в азарте застрелили около двух тысяч птиц. При этом надо иметь в виду, что братья строго придерживались правила не «бить птицу в период высидывания птенцов и требовали того же от других охотников.

В сентябре 1897 года новая шхуна была спущена на воду. Назвали ее «Хуторок» — в честь своего хутора, настоящего родового поместья, в котором дружно бок о бок жили все члены этой большой и трудолюбивой семьи.

Хутор братьев Худяковых стоял отдельно от других домов Раздольного. Это было крепкое хозяйство со скотным двором, большим огородом и пасекой, с крепкими складами и надворными постройками, на которых управлялись женщины — жены и дочери братьев. Только так и можно было выжить в суровом крае с капризным климатом, по соседству с дикими животными.

Два года братья промышляли на новой шхуне около Приморских берегов, а в мае 1900 года вышли в Охотское море к Шантарским островам, богатым морским зверем, где издавна велся промысел.

Наблюдая за жизнью нерп, морскими течениями и движением льдов, охотники сделали вывод, что промысел лучше всего вести до начала лета, прямо на льду. И братья

устанавливают на своем «Хуторке» мощный двигатель, чтобы работать во льдах.

«Уссурийская тайга и особенно море развили в братьях замечательную наблюдательность, — писал Н. А. Пальчевский. — Минуты отдохновения от своего физического труда братья посвящают описанию своих путешествий...»¹.

Сначала Худяковы отправляли свои заметки в газету «Дальний Восток», но там на них не обратили внимания, и они затерялись. Тогда братья пришли в Общество изучения Амурского края, где их тепло встретили. Они приносили сюда записи о наблюдениях за жизнью уссурийского медведя и других животных, затем стали составлять подробные, почти ежегодные отчеты об увиденном. К сожалению, никаких записок и отчетов братьев Худяковых не сохранилось до наших дней.

Одними из первых исследователей-практиков братья приобрели фотоаппарат, но поскольку он был куплен с рук, уже подержанным, то быстро сломался, и общество сочло нужным выделить Худяковым средства ДЛЯ ПОКУПКИ НОВОГО.

Братья поддерживали связь с Обществом и во время промысла. В одном письме, отправленном из Николаевска, П. Л. Худяков писал: «При выезде в Охотское море у нас было такое безденежье, что трудно себе представить; мы едва выгадали деньги на покупку дюжины негативов, а записной книжки у нас не было. Мы писали на отрывном календаре — и тот был кем-то подарен. У нас не было самых необходимых вещей — шнура для лота, который мы потом приобрели у знакомых в Де-Кастри, а провизию пришлось выменивать у японцев и у рыбаков в бухте Николая в Охотском море»².

С тех самых пор, когда братья Худяковы стали выходить на промысел в море, их заинтересовала возможность самим предсказывать погоду. Сначала, как и все моряки, они довольствовались наблюдением за облаками, причем по программе, которую тоже составили сами. Затем, получив в Обществе изучения Амурского края инструкцию Главной физической обсерватории, стали придерживаться научной программы, в которую вошли также наблюдения над грозами, метелями, замерзанием и вскрытием рек, снежным покровом.

Увлечшись исследованиями, братья решили устроить у себя в Раздольном настоящую метеостанцию. Жителям села много неприятностей приносили многочисленные наводнения. Братья, обладавшие пытливым и инициативным умом, разработали целую программу борьбы с наводнениями. Исследовав местные реки, они пришли к выводу о необходимости спрямления русла р. Раздольной и проведении гидротехнических работ по уничтожению болот. Правда, в то время их инициатива поддержки не получила.

В лице братьев Худяковых Общество нашло активнейших сотрудников с практической жилкой. Все их наблюдения и исследования — будь то описание повадок морского или таежного зверя, прогнозирование погоды или опыты в сельском хозяйстве — нужны были не столько науке, сколько таким же, как они, предприимчивым людям, которые шаг за шагом отвоевывали себе право на жизнь среди первобытной природы.

Не каждому это было по плечу, тем более ценен опыт братьев Худяковых, которые сами строили себе шхуны, учились охотиться не только на суше, но и на море, успешно вели промысел, обустроивали хозяйство, изобретали разные сельскохозяйственные машины.

С помощью своей маленькой метеостанции, для которой были выписаны с помощью Общества приборы из обсерватории, Худяковы стремились разработать научную программу для сельскохозяйственных работ. Пользуясь данными новейшей литературы, они ставили опыты по садоводству, одними из первых поселенцев в Приморье поверив, что и в капризном дальневосточном климате можно выращивать фрукты и ягоды, не уступающие по вкусу среднерусским.

У них же был один из лучших питомников пятнистых оленей, которых они стали разводить вслед за М. И. Янковским.

Братья Худяковы регулярно снабжали музей Общества изучения Амурского края шкурами нерп, лисиц, росомех для изготовления чучел. Они же одними из первых подняли вопрос о хищническом уничтожении кедровых лесов на месте карьерных разработок. Старались они и обратить внимание общественности «на тяжелую, полную лишений, беспомощную жизнь местных инородцев-звероловов гольдов, все имущество которых, их семья и сама жизнь всецело зависит от полдага произвола сосущих и заживевших манзовских торговцев»³.

К сожалению, время стерло многое из того, что делали братья Худяковы, тем более, что свидетельств их обширной и многогранной деятельности сохранилось не так уж и много. Одно из них — небольшая книга С. И. Яковлева «(Братья Худяковы», выпущенная в 1928 году издательством «Книжное дело» во Владивостоке мизерным тиражом.

«Я часто думал о том, какую интересную книгу можно было бы напечатать, если бы только описывать жизнь братьев Худяковых без всяких прикрас, так, как она есть,—» писал в предисловии к этой книге В. К. Арсеньев.— Вот почему я приветствую С. И. Яковлева, который взялся за эту работу и талантливому перу которого принадлежит много рассказов из жизни и природы Дальневосточного края»⁴.

Один из экземпляров своей книги автор подарил жене В. К. Арсеньева Маргарите Николаевне с дарственной надписью «На добрую память почтительное подношение»⁵. Его-то и использовали мы при написании этого очерка.

Через два года после выхода в свет этой книги С. И. Яковлев умер, оставив после себя

рукопись следующей книги о братьях «Худяковы на море». Поскольку у писателя не было семьи, след рукописи затерялся «до сих пор «е найден. Известно только лишь то, что она была переслана из Владивостока сестре С. И. Яковлева в Ленинград в 1931 году. В ней читатели могли бы найти новые факты и подробности о жизни этих самобытных людей.

ПАМЯТИ МОРЯКА

...С. С. Россет только пробился на путь деятельности и самостоятельного труда, встав на ноги, и мог с надеждой смотреть на начавшуюся зарю трудового будущего.

Отчет ОИАК за 1888 год

15 июня 1888 г. в два часа дня на рейде бухты Золотой Рог бросила якорь военная шхуна. Это был «Крейсер-рок». Те, кто заметил его приход, были удивлены: охранное дежурство шхуны должно было окончиться только глубокой осенью. Все объяснял приспущенный на корме флаг: по давнему морскому обычаю это означало, что на судне траур.

Как только шлюпка с санитарным врачом, отвалившая от борта «Крейсерка», причалила к берегу, по городу прокатилась печальная новость: погиб командир шхуны лейтенант Сергей Оеливерстович Россет.

В тот же день командир Владивостокского порта издал приказ, в котором говорилось: «10 июня ночью в Лаперузовом проливе при повороте шхуны «Крейсерок» сбросило за борт командующего оной лейтенанта Рос-сета. Для расследования обстоятельств дела назначаю комиссию под председательством капитана 2 ранга Че-глокова, членами в оную лейтенантов Максимова и Маркова. Комиссии поручаю вместе с тем проверить судовое имущество и кассу. Приступить к возложенному поручению немедленно»¹.

Вскоре город узнал все подробности случившегося.

...К вечеру 10 июня 1888 года шхуна «Крейсерок» зашла в пролив Лаперуза, откуда намеревалась взять курс на место дежурства — остров Тюлений. С утра было тихо, но, как часто бывает на море, погода начала внезапно портиться.

В 18.00, на ходу застегивая меховое пальто, на мостик поднялся командир шхуны лейтенант С. С. Россет. Плавание в проливе — дело-сложное, и он предпочитал яройти эту опасную часть сам, тем более, что его помощник, молоденький мичман Ергольский, только что был переведен на «Крейсерок» с эскадры и совсем не имел опыта управления капризной шхуной.

Еще недавно «Крейсерок» бороздил моря под другим названием. «Генриетта» — так называл свою шхуну ее бывший хозяин-американец, когда 17 августа 1886 г. ее у мыса Дежнева арестовал «Крейсер», несший тогда охранное дежурство у берегов Чукотки.

В момент ареста трюма «Генриетты» оказались набиты китовым усом (2 тонны), моржовыми клыками (около 200 фунтов), шкурками лисицы (500 штук). Богатый груз, что и говорить! Капитан шхуны В. Дехтер заявил, что хозяин его, некий Зоннет, шхуну эту уже продал чукчам. Правда, до того, как она поступит в их полное распоряжение, «Генриетта» совершит один рейс в Америку и отвезет тот ценный груз, который передали чукчи предприимчивому американцу в качестве платы за судно.

Но уловка иностранцев не удалась. «Генриетта» была конфискована вместе со всем, что заполняло ее трюма. Своим внешним видом и характеристиками — при классических измерениях: 60 футов длины, 28 футов ширины и средней осадкой 7 футов она имела 45 тонн водоизмещения — шхуна сразу же понравилась командиру Владивостокского порта. Да и построена она была всего два года назад. Приказом № 531 от 14 августа 1886 г. командир порта записал ее в свое ведомство.

Лейтенант С. С. Россет в то время был начальником охраны острова Тюлений. Рапорт его на имя командира порта подоспел как раз вовремя: «...посылка к Тюленьему острову шхуны принесет делу охраны боль ше пользы и менее расходов, чем командирование отряда и перевозка его на паровых судах. Такое распоряжение явится вполне целесообразным, тем более, что шхуна под военным флагом, крейсируя у острова, всегда будет находиться на страже и вполне достигнет той же цели, какой достигали и паровые военные суда, не говоря о практике для молодых матросов в трудном деле и полной возможности командира судна сделать опись берега и промер...»²

Россета поддержал С. О. Макаров. Ему на «Витязе» однажды приходилось снимать лейтенанта вместе с его командой с острова Тюлений после окончания охранного дежурства.

Шхуна «Алеут», которая должна была это сделать, задержалась на крейсерстве в Баренцевом проливе, и Россету с людьми пришлось немного поволноваться в ожидании судна, которое могло бы их доставить во Владивосток. Тем не менее, как писал потом в своем рапорте Макаров: «Лейтенант Россет и все порученные ему нижние чины имели бодрый, здоровый и веселый вид. Лейтенант Россет не считал свое положение опасным и на следующий день предполагал, если погода позволит, оставить остров и на своем вельботе идти в Тарайку. На счет провизии он считал себя обеспеченным и вообще произвел впечатление бравого, разностороннего офицера, умеющего самостоятельно руководить делом»³.

Так и досталась Россету конфискованная шхуна «Генриетта», получившая название «Крейсерок» в честь клипера «Крейсер». Быстрой и верткой шхуне суждено было стать младшим братом клипера в новом тогда еще деле — охране огромных богатств дальневосточных морей, в частности, котиковых лежбищ.

Но не только охранные дежурства занимали все время и мысли Россета, ставшего командиром «Крей-серка». Кроме отличного исполнения служебных задач он оказывал значительные услуги и Обществу изучения Амурского края, куда нередко доставлял ценный материал.

Свидетельство тому—доклад С. С. Россета в Обществе о результатах его поездки на остров Тюлений и Сахалин в 1887 году, который был прочитан в ОИАК в феврале 1888 года. Короткие отрывки из этого доклада хорошо характеризуют широту интересов молодого офицера.

«Тюлений остров, как вам известно, находится в Охотском море; у восточного берега о. Сахалин, близ м. Терпения, от которого он лежит на -расстоянии около 9 миль, т. е. 16 верст. По виду это почти вертикальная скала, оканчивающаяся наверху узенькой площадкой, возвышающейся над уровнем моря футов на 60...

...Кому принадлежит честь открытия Тюленьего острова, я из материалов Владивостокской морской библиотеки узнать не мог, но должно приписать это голландцам, которые в 1643 году под командой капитана Фриса плавали в заливе Терпения...

...Я для астрономических наблюдений пользовался тоже только секстаном и одним хронометром...

...Если бы морские котики по неизвестным до сих пор причинам не избрали бы его своим летним местопребыванием, то Тюлений остров навсегда бы остался необитаемым...

...В названных выше местах они появляются весной, проводят лето, а с наступлением зимы вновь неизвестно куда исчезают...

...Кроме морских котиков в водах Тюленьего острова водятся сивучи, несколько видов нерп и киты...»⁴

Но вернемся к трагическому дню, или точнее, вечеру 10 июня 1888 г. Сохранившийся шканечный журнал «Крейсерка» и воспоминания очевидцев позволяют в точности восстановить все события того вечера.

...К 20 часам совсем стемнело. Россет едва успел взять пеленга у острова Ребунсири и, облокотившись о столик в крохотной рубке, слабо освещенной керосиновой лампой, поставил на карте точку — местопребывание шхуны в данный момент: 45°35' сев. широты и 140°50' вост. долготы-

Ветер усилился, и по вспенившемуся морю можно было определить его силу: не меньше пяти баллов. Несмотря на это, Россет решил приступить к лавировке. Только был взят первый риф у грота, как его сильно заполоскало. Размахиваясь от ветра и качки, грот-гик разогнул несколько как у завал-талей. Завал-шкентель случайно выложился, стропка завернутого шкота лопнула, и гик, перебросившись на наветренную сторону, с огромной силой ударил ничего не подозревавшего Россета, сбросив его за борт.

Вахтенные матросы растерялись.

Услышав шум, на палубу выскочил фельдшер Григорович. Узиав, в чем дело, он тут же *разбудил* помощника командира мичмана Ергольского.

На судне нет ничего страшнее паники. Мичману хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию на палубе и понять, что прежде всего нужно остановить метание взбунтовавшегося гика. Он громко крикнул матросам: «На грота фал, грот спустить!»

Шхуна, сделав крутой поворот через фондевшт, описала циркуляцию и подошла примерно на место падения командира, но ночная темь, волны и ветер мешали поискам. Долго еще ходила шхуна короткими галсами на одном и том же месте, «о Россет обнаружен не был. Скорее всего, его оглушил неожиданный удар, и он, потеряв сознание, сразу же утонул.

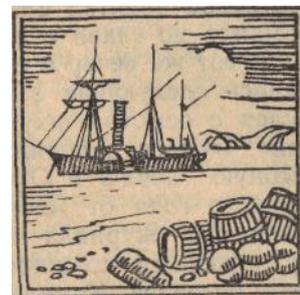
19 июня 1888 г. во¹ Владивостокской церкви состоялась обедня и панихида по Россету. У 32-летнего офицера во Владивостоке было немало друзей и знакомых. Одни плавали с ним на клипере «Абрек» в 1882 году, когда он только что был переведен с Балтики в Сибирский экипаж, другие работали с ним на «Морже» и «Горностае». Почтить память моряка пришел, разумеется, и экипаж «Крейсерка». Все отмечали, что «покойный, помимо прекрасных качеств морского офицера приобрел себе добрую славу и любовь товарищей и знакомых; он отличался безупречной честностью, мягким и уживчивым характером, был всегда веселым и приятным собеседником»⁵.

Здесь же стояла и вдова Россета Екатерина с двумя маленькими сыновьями: пятилетним Левой и четырехлетним Женей. Два офицера поддерживали совсем обессилившую от горя молодую женщину. Был на панихиде¹ и капитан 1 ранга С. О. Макаров.

В тот же день возникла и мысль о памятнике С. С. Россету. Газета «Владивосток» 3 июля 1888 г. писала: «Нам прислано письмо, в котором высказывается желание увековечить память безвременно погибшего лейтенанта Россета. Желание, конечно, весьма хорошее. Но было бы лучше, если поставят С. С. Россету памятник в проливе Лаперуза, назвав на южном берегу Сахалина один из опознавательных знаков его именем».

Именем С. С. Россета была названа бухта в Охотском море на Шаитарских островах, которую он сам исследовал в 1885 году, а также мыс во Владивостоке, выходящий в сторону Амурского залива.

«КРЕЙСЕРОК»

Петербург. Управляющему Морским министерством.
ШХУНА КРЕЙСЕРОК ЕЩЕ НЕ ВОЗВРАТИЛАСЬ. НАЧИНАЮ
БЕСПОКОИТЬСЯ...

Ермолаев. Из телеграммы командира порта Владивосток 8 ноября 1889

Все лето 1888 года до глубокой осени шхуна «Крейсерок» под «омандованием лейтенанта А. Я. Соболева провела в охранном дежурстве, занимаясь в редкие погожие дни гидрографическими работами, в ходе которых было уточнено положение некоторых мысов на острове Тюленьем и восточном берегу Сахалина.

Ближе к осени около Тюленьего стали появляться иностранные промысловые шхуны. Они, казалось, между делом дрейфовали в этом районе, да так близко от острова, что одна чуть было не выскочила на камни, однако было ясно, что браконьеры только и ждали, когда русские удалятся на зиму подальше от Тюленьего.

Как-то в начале октября «Крейсерок» встал на якорь в одной из маленьких бухт Тюленьего острова, за мысом Терпения. Стемнело, и команда уже готовилась к отбою, когда совсем рядом со шхуной тихо стало на якорь какое-то незнакомое судно без ходовых огней. Его капитан был сильно удивлен, когда к борту его судна пристал ялик, и на борт поднялась призовая команда во главе с лейтенантом А. П. Дружининым.

В тот же вечер в судовом журнале «Крейсерка» появилась следующая запись: «Лейтенант Дружинин вернулся с осмотра шхуны, оказавшейся английской «Розой». Бумаги в порядке, имеет разрешение на охоту и рыбную ловлю в Охотском море в продолжении настоящего года от Японского правительства. Вахтенного чистового журнала не было. По черновому и курсам, проложенным по широте, все лето пробыла у Курильских островов. Команда по реестру 25 человек, в наличии 18. Шхуне предложено утром уйти, капитан предупрежден, что при встрече у этих берегов она будет конфискована»¹.

Через несколько дней «Крейсерок» устроил гонки еще с одной двухмачтовой шхуной без флага, вооруженной косыми парусами, топселем и бовд кливером. Завидев ее, охранное судно сделало последовательно три выстрела, что по международному своду сигналов означало требование поднять флаг. В ответ шхуна обратилась в бегство, но скорость у «Крейсерка» была выше, она быстро догнала незнакомцев, и когда по носу иностранной шхуны был пущен снаряд, ей ничего другого не оставалось, как лечь в дрейф.

После этого предупреждения капитан поднял американский флаг и объяснил, что подходил к острову Тюленьему за водой. Призовая команда произвела осмотр трюмов, но ничего там не обнаружила, и американцы были отпущены.

Следующей весной, во второй год своего охранного дежурства, «Крейсерком» стал командовать лейтенант Александр Павлович Дружинин. Был ему тогда 31 год. В 1877 году он окончил Морское училище в Петербурге и был отправлен служить в Сибирскую флотилию.

Приехав во Владивосток 24 мая 1888 г. он получил назначение на должность вахтенного начальника канонерской лодки «Морж». Затем он плавал на «Гунгусе» и «Алеуте», а в перерывах между плаваниями Дружинин преподавал во Владивостоке в школе рулевых и сигнальщиков, что поручалось опытным офицерам.

Необычный город на сопках, сбегаящий к морю, очень понравился молодому офицеру, равно как и его люди. В школе Дружинин близко сошелся с лейтенантом Андреем Павловичем Нахимовым, своим ровесником, который в то время плавал на охранной шхуне. Видимо, его рассказы и способствовали тому, что Дружинин тоже попросился на охранную шхуну.

К середине июня 1889 года «Крейсерок» подошел к Тюленьему острову. Издали остров предстал перед моряками точно таким же, каким они оставляли его перед уходом во Владивосток

минувшей осенью, и, только подойдя вплотную к берегу, моряки увидели страшную картину браконьерства. Около трехсот мертвых котиков лежало на берегу, в основном самки, не успевшие принести потомство. Сарай и баня были завалены протухшими тушами. Чуть в стороне были обнаружены и скелеты — более четырехсот — котиков, убитых в прошлом году. Подозрения моряков, что не только вкусная вода манила иностранцев на Тюлений остров, оказались не напрасными.

Командир шхуны сразу же выставил на острове береговой караул: старшего квартирмейстера Василия Корсунцева, матросов Тихона Зеленина, Ивана Крыже-ва, Дмитрия Судакова. Они должны были все лето провести на Тюленьем. Старшим из них и по возрасту, и по званию был Василий Николаевич Корсунцев. Грамотный 28-летний моряк имел семью, которая жила в Симбирской губернии. Это был сильный и крепкий человек, отличавшийся добрым нравом.

Корсунцев распределил дежурства: двое часовых на мысах постоянно в дневное время наблюдали за морем, пока двое других отдыхали.

Все лето провел «Крейсерок» у острова, но браконьеры словно чуяли опасность и не появлялись. Моряки тем временем занимались гидрографическими работами, не теряя надежды отплатить иностранцам за причиненный ущерб.

В начале октября на «Крейсерке» заметили первую иностранную шхуну, но она поторопилась уйти. Вскоре появилась еще одна, уже с другой стороны острова. Она была обнаружена Корсунцевым, который тут же подал сигнал «Крейсерку». Двое суток продолжалась погоня, но туман позволил иностранцам скрыться, и «Крейсерок» вернулся ни с чем.

Незваных гостей становилось все больше. Как-то раз рядом с островом встали на якорь две шхуны. Флагов они, как и следовало ожидать, не несли. Квартирмейстер приказал быстро убрать вельбот и все другие предметы; указывающие на присутствие русских на острове. В подслеповатое окошко избушки Корсунцев видел, как на шхунах были выставлены наблюдатели за берегом, и сделал вывод, что там готовятся высадить к вечеру десант.

Быстро стемнело. Лишь негромкий рокот прибоя нарушал тишину. В избушке, где притаились русские матросы, тоже было тихо: они уже были готовы к засаде.

Ждать пришлось недолго. За дверью послышались шаги, голоса, и вот уже первые, вошедшие в избу, стали зажигать спички, пытаясь присмотреться. Тут-то и вышел из-за печки Корсунцев с карабином. «Руки вверх!» — приказал он растерявшимся браконьерам и видя, что они не понимают русских слов, показал жестом, как им следует себя вести. Руки их были тут же связаны крепкими узлами, и вскоре незваные гости лежали рядом на земляном полу, цедя сквозь зубы ругательства.

Но русские моряки их уже не слышали: они спешили осмотреть «берег». В укромном месте на песке они обнаружили следы от трех шлюпок, тут же валялись и два десятка палок, которыми американцы забивали котиков. Видимо, почуяв неладное, оставшиеся браконьеры вернулись на шхуны. Пытаясь разглядеть их, Корсунцев зажег красный фальшвейер, осветивший шхуны, которые после этого быстро снялись с якоря, оставив своих соотечественников самих выпутываться из затруднительного положения.

Вскоре подошел конец охранному дежурству. Пока на вельботах снимали команду, арестованных браконьеров и конфискованное имущество, с противоположной стороны острова к нему подошла еще одна шхуна. «Крейсерок» подоспел туда как раз вовремя: браконьеры уже спустили шлюпки и готовились к забюю котиков. Шхуна их покачивалась на рейде, но, увидев «Крейсерок», она на полных парусах бросилась прочь. Только предупредительный выстрел заставил ее лечь в дрейф.

Приблизившись, командир «Крейсерка» Дружинин с удивлением увидел уже знакомую шхуну «Розу», на которой в прошлом году слушал клятвенные заверения капитана в том, что на острове Тюлений они попали совершенно случайно.

На этот раз все доказательства вины американцев были налицо. На арестованную шхуну высадился лейтенант Налимов с мичманом Филатовым и восемь матросов. Капитан «Розы» и пять американцев были взяты под конвой и доставлены на «Крейсерок», на «Розе» остались Налимов с четырьмя русскими матросами и восемь американцев.

Около 20 часов обе шхуны — сначала русская, затем легшая ей в форватер американская — онялись в море. Пришел конец охранному дежурству 1889 года.

Почти до полуночи на «Розе» видели кормовой огонь охранной шхуны и старались не отставать от нее, но вскоре быстро засвеживший зюйдвест заставил взять на шхуне рифы. Приходилось часто менять курсы, теряя время, и «Крейсерок» растворился в темноте.

В течение ночи «Роза» часто ложилась в дрейф. Тогда-то Налимов впервые заметил, что что-то неладное творилось с компасом: видимо, американцы успели вывести его из строя.

Позднее Корсунцев в своих показаниях отметил: «Командир все время сам стоял у компаса, который плохо показывал, верно, американцы его испортили!»².

Ветер не утихал. Шли крутой бейд-вент. На руле стоял Павел Савинов, но что пользы от руля, если в темноте не было видно ни зги, а ориентироваться по карте моряки не могли из-за неисправного компаса.

В три часа утра шхуна с полного хода села на камни. Неоднократные попытки сняться с помощью всех парусов ничего не дали. Громадные волны захлестывали судно, помогая им своей разрушительной силой и ветер.

Первую опущенную за борт шлюпку вода захлестнула мгновенно. Вторую спускали уже более осторожно, а потому и результат получился удачнее. По приказанию Налимова первым в нее спустился матрос Кряжев. Следующий матрос не успел еще подойти к борту, как его оттолкнул американец, бросившийся в шлюпку. Следом за ним толпились и другие обезумевшие от страха иностранцы.

Трапезников попытался навести порядок, но вдруг он «ошатнулся и схватился рукой за горло. Американец, нанесший ему удар ножом, уже торопливо спускался к шлюпке.

Позднее Корсунцев написал в своей объяснительной

записке: «Лейтенант Налимов мог сесть первым в шлюпку и тем спастись, но он предпочел остаться на шхуне с русскими матросами»³.

К рассвету корму «Розы» совсем разбило, единственную оставшуюся шлюпку смыло огромной волной. Налимов приказал связать вместе два гика, но когда моряки начали спускаться на этот самодельный плот, очередная волна подняла всех и опять бросила на палубу.

Налимов не удержался на своем конце: руки его разжались раньше, чем волна донесла его до судна, и он упал за борт. Корсунцев вспомнил: «После этого один только раз показалась голова командира над волнами, и он утонул. Мы не могли подать ему никакой помощи, даже не могли бросить гконец, спасательных буюв на шхуне не было: все было смыто волной»⁴.

Около полудня 16 октября шхуна была уже почти полностью разбита. Умер Трапезников, и его привязали к плоту, чтобы волны не унесли труп. Моряки уже не надеялись на плот сами и ждали момента, когда судно совсем разрушится, чтобы потом попытаться спастись на остатках палубы.

Вскоре от «Розы» ничегонеосталось, уцепившихся за доски и куски обшивки моряков медленно сносило к берегу. В первые минуты они видели друг друга, но вскоре волны раскидали их в разные стороны. Среди больших водяных валсо они увидели вдалеке «Крейсерок», появившийся неожиданно, словно призрак. Видимо, на шхуне заметили, что «Роза» отстала и вернулись на поиски. Но было уже поздно. Ледяная вода довершила то, что не смогли сделать волны. То у' одного, то у другого моряка разжимались заледеневшие руки, и они выпускали спасательные обломки шхуны.

Уже совсем стемнело, когда Корсунцев очнулся. Он лежал на прибрежных камнях, среди разбитых досок, весь опутанный водорослями. Шторм уже стих, и лишь небольшие волны накатывались на берег. Дрожа от холода, Корсунцев ше-как поднялся и, шатаясь, побрел в ту сторону, где, как показалось ему, светился огонек. Он шел и падал, терял сознание, приходил- в себя и снова поднимался на ноги, пытался кричать и разочарованный замолкал, не слыша ни звука в ответ.

Утром 17 октября он очнулся на берегу моря. Был сильный туман. Боясь потерять ориентировку, он пошел вдоль берега и вышел на мыс Терпения. Людей на нем не оказалось, но, обойдя мыс, Корсунцев нашел шалаш, в котором устроился отдохнуть, а потом вновь побрел дальше, потеряв вскоре всякое чувство времени и реальности.

На второй день его повстречали двое охотников, которые не сразу поняли, что им навстречу идет человек: настолько ужасен был вид Корсунцева с разбитым лицом, ободранными руками и ногами, завернутого в какие-то жалкие лохмотья, с лихорадочным блеком воспаленных глаз.

До жилья было далеко. Охотники с трудом тащили и,-I себе Корсунцева, который совсем лишился сил. А туг еще неожиданно началась пурга, которая длилась целых пять суток. Ноги моряка окончательно почернели, и орочи, глядя на них, ТОЛЬКО сокрушенно качали головами. Корсунцев же почти не приходил в сознание и в те немногие минуты, когда разум возвращался к нему, обреченно думал, что смерть близка.

Только 26 октября путники пришли в небольшое стойбище, откуда надзиратель Воронов сразу же повез Корсунцева в Корсаков показать лекарю. Там он и остался долечиваться после ампутации пальцев на ногах.

Тем временем во Владивостоке уже стали беспокоиться о задержавшемся «Крейсерке». Контр-адмирал Ермолаев отправил телеграмму в Петербург в Морское министерство: «Шхуна «Крейсерок» не возврати-лась начинаю беспокоиться зпт прошу исходатайетво-нать разрешение послать пароход Добровольного флота «Владивосток» который обошел бы берегом до Тюленьего острова тчк «Владивосток» фрахтом не занят и агент согласен тчк»⁵.

«Не могу понять посылки парохода,— написал резолюцию управляющий министерством,—оба берега обитаемы и заселены, имеют туземные лодки для сообщения, если что-нибудь случилось с «Крейсерком» у берегов, то экипаж вполне обеспечен помощью. Спросить Ермолаева, какая цель посылки «Владивостока». Чихачев»⁶.

Ермолаев не мог смириться с отказом и вновь и шовь настойчиво просил послать пароход на поиски шхуны, при этом поясняя, что агент Добровольного флота просит только возместить стоимостъ израсходованного угля.

Под натиском контр-адмирала чиновники Морского министерства уступили, 10 ноября 1889 г. разрешение, наконец, поступило, но только через пять дней из-за всяческих чиновничьих формальностей «Владивосток» снялся с якоря и пошел вдоль приморского берега в полутора-двух милях от него. Время от времени пароход освещался красными огнями фальшфейеров и оглашался свистками, но никакого ответного сигнала моряки не получили. Не видно было и следов

кораблекрушения.

18 ноября около 17 часов, пройдя мыс Крильон, «Владивосток» зашел в залив Аниву. Как только судно бросило якорь, на борт поднялся начальник местной каторжной тюрьмы Шелькинг, который и сообщил морякам о гибели «Розы» и о спасении квартирмейстера Корсунцева. На месте крушения шхуны, как сообщили тогда же, был найден еще один труп, в котором Кореунцев опознал лейтенанта Налимова. Он был похоронен на мысе Терпения.

О «Крейсерке» Шелькинг сообщил, что шхуна заходила в последний раз на Крильон 25 октября и простояла там целый день. Командир «Крейсерка» Дружинин сообщил сахалинцам о гибели «Розы» и о том, что он снял с берега Крыжева и американцев, добравшихся туда на шлюпке. К вечеру того же дня «Крейсерок», по словам Шелькинга, снова снялся в море, взяв курс на Владивосток. В то время на его борту было 2 офицера, 15 русских матросов и такое же число арестованных американцев.

Командир «Владивостока» лейтенант Остолопов, не теряя времени, решил снова выходить в море на поиски шхуны. Пока строились планы, как и где ее лучше искать, через русскую миссию в Японии дошел слух, что в маленьком селении Васякунаи, что находится на северо-западном берегу острова Хоккайдо, погибла какая-то шхуна под русским флагом.

Командир русской эскадры, плавающей в водах Тихого океана, контр-адмирал Шмидт выделил специальную экспедицию в составе лейтенанта Бухарина, доктора Бунге и одного матроса, которые должны были на месте проверить факты, но «Владивосток» до нужного места так и не добрался. В Японском море он случайно столкнулся с японским пароходом «Низами», получил некоторые повреждения и был вынужден встать на ремонт в Нагасаки, а членам экспедиции ничего не ос пиналось, как отправиться из Нагасаки в Хакодате, чтобы оттуда на попутном пароходе попасть в залив Оторунай.

Удивительно, что новости о погибшей шхуне и ее поисках быстро дошли до центральных российских газет, и они публиковали самые противоречивые материалы. Напряжение нарастало, новых сообщений ждали и семьи членов экипажа, и сослуживцы. Управляющий Морским министерством, до которого новости дошли гораздо позднее, чем до прессы, был вынужден в специальной телеграмме во Владивосток выразить «сожаление по этому поводу».

Зима в тот год не баловала жителей Японии хорошей погодой. Сильные снегопады с ураганным ветром отрезали многие населенные пункты. С большим трудом, проваливаясь по пояс в снег, путники добрались до места гибели шхуны. Остатки ее валялись на берегу какой-то бесформенной грудой. В сохранившемся под-лоре шхуны Бухарин прочитал: «Крейсерок». Форште-шчш и ахтерштевень шхуны были целы, но руля не было. Обе мачты оказались выворочены из стесов, и юлька кормовая удерживалась на оттяжках. Бушприт и полубак уцелели, отчетливо на фоне голубого неба вырисовывался штурвал.

В поисках очевидцев кораблекрушения моряки добрались до маленькой японской деревни. Там они познакомились со сторожем Унотакэ, который последним видел «Крейсерок» на чистой воде. Он-то и рассказал, что еще 15 ноября утром увидел на горизонте перевернутый корпус шхуны, который вначале принял за плы-пущего кита. Только на следующий день ее прибило к берегу. Не считая разломанного левого борта, шхуна была почти цела. Унотакэ снял со шхуны андреевский флаг и кое-какое судовое снаряжение.

В том же месте, чуть в стороне от маяка Сои, был обнаружен труп одного из моряков, по татуировке на руке определили, что это матрос Ф. Е. Иванов. Рядом с ним валялись и два разбитых вельбота.

•Позднее нашлись и другие свидетели. Жители этих мест рассказывали, что видели какую-то шхуну 26—27 октября, лавирующую по весту. Эти дни стояли на редкость ураганными, таких не помнили даже старожилы. Скорее всего «Крейсерок» погиб из-за обледенения в ненастную погоду — к такому выводу, высказанному японцами, пришли и русские моряки, хотя, зная всю предысторию шхуны в ее борьбе с браконьерами, не исключали и возможность заговора американцев, находившихся в то время на ее борту.

С горечью воспринял Владивосток весть о гибели «Крейсерка» и его команды. На следующий год, когда пришла пора снова выставить пост на острове Тюленьем, шхуна «Алеут» под командованием капитана 2 ранга В. Ф. Брандта захватила с собой чугунную памятную доску, тщательно отлитую во владивостокских мастерских.

8 мая «Алеут» бросил якорь у мыса Терпения, и моряки сразу же съехали на берег поклониться могиле Налимша, на которой был сложен небольшой крест из камня. Остатки «Розы» все еще валялись на берегу, там же моряки обнаружили и целый вельбот, который подняли на «Алеут».

За несколько часов работа была закончена. Памятник на могиле вышел добротным: на крепком бутовом камне, связанном цементом, был сложен в несколько рядов кирпич, а на нем установлена плита, на которой виднелись имена погибших:

СИБИРСК. ФЛОТСК. ЭКИП.
ЛЕЙТЕНАНТ
АНДР. ПАВЛ. НАЛИМОВ
И МАТРОСЫ Т. ЗЕЛЕНКИН,
П. САВИНОВ И И. ТРАПЕЗНИКОВ
ПОГИБЛИ ОКОЛО ЭТОГО МЕСТА
В НОЧЬ С 15 НА 13 ОКТЯБРЯ 1389 г..

РАЗБИВШИЕСЯ НА КОНФИСКОВАННОЙ «КРЕЙСЕРКОМ» ПРИЗОВОЙ ШХУНЕ «РОЗА»

Над могилой прозвучал траурный салют. Позже командир «Алеута» сообщил командованию, что «памятник вокруг был обсыпан галыкой и все залито цементом, так что можно надеяться, что этот памятник просуществует долгие годы»⁷.

К сожалению, не просуществовал. В наше время могила Налимова потеряна, а плиту замуровали в основание маяка на мысе Терпения.

В 1890 году командир Владивостокского порта издал приказ о сооружении памятника морякам, погибшим на шхуне «Крейсерок». За основу был взят памятник шхуне «Опричник» в Кронштадте. Он представлял собой якорь со сломанным штоком, установленный на огромном камне. Для памятника во Владивостоке был при-1- и гранитный валун с острова Русский. Военный порт выделил шесть чугунных пушек, адмиралтейский якорь, а также отлил из чугуна Андреевский флаг. Деньги на постройку памятника собирал весь Тихоокеанский флот. На своем заседании 27 августа 1897 г. комиссия по установке памятника решила открыть его 25 октября того же года, в предполагаемый день гибели шхуны.

Этот памятник и сейчас находится в сквере Матросского клуба во Владивостоке, напоминая нам о мужестве и героизме русских моряков.

АДМИРАЛ И ВЛАДИВОСТОК

Плаваете ли вы по Усури, занимаетесь ли вы ломкой угля на Сучане или ловлей рыбы на озере Ханка, вы непременно изучаете природу, следовательно, обогащаете науку, но такое обогащение будет полезно для других лишь тогда, когда вы запишете то, что подметите.

С. О. Макаров

Любое судно, входившее в бухту Золотой Рог, привлекало внимание жителей Владивостока, не избалованных обилием зрелищ и развлечений. Особенно следили горожане за тем, как оно будет становиться на якорь: ведь уже по одной этой операции можно было судить о том, что за командир пришел во Владивосток.

Корвету «Витязь» для швартовки оставалось совсем немного места между кормой адмиральского фрегата и адмиральской набережной; в эту щель, казалось, едва ли может поместиться даже небольшой клипер. Дул свежий ветер, создавая тем самым дополнительные трудности, но корвет лихо обогнул корму фрегата, отсалютовав флагу адмирала, и замер точно в положенном ему месте. Только поставленный гюйс да спущенные по бортам шлюпки отметили окончание постановки корвета на якорь.

Был июнь 1887 года. Корветом «Витязь» командовал капитан 1-го ранга Степан Осипович Макаров. - С капи и-кого мостика глядел он на Владивосток, в котором пыл ровно шестнадцать лет и в который не пере ста-ил стремиться всей душой¹.

..Пять долгих месяцев большая семья прапорщика Иосифа Федоровича Макарова добиралась к новому ме-| IV службы — на Дальний Восток, в город Николаевск. И сп, этот путь девятилетний Степа усиленно готовился к поступлению в Николаевское Морское училище, порог которого он переступил в сентябре 1858 года. Впрочем, и чшать это учебное заведение училищем было в те годы трудно: всего в нем училось 12 кадетов. Руководство их обучением было возложено на опытного гидро-1 р;и)а подполковника В. М. Бабкина, его помощником был подпоручик Ф. К. Якимов, который, несмотря на большую разницу в возрасте, быстро подружился с юным Макаровым.

К преподаванию в училище постоянно привлекались шободные от службы опытные офицеры, а каждое лето кадеты старшего отделения проходили практику на суча х Сибирской флотилии. Именно эти плавания делали п,ч воспитанников училища настоящих моряков.

За годы учебы Макарову удалось совершить плава-пняя почти на всех судах этой знаменитой флотилии, побывать во многих крупных портах тихоокеанского побережья России, Америки и Японии.

В апреле 1865 года С. О. Макаров первым закончил Морское училище. В памятный день выпуска контр-ад. мпрал Казакевич сообщил, что «за отличие в поведении, прилежании и выдающиеся успехи в науках не и пример прочим» кадет Макаров производится не в

кондукторы флотских штурманов, а в гардемарины².

Два года после окончания училища Макаров плава-• I и морях Дальнего Востока, теперь уже на правах настоящего моряка заходя в знакомые дальневосточные порты. Особенно нравилось ему приходить в уютную 'л-\ту Золотой Рог, где очень скоро у него появились Чу.чья и знакомые, но перевод на Балтику разлучил на ||<-которое время Макарова с полюбившимся ему горнЮМ

< 'мсдующая встреча с Владивостоком у лейтенанта М.1к;фова, в то время ревизора шхуны «Тунгуз», состоя-| ц-, 14 июня 1871 г., но пробыл он здесь недолго, а за-м-м тишь вернулся в Кронштадт.

И вот новый приход во Владивосток, теперь уже в качестве командира нового крейсера I ранга корвета «Витязь». Должность эту Макаров занял совсем недавно, и, надо сказать, корабль ему достался не самый лучший. В своем дневнике 15 июля 1886 г. Макаров записал: «Какая жалкая индикаторная сила и скорость для небронированного судна в 3000 т.! Корвет можно считать неудачным в смысле хода, но не мое дело об этом разглашать. Дело командира составить имя своему судну и заставить всех офицеров полюбить его и считать несравненно выше других судов, даже и по качествам»³.

Строки эти стали хрестоматийными, потому что они верны не только по сути своей, но и проверены жизнью. Как пишет биограф С. О. Макарова гидрограф-тихоокеанец Б. В. Масленников в своей небольшой работе «С. О. Макаров и Тихий океан», дополнившей капитальный труд другого биографа Ф. Ф. Врангеля «Вице-адмирал Степан Осипович Макаров» в двух частях, изданной еще в 1913 году Главным морским штабом в Санкт-Петербурге: «С. О. Макаров составил имя этому кораблю. Он прославил его своими научными исследованиями, которые были выполнены во время плавания. Корвет «Витязь» вошел в историю не только отечественной, но и мировой океанографической науки»⁴.

Б. В. Масленников побывал в г. Монако и сфотографировал фронтон Океанографического института, где имя «Витязя» записано первым среди научных судов, прославившихся своими океанографическими исследованиями.

Но известность к Макарову и «Витязю» пришла позже, пока же он, счастливый от новой встречи с любимым Владивостоком, и не подозревая о том, насколько удачно сложатся для него последующие годы, любовался с мостика молодым городом и предвкушал радость схода на землю после кругосветного плавания длиной почти в год.

...Туманы, особенно сильные весной и летом, затрудняли подходы к Владивостоку. Многие моряки того времени отмечали слг-бую изученность залива Петра Великого с множеством больших и маленьких островов, изрезанной береговой линией, прибрежными камнями и скалами. Экспедиции подполковника Стенина, которая занималась в тот период гидрографическими исследованиями в заливе, хватало работы с точным определением берегов.

Вот Макаров и выразил желание подключить к работам по исследованию залива и экипаж «Витязя». Учебные занятия корвета были почти закончены, и комм идущий отрядом судов в Тихом океане удовлетвори. ! просьбу Макарова.

Перед началом работ Стенин снабдил Макарова точными координатами всех основных географических точек от Владивостока до реки Туманной и даже назначил на первые дни помощника в лице подпоручика 11 (1. Сергеева.

Обыкновенно работа шла так: корвет шел со скоро-• и,ю около трех узлов, и каждые пять минут за борт оросался диплот. За этим строго следил дежурный офицер, заносивший все данные в специальный журнал.

За 14 дней корвет произвел промеры от мыса Поворотного до мыса Гамова. На основании полученных данных Макаров сформулировал указание для подхода в !\ман >к Владивостоку, которое долго служило моряка |.м⁵.

17 ноября 1887 г. корвет «Витязь» ушел из Владивостока в одиночное плавание по Тихому океану. За пол года он посетил тридцать различных редкопосещаемых портов, собрав о них ценную информацию, и 14 мая 1888 г. вернулся во Владивосток. С 16 по 22 мая Макаров на «Витязе» продолжил начатые в предыдущем году морские съемки, теперь уже на юге Приморья, где о ми из бухт получила название Витязь в честь судна.

Примечательно, что и в наши дни в этой бухте находится дальневосточная база ученых-океанографов.

30 июня 1888 г. в центре Владивостока недалеко от \ чмиралтейской набережной 'было шумно и многолюдно- шла торжественная закладка музея Общества изу-чиши Амурского края, положившая конец долгим спорам о том, быть или не быть музею во Владивостоке.

Звучала музыка. Секретарь Общества прочел над-ц|н I, на приготовленной серебряной доске, которую за-и м положили на углубление в камнях. Присутствующие ц | церемонны почетные гости по очереди сделали несколько традиционных ударов молотком, что было за-н-м повторено членами Общества.

После этого все присутствующие были приглашены к моряку, который устраивался в палатке, сооруженной р ном с будущим музеем, наприками. Завтрак сопровождался дружескими беседами, речами и тостами. Вот что сказал, например, издатель газеты «Владивосток» Н. В. Соллогуб: «Бывший здесь при доке инженер-механик Устинов, подавший в 1883 году мысль об основании во Владивостоке музея, между прочим, высказал уверенность, что наши моряки,

плавающие повсюду у восточных берегов, внесли бы также много интересного в эту будущую школу на далекой окраине. Его мысль осуществилась, и в следующем же году офицеры клипера «Разбойник» доставили молодому музею различные оружия чукчей, черепа и модели. Затем офицеры клипера «Джигит» и других судов не переставали оказывать музею свое содействие. Наконец, и в настоящее время мы видим, с каким живейшим сочувствием отнеслась на рейде эскадра к делу постройки здания для музея. Все это дает нам право быть уверенным, что музей в лице наших моряков всегда будет иметь лучших сотрудников, и таким образом в скором будущем он станет драгоценным памятником на далекой русской окраине»⁶.

Степан Осипович Макаров внимательно слушал Соллогуба. Как и многие моряки эскадры, он сам был активным членом Общества изучения Амурского края с 1 ноября 1887 г. и полностью разделял мнение редактора газеты о том, что моряки способны оказать неоценимую помощь и музею, и Обществу изучения Амурского края в целом.

Сделав глоток шампанского и смахнув несколько капель, нечаянно упавших на его роскошную бороду, Макаров поднялся с места и попросил слова.

«Отвечая на любезное приветствие, я должен сказать, что мы, моряки, в силу своих служебных условий связаны с Амурским краем, который для нас есть второй дом. Мы радуемся успехам Общества изучения Амурского края, и каждый из нас, еще с рейда видя красивое здание музея, будет вспоминать, что и мы тут были не чужими. Настоящее торжество можно назвать необыкновенным. Редкое единодушие высказалось в сочувствии к постройке музея. Здесь вы видите сапера рядом с чиновником, моряка рядом с купцом, инженера рядом с гражданином. Все без различия положения дружно несут свои посильные лепты на алтарь науки. Это момент общего увлечения, но увлечения похвального, увлечения разумного»⁷.

В то время, когда произносились речи* и звучали полчища, среди гостей ходил матрос с громоздким фотоаппаратом на треноге. На ленточке его бескозырки ((шло написано: «Витязь»). По распоряжению Макарова (он снимал все наиболее значительные сцены. На следующий день двести фотоснимков о торжестве были [проданы горожанам за 102 рубля, которые моряки «Витязя: 1н» внесли на счет Общества изучения Амурского (края).

Незаметно в небольших плаваниях и мелких прилежных работах прошло лето. На октябрь был назначен отход корвета «Витязь» и другого корабля эскадры (Тихого океана «Дмитрий Донской» в дальний поход.

На «Витязе» последние дни перед отходом были заполнены многочисленными заботами и делами. 4 октября моряки «Витязя» участвовали в парусных гонках, в которых заняли первое место и получили приз, специально выпущенный из Санкт-Петербурга. На следующий день была гребная гонка, а 6 октября в Морском клубе (состоялся семейный прощальный вечер.

Несмотря на плохую погоду, к десяти часам вечера (клуб был полон. Вначале были танцы под музыку морского духового оркестра, а около часу ночи сели ужимать. Тогда-то от имени моряков и выступил С. О. Макаров.

— Сегодняшний вечер, — сказал он, — будет тем более памятен для каждого из офицеров фрегата «Дмитрий Донской» и корвета «Витязь», что он для них последний. Каждый из покидающих Владивосток уносит теплые воспоминания о приятных минутах, проведенных (в стенах клуба. Мы уезжаем далеко, но и там мы не перестанем вспоминать, что здешний клуб был для нас (вторым домом. Взаимная дружба между офицерами эскадры и членами клуба была искренней. Со стороны клуба делалось все, чтобы мы в его стенах были своими людьми; точно так же и офицеры эскадры стараясь, чем возможно, показать, что они такое внимание [никогда не ценят»⁸.

Не будем подробно описывать это плавание, в котором корвет провел 993 дня, пройдя без малого 60 тысяч миль. «Случаев постановки на мель, падения с марса, преждевременных взрывов, опрокидывания шлюпок (или каких-нибудь других аварий, ведущих к потере или гибели людей, не было»⁹, — такой краткий отчет даст Макаров после возвращения в Кронштадт в конце мая 1889 года.

В течение всего плавания на корвете не прекращались научные наблюдения. Результаты этих исследований и тех, что были сделаны экипажем «Витязя» раньше, вошли в дальнейшем в классический труд адмирала Макарова «Витязь» и «Тихий океан», за который ему была присуждена премия Академии наук и Константиновская золотая медаль Российского географического общества.

Свой обширный труд Макаров посвятил «памяти русских моряков начала настоящего столетия». «Откуда брали силы эти чудо-богатыри начала нынешнего столетия? — писал он. — Не знаешь, кому отдать предпочтение. Каждый из командиров, следуя к месту своего назначения, выбирал непременно такой путь, по которому никто еще не шел, и если почему-нибудь ему приходилось держаться по пути уже пройденному, то он оговаривал эту случайность и приводил те доводы, которые заставили его так поступать. Если встречались острова, тотчас же делалась опись и составлялись карты. Посмотрите лоцию островов Тихого океана, и вы во многих случаях увидите, что остались те карты, которые составили эти бессмертные моряки, и цитируются их замечания и наставления. Капитаны начала нынешнего столетия, оказавшие такие крупные услуги в свое время, сослужат еще не одну службу в будущем, подавая пример любви и преданности к делу морякам, которым предстоит быть капитанами начала будущего столетия»¹⁰.

Где бы ни был С. О. Макаров, ему не была безразлична судьба Дальнего Востока и особенно

Владивостока, города, с которым во многом были связаны годы становления его как моряка, как офицера.

Последний раз контр-адмирал Макаров приехал во Владивосток летом 1895 года, будучи младшим флагманом отряда Тихого океана. В это время имя его стало известно владивостокцам не только как имя выдающегося мореплавателя и ученого, но и как автора нескольких смелых проектов, касающихся Владивостока.

Бухта Золотой Рог в те годы зимой не была судо-ходна, что создавало немало трудностей русским кораблям. «Возможно ли искусственным путем воспрепятствовать замерзанию бухты?» — такой вопрос задавал Ма и сам же отвечал: «Если бы использовать горячую воду заводов и городских систем, а также искусственно подогреть, то потребовалось бы угля 24 356 тонн, то есть такой цифры, которая не допускает мысли о практическом осуществлении этого мероприятия»¹¹.

Но по мнению Макарова в проливе Босфор Восточный и присутствуют теплые нижние слои воды, которые можно смещать с верхними мощными насосами или работой винтов. «Если бы оказалось, что поднятие нижней воды может действительно помешать образованию ле-г.шого покрова, то все дело могло бы быть организо-п;шо должным образом»¹².

Второе предложение Макарова тоже касалось бухты Чилотой Рог, которая из года в год становилась все мельче и мельче. «Обмеление ее происходит главным образом от присыпки земли для образования набережных и от постройки земляных пристаней. Если дело будет продолжаться и впредь так же, как оно шло до сих пор, то прекрасная глубоководная бухта будет в недалеком будущем доступна лишь для каботажных судов. Если только человек начинает портить бухту, природа япляется усердным помощником ему»,¹³ — говорил Ма-каров.

Он предлагал строить во Владивостоке красивые, широкие, прочные набережные, которые не осыпались Гы в бухту, как земляные, и могли бы, по мнению Ма-к.чрова, принести даже пользу в смысле воспрепятство-шшия замерзания рейда.

Все доклады Макарова, все его публичные выступления перед жителями Владивостока по сей день хранятся в библиотеке Приморского филиала Географического общества СССР, составляя ее золотой фонд, под-пждавая правильность еще одного высказывания контр-| гшрала Макарова: «Во имя науки, которой некоторые из нас так страшатся, во имя дела, которое каж-'.1.1.1 и из нас ведет, и, наконец, во имя этого края, кото-|м.п"| каждый из нас любит, я... приглашаю вас, мило-• нише государи, не увозить отсюда с собой познания, приобретенные путем ли исследований или путем житейского опыта, не оставив следа в виде простых, но пр.чидивых записей»¹⁴.

Думается, что эти слова Макарова не потеряли сво» его значения и в наши дни.

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ «ВИТЯЗЬ»

Корвет «Витязь» сел на мель в районе бухты Лазарева.

Положение критическое...

Из телеграммы, командира Владивостокского порта в Морское министерство

В тот апрельский день 1893 года корвет «Витязь», который производил ^промеры у корейских берегов, закончил работу довольно рано, уже к полудню. Дело оставалось только за лейтенантом А. А. Зуровым, исполнявшим на корвете обязанности старшего штурмана: он находился на берегу и проводил астрономические определения некоторых объектов, необходимых для карты. Но он еще утром предупредил, чтобы корвет его не ждал и по окончании работ сразу же снимался в бухту Лазарева, к месту стоянки. Сам же Зуров собирался добраться туда пешком через узкий перешеек.

Командир корвета «Витязь» капитан 1 ранга С. А. Зарин, посоветовавшись с офицерами, решил сэкономить на переходе время и идти не через один из двух южных проливов, а через северный, совсем незнакомый.

Выйдя из залива Гашкевича, который лежит к югу от реки Туманной, и пройдя через пролив, отделяющий южную оконечность полуострова Нахимова от острова Куприянова, «Витязь» направился в проход между камнями, лежащими приблизительно на две мили южнее полуострова. Судя по карте, здесь была глубина от 13 до 18 сажень, правда, в одном месте, с внешней стороны, почти у середины прохода имелось мелководье, показанное на карте неопределенной банкой.

Корвет шел полным ходом, по обоим его бортам матросы бросали лоты. Как только достигли точки, которой пл карте соответствовала пятисаженная глубина, командир уменьшил ход до малого, но вскоре, думая, чт& опасность позади, снова дал полный ход.

Вначале корвет коснулся камней правым бортом, и тотчас же была застопорена машина, но не

прошло и минуты, как удар о камни последовал и с левой стороны.

Аварийные партии обнаружили воду во всех трюмах, и истребления были по всему корпусу. Промеры показали, что корабль сидел на огромной каменной плите: два камня пробиты 200-футовую брешь с правого борта и К)-футовую с левого.

К 16 часам зыбь усилилась, судовые помпы уже не справлялись с водой, поступающей в корпус корвета. На следующий день положение стало еще более сложным, и командир принял решение свезти на берег весь жипаж. В 19.30 был спущен флаг, а в 20.00 командир, лично спустив вымпел, последним покинул борт гибнущего «Витязя».

О кораблекрушении сразу же узнали во Владивостоке и своевременно послали помощь. Около корвета на якорях стояли «Забияка», «Бобр», «Алеут», «Сивуч». 17 мая из Нагасаки пришел «Силач», который привез доковые помпы и водолазов. С борта «Витязя» была снята вся артиллерия, экипаж жил в брезентовых палатках на берегу.

Работе по спасению корвета все время мешала зыбь с норда. 19 мая, когда погода несколько улучшилась, все принялись за дело.

К этому времени левый борт уже лопнул по всей длине, образовав сплошную трещину. Корма была погружена в воду, при зыби волны ходили прямо через палубу. Были повреждены и водонепроницаемые переборки, струнулись с места паровые котлы.

Первая же проба помп «Силача» показала, что они свободно осушают корму, а при заделке пробой пластывером вполне могут осушить и машинное отделение. Но спасению «Витязя» препятствовала погода. 22 мая, когда вновь поднялся ветер и усилилась зыбь, пришлось снова затопить корабль.

Оперативный штаб по спасательным работам решил вызвать из Владивостока два секционных понтона и с их помощью попытаться поднять «Витязь» над камнями. 27 мая под буксировкой «Забияки» понтоны прибыли к месту крушения. Они были поставлены на оба борта корвета и соединены с ним стальными найтовыми, но резко усилившийся ветер заставил прекратить все работы и отвести понтоны в сторону.

31 мая утром от сильных ударов волн оторвалась и затонула носовая часть, а через некоторое время ушла под воду и корма. Над поверхностью остались торчать только две мачты и трубы. Все было кончено. Позднее остатки корвета были проданы японцам за 7 200 долларов.

В начале 1894 года в Санкт-Петербурге состоялся суд. Долго шло разбирательство дела, внимательно заслушивалось множество свидетелей. Заседание длилось около семи часов, «признав командира крейсера «Витязь» капитана I ранга Зарина виновным в том, что при следовании северным проливом в порт Лазарев он не шел самым малым ходом, не имел впереди крейсера паровой шлюпки для показания глубин и держался не середины пролива, чем причинил постановку крейсера на камни, имевшую последствием его гибель, — приговорил его на основании дисциплинарного устава к удалению от командования судном. Все же другие прикосновенные к делу лица признаны невиновными и судом оправданы»¹.

Вина командира в гибели «Витязя» безусловна, но была все же еще одна причина этого кораблекрушения. Только небольшой анализ предшествующих аварий, которые случились также у берегов Приморья, — в 1889 году фрегат «Дмитрий Донской» сел на риф под самой батареей Купера в нескольких саженях от берега, в 1890 году крейсер «Нахимов» сел на камни около Ослиных Ушей, в 1891 году клипер «Разбойник» сел на отмель, и, наконец, знаменитый «Восток» тоже потерпел крушение у острова Стенина, — наводил на размышления.

Дело в том, что в то время в русском флоте сократили якобы за ненадобностью корпус флотских штурманов, и, как верно писала тогда морская газета «Влачи посток» 9 мая 1893 г., «по нашему мнению, «Витязь», погубила не сама карта, а только неполное чтение этой карты, но опять-таки лишь потому, что на ней не были сделаны все НАДПИСИ и насчет некоторых нужно было ДОГАДАТЬСЯ (выделено в газете) <...> И замена настоящей специализации отдела кораблевождения — только специальным дилетантизмом, если можно, так выразиться. На современном судне, стоящем нередко несколько миллионов рублей и еще более ценном в силу необходимости иметь его в данный момент, — штурман никогда не будет лишним и также необходим, как механик». Думается, эти слова, сказанные почти столетие назад, современны и в наше время.

В архиве Приморского филиала Географического общества СССР хранятся несколько деревянных коробок, мл которых написано: «Гибель «Витязя». В них хранятся штативы — иллюстрации к драматическим страницам почти столетней давности. Они до сих пор не отпечатаны, « о них почти никому неизвестно.

...Гидрография навсегда стала смыслом .всей моей жизни.
М. Е. Жданко

Вечером 26 марта 1899 г. в музее Общества изучения Амурского края было многолюдно. Согласно доброй традиции здесь проходил ежегодный отчет гидрографов, ведущих исследование тихоокеанского побережья. Подтянутый молодежавый офицер развешивал на стене карты, среди которых особенно выделялась одна большая, испещренная многочисленными пометками.

«Милостивые государыни и милостивые государи, — начал он свою лекцию,—гидрографические исследования наших владений по побережьям Тихого океана были произведены преимущественно морскими экспедициями, начало которым положил великий преобразователь России — Петр Первый... Здесь вы изволите видеть карту лимана реки Амура, обнимающую все пространство от Де-Кастри до Охотского моря. Это не та новая карта, которая составлена на основании наших работ. Та карта отослана в Петербург, чтобы с «ее к навигации этого года могли быть изданы новые литографированные карты лимана. Здесь же вы изволите видеть карту, составленную специально для настоящего сообщения. Это прежняя карта лимана Амура по описи Невельского и Лаперуза, на которую нанесен контур берегов и Сахалинский фарватер с нашей новой карты в том же, ю, масштабе. Синим обозначен берег по старой <PC, красным — по новой, на основании работ нашей медицины. Как изволите видеть, несогласия в иных местах значительные, в особенности берега Сахалина...»¹. Не спеша, точными фразами гидрограф рассказывал об исследованиях, позволивших уточнить линию берега, дополнить дальневосточную карту новыми данными. Докладчик, а это был Михаил Ефимович Жданко, 44-летний начальник Гидрографической экспедиции Восточного океана, имел к этим исследованиям самое непосредственное отношение. В феврале 1898 года им было получено предписание Гидрографического департамента начать работы к северу от Приморья до выхода в

<>хотское море.

...Один обыкновенный год работы экспедиции Жданко был, как и все другие, наполнен напряженной, обыденной работой. Вся опись Сахалинского фарватера, очень важного для мореплавания, была проведена в два рейса маленького транспорта «Тунгуз» в июле и авгу-

<"к- 1898 г.

Первый рейс был в основном ознакомительным, во время которого нужно было выяснить, что требуется для создания новой карты. Второе же плавание было заполнено бесконечными промерами и морскими съемками. Одних лишь промеров глубин гидрографы потом насчитали более десяти тысяч. В основу новой карты легли определения Старицкого, Стенина и самого Ждан-ко. В результате Сахалинский фарватер был определен г высокой точностью.

Особое внимание Жданко уделил снятию видов бе-|кта, чтобы моряки могли легко их распознать. Впервые на Дальнем Востоке он применил фотографию при описании прибрежной полосы. Обо всем этом рассказывал гидрограф собравшимся, дополняя свой рассказ картами, рисунками, фотоснимками. И все же никаким докладом, даже самым подробным и иллюстрированным, не передать было и малой части тех впечатлений, которые остались у Жданко и его товарищей после эк-гнедиции на Сахалин. В памяти докладчика всплыла

одна сцена,

...Мириады комаров тучами носились вокруг, не да-няя ни минуты покоя. Помощник Жданко мичман Максимов, у которого уже истощился запас терпения, спустился с вершины дюны, где стоял вместе с гидрографом, и подбежал к самому берегу лимана, где прохладный ветерок отгонял этих надоедливых насекомых. Жданко остался один, но не надолго. У подножья дюны послышались легкие шаги, и вскоре вечерний бриз обдал его струей невозможного запаха прогорклого рыбьего жира. Гидрограф невольно обернулся — к нему подходил старый гиляк.

Распознав в Жданко начальника, он пришел пожаловаться ему на свою жизнь, на притеснения японцев, которые подходят к Сахалину для добычи рыбы, а заодно обдирают до нитки местных жителей, на голод, от которого умирают дети.

- Ты будешь в столице, — просил гиляк, — расскажи об этом начальству, пусть помогут и запретят японцам ловить рыбу у Сахалина.

Жданко с тяжелым чувством слушал старика, всячески помогая ему высказаться. Не первый раз обращались к нему и другим офицерам местные жители с такими просьбами, но что могли сделать гидрографы?

Изложив все свои жалобы, гиляк умолк и, сложив руки на груди, стоял безмолвно, глядя куда-то вдаль. Солнце между тем совсем село, и густые тени спустились в ущелья и отроги гор. Лишь вершины их золотились в лучах догорающего дня какое-то время, но вот и они подернулись синевой, тени стали гуще, все в природе смолкло. Воцарилась дивная, чарующая тишина, и на землю спустилась в пышном звездном наряде июльская ночь.

Гиляк стоял, словно застывший, в каком-то благоговейном созерцании красот природы. Жданко подошел к нему, тронул за плечо: «Хорошо?»

Он оглянулся, не видя собеседника, в его глазах светился восторг.

- Хорошо, — ответил он.

- Что хорошо? — переспросил гидрограф.

Гиляк протянул руку по направлению к западу: сумерки еще больше сгустились, и на гладкую, как зеркало, поверхность лимана полная луна бросала свои золотые блики, звезды разгорались все ярче и ярче.

Действительно было очень хорошо. Жданко простился с гиляком, подозвал своего спутника, и они начали астрономические наблюдения².

После описи Сахалинского фарватера на очереди было приморское побережье — от Владимира до Де-Кастри. Этим лично и занялся в 1900 году М. Е. Жданко. (Роки были весьма ограничены. За три недели — имен-1|п на такое недолгое время командир Владивостокского порта выделил в распоряжение гидрографа транспорт «Камчадал» — предстояло сделать описание северного по-

угрожья Приморья.

Жданко справился с нелегким заданием. В результате гидрографических работ, проведенных за три ав-| устовские недели 1900 года, была составлена новая карта, которая исправила многочисленные ошибки пре-•I идущих карт, в том числе перенесла мысы Олимпиады и Сосунова на девять миль в сторону от прежнего

положения.

Русско-японская война смешала все карты гидрографов, разумеется, не исследовательские. Офицеры экспедиции были расписаны на военные суда, многие из них нашли свою смерть вдали от родины. Погибло в боях и описное судно «Ермак», остались в целости только хронометры и дорогие астрономические приборы, находившиеся во Владивостоке. После войны в составе экспедиции остались только Жданко со своим помощником да пять матросов, а ведь совсем недавно она насчитывала 73 человека!

Кумирами Жданко были два адмирала: Г. И. Не-нельской и В. С. Завойко. 18 мая 1908 г., когда во Владивостоке торжественно отмечали пятидесятилетие со дня заключения Айгунского договора, на юбилейном заседании в Обществе изучения Амурского края выступил М. Е. Жданко, предложив весь сбор от продажи брошюры с материалами этого заседания отдать в фонд памятника адмиралу Невельскому в Николаевске-на-Амуре³.

Одновременно участвовал Жданко и в сборе средств на памятник адмиралу Завойко во Владивостоке, а при открытии памятника выступил с речью:

- Мы только что возлагали венки на памятнике первого, незабвенного Геннадия Ивановича и> пришли оттуда сюда, чтобы присутствовать при открытии памятника второму и возложить на него венок, дань уважения и признательности. ...Прими же от нас, Василий Степанович, этот памятник, сооруженный на пожертвования со всех концов нашей родины, как скромную дань беспредельного уважения к тебе всей России, а эти живые цветы пусть скажут тебе о всегда живой любви и благодарности морской семье, которой ты своими деяниями подарил одну из самых славных страниц истории русского флота»⁴.

13 июля 1908 г. во Владивосток прибыло давно ожидаемое гидрографическое судно — транспорт «Охотск», построенный в том же году в Англии. Это был небольшой пароход, с полным водоизмещением всего 1000 тонн, совсем непригодный для морских исследований. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы на нем могли разместиться шесть офицеров и 60 человек команды, то есть третья часть всей экспедиции. Единственное важное преимущество было у «Охотска»: он мог находиться в море без бункеровки 50 суток.

Помимо основного судна в состав гидрографической экспедиции вошли два вспомогательных — шхуны «Лебедь» и «Альфа». За три навигации с 1909 по 1911 год гидрографами был составлен новый подробный план Авачинской губы и Петропавловской гавани, обследовано западное и восточное побережье Камчатки, осмотрена часть побережья Охотского моря. Морскими про- мерами было обследовано 25 тысяч и шлюпочными 10 тысяч верст⁵.

Одной из основных задач Жданко было наблюдение за морскими течениями. По его указанию с борта судна в разных местах Японского моря было сброшено 10 тысяч бутылок с записками. Из них найдено 219. Население бережно относилось к посланиям гидрографа. Бесхитростными записками люди сообщали ему о времени » месте находки. Обездчик из поста Ольги, нарисовав схематичный план, приписал: «Я эту бутылку видел в июне месяце, но не обратил внимания, не заметив в ней письма, а сейчас заметил письмо и взял с собой. Нашел эту бутылку, идя с охоты на молодых уток». В другом письме Жданко прочитал короткие фразы: «Нашла 25 мая в пять часов утра. Крестьянка Анюта Кузнецо* ва, 17 лет»⁶.

Неожиданную помощь в определении течений оказала и прошедшая война. Масса мин, поставленных на море в военное время, течение выносило на берег. Эти смертоносные «бутылки» сразу же брались на учет гидрографами. Сноп линий от бутылок с записками и от мин дал на карте общую картину течений Японского моря.

Беспокоило Жданко и маячное дело — вопиющая Нужда Охотского моря, в котором не было в те годы ни одного маяка. Местом для первого маяка Охотского моря Жданко выбрал южный берег острова Спафарье-па. Не потому, разумеется, что Л. В. Спафарьев, чьим именем назван остров, имел в свое время самое прямое отношение к маякам, целый ряд причин делали

это место наиболее подходящим для установки маяка. Рядом находились бухты Беринга и Шестакова, прекрасные места, где можно было бы спрятаться от шторма любого направления, а сам остров располагался на середине всего северного побережья Охотского моря.

«Его надо поставить на южном берегу, — писал >\. Е. Жданко, — на таком месте, чтобы он светил не только в море, но и вглубь Тауйской губы. При нем нужно поставить и сирену, так как Охотское море — дарство туманов, и пусть этот первый в Охотском море маяк, носящий имя того, кто правильно поставил маячное дело в России, будет первым светочем в Охотском море, вслед за которым загорятся и другие: зажгутся маяки, маячные и портовые огни, светящиеся бакены, которые облегчат и обезопасят мореплавателю его тяжелую и ответственную службу в суровом, бурном и негостеприимном Охотском море»⁷.

И по сей день маяк Спафарьева, установленный на одноименном острове, указывает путь морякам. Он уже не такой, как тот самый первый маяк Охотского моря, установленный при Жданко, но тем не менее — наглядное свидетельство вклада гидрографов того времени в безопасность мореплавания, в исследования дальневосточных морей.

С тревогой замечал Жданко, что все меньше остается свидетельств героической обороны Петропавловска-Камчатского в 1854 году. В одной из статей он писал: «Любимым местом -прогулки жителей Петропавловска служит в настоящее время дорожка, скорее тропинка, идущая по склону Никольской горы от пристани к перешейку между горой Никольской и горой Сигнальной. Тут поставлена скамейка, тропинка обрывается... Но продолжите ее, эту тропинку дальше по склону Сигнальной горы, и она доведет вас до батареи № 1.

Поставьте тут хотя бы скромные обелиски с подобающими надписями, проведите удобные дорожки к батареям №№ 4, 6, 7, поставьте на них хотя бы доски с надписями. Это надо сделать, иначе на месте славной батареи появится амбар с товарами, какой-нибудь склад, обывательский дом, трактир, и память истинных героев долга будет легкомысленно поругана.

...Они пробудят в душе русского человека лучшие порывы и пополнят сердце его отрадным, светлым чувством любовной преданности родине и национальной гордости!»⁸

Показательно отношение гидрографа и к увековечиванию имен исследователей на географической карте. «По поводу географических названий местности, — писал он, — я невольно вспоминаю характерный случай, бывший не так давно, в то время, когда морским министерством управлял покойный адмирал Шестаков. В то время в Ледовитом океане у берегов Новой Земли находилась в крейсерстве одна из наших военных шхун, которая производила небольшую работу в одной из бухт на западном берегу Новой Земли. Составили кроки этой бухты, где увековечили имена всех участников этой маленькой работы. Когда кроки были представлены управляющему морским министерством, почтенный адмирал внимательно рассмотрел его и, увидев все фамилии офицеров шхуны, спросил докладчика, во сколько дней исполнена эта работа. В два дня, был ответ.

- Как? — вспыхнул адмирал. — Работа двух дней, а я вижу тут фамилии всех офицеров шхуны? Прикажите немедленно все это счистить и поставить все самоедовские имена, которые раньше стояли на карте.

Таков был финал и хороший урок пустому тщеславию. Назвать что-либо своим именем так легко, так просто, но совсем иное дело, когда потомство или современники, ценя истинные заслуги, увековечивают память честного работника. И у нашего побережья мы видим назидательный пример»⁹.

К этому остается только добавить, что современники и потомки высоко оценили вклад М. Е. Жданко в дело изучения морей Дальнего Востока. Еще в 1912 году известным геологом П. В. Виттенбургом в честь гидрографа были названы бухта между мысами Огородный и Мелководный на северном берегу бухты Новик острова Русский и мыс на северном берегу бухты Патрокл на полуострове Муравьева-Амурского в заливе Петра Великого.

ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Семь лет плодотворной научно-исследовательской деятельности А. И. Черского при Владивостокском музее оставили настолько прочные следы, что и до сего времени, спустя 37 лет после смерти Александра Ивановича, заслуги его перед музеем и в деле изучения фауны Приморья остаются яркими страницами и в история исследований природы края.

А. И. Куренцов

В одном из архивных дел Общества изучения Амурского края, которые во множестве до сих пор

хранятся во Владивостоке, лежит пожелтевшее письмо, написанное неровным женским почерком: «Многоуважаемый Владимир Клавдиевич! Обращаюсь к Вам от лица матери Александра Ивановича Черского. Сообщите, что Вам известно о ее сыне. Он много сделал по исследованию Южно-Уссурийского края, и теперь, читая о колоссальном развитии научной работы в крае, невольно задумаешься, неужели забыт всеми и так бесследно про-п.1.1 Александр Иванович Черский, бывший консерватором музея во Владивостоке в течение семи лет и уехав-иши на Командорские острова. Еще раз Вас прошу сообщить об Александре Ивановиче, что Вам известно. Старуха мать его умоляет Вас об этом и с нетерпением ждет от Вас скорого ответа. Мария Николаевна Черская-Лункевич, 29 декабря 1925 г. гор. Орша»¹,

Рукой Арсеньева, а это ему было адресовано письмо, написано на нем простым карандашом: «Умер в 1921 г. Похоронен на о. Медном. Давно известно, неоднократно было в печати. Удивляюсь, что она об этом не знала. Грустно сообщать о новом соболезновании».

...Лето 1879 года выдалось настолько жарким, что зной, казалось, был разлит в воздухе. Дождей не было с самой весны, и деревянный Иркутск высох до такой степени, что достаточно было искры, чтобы вызвать огонь.

Бедя не заставила себя ждать. Особой комиссии позднее так и не удалось выяснить, от чего начался ужасный пожар, но Иркутск вспыхнул, как будто его подпалили специально со всех сторон.

Огромными факелами вспыхивали дома, рушились крыши, огонь неудержимо распространялся, охватывая целые кварталы. Борьба с ним было невозможно, и жители, спасаясь, бежали из города.

Мавра Петровна Черская, на последнем месяце беременности металась из угла в угол своего дома, опасаясь выйти на улицу и понимая в то же время, что оставаться в доме тоже небезопасно. В какой-то миг она вспомнила о своей сестре, жившей неподалеку от города, в Александровском заводе. К ней, только к ней!

На улице, уже освещенной заревом приближающегося пожара, Мавра Петровна влилась в толпу беженцев, а потом какое-то сердобольное семейство, потеснившись, взяло ее к себе в повозку.

И вот на лесной дороге по пути к Александровскому/ родился мальчик, названный Александром. Отец его, известный путешественник Иван Дементьевич Черский,, о рождении сына узнал гораздо позднее, уже вернувшись из далекой экспедиции.

Судьба Черского-старшего является ярким примером беззаветной преданности науке. Литовец по национальности, он 19-летним юношей принял участие в польском восстании 1863 года. После его поражения был осужден и сослан в Сибирь. Тогда-то у И. Д. Черского и проявился яркий талант исследователя. Активная работа в Восточно-Сибирском отделе Географического общества позволила ему совершить несколько выдающихся открытий.

После 22-летней ссылки Черскому с женой и сыном было разрешено выехать в Петербург. По приглашению Академии наук он стал работать в одном из ее отделов. Семья Черских поселилась в небольшом домике на 14-й линии Васильевского острова, Саша поступил учиться в 9-ю мужскую гимназию.

Вскоре по инициативе И. Д. Черского Академия наук снарядила экспедицию на Чукотку, которую он и возглавил. Его сопровождала и жена в качестве зоолога. Одиннадцатилетнего Сашу было решено оставить в Петербурге в семье профессора В. Л. Бланки, но, увидев, как глубоко мальчик переживает предстоящую разлуку с родителями, они взяли его с собой.

Три года продолжалась экспедиция по Якутии и Чукотке, и все это время юный Александр Черский стойко делил трудности пути со взрослыми исследователями. Больше того, благодаря пылкому уму, любознательности и хорошему характеру мальчик был помощником родителям в научной работе. Он собирал кол-лекции, вел путевые дневники, зарисовывал виды гор/ и тайги.

Летом 1892 года во время плавания по Колыме экспедиция осталась без руководителя, а Саша Черский без отца. Несмотря на тяжелое состояние И. Д. Черского, он не позволял прервать исследования ни на один день и до последнего своего часа продолжал начатую работу.

Исследователя похоронили у заимки Колымской, немного выше устья реки Омолон, и с этого дня Александру Черскому вместе с матерью предстояло закончить отцовские исследования. Если раньше он был ребенком, по мере сил помогавшим родителям, то после смерти отца мальчик мгновенно повзрослел, теперь уже, на его плечи легла самая тяжелая работа.

По возвращении в Петербург Александр Черский блестяще закончил гимназию, а затем физико-математический факультет университета. Как стипендиату Академии наук ему было дано право остаться работать в Петербурге, но у молодого Черского были другие планы. «Если уж быть преемником отца, то во иссм», — решает он, задумывая вслед за Черским-старшим посвятить свою жизнь изучению Дальнего Востока.

Попасть во Владивосток ему помог счастливый случай. Директор Русско-Китайского банка по фамилии Кон, будучи в Петербурге по делам, искал учителя для Подготовки сына в Кембриджский университет. Ему рекомендовали Александра Черского, которому Кон предложил очень хорошие материальные условия и даже поездку в Японию.

Черский обрадовался возможности уехать из Петербурга. Во Владивостоке он с первых же

дней занялся преподавательской работой, а закончив свои занятия, шел в музей Общества изучения Амурского края. Там для него были все условия для изучения природы Уссурийского края, и нередко он проводил за работой в музее ночи напролет.

28 марта 1908 г. был радостным днем для А. И. Черского: Распорядительный комитет Общества изучения Амурского края на своем заседании пригласил молодого ученого занять должность консерватора музея и постановил ассигновать триста рублей для проведения экспедиции на озеро Ханку.

Экспедиция была рассчитана на пять месяцев. Кроме Черского, в ее состав входили препаратор С. В. Дюкин и сотрудники Н. В. и М. В. Дюкины. Снаряжение для экспедиции было приобретено на средства Общества, а, кроме того, в распоряжение Черского было прислано оборудование из Зоологического музея Академии наук.

В основном экспедиция работала в районе Камень-Рыболова, занимаясь обором орнитологических и ботанических коллекций. Научные результаты ее были опубликованы в Записках Общества изучения Амурского края.

На следующий год Черский и препаратор А. А. Та-робаров продолжили работу на Ханке, дополняя коллекции. На этот раз вместе с ним в экспедиции была его жена, Мария Николаевна Черская, с которой он познакомился еще в Петербурге, будучи студентом, и привез ее на Дальний Восток уже женой.

Косвенное участие в экспедициях А. И. Черского принимали и видные ученые: профессор В. Л. Комаров, разбиравший ботанический материал, и орнитолог С. А. Бутурлин.

Отчет Общества изучения Амурского края за 1911 год начинался так: «Наиболее выдающимся событием в жизни Общества следует считать снаряжение экспедиции для исследования фауны и флоры лесной области Уссурийского края»². Речь шла об очередной экспедиции А. И. Черского. Любопытно, что средства на нее были получены с музыкального вечера, устроенного местными артистами и любителями в Му-|се Общества с благотворительными целями. Результаты экспедиции, которые специалисты оценили очень высоко, были опубликованы в ближайшем томе Записок ОИАК, а на следующий год Черский был избран членом Русского энтомологического общества и Биогеографической комиссии ИРГО.

Казалось, жизнь Черского вошла в надежную колею и не свернет с нее: он имел любимую работу, которой отдавался полностью, ежегодно бывал в экспедициях, воспитывал учеников. Он создал первые в Му-|се энтомологические коллекции, с увлечением собирал экспонаты для ихтиологических коллекций. Он знал практически все о птицах Дальнего Востока и мог бы сч) временем сделаться крупным специалистом-орнитологом. Мог бы, если бы не разлад, наметившийся к 1914 году то ли в семейной жизни Черского, то ли в его душе.

Сохранилось крайне мало сведений о последних годах жизни А. И. Черского. Известно лишь, что летом 1914 года в экспедиции на шхуне «Сторож» по заливу Истра Великого его сопровождала уже не жена, постоянная участница всех его предыдущих поездок, а молодая сотрудница Музея Н. П. Стояновская. А 15 февраля 1915 г. А. И. Черский оставляет должность консерватора и поступает на службу в Управление рыбными и морскими звериными промыслами, получив назначение старшим наблюдателем на Командорские, острова.

В своем письме от 24 февраля 1915 г. он писал. Г. К. Ароеневу: «Проработав 6 лет я полагал, что мне' ч идут роль руководителя и при демонстративных рабо-тах. Комитет же увлекает музей верить человеку, ко-чорый очень мало общего имеет с нашим интересом: оогатого края. Я ухожу со спокойной совестью, что, мною все-таки кое что сделано и при таких скверных: условиях, при которых приходилось работать. Один орнитологический атлас включает в себе около 4000 определений, среди которых есть много таких вещей, которые привлекли бы Британский музей. Ухожу с твер-|ым намерением, что и на Командорских островах мне найдется время для работы по исследованию при роды. Сердечно желаю Вам, глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич, продолжать с таким же успехом наши так славно начатые работы. А жаль покидать интереснейший Уссурийский край»³.

В течение пяти лет, проведенных на острове Медном, научные исследования Черского были связаны с его повседневной служебной работой. На Командорах он нес хлопотные обязанности по наблюдению за песцами и морскими промысловыми животными, в основном, котиками, отвечал за их охрану. Материалы по изучению голубого командорского песка, вошедшие в большую работу «Командорский песок», наблюдения за морскими животными и намеченные Черским мероприятия по оздоровлению промысла морских животных бы--ли впоследствии учтены и в годы Советской власти •взяты за основу при проведении работ по преобразованию природных богатств этой отдаленной части страны.

Смерть А. И. Черского была загадкой для окружающих. Он принял морфий и в завещании ничего не написал о мотивах, побудивших его к самоубийству. Это завещание и рукописи, которые Черский просил передать во Владивосток, после его смерти бесследно ис-'чезли. Наши неоднократные попытки разыскать их результатов пока не дали.

Безвременный уход из жизни Александра Ивановича Черского (ему шел всего лишь сорок второй год) не позволил завершить научные исследования, начатые на Командорах, но и того, что сделано им за прожитые годы, с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней.

ГЕОЛОГ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ

«Вперед, только вперед!»

П. В. Виттенбург

Мальчишки гребли изо всех сил, но неуклюжий тяжелый ялик едва приближался к пароходу, уже снимающемуся с якоря. Вот раздался сиплый гудок, дали ход, и за кормой «Киева» показался пенный бурун. Оба юных гребца, поняв, что пароход им не догнать, поднялись в лодке в полный рост и, размахивая руками, закричали во весь голос: «Пашка, возвращайся! Пашка, Возвращайся!»

Мальчишка постарше взял лежавшее рядом ружье «монтекристо» и в знак прощания выстрелил в воздух. Пассажиры на верхней палубе с любопытством наблюдали за этой трогательной сценой. Среди них был и худенький парнишка лет пятнадцати. Он давно уже ш метил своих друзей на лодке и с волнением следил за их попытками приблизиться к пароходу. Услышав крики, мальчик выдернул руку из ладони молодой женщины и, сорвав с головы картуз, замахал им изо псех сил, а потом бросил его в море. Стесняясь невольных слез, он отвернулся от окружающих его людей.

Павлу вспомнилось, как недавно мать вызвал к себе директор Владивостокской мужской гимназии и имел с ней долгий и неприятный разговор, а потом вручил кондуит с пометкой: «Отчислен за нерадение к наукам». Руководство гимназии не особенно церемонилось с сыном какого-то телеграфиста, Владимира Ивановича Виттенбурга, сосланного во Владивосток за участие в польском восстании 1863—1864 гг., тем более что мальчик не отличался особым старанием и примерным поведением.

Да и Мария Ивановна Тыдельская, жена В. И. Виттенбурга и мать Павла, женщина гордая и независимая, считала ниже своего достоинства просить за сына, добиваясь смягчения сурового приговора, хотя она и понимала, что это усугубит и без того трудное материальное положение большой семьи, потерявшей к тому времени кормильца.

Зато потом, по возвращении матери домой, гордость свою пришлось демонстрировать уже Павлу, который несколько дней обедал стоя, ибо традиционным наказанием Марии Ивановны, весьма строгой по отношению к детям, были розги.

«Дом, в котором жили мои родители, — писал позднее П. В. Виттенбург в своей автобиографии, — стоял на окраине города. Как-то раз к нам во двор забежал бурый медвежонок, которого мы, мальчишки, загнали под навес, и он был пойман на аркан, затем продан в зоологический парк в Шанхай за десять рублей. На вырученные деньги был куплен «монтекристо» — мелкокалиберное ружье, с которым я любил ходить в лес стрелять бурундуков и других мелких зверьков, препарировать которых научился у французского натуралиста Бонхоюа. В это время подготавливались материалы для Парижской Всемирной выставки 1900 года, и во Владивосток приехала французская экспедиция за сбором естественно-исторического материала для выставки. Таким образом и у меня составила небольшая, но интересная коллекция фауны Уссурийского края»¹.

Другой гимназии во Владивостоке не было, и пока взрослые члены семьи раздумывали, что делать с недоучившимся парнишкой, пришло письмо от старшей сестры Елены, которая с мужем жила в Либаве (Лиелпае). Было решено отправить Павла к ней в сопровождении средней сестры Каролины.

Нагасаки, Сингапур, Коломбо, Аден... Это пятидесятидневное морское путешествие произвело сильное впечатление на мальчика. Не тогда ли зародилась в душе будущего ученого страсть к путешествиям, исследованиям, познанию неизведанного?

И вот, наконец, пароход бросил якорь в Либаве. Вскоре Павел был принят во второй класс реального училища. Здесь дела его пошли несравненно лучше, чем во Владивостоке, где преподаватели за непоседливостью и непослушанием мальчика не смогли разглядеть ни его любознательности, ни разносторонности интересов. При переводе из третьего в четвертый класс реального училища в кондуите П. Виттенбурга классный наставник сделал такую запись: «Ничего не могу сказать, кроме хорошего».

Начиная с четвертого класса Павел поставил перед собой ясную цель — получить высшее образование. Для этого нужны были средства, и он начинает подрабатывать частными уроками и репетиторством. Последние два года в училище он успевал еще и заниматься с рабочими в

так называемых воскресных школах, для чего составил учебник арифметики.

К этому времени он жил уже отдельно от сестры, самостоятельно сняв комнату с пансионом. На одной п.ч. фотографий он запечатлен в своей комнате — перин в кабинете будущего ученого, где основное место занимает письменный стол с полками книг по обе стороны, с микроскопом, черепами человека и мелких животных, фотографиями родных.

Кстати, фотография была одним из увлечений П. Виттенбурга. В Либаве он много фотографировал бытовые сцены и пейзажи (и даже самого себя) аппаратом собственного изготовления. Кроме того, он любил спорт. Купил велосипед и для того, чтобы самому уметь кататься, поступил учеником в ремонтную мастерскую. Зимой катался на коньках, и фигурное катание осталось страстью П. Виттенбурга на всю жизнь.

В 1905 году реальное училище было закончено с отличием, и наступили студенческие годы. Сначала Виттенбург поступил по конкурсу баллов в Рижский политехнический институт на кораблестроительное отделение, но вскоре из-за забастовок занятия в институте были прерваны, и он отправляется за границу, в германский городок Тюбинген, где можно было жить на небольшие средства и который славился своим университетом. В нем студенты сами назначали для себя курсы лекций, которые они хотели прослушать. Виттенбург в качестве основного предмета выбрал геологию, а дополнительных — химию и ботанику. За отличную учебу в университете Виттенбург был премирован поездкой с научной целью в любую внеевропейскую страну. Надо ли сомневаться в том, что талантливый студент выбрал Дальний Восток. Собранный в окрестностях Владивостока геологический материал послужил темой для докторской диссертации.

И вот университет закончен, докторская диссертация блестяще защищена. Виттенбург возвращается в Россию и становится сверхштатным сотрудником Геологического комитета Академии наук. Основной темой его исследований остается геология Уссурийского края, но в семейной жизни наметились явные перемены.

Еще в 1904 году, будучи «реалистом», он познакомился в Москве с семьей своих очень дальних родственников Разумихиных, в которой были две молоденькие девушки-гимназистки. Через несколько лет, когда Виттенбург снова встретился с ними уже в Петербурге, младшая Вина была студенткой Женского медицинского института. Она и стала женой начинающего ученого, с которым в течение всей долгой жизни будет делить и радости научных открытий, и горести жизни, их тоже было немало в судьбе Виттенбурга.

В январе 1910 года они обвенчались в маленькой петербургской церкви, священник которой согласился обвенчать невесту без причастия: студентке-медичке было не до церковных обрядов, учеба интересовала ее куда больше. У жениха не было достаточного заработка, чтобы купить себе подобающий случаю костюм, и он занял его на время у кого-то из друзей. Хуже было с ботинками. Подходящего размера ни у кого не нашлось, и Павел Владимирович надел то, что имелось в наличии, а потом, когда настала пора встать перед алтарем на колени, очень беспокоился, не заметят ли гости дыры на его подошвах.

Всю свою жизнь П. В. Виттенбург так и остался бессребреником, несмотря на многочисленные научные титулы и звания. Единственным его увлечением, на которое он позволял себе тратить деньги, не раздумывая, были книги.

В 1912 году П. В. Виттенбурга избрали на должность младшего ученого хранителя Геологического музея Академии наук. В это же время военное ведомство нанимало во Владивостоке и его окрестностях обширные строительные и фортификационные работы, и по просьбе Инженерного управления Виттенбург был назначен по совместительству главным геологом по постройке крепости Владивосток.

Общество изучения Амурского края воспользовалось этими работами в своих целях. Председатель ОИАК Н. М. Соловьев, зная, что полуостров Муравьева-Амурского слабо изучен в геологическом отношении, предложил Виттенбургу составить геологическую карту полуострова.

В течение всего лета 1913 года геолог, где на лодках, где пешком исследовал окрестности Владивостока. В результате была составлена карта, сразу же изданная ОИАК. На ней появились некоторые новые географические названия — те, которые сам геолог дал безымянным ранее объектам. Новая геологическая карта Виттенбурга была удостоена Обществом изучения Амурского края премии имени Ф. Ф. Буссе.

В том же году по поручению Академии наук геолог впервые принял участие в полярной экспедиции под руководством знаменитого полярника Р. Л. Самойло-Нпча на пароходе «Мария» и боте «Груммант». Он занимался исследованием угольных месторождений на острове Шпицберген и обогатил геологическую науку важными открытиями.

По возвращении из первой полярной экспедиции геолог сдает в Юрьевском, ныне Тартуском, университете экзамен на звание магистра геологии и геодезии, по это событие для него отнюдь не означает переход к спокойной преподавательской деятельности, а напротив, энергичный и целеустремленный ученый с головой окунается в практическую работу.

В течение многих лет не было ни одного года, когда бы геолог Виттенбург все двенадцать месяцев безвыездно жил дома. Реки Северного Кавказа, Енисей и Енисейский залив, Кольский полуостров, Новая Земля, Якутия — везде находилось дело для этого неутомимого человека. А ведь при этом он оставался ученым хранителем Геологического музея (позднее стал заведовать Полярным отделом музея), читал лекции, писал монографии!, продолжал заниматься геологией

полуострова Муравьева-Амурского.

В конце 1916 года была издана книга, вместившая в себя результаты исследований Виттенбурга в Приморье. Ее автор посвятил председателю ОИАК Н. М. Соловьеву. Вот что написал Н. М. Соловьев в ответ на получение экземпляра в подарок: «...я не ожидал, что труд Ваш выйдет такой объемистой книгой, яе ожидал такой массы иллюстраций, такой изящной внешности книги, особенно ввиду тяжелых условий военного времени. Приятным сюрпризом явился исторический очерк исследований Уссурийского края, старые карты, сотни ссылок на источники. 15 том вышел объемистее, чем все предшествующие 14 «томов» вместе взятых, научную же ценность 15 тома нечего и срав-. кивать с предшествующими. Я счастлив, что такой труд, такой том изданий Общества вышел по геологии, а не по другому отделу естествознания; я рад, что он касается окрестностей Владивостока, а не каких-то тущоб и дебрей края, где нет людей, нет молодежи, нет жутких съемок, откуда «хоть три года скачи — ни до какого государства не доскачешь». Я боюсь, что труд издан в слишком малом числе экземпляров, что он скоро разойдется, а второе издание, бог знает, когда выйдет. Тем приятнее, что я был тронут тем, что эту книгу Вы посвятили мне; моя заслуга в деле исследования края в геологическом отношении исчерпывается тем, что я давно настойчиво желал, чтобы окрестности Владивостока были исследованы знающим человеком, что я мечтал о хорошей книге и о систематической коллекции по петрографии окрестностей города. Когда я смотрел на карты геологических маршрутов и видел белую бумагу с редкой сетью разноцветных шнурочков по малоизвестным дебрям Сибири, я чувствовал необходимость исследовать детально хотя бы 400—500 кв. верст около культурного центра, надеясь, что такие детальные исследования прольют такой свет на тектонику областей, пройденных геологами, наподобие казацких набегов на Приамурье в 17 веке. Я жалел, что даже исключительно удачные результаты поездки Мар-гаритова в 1888 году не вызвали в течение четверти века детального исследования геологии полуострова знающим человеком. Чудно, что геология окрестное; гй Владивостока мало интересовала горных инженеров: нет золота, нет выходов руды — значит нет ничего интересного, — «камень, да и тот скверный»... Коротко сказать, я несколько сконфужен, что мои стремления нашли столь лестную награду, как посвящение мне Вашего капитального труда»².

Великая Октябрьская социалистическая революция частала П. В. Виттенбурга во время геологических работ в Уссурийском крае, где он был начальником очередной экспедиции по изучению геологии берегов залива Петра Великого. Ни дневники, ни письма геолога не сохранили высказывания об его отношении к революции, но зато широко известно, как ответил президент Академии наук А. П. Карпинский на запрос Со-ветского правительства, может ли рассчитывать оно на помощь и содействие со стороны ученых: «При новом строе, при новом правительстве продолжать по-преж-псму всю свою научную работу... принять участие в разрешении тех научных проблем, которые жизнь поставит перед новым народным правительством»³.

Оставшись работать в Академии наук, Виттенбург не мог не разделять этого мнения, и мы видим, что ися дальнейшая жизнь ученого с первых послереволюционных лет была подтверждением его преданности науке, направленной на нужды нового общества. Молодой стране нужны полезные ископаемые — и геолог, имея на руках мандат комиссариата торговли и промышленности, открывает в 1918 году месторождение железной руды на мысе Мишукова в Кольском заливе; встает вопрос об исследовании советского Севера — и Виттенбург входит в состав Северной научно-промышленной экспедиции; требуется определить перспективы развития народного хозяйства Якутии — и он становится ответственным и ученым секретарем Якутской комиссии.

Свои научные задачи П. В. Виттенбург видел и в просветительской деятельности. Как ни был он занят па основной работе, ученый заботится о распространении географических знаний: зимой 1918—1919 гг. он читал курс лекций по истории исследований Арктики и Антарктики на Высших Географических курсах впоследствии в Географическом институте, где состоял профессором и заведовал кафедрой Полярных стран.

В 1919 году по месту жительства в пригороде Петрограда — пос. Ольгино — он организовал среднюю трудовую школу с мастерскими по обработке дерева и металла, с электротехнической лабораторией, а в последующие годы в соседнем поселке Лахте вместе с другими энтузиастами — краеведами создал экскурсионную станцию и при ней музей природы Северного лобережья Невской губы, которыми руководил на общественных началах вплоть до 1930 года.

Все последующие годы научные интересы П. В. Вит-тенбурга были связаны с Арктикой, недаром в наши дни его бюст установлен в одном из залов Музея Арктики и Антарктики в Ленинграде, но многие из дальневосточных исследователей помнили его по совместным экспедициям. «В его внешности — писала геолог Е. А. Киреева, — меня поразило сочетание совершенно белых седых волос, увенчивающих голову, и молодых, несколько насмешливых карих глаз. Помню, как в то-погеодезическом отделе управления, где готовился картографический материал для Вайгачской экспедиции, один из сотрудников предложил ему закурить. Он в ответ улыбнулся иронически и сказал: «Этой болезнью я не болен». В его спокойной уверенности, кратких, конкретных распоряжениях чувствовалось, что организация крупных

полярных экспедиций для него дело не новое. ...Будучи по натуре человеком деятельным и к тому же внимательным к другим, особенно, к геологам-женщинам, Павел Владимирович проявлял эти качества и в быту. Так, при приготовлении пищи в экспедиционных условиях он старался максимально разгрузить женщин, взяв на себя всю черновую работу: подготовку дров и воды, разжигание костра, чистку рыбы, картофеля и других овощей. Эти прозаические дела он умел чередовать с приятным отдыхом. В вечерние часы Павел Владимирович любил посидеть у костра, любясь причудливыми языками пламени, охватывающими новую порцию подброшенных веток, любил поговорить при этом о поэзии, музыке или, отойдя от костра, полюбоваться уже темным звездным небом, отыскивая на нем красавицу Венеру, Полярную звезду или ковш Большой Медведицы»⁴.

Виттенбург прожил интересную и счастливую жизнь. Он умер, в январе 1968 года и похоронен в г. Зелено-горске, где жила семья Виттенбургов. На могиле геолога и ученого, согласно его воле, был поставлен дикий валун.

УЧИТЕЛЬ АРСЕНЬЕВА

Я не могу вычеркнуть из своей жизни Н. А. Пальчевского, который взял на себя заботу о моем краеведческом образовании и который свел меня с целым рядом интереснейших людей. Общение с ними дало мне много научных знаний и указало истинные пути в дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

В. К. Арсеньев

Есть скромные труженики науки, чьи имена остаются неизвестными широкому кругу людей, и если о них когда-либо вспоминают, то только потому, что их жизнь оказалась каким-то образом связана с жизнью выдающихся деятелей. Таким ученым и был Николай Александрович Пальчевский, которого В. К. Арсеньев с гор-юстью называл своим учителем и говорил, что только олагодаря ему занялся исследованиями на Дальнем Востоке.

Н. А. Пальчевский родился 1 октября 1862 г. в не-Гюгатой семье военного врача Оренбургского госпиталя. Отец хотел, чтобы сын сделал военную карьеру, и мальчика отдают учиться в Оренбургскую Неплюевку военную гимназию. Там он учится легко, особен-''П отличаясь в естественных науках. Уже с четвертого класса мальчик считался лучшим географом гимназии и однажды заслужил яблоко из рук Пржевальского, проезжавшего через Оренбург и посетившего гимназию¹.

В августе 1882 года Н. Пальчевский поступил в Александровское военное училище, где не расстался с увлечением естествознанием, а через два года в звании старшего хорунжего был направлен служить! на Дальний Восток в Уссурийский пеший казачий полубатальон с обязательством прослужить на действительной службе три года².

Служба молодого офицера протекала спокойно. Уже через год он был произведен в сотники и назначен на ответственную должность заведующего оружием в полубатальоне. Служебные обязанности Пальчевский выполнял добросовестно, хотя и без души. Зато в свободное время он полностью посвящает себя изучению дальневосточной природы. Если к 19 годам он сумел собрать коллекцию оренбургской флоры, состоящую из 400 экземпляров (ее он послал профессору Петербургского университета А. Н. Бекетову), то сейчас он увлечен дальневосточной растительностью.

В октябре 1886 года Пальчевского назначили заведующим казачьим поселением Полтавского станичного округа. Здесь-то, совершенно неожиданно для самого Пальчевского, появилась у него возможность в полной мере проявить свой дар исследователя.

Настоящим бедствием приморских крестьян был «пьяный» хлеб, грибковая болезнь злаковых культур, которая порой губила значительную часть урожая. На нее жаловались Пальчевскому казаки-поселенцы, подробнее об этой болезни хлебов рассказал ему Ф. Ф. Бусое, часто приезжавший в станичный округ Пальчевского по делам и подружившийся с молодым офицером, несмотря на разницу в возрасте. Он-то и предложил Пальчевскому принять участие в исследовании причин болезни.

С апреля по декабрь 1888 года по распоряжению командующего войсками Приморской области Н. А. Пальчевский 'был командирован, для научных исследований. Позже он напишет: «Я понимал всю трудность предлагаемой работы, во-первых, грибы не входили в программу моих обычных в свободное от службы время ботанических занятий, а, во-вторых, ознакомившись еще до письма Буосе с природой «пьяного» хлеба, я не нашел в микологии сколько-нибудь удовлетворительного ответа о тех формах, которые мне казались факторами этого явления. Однако, не будучи в состоянии указать вместо себя на какое-либо лицо, имеющее достаточный запас

микологических знаний, или по крайней мере работающее по флоре края, я не считал за собой нравственного права отвечать отказом и надеялся пополнить пробелы многолетней наблюдательностью и коллаторским навыком»³.

В наше время узкой специализации во всех областях науки трудно представить, что означало тогда для исследователя заниматься проблемами, с которыми он никогда раньше не сталкивался, но тем и отличается настоящий ученый от остальных, что смело, не страшась возможных неудач, берется за требуемое дело.

Работал Н. А. Пальчевский в селе Григорьевке, в центре того района, где в основном сконцентрировался «пьяный» хлеб. Свободной квартиры в селе не нашлось, и исследователь разбил палатку прямо в поле у самой пашни. С ранней весны, когда проклевывались первые всходы, и до глубокой осени наблюдал исследователь за посевами, изучая все стадии развития болезнетворного грибка. В работе ему помогал видный ученый академик М. С. Воронин, которому Пальчевский посылал в Петербург свои пробы для анализов и определений.

«Наш юный край слишком далек от ученых центров и больших городов, — писал Пальчевский, — поэтому всякая работа «а месте чисто от внешних обстоятельств весьма трудна, если не сказать невозможна: во Владивостоке нет в продаже положительно никаких инструментов для научных работ; единственная в городе частная аптека отвечает лишь узкой медицинской цели. Выписывая же все необходимое даже наложенным платежом, приходится ждать минимум два месяца, рискуя получить все побитым и поломанным; в городе две библиотеки — одна специально морская, а другая принадлежит зарождающемуся Обществу изучения Амурского края...»⁴.

Кроме академика М. С. Воронина, были у Пальчевского и другие помощники — от академика К. И. Максимовича до простых крестьян. Внимательно следили за его работой и помогали чем могли члены Общества поучения Амурского края Буссе, Маргаритов и др.

Зимой Пальчевский засел за обработку полученных материалов, а с приходом весны вновь продолжил исследования. Работа эта была признана очень важной, и по распоряжению генерал-губернатора Приамурского края в 1891 году в Санкт-Петербурге была напечатана книга Н. А. Пальчевского «Болезни культурных злаков Южно-Уссурийского края».

Понимая, что служба все больше тяготит его, исследователь решает уйти в запас, что он и сделал в самом начале января 1890 года. Но семью надо было чем-то кормить, и приказом № 4 от 4 апреля 1890 г. по корпусу лесничих он был назначен лесничим 2-го разряда в Сучанское лесничество. Через три года он получил чин лесничего 1-го разряда, а еще через три в августе 1896 года, приказом генерал-губернатора Приамурской области был переведен в Островное лесничество, самое крупное в Приморской области⁵.

В том же году Пальчевскому пришлось участвовать в Первой всероссийской переписи населения в качестве заведующего переписным участком. Эта его работа получила высокую оценку, а министр внутренних дел направил ему благодарственное письмо. Несколько позднее, 30 января 1897 г., он был награжден «Темно-бронзовой медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения», а 7 марта 1898 г. был подписан указ о 3-го награждении орденом Анны 3-й степени⁶.

Главным смыслом жизни Н. А. Пальчевского стало Общество изучения Амурского края. Именно в нем исследователь нашел отдушину для своего страстного увлечения природой. Отдавая Обществу по семь часов в день, Пальчевский любил повторять: «Мы лелеем святой огонек нашего Общества со всей материнской ревностью». Каждое воскресенье он организовывал экскурсии с детьми по музею, привел в порядок уникальную библиотеку Общества. За большие заслуги перед Обществом его избрали в члены-соревнователи.

С активистом Общества С. В. Масленниковым Н. А. Пальчевский занимался формированием библиотеки ОИАК, разыскивая недостающие тома. 23 февраля 1901 г. он и Б. О. Пилсудский написали А. П. Чехову следующее письмо: «Многоуважаемый Антон Павлович!

В г. Владивостоке, самом крупном пункте нашего Дальнего Востока до сих пор нет Публичной библиотеки, но даже и сколько-нибудь удовлетворяющего потребностям живущей здесь интеллигенции книгохранилища, которое давало бы материал при изучении той или иной отрасли знания, того или другого вопроса, касающегося здешнего края. Лучшее в городе является библиотека Общества изучения Амурского края, но и та слишком мала и нуждается в систематическом пополнении ее как многими сочинениями общего характера, так и специальными трудами.

Создать быстро хорошо обставленную научную библиотеку крайне ограниченными средствами трудно. Поэтому распорядительный комитет обращается к Вам, уважаемый Антон Павлович, с покорнейшей просьбой о бесплатной высылке Обществу Вашего описания острова Сахалина и путешествия на наш Дальний Восток»⁷. Дело в том, что А. П. Чехов будучи проездом во Владивостоке с острова Сахалин несколько дней провел в библиотеке ОИАК. Писатель выслал свою книгу.

Пальчевский использовал трибуну Общества для споей главной мечты — организации при Обществе биологической станции с кабинетом и лабораторией. Это было непростой задачей, так как у Общества совсем не было средств. В апреле 1900 года Пальчевский выступил на общем собрании с докладом о проекте сметы морской биологической станции. Через полгода председатель общества Н. К. Эпов выехал в Петербург хлопотать о субсидии для этого предприятия. В своем письме оттуда Эпов писал: «Теоретическое сочувствие высказывают все — ведь оно ничего

не стоит, да и ученые приличия того требуют. Что же касается до выполнения, то кому какое дело до далекой окраины, где и люди едва ли есть. Личных выгод никому из здешних от этой станции не будет, следовательно, пусть об-этом заботится тот, кому интересно. Вот почему, как и во всяком другом деле, нечего надеяться на Петербург, а надо все создавать самим»⁸.

Пальчевский все же не терял надежды заручиться поддержкой видных ученых, а сам тем временем начал работы по созданию станции. Вначале он организовал маленькую лабораторию в двух полуподвальных комнатках. Постепенно собиралась литература по морской биологии. Не хватало только исследовательского судна типа «Сторож», с которого можно было бы вести наблюдения, — оно так и осталось неосуществленной мечтой основателя станции.

К сожалению, дальше первых шагов дело не пошло. У Пальчевского обострились отношения с некоторыми членами Общества, такими как Н. В. Кирилов, Б. О. Пилсудский, Б. Д. Оржих и другими, и он счел за благо сложить с себя звание вице-председателя Общества и вообще выйти из него, о чем исследователь и написал в своем заявлении к общему собранию Общества 30 июля 1901 г.

Первая попытка создания морской станции оказалась неудачной, и только в советское время Общество изучения Амурского края вернулось к этому вопросу, организовав станцию, которая стала прообразом нынешнего ТИНРО (Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии) и Института биологии моря ДВО АН СССР.

В январе 1902 года Пальчевский был назначен запасным лесничим при Управлении государственных имуществ Приамурского края. В этот период своей жизни он и встретился с В. К. Арсеньевым, приехавшим к тому времени во Владивосток. Знакомство с Пальчевским многое значило для Арсеньева. Опытный, широко эрудированный человек с разносторонними интересами, Пальчевский был рад передать молодому путешественнику как свой знания по истории, ботанике, зоологии, этнографии Дальнего Востока, так и собственную методику исследования. В течение 1902—1903 гг. они вместе совершали небольшие экскурсии по южному Приморью, в основном вдоль побережья Японского моря, а в 1906 году, собираясь в свою первую большую самостоятельную экспедицию, В. К. Арсеньев пригласил Пальчевского принять в ней участие в качестве ботаника. Об этом их совместном путешествии можно прочитать в книге В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю».

Пальчевский обладал неуживчивым характером и в течение нескольких лет считал себя в ссоре с Арсеньевым, но незадолго до смерти, 24 января 1909 г., продиктовал своей дочери письмо путешественнику: «Милейший Владимир Клавдиевич! Размолвка с Вами, да еще на почве денежных счетов, которым я никогда не придавал никакого значения, была для меня невыносимо тяжелой, т. к. люда идей и труда должны работать в полном согласии. Я до глубины души обрадован вашей самокритикой и потому придаю забвению тяжелый для нас обоих инцидент. По возбужденному Вами вопросу о доплатах и вещах, я тоже могу просить Вас поставить на них крест, как совершенно недостойных в таком великом акте самосознания, который Вы проявили своим письмом. Итак крепко жму руку милому таежнику Владимиру Клавдиевичу. По вопросу об упомянутых Вами руководствах для работ и коллекционирования я могу лишь сказать, что оно дополняет другое и потому, ввиду начала с нынешнего года переселенческих исследований со стороны ботанической и метеорологической; наше Правление по моему совету выписало то и другое пособие всего в количестве 40 экземпляров. Потому, я думаю, чтобы Вам не тратиться и ч. это, Вы ввиду Ваших работ на общую пользу края, просите Заведующего Переселением Михаила Николаевича Савинского снабдить Вас по одному экземпляру этого издания. Очень рад Вашим успехам в деле исследования края, но для пользы дела позволяю себе просить Вас побережь свое здоровье, т. к. иначе может случиться то, что со мной, а именно, надорвавшись на Сахалине, я оставлю весь свой громадный фактический и описательный материал, собранный за 25-летие служения краю, неразобраным»⁹.

На Сахалине Пальчевский побывал уже будучи в отставке. 30 мая 1907 г. по болезни он был уволен со службы с правом ношения мундира корпуса лесничих, но работу не оставил и по вольному найму поступил в Переселенческое управление производителем работ, а л.тгем был назначен начальником экспедиции, снаряжаемой каждый год на Сахалин. Для исследователя (то была хорошая возможность познакомиться с интереснейшей природой острова, пополнить свои коллекции).

Работы Пальчевского были в свое время широко известны. Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей на собрании 28 октября 1890 г. избрало его своим членом-сотрудником. В 1899 году на Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке в г. Хабаровске лесничий Пальчевский за коллекцию и научную разработку вопроса о болезнях культурных злаков Южно-Уссурийского края был награжден Большой серебряной медалью министерства земледелия и государственных имуществ¹⁰.

12 октября 1905 г. на заседании Академии наук по представлению директора Зоологического музея Пальчевский был утвержден корреспондентом Зоологического музея Академии наук. Являлся исследователем и членом многих других научных обществ, было у него и такое необычное звание — Почетный Старик Комиссаровского поселка Южно-Уссурийского казачества.

У Н. А. Пальчевского была большая семья. Он был женат на дочери мелкого чиновника Марии Васильевне Юбиланской, у них было четверо детей — два сына и две дочери.

В июле 1909 года, будучи на Сахалине, Пальчевский получил печальное известие из дома о смерти своей старшей и любимой дочери Ольги. Наскоро закончив дела переселенческой экспедиции, которой он руководил, Пальчевский выезжает во Владивосток, но не суждено ему было больше увидеть семью. Незадолго до прихода в порт, всего за 60 миль до Владивостока, он умер в своей каюте.

В некрологе по поводу его смерти было написано: «При жизни Николая Александровича вокруг его имени не раз разгорались споры и полемика. На него нередко сыпались серьезные обвинения — это верно. Верно также и то, что нередко эти обвинения были заслужены им самим. Но всегда, при всех обстоятельствах даже самые жестокие враги Николая Александровича признавали за ним одно чрезвычайно ценное свойство — его страшное трудолюбие. Кроме трудолюбия никогда не могли отрицать в нем и других качеств: например, его знание края и литературы о нем. Он отдавался научной работе с жадностью, с каким-то беспокойством»¹¹.

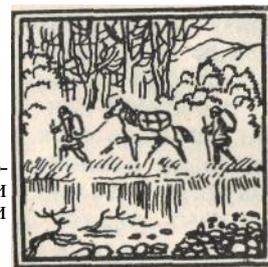
Сейчас имя Н. А. Пальчевского вспоминают чаще всего лишь как человека, ставшего научным наставником В. К. Арсеньева. Да, так счастливо сложились жизненные обстоятельства, что эти два увлеченных человека встретились, подружились и уже вместе смогли вписать свои страницы в историю изучения Дальнего Востока.

В 1987 году в честь 125-летия со дня рождения Н. А. Пальчевского Приморский филиал Географического общества СССР ходатайствовал о переименовании одной из улиц в Академгородке во Владивостоке в улицу им. Пальчевского. Владивостокский горисполком своим решением № 766 от 04. 12. 1987 года поддержал это предложение. Теперь красивейшее здание института биологии моря ДВО АН СССР будет находиться на улице, носящей имя одного из зачинателей морской биологической науки на Дальнем Востоке.

ПОСТАРАЮСЬ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ЧЛЕНОМ ОБЩЕСТВА

Таким пионерским экспедициям, как мои, имеющим цага рслещенно-историческую, пришел конец. Они более не повторятся. Век идеализма и романтизма кончился навсегда. На смену нам, старым исследователям и путешественникам, пришли новые люди.

В. К. Арсеньев

О Владимире Клавдиевиче Арсеньеве написано очень, много. Можно найти статьи, материалы, солидные монографии, в которых раскрыта сущность Арсеньева путешественника, Арсеньева-этнографа, Арсеньева-писателя. Ученые-арсениеведы буквально по дням исследовали жизнь знаменитого дальневосточника, ни один внешний факт проявления деятельности Арсеньева не остался вне поля их внимания.

Что же касается внутреннего мира ученого, то об этом исследователи большей частью молчат. Каким человеком по складу своего характера был знаменитый путешественник, что занимало его мысли, волновало и тревожило, особенно в последние годы жизни? Отчасти (и ответы на эти вопросы мы находим в книгах Арсеньева, но далеко не все сокровенное мог писатель вынести им всеобщий суд.

Сейчас трудно сказать, что заставило подпоручика В. К. Арсеньева подать 10 января 1900 г. командиру

14-го Олонского полка, расквартированного в Ломже, следующий рапорт: «Желая продолжить службу в одном из отдаленных округов, прошу Вашего ходатайства о переводе меня в одну из пехотных частей Квантунской области или Приамурского округа»¹. То ли он хотел испытать себя в трудной службе «а далекой окраине, то ли причина была более прозаической — желание получить побольше жалование, ведь скоро в семье Арсеньевых должен был родиться первенец.

На молодого офицера запросили характеристику. В присланной аттестации было написано: «1. Нравственная оценка — отличная, 2. Служебные качества: исполнитель, обязанности делопроизводителя полкового суда знает хорошо. Ротой командовать способен и подготовлен. 3. Общее заключение о качествах — выдающийся»².

Как ни жаль командиру полка было терять исполнительного офицера, через три дня на рапорте Арсеньева появилась резолюция: «...Ходатайствую по содержанию»³.

Летом 1900 года двадцативосьмилетний В. К. Арсеньев появился во Владивостоке. Позднее, в своем «Последнем признании» он писал: «Оглядываясь назад, в прошлое, я вижу, что мне сопутствовала счастливая звезда и целый ряд случайностей, которые тогда казались мелкими и

не имеющими значения, только теперь, отдалившись во времени на несколько десятков лет, эти случаи оказываются как-то логически связанными друг с другом и составляют одно целое, приведшее меня к роли исследователя Уссурийского края»⁴.

В эту логическую цепочку вполне вписывается и факт первого появления в дальневосточной печати упоминания имени В. К. Арсеньева. 25 февраля 1901 г. газета «Владивосток» писала: «В Гнилом углу в казармах 1-го Крепостного полка состоялся 11 февраля бесплатный солдатский спектакль, исполненный нижними чинами учебной команды. Режиссировал заведующий командой 'поручик Арсеньев. Было поставлено «Пираты. Феерия в 8 действиях с прологом». Пьеса разыграна с ансамблем. Видно, что поручик Арсеньев, любитель сценического искусства, немало приложил забот и старания, чтобы доставить полезное развлечение своим подчиненным, нижним чинам на далекой окраине».

Оказалось, что от постановки любительского спектакля до написания книг — один шаг, правда, не такой уж и маленький. А сделать его Арсеньеву помог^ .к» вступление в Общество изучения Амурского края.

...День 16 мая 1903 года навсегда запомнится Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву, тогда еще молодому армейскому поручику, 'начальнику Владивостокской крепостной конноохотничьей команды. Именно в этот день, как видно из протокола № 19 Распорядительного комитета ОИАК, он был избран действительным членом Общества. Будет время, когда имя В. К. Арсеньева замелькает в списках почетных членов десятков об-, ществ, как отечественных, так и зарубежных, но тогда, в начале века, войдя в свое первое научное общество, он с головой ушел в его заботы и дела.

«Выслушано предложение поручика Владимира Клавдиевича Арсеньева пополнять музей различного рода материалами как зоологического отдела (шкуры, скелеты и т. п.), так и ботанического и вообще естественно-исторического и этнографического. Кроме того, В. К. Арсеньев предлагает членам ОИАК свое содей- ствие в случае желания кого-либо участвовать в охотничьих экскурсиях, причем даже может предоставить иерховую лошадь.

Постановлено: принять предложение с благодарностью и обещать содействовать со своей стороны успеху коллекционирования доставлением 'необходимого мате-риала и т. подобным»⁵.

Это протокол № 23 заседания Распорядительного комитета ОИАК от 13 июня 1903 г. Всего месяц, как Арсеньев стал членом Общества, а польза от него несомненна. Надо ли сомневаться, что соратники по Обществу с радостью воспользовались предложением Арсеньева устраивать верховые экскурсии по Приморью? С многими активистами ОИАК сблизился и подружился тогда Арсеньев, а с Н. А. Пальчевским так крепко, что пригласил его принять участие в качестве ботаника в овоей первой самостоятельной «рунной экспедиции по Уссурийскому краю.

В 1906 г. уже из Хабаровска, куда Арсеньев был переведен незадолго до этого, он предложил Обществу собрать для музея коллекцию ящериц и лягушек и попросил отпустить ему для этой цели около 20 банок и бутылки две формалина.

На заседании Распорядительного комитета этот вопрос обсудили и в постановлении записали: «...благодарить Арсеньева и снабдить банками и формалином для коллекций»⁶.

В 1915 г. общественность Дальнего Востока широко отмечала 25-летие создания первого в здешних местах музея. Владимир Клавдиевич в это время находился в одной из своих экспедиций. Прямо оттуда в адрес Общества изучения Амурского края он прислал такое поздравительное письмо: «С 22 августа по 10 сентября я находился в таких местах (Сихотэ-Алинь), где не было ни почты, ни телеграфа, и посему я не мог своевременно послать поздравления Вам, Совету и членам Общества изучения Амурского края.

Позвольте мне теперь, хотя и с большим опозданием присоединить свой скромный голос к высказанным пожеланиям процветания и успехов Обществу, которое я искренне люблю и которому я предан всей душой. Ноябрь, 21 дня 1915. Урочище Барабаш»⁷.

Уже после Великой Октябрьской социалистической революции Арсеньев, окончательно поселившийся во Владивостоке, продолжает тесно сотрудничать с Обществом, заведя этнографическим отделом музея на общественных началах. Работая старшим инспектором рыболовства Управления рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока, Арсеньев по служебным делам часто бывал в поездках и считал своим долгом заботиться как о пополнении музея, так и о сборе научных сведений.

«Настоящим покорно прошу разрешения на поездку текущим летом в Охотско-Камчатский край, — писал он в Комитет Общества 31 мая 1922 г. — Я направлен заняться обследованием одного из наименее известных уголков Восточной Сибири — именно Тайгоносного полуострова и Пенжинского залива. Как-то случилось так, что все исследователи, работавшие в Охотско-Камчатском крае, обошли места эти стороною, и в научной литературе о них имеются лишь крайне отрывочные сведения от моряков, случайно приставших кое-где к берегу.

Управление рыбных и морских звериных промыслов дает мне средства на эту поездку и специальные задания. Попутно я намерен вести географические и этнологические исследования среди сидячих и оленьих косяков и ламутов (тунгусов). Время поездки — четыре месяца (июнь—сентябрь включительно).

Если бы Общество изучения Амурского края нашло возможным ассигновать мне небольшую сумму денег (от 50 до 100 иен разменным серебром), то можно было бы сравнительно за невысокую плату приобрести у тунгусов такие этнографические предметы, которых не хватает в коллекциях

Музея.

Кроме того, в Гижигиноком районе можно достать кости ископаемых животных (мамонт, носорог, первобытный бык и др.), археологический материал и предметы, имеющие историческое значение»⁸.

Как известно, друзья лучше всего познаются в самые тяжелые дни. Для общества изучения Амурского края весной 1923 г. наступил такой период, который четко разделил всех его членов «а истинных друзей и врагов.

«...Принимая во внимание, что только тесное сотрудничество Общества с университетом в научно-исследовательской работе может дать в ближайшем будущем положительные результаты в ученой и практической деятельности обоих учреждений, я предлагаю Обществу изучения Амурского края присоединиться к Дальневосточному университету в качестве состоящего при нем Научного Общества с сохранением его прежнего названия. Условия соединения Общества с Университетом и их будущей совместной деятельности имеют быть выработаны Обществом и Правлением Университета в порядке взаимного соглашения.

Подлинное подписал ректор Университета профессор В. Огородников»⁹.

С этого письма, посланного 3 мая 1923 г. профессором В. И. Огородниковым, тогда ректором ГДУ, в Общество изучения Амурского края, все и началось. На следующий день, 4 мая 1923 г., состоялось общее собрание ОИАК, на котором было рассмотрено письмо ректора Огородникова. Вначале никто не заподозрил в предложении профессора каких-либо тайных намерений и далеко идущих планов. Напротив, многие усмотрели в нем искреннее желание руководителя крупнейшего на Дальнем Востоке учебного заведения помочь Обществу расширить научную деятельность после вынужденного застоя в сложное для Приморья время гражданской войны и интервенции.

Поэтому собрание постановило: «Общество изучения Амурского¹ края, сохраняя свою автономию и оставаясь филиальным отделением Русского Географического общества в Петрограде, присоединяется к Дальневосточному университету»¹⁰.

За несколько месяцев совместной работы в Обществе, казалось бы, ничего не изменилось, зато профессор Огородников получил возможность при каждом удобном случае говорить, что при университете имеется научное общество с музеем.

В конце года состоялось еще одно собрание, на котором Огородников предложил немало, как изменить устав Общества, взяв за основу Положение об ученых обществах, состоящих при университетах, другими словами, полностью подчинить себе ОИАК. Например, в статье 17 устава он предлагал: «Избрание председателя, его заместителя и членов правления Общества подлежит утверждению Правления университета», а в статье 24: «Все имущество, принадлежащее закрытому Обществу, поступает в распоряжение Государственного ДВ университета»¹¹.

На этом собрании мнения разделились, и Распорядительный комитет предложил создать комиссию по выработке устава. Уязвимым местом ОИАК было то, что из Петрограда не был получен устав Русского географического общества (РГО), и это развязывало руки Огородникову. В один из последних дней года от В. Л. Комарова, секретаря РГО, из Петрограда была получена телеграмма, что устав утвержден и «завтра высылается»¹².

Огородников заторопился. «Прошу Вас не отказать в сообщении, когда именно будет поставлен Вами в Распорядительном комитете вопрос о новом Уставе Общества, согласованном с представителями Правления университета, равно как, когда Вы предполагаете созвать общее собрание Общества для окончательного принятия этого Устава. Правление Университета со своей стороны настаивает на спешном проведении Вами указанных выше вопросов»¹³. Такое письмо получил председатель ОИАК Н. М. Соловьев 19 января 1924 г.

Общество уже не спешило соглашаться с мнением Огородников а и тянуло время в ожидании нового устава из Петрограда, но профессор ждать «е хотел. 6 февраля 1924 года он писал Соловьеву: «...принимая во внимание, что у Распорядительного комитета было достаточно времени для выявления своего отношения к внесенному представителями Правления (читай: Огородниковыш. — А. Х.) примечанию к ст. 17 нормального устава и что Комитет, несмотря на то, до сих пор без нужды затягивает оформление дела о присоединении Общества к Университету, — считает необходимым сообщить Вам, что если в недельный срок со дня получения Вами настоящего отношения Распорядительный комитет не решит упомянутого вопроса, Университет сделает для себя соответствующие выводы, о чем и поставит в известность советскую общественность Владивостока. Кроме того, имею честь сообщить Вам, что мне -известны шаги, которые приняты Комитетом перед Советом Географического общества в Ленинграде, что мною сделано туда соответствующее сообщение и что Правление Университета продолжает стоять на прежней точке зрения относительно присоединения Общества к Университету»¹⁴.

Переписку от имени университета Огородников вел без всяких на то оснований, присоединение Общества к университету было его личной инициативой.

10 февраля 1924 г. на своем заседании Распорядительный комитет ОИАК, рассмотрев это письмо, постановил: «Комитет не может согласовать проектированного представителями Правления Университета примечания к статье 17 устава, потому что: а) примечание это коренным образом нарушает автономию Общества и, следовательно, противоречит постановлению Общего собрания 6 мая 1923 года, которое решило присоединиться к Г. Д. Университету при условии сох-

ранения автономности Общества, б) Проектированное примечание -противоречит также полученному Комитетом новому уставу Русского Географического общества и его отделений, примечание к § 23 означенного устава представляет Общему Собранию полную свободу избрания должностных лиц. ...Вместе с тем Комитет не может не обратить внимания на совершенно недопустимый тон ректора Д. Университета к Председателю Общества»¹⁵.

Необходимо объяснить, что все заседания Распорядительного комитета проходили при непосредственном и активном участии В. К. Арсеньева. Именно он вели подписывал все протоколы заседаний и был одним из немногих, кто с самого начала был против предложения Огородникова.

17 февраля 1924 г. состоялось чрезвычайное общее собрание (ЖАК, на котором Огородников бросил Обществу упрек в длительной бездеятельности.

- Упрек в бездействии Общества не справедлив,— возразил Арсеньев. — Невозможно требовать научной работы и экспедиций в атмосфере гражданской войны и смены правительств, из которых некоторые захватывали само помещение музея и занимали его два с половиной года. Задачи Комитета, естественно, ограничивались заботами о сохранении музея, библиотеки и имущества от расхищения.

- Желательно новые силы университета привлечь к работе в Обществе изучения Амурского края. Геологический комитет всегда и ранее устанавливал эту научную связь с Обществом на свободных основаниях,— вставил свое слово геолог П. И. Полевой. — Общество имеет большое научное прошлое, а научная физиономия университета еще не выяснена. Общество должно взять на себя, по преимуществу, полевую работу, а университет— камеральную обработку. Университет должен придти к Обществу, а не наоборот...¹⁶.

Со своего места поднялся Г. М. Борисов, в будущем дальневосточный писатель.

- Я сын крестьянина и в университетах не учился, но меня удивляет и тон переписки университета с Обществом, и стремление умалить на настоящем собрании сущность ультиматума, предъявленного Комитету. Требование утверждения членом Правления университетом есть полное недоверие к общему собранию¹⁷.

Собрание от 17 февраля постановило, что «вполне одобряет действия Распорядительного комитета Общества, направленные к немедленной регистрации устава Общества изучения Амурского края — филиального отделения Русского Географического общества как вполне правильные и соответствующие постановлению общего собрания 6 мая 1923 года»¹⁸.

Но Огородников не хотел отступить от своего намерения. Поняв, что прямым нажимом он ничего не добьется, он решил использовать обходной маневр. Заручившись поддержкой сторонников, он организовал письменное заявление десяти членов ОИАК о переизбрании состава Совета и ревизионной комиссии Общества, а на общем собрании 23 марта 1924 г. сделал краткий доклад «Об оживлении научной деятельности Общества», связав ее со своей собственной деятельностью. Особо он отметил, что «каждый член должен своей деятельностью способствовать разработке какого-либо научного вопроса и обязательно ежегодно представлять какой-либо научный доклад»¹⁹.

Арсеньев категорически возражал против этого требования.

- Одни только интересуются наукой, — говорил он на собрании, — другие призваны ее двигать. Не следует ставить рога к входу в Общество.

Поддержал Арсеньева и известный геолог А. Н. Криштофович:

- Общество не должно суживать рамки обязательностью докладов. В научных обществах нередки случаи, когда их члены не выступают с докладами. Нужна и другая деятельность — посещение заседаний, музея, библиотеки. Балласт сам отпадает²⁰.

Многое в дальнейших событиях объясняет письмо П. И. Полевого, написанное в июне 1924 года: «...после отбития первой атаки ...проф. Огородников назначил общее собрание, набрав десять подписей, собрал экстренное заседание Комитета Общества якобы для обсуждения и согласования вопроса о присоединении Общества к Университету. На этом заседании он подал список 30 человек, профессоров и преподавателей Университета, пожелавших стать членами Общества, и внес за них членский взнос в размере 150 рублей. Назавтра, 23 марта, на общем собрании эти 30 человек участвовали с правом голоса, хотя протокол заседания Комитета не был еще утвержден и список новых членов не объявлен собранию. Голосуя как один, университетская группа избрала Ревизионную Комиссию для пересмотра дел Общества за 1923 год и просмотра годового-отчета Президиума. Боролись два списка и оба получили равное количество голосов, почему был составлен объединенный.

...Когда мелкие придирики при явном желании во что бы то ни стало дискредитировать старый Президиум с почтенным Николаем Матвеевичем Соловьевым во главе не помогли, то прибегли к клевете. Не называя фамилии, но всякому было ясно, что речь шла об известном путешественнике по Уссурийскому краю Арсеньеве, его обвинили в том, что он в 1917 году отдал интервентам имущество Общества в виде ценных этнографических коллекций. Была поднята старая клерета Липского... Владимир Клавдиевич Арсеньев был в Москве, его сильно не хватало, так как он был душою группы старых членов. Он вел переговоры с Компартией и был обнадежен, что Общество не дадут поглотить Университету и что для этого в список вносятся три члена от партии...»²¹.

Что же собой представляла эта клевета Липского, о которой написано в письме П. И. Полевого и которая принесла Арсеньеву немало боли в его последний, самый плодотворный период жизни? Современный читатель может подумать: что значит какой-то никому не известный Липский рядом с такой значительной фигурой как Арсеньев? Но история знает немало примеров, когда именно мелкие людишки становились причиной больших бед для великих людей. Вот и недоучившийся студент-этнограф Липский причинил столько неприятностей путешественнику, что о нем стоит рассказать подробнее.

То, что Липский был одиозной личностью, видно уже по тому, что это не первая его фамилия. Григорий Дмитриевич Куренков — под таким именем значился он в списках членов Олгон-Горинской экспедиции В. К. Арсеньева, которая работала в 1917—1918 гг. Студент-этнограф сумел войти в доверие к путешественнику. Сохранилось заявление Куренкова о вступлении в Приамурский отдел Географического общества.

«Честь имею просить принять меня в число членов Приамурского Русского Географического Общества. Начав работу здесь, в Крае, лишь в нынешнем академическом году и предполагая продолжить ее и впредь, хотел бы записаться членом, дабы иметь возможность результаты моих работ давать и местному музею и с другой стороны иногда иметь возможность получить и некоторое содействие»²².

«Рекомендую» — написал на заявлении В. К. Арсеньев, благодаря чему студент Г. Д. Куренков стал членом Географического общества. После отъезда В. К. Арсеньева во Владивосток его должность директора музея занял Н. А. Лопатин, а вслед за ним Г. Д. Куренков, он же к тому времени А. Н. Липский, представивший, как писали очевидцы, «уверения в том, что им будет проявлено полное напряжение сил в деле улучшения положения музея и, между прочим, составления необходимых полных каталогов и составления карточек с рисунками, хранимых в музее вещей и предметов, особенно по этнографии»²³.

Тот же очевидец добавлял: «Ничего этого гр. Липским за время заведывания музеем сделано не было, и желание его добиться заведования музеем носило, скорее, характер каких-то личных видов его»²⁴.

Характеризуют Липского и некоторые другие документы той поры. «При обработке орнитологической коллекции В. К. Арсеньева, — писал заведующий зоологическим отделом музеем В. Разумовский, — я обнаружил, что у шкурки тихоокеанского чернозобика подлинная этикетка автора сбора, имеющая пометки определявшего птицу орнитолога Бутурлина, — отвязана, а вместо нее имеется другая, написанная рукою б. директора гр. Липского. Ввиду того, что утрата подлинной этикетки лишает этот редкий и единственный экземпляр всякого научного значения и что подобное присвоение гр. Липским Музейного научного документа допущено им по незнанию, очевидно, такого музейного правила, прошу Вас убедить гр. Липского возвратить музею подлинную этикетку птицы, предложив оставить себе копию, если он в таковой нуждается»²⁵.

В акте комиссии по проверке имущества Областного музея в Хабаровске 12 августа 1921 г. записано: «Бывшая картинная галерея увезена из музея и помещается ныне в деревянной пристройке Женской гимназии, опечатанная в одном из классов... Перевезена она была в бытность директора музея А. Н. Липским, при нем же был упразднен смешанно-исторический отдел, помещавшийся в 3 этаже. В настоящее время в этом помещении этнография палеазиатской группы. Кроме исторического отдела им же еще упразднен отдел ластроногих. Большинство коллекций упраздненных отделов были Липским снесены на чердак и свалены там в груды, а другая часть брошена на пол в помещении бывшей картинной галереи. При осмотре чердака комиссия нашла коллекцию в невозможном виде: свалено как попало поломано, частью разбито и уничтожено»²⁶.

Такая же участь постигла и уникальный экспонат музея — скелет стеллеровой коровы, который Липский, упразднив отдел ластроногих, разобрал и тоже свалил на чердаке.

«Научные подвиги» Липского на этом не закончились. В личной библиотеке В. К. Арсеньева имеется небольшая брошюра — рецензия Липского на книгу И. А. Лопатина «Гольды». На полях этой брошюры мы находим многочисленные пометки Владимира Клавдиевича. «Липский, он же Куренков, а может быть, и не Липский — возможно, у него окажется еще третья фамилия, — имеет личные счета с И. А. Лопатиным и поэтому выступает против него при каждом удобном случае. Настоящая статья написана именно под этим углом зрения. Это не есть критический разбор — это один из выпадов против личности И. А. Лопатина, который Липскому (как и я) не протягивал руки за ряд подлостей и нечестных поступков», — написал Арсеньев в одном месте²⁷.

В другом видим такую ремарку: «Ложь! Лопатин спускался по Уссури на лодке. Во время путешествия с пути я получал от него письма. По прибытии в Хабаровск И. А. Лопатин был у меня и мы с ним беседовали о сделанном в путешествии. В. Арсеньев. 14. 1. 1927. Владивосток»²⁸.

Липский завидовал славе Арсеньева, популярности его книг, авторитету его как исследователя Дальнего Востока, и с целью очернить ученого сразу же после освобождения Приморья от интервентов и белогвардейцев публично обвинил Арсеньева в том, что тот в годы интервенции будучи директором Хабаровского музея продал за границу часть его этнографической коллекции.

Эту грязную сплетню и вспомнил В. И. Огородников в своей борьбе против старых членов Общества, удалявший к тому времени Арсеньева из университета, где он читал курс лекций. Чтобы разобраться в этой запутанной истории, надо вспомнить еще двух исследователей, работавших в свое время в тесной связи с Арсеньевым. Это венгерский профессор Бенедикт Балок Баратоци и польский этнограф Станислав Понятовский.

Б. Балок Баратоци приехал на Амур летом 1914 года на средства Венгерского национального музея в Будапеште для этнографических исследований со своим 17-летним сыном. «Профессор Б. Балок Баратоци, — писал В. К- Арсеньев, — отправился на Сахалин к айнам и срокам, потом переехал на Амур и работал у ульчей. Здесь его захватила война. Так как он плохо говорил по-русски, то был принят за австрийского шпиона и арестован. В г. Хабаровске Б. Балок Баратоци спросил, кто его знает на Дальнем Востоке. Он, естественно, указал на меня. На запрос я подтвердил, что арестованный, действительно, ученый-исследователь, этнограф и никакого отношения к шпионажу не имеет. Г-н Балок Баратоци был отпущен под мое поручительство. Тогда я стал хлопотать, чтобы ему разрешили уехать в Я^{то}-нию. Пока ходила переписка, Б. Балок Баратоци часто приходил в Музей и помогал мне в работе. Я просил его, что если он побывает на острове Иессо (Хоккайдо), то не может ли он собрать для нашего Музея немного айских вещей, так как этот отдел у нас представлен слабо. Он обещал»²⁹.

Венгерскому ученому пришлось покинуть Хабаровск внезапно, воспользовавшись подвернувшейся оказией, и он не стал брать с собой в дальнейшее путешествие собранных на Сахалине и Амуре коллекций. Арсеньев получил от него открытку: «Дорогой директор Арсеньев. Я благополучно прибыл в Японию и 26 этого месяца (сентябрь 1914 г.) я пропутешествую через Америку домой. Два ящика (один маленький, один большой) отправлены отсюда в Хабаровск в адрес Музея. Прошу известить об этом. Ошибочно вложено в эти ящики несколько моих рукописей. Прошу Вас вернуть мне их. С приветствием и благодарностью Ваш профессор доктор Балок»³⁰.

К сожалению, экспозиция Хабаровского музея так и не пополнилась экспонатами, посланными Балокком Баратоци: два ящика, о которых он писал, до Хабаровска, вероятно, не дошли. Через несколько лет директор Хабаровского музея получил запрос из Будапешта о судьбе оставленных коллекций ученого. В документах и сегодня хранятся исчерпывающие пояснения Арсеньева по этому поводу.

С. Понятовский прибыл в Хабаровск чуть позже венгерского ученого с рекомендацией от Л. Я. Штерн» •берга, известного этнографа из Петербурга. «Дорогой Владимир Клавдиевич, — писал он, — податель сего польский антрополог Станислав Понятовский едет на Амур для антропометрических измерений. Очень прошу Вас оказать свое товарищеское содействие своим опытом, советами и связями. В свою очередь б. может Понятовский будет и Вам полезен своими знаниями и антропологическими опытами»³¹.

С. Понятовский на свою поездку на Амур получил средства из Вашингтонского национального музея. Ему, как и Балоку, августовские пушки 1914 года спутали все карты, вынудив вернуться в Польшу. Оттуда он прислал письмо Арсеньеву: «Что касается оставленных мною в Вашем Музее вещей, то'будьте добры выслать в Америку два ящика и один пакет (длинный, в полотно) с этногр. коллекциями. Вышлите, пожалуйста, на счет получателя — Национальный Музей в Вашингтоне. Что касается двух желтых сундуков и большого ящика с гипсом, то если возможно, пусть все это пока останется у Вас в музее до распоряжения доктора Алиса Грдличка (видный американский ученый чешского происхождения. — прим. автора), куратора отдела физической антропологии Национального музея США в Вашингтоне, от которого я еще до сих пор не получил ответа на посланное ему еще в октябре письмо. Я пишу ему теперь еще раз. Возможно, что Грдличка или сам приедет после войны к Вам, или же я приеду, а 'поэтому лучше всего оставить эти вещи у вас в музее, если это Вам не помешает... Крепко жму Вашу руку истинно Вас уважающий и преданный С. П.»³².

Чуть позже Арсеньев получил письмо от доктора А. Грдлички с просьбой выслать багаж Понятовского, и Арсеньев выполнил ее. По этому поводу в архиве сохранилась расписка американского консула.

Надо отметить, что в 1917 году на средства Вашингтонского музея совершал экспедицию и осуществлял сбор этнографических материалов В. Д. Котов, который также переслал свои коллекции в США.

Все эти факты были хорошо известны Липскому, но они не помешали ему оклеветать Арсеньева, а кое-кому и поверить в клевету.

В защиту Арсеньева выступили многие ученые. Преподаватель Дальневосточного университета И. А. Лопатин написал: «Я, нижеподписавшийся, бывший член Совета Приамурского отдела Русского географического общества в г. Хабаровске И. А. Лопатин настоящим заявляю нижеследующее:

1) Этнографические предметы, дважды отправленные в 1917 году В. К- Арсеньевым и В. А. Котовым, составляли первый раз — собственность С. Ф. Понятовского (члена Вашингтонского национального географического общества), второй раз - собственность В. А. Котова.

2) Об отправке тех и других коллекций было известно Совету отдела, который постановил

признать вещи эти, не имеющими отношения к Музею (смотреть книги протоколов за 1917 и 1918 гг.).

3) Так как я очень часто работал в Музее и неоднократно оставался заместителем директора (В. К. Арсеньева— прим. автора) во время его отъездов из г. Хабаровска, а впоследствии был и директором музея (1919—1920 гг.), то мне детально известны все коллекции этнографического отдела, и продажа хотя бы одного значительного этнографического предмета бросилась бы мне в глаза и, поэтому, утверждаю, что никакая из музейных вещей не только не отправлялась в Америку, но и вообще никогда не выносилась из стен музея.

4) В конце 1920 года, когда директором музея был назначен гражд. А. Н. Липский, последний разрушил три отдела. По распоряжению Липского музейные вещи неоднократно выносились из музея, перевозились с места на место, результатом чего произошло полное разрушение некоторых отделов, восполнить которые, ныне уже не представляется возможным»³³.

В защиту Арсеньева выступил и известный археолог и антрополог иркутского университета Б. Э. Петри, направивший в окрестности г. Хабаровска письмо: «Из случайных и непроверенных источников я узнал, что некий Липский предлагает издать брошюру, направленную против известного путешественника В. К. Арсеньева. Если это действительно так, то позвольте мне выразить свой протест санкционирования выпуска этой брошюры. Липский (он же Куренков) личность известная нам, этнографам, по ряду неблагоприятных поступков. Яне сомневаюсь, что он сводит счеты с В. К. Арсеньевым за то, что последний его разоблачил, после того как Липский был вычищен из состава Владивостокского университета»³⁴.

Окончательно сняла обвинение с Арсеньева газета «Красное знамя» 10 октября 1924 г., поместив по этому поводу небольшую заметку. Так были отведены от Арсеньева не только клевета Липского, имевшая целью сведение личных счетов с путешественником, но и более поздний выпад Огородникова, который, поливая грязью Арсеньева, хотел тем самым дискредитировать все Общество изучения Амурского края.

Сложность положения Владимира Клавдиевича заключалась в том, что некоторые люди продолжали подозрительно относиться к нему как к бывшему царскому офицеру. В книге регистрации лиц, стоящих на учете во Владивостокском ОГПУ за 1924 г., значился и полковник В. К. Арсеньев. В ней же имелась запись: «30. III. 1924 года комиссия постановила с особого учета снять как лояльного по отношению к Советской власти...»³⁵.

Огородникову не удалась его авантюра, вскоре пришлось ему уйти и с поста ректора университета. О деятельности этого «полупочтенного профессора» в свое время рассказала газета «Тихоокеанская звезда» в большой статье «Человек и природа»³⁶.

Арсеньев в письме в Ленинград писал: «С невероятными усилиями, но все же нам удалось отстоять Общество. Огородников уйдет, я уйду, мы все равно рано или поздно сойдем со сцены, а Общество останется. Это обстоятельство дает мне большое удовлетворение и является как бы компенсацией за перенесенные неприятности»³⁷.

А. Н. Липский прожил долгую жизнь, сохраняя ненависть к Арсеньеву. В конце 50-х годов он писал: «По Арсеньеву. — Верить или не верить — это дело личное. Но то, что я рассказал — правда и от нее никуда не уйдешь. Другое дело, что кое-кому не хочется расставаться с культом личности Арсеньева, но это их дело. Чтобы хоть частью документировать то, что я вам рассказал—предложите Вашим товарищам следующее: 1) Из архива МВД получить справку из протоколов допроса бывшего профессора и ректора ДВ Университета Огородникова Владимира Ивановича (следственное дело 1933—1934 годов) —участника Камчатской контрреволюционной, диверсионной и повстанческой организации, возглавлявшейся Новограбленовым Трифоном, о том, КТО И ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЗАВЕРБОВАЛ ОГОРОДНИКОВА В ЯПОНСКУЮ РАЗВЕДКУ и привлек к участию в названной организации, КТО НАМЕЧАЛСЯ ВОЕННЫМ МИНИСТРОМ КАМЧАТСКОГО «ПРАВИТЕЛЬСТВА», ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА КАМЧАТКЕ (выд. в письме.—А. Х.) ...Из архива бывшего Дальплана (в Хабаровске) извлечь доклады Арсеньева по переселенческому делу. Все эти документы покажут расистские (профашистские, по крайней мере) убеждения Арсеньева, а протокол допроса проф. Огородникова—шпионскую деятельность этого «прославленного исследователя»³⁸.

К этим обвинениям Липского мы еще не раз вернемся.

В конце 1924 года В. К. Арсеньев был вынужден переехать в Хабаровск, семья же осталась во Владивостоке. Причиной этого решения была деятельность все того же Огородникова, создавшего вокруг известного путешественника нетерпимую обстановку.

Это были очень трудные, а порой и трагические годы Владимира Клавдиевича. Здесь нужно рассказать о второй жене В. К. Арсеньева, его верной помощнице—Маргарите Николаевне, дочери Н. М. Соловьева.

По многочисленным воспоминаниям, Маргарита Соловьева была едва ли не самой красивой девушкой во Владивостоке. Высокий лоб, большие глаза, «ежно очерченный подбородок. Мало кто догадывался, что несмотря на такую внешность, у Маргариты был сильный, целеустремленный характер. Она родилась в Ков-но. На родине матери в Швейцарии в 1903—1908 гг. училась в кантональной школе. Затем продолжила обучение на юридическом

факультете Высших женских курсов в Петербурге. Но в 1914 году болезнь заставила ее прервать учебу. По приезде во Владивосток Маргарита в основном работала в частных фирмах. Прекрасное знание французского, немецкого и английского языков, навыки делопроизводства позволяли ей справляться с самой разнообразной работой.

Дружба Владимира Клавдиевича с 28-летней Маргаритой завязалась очень быстро. Лишь внешне они казались разными людьми, что же касалось характеров, то их обоих отличала целостность натуры. Не так давно Арсеньев разошелся со своей первой женой Анной Константиновной Кадашевич. Просить руки Маргариты он долго не решался ввиду большой разницы в возрасте—19 лет, но сильное чувство, овладевшее ими, смело это препятствие.

Свадьба была очень скромной. Венчались в небольшой церквушке на Первой речке. Торжество отмечали в доме у Соловьевых. В тот же день супруги Арсеньевы уехали в небольшую холостяцкую квартиру Владимира Клавдиевича, которая находилась в здании Управления звериными и рыбными промыслами Дальнего Востока по ул. Петра Великого, № 2. Большую комнату Арсеньев перегородил книжными и платяными шкафами. В одной половине были кровать, обеденный и письменный столы, другая служила приемной. Немного позже в ней поселилась сестра Николая Матвеевича Соловьева— тетя Маня, которая вела хозяйство Арсенье-вых, а чуть позже в этой же комнате поставили раскладную офицерскую кровать для нового члена семьи— пятилетней Оли. Ее отец погиб во время первой мировой войны, и мать, родная сестра Маргариты — Ольга, попросила Ар'Сеньевых взять девочку на воспитание. Через год и у Арсеньевых появилась дочь, маленькая Наташенька, которую Владимир Клавдиевич просто обожал.

Арсеньев всего себя отдавал работе. В то время он готовил к печати свою первую книгу. Маргарита, обладавшая прекрасным литературным 'вкусом, помогала редактировать ее, была самым взыскательным читателем. Деньги на это издание дал Н. М. Соловьев, продавший свою «большую недвижимость».

В 1921 году книга увидела свет. На красиво оформленной обложке было напечатано: «Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную страну Сихотэ-Алинь». В тот день, когда Владимир Клавдиевич принес из типографии домой только изданную книгу, в семье был праздник. Больше всех, пожалуй, радовалась Маргарита: она одна знала, сколько энергии и сил вложил муж в свой первый литературный труд.

Но вернемся в Хабаровск. В этом городе В. К. Арсеньев стал работать заведующим отделом охоты на морского зверя управления «Дальрыбы», которое в то время, было переведено туда, исполняя одновременно обязанности директора местного краеведческого музея. В конце недели Арсеньев обычно садился в поезд и ехал к семье, о которой очень тосковал.

Время сберегло лишь некоторые из писем Маргариты Николаевны к мужу той поры: «...без тебя тоскливо, милый. Зло берет, что никогда нам не дадут проститься как следует, вечно помешают. Еще не было случая, чтобы мы с тобой перед отъездом вдвоем провели последние часы. От этого еще тоскливее на душе. Посылаю тебе письмо, которое пришло на твое имя в университет. Я сама бы ответила на него, но не могу разобрать фамилию. Кин, что ли. Ему надо выслать все твои брошюры и книгу «По Уссурийскому краю». Напиши ему, а мне напиши четко его фамилию, я вышлю книги. Крепко целую, милый. Вся твоя Маргарита»³⁹.

Между тем Владимир Клавдиевич собирается в очередное путешествие. С 8 июля по 1 октября 1926 года он работает в экспедиции по обследованию рек Немп-ту, Мухени, Пихцы, Анюя. Вернувшись в Хабаровск, Арсеньев сразу же засел за отчеты, работа «ад ними иногда продолжалась до утра. Помимо этого, почти каждый вечер он готовил к сдаче имущество экспедиции: мыл, протирал, сушил, «только благодаря энергии и усиленной работе по 18 часов в сутки мне удалось кончить все это за 26 дней...»⁴⁰.

26 октября 1926 года ему неожиданно принесли повестку: «Гр. Арсеньеву Владимиру Клавдиевичу прожив, по ул. Фрунзе д. № 33 бывш. Протодиаконовская. Настоящим ПП ОГПУ ДВК просит Вас явиться в помещение ПП ОГПУ по Корсаковской ул. д. № 64 в комнату № 18 27 октября к 9 часам утра. Повестку предъявить коменданту для получения пропуска 26 октября 1926 г. Нач. 1-го отд. ПП ОГПУ ДВК Улыбышев. Упрлн. 1-го отд. ПП»⁴¹.

Следователь при встрече сообщил, что на Арсенье-ва поступило заявление о том, что он ведет враждебную пропаганду. Разговор в ОГПУ был откровенным. Сохранилась собственноручная копия объяснительной записки.

«В Полномочное представительство объединенного государственного политического управления на Дальнем Востоке, — писал в ней В. К. Арсеньев. — Согласно П. П. О. Г. П. У. ДВК за № 28 27-го в 9 ч. утра я явился в комнату № 18, где мне было предложено несколько вопросов, на которые имею сообщить следующее: ^сентября больным я прибыл в сел. "Горгон на Амуре, где меня поместили в приемном покое в одной комнате с Александром Петровичем Петровским, который назвался студентом Московского университета по специальности антропогеографом — дисциплине, близко родственной к моей специальности — этнографии.

А. П. Петровского я встретил впервые и провел с ним в одной комнате четверо суток, из коих два дня он был в отлучке. Человек он образованный и действительно антропогеограф, весьма начитанный, но нервный, выбитый революцией из колеи жизни и в этом отношении искалеченный. Для меня А. П. Петровский человек посторонний, случайный прохожий, с которым встречаешься, расходишься и друг друга забываешь.

Разговор, который мы вели с ним отрывками между делом, не выходил из плоскости нашей

общей профессии «народоведения». Антропогеография близко соприкасается с психологией, социологией и главным образом с влиянием окружающей обстановки на характер как отдельных индивидуумов, так и целых народностей. Тема — общефилософская. Я не вел дневника нашему разговору. Большую часть времени я был занят своими работами по экспедиции и только время от времени беседовал с А. П. Петровским. Голова моя была занята другим делом, и я не придавал особого значения нашему разговору. Поэтому я не помню всех деталей этого разговора, помню лишь некоторые моменты, которые и излагаю ниже.

Помню, один раз мы говорили, что все русские удивительно безалаберный народ, по природе своей анархисты, анархисты в серьезных делах и анархисты в мелочах. Это люди, -которые всегда тяготеют порядком, планом, не знают что такое время, словом не выносят никаких стеснений и для того, чтобы втиснуть русского человека в рамки порядка, нужно насилие. Развал, который мы видим с 1917 года, не есть вина правительства. Это свойство русского «арода, это явление постоянное при всяком флаге, при всяком правительстве, будь оно монархическое или коммунистическое. Другой раз мы говорили о том, что наблюдается во всех учреждениях, заведениях, канцеляриях, у госслужащих и даже просто у частных лиц какая-то апатия, усталость, -граничащая с абстракцией, потерей воли энергии — явление, вызванное продолжительной войной и революцией. Фон этого безразличия напоминает усталость после 30-летней войны в Европе. Это явление общее к не зависит от цвета флага.

Вспоминаю еще один разговор на тему о сварливости славянского характера. Поссорить русских людей очень не трудно. Не проверив сплетни они сразу начинают ненавидеть друг друга. Не только отдельные личности делаются врагами на всю жизнь, но даже семьи, роды, целые области и даже народы. Например, поляки и великороссы, сербы и болгары и т. д. Во время наводнений, землетрясений, революций вражда вспыхивает как пожар не только среди простого народа, но и среди интеллигенции. Оклеветать соседа, столкнуть его, захватить его место, свести с ним личные счеты -все это явления славянства, живущего не столько умом, сколько чувством, впечатлениями. Все это можно было наблюдать и в русской революции.

Еще был один разговор о еврейской народности. Из антропологии известно, что евреи не один тип, а два: ливийский и месопотамский. Последний по сравнению с первым является более одухотворенным. Об этом с неоспоримой ясностью свидетельствует нам история. Месопотамский тип дал -Б. Спинозу, Иисуса, Мендельсона, Антокольского, Ренана, Зюса, Эйнштейна и т. д. При царском правительстве евреи допускались в школы лишь в размере 5%. И в то время когда отец-еврей говорил сыну: «Зубри хорошенько, иначе ты не войдешь в 5%», русская мать говорила своему мальчику: «Ну, не плачь, ступай погулять — ничего, отец сходит, директора попросит!» С течением времени получился отбор людей настойчивых, энергичных, дельных, привыкших прокладывать себе дорогу среди бурелома. У евреев сильно развито чувство взаимной поддержки, внимания к интересам другого еврея — явление достойное уважения и подражания.

Лично я как этнограф отношусь ко всем народностям с одинаковым вниманием и интересом. Издавна среди евреев я имею близких друзей (Лев Яковлевич Штернберг — старший этнограф Академии наук, Лев Семенович Берг — известный зоолог, Яков Самойлович Эдельштейн — видный геолог и петрограф Геологического комитета в Ленинграде, Соломон Абрамович Трон — инженер-электрик, находящийся сейчас в Берлине и т. д. Нет надобности перечислять все имена.

Наконец, вспоминаю еще один разговор на тему об иностранцах. Всегда лучше переоценить, чем недооценить противника. Англичане великие мастера создавать Коалиции. Так они создали их в свое время для борьбы с Францией (Наполеон), для борьбы с Россией (Николай 1-й), для борьбы с Германией (1914—1917 гг.). Из газет «Известия ВЦИК», «Правда», «Тихоокеанская звезда» видно, что и теперь англичане собирают коалицию против СССР. Англичане действуют всегда методически .планомерно, не торсрясь, основательно'. Это дельный народ. Но хорошего нам ждать от них нечего. Интервенция эта будет окончательной гибелью нашего государства — разделом, и мы все русские сойдем в положение туземцев, еще на более низкую ступень, чем индусы.

Вот все разговоры были в этом духе. Вероятно, кто-нибудь и подслушал часть разговора или одну, две, три фразы из них, не понял их, исказил по неведению, а может быть и умышленно и в извращенном виде в Г. П. У. Как образчик такого искажения приведу два примера. На берегу Гасинской протоки во время топографической съемки я подошел к почвоведу А. А. Амосову и, увидя его окутанного пылью с ног до головы, сказал ему: «Тяжелая Ваша работа — вот я не мог бы быть почвоведом». По существу безобидная фраза, а между тем профессору Н. И. Прохорову было передано будто я сказал: «Терпеть не могу почвоведов и почвоведение!»

Другой пример: во время экспедиции сего года на меня была возложена маршрутная съемка и сбор сведений статистическо-экономического характера. Так как съемка р. Анюя произведена была раньше, я, узнав, что с верховьев все люди ушли вниз, сказал: «По существу на верхнем Анюе мне делать нечего». Моя фраза была истолкована в следующем виде: Арсеньев— этнограф и, узнав, что на Анюе нет туземцев, не хочет туда идти. Вот яркая иллюстрация искажений.

В заключение могу сказать: Коль скоро разговору на тему антропогеографическую придается окраска исключительно политическая, я вижу, что даже и таких разговоров вести не следует и потому заявляю в самой категорической форме, что впредь нигде и ни с кем совершенно не буду говорить на темы общефилософские во избежание подобных недоразумений. Я твердо решил

совершенно уйти от всякого общения с местной интеллигенцией и остаток дней своих посвятить исключительно обработке материалов, среди которых много ценных для человечества. Мне 54 года, года уходят и силы слабеют. Быть может и жить то мне осталось только несколько лет. И потому всю свою энергию я хочу уплотнить именно в этом направлении. Детальная обработка научных материалов, собранных мною в течение 27 лет, стала целью моей жизни — и я совершенно не хочу уклоняться от этого пути в сторону»⁴².

Заявление на Арсеньева осталось без последствий.

Кто же был его автором? На этот вопрос, вероятно, ответят следующие строки из дневника экспедиции

1926 г. «Научные сотрудники быстро собрали свои вещи и уехали вниз по реке Анюю на Амур. Собрались так быстро, что много своих вещей побросали на биваке. После них я подобрал ичиги, инструменты, части научного снаряжения и т. д. Когда лодка их скрылась за поворотом, я почувствовал невероятное облегчение. Словно тяжелая ноша, словно тяжелое бремя свалилось с моих плеч. Я облегченно и полной грудью вздохнул. Я почувствовал себя свободным человеком. Словно тяжкие путы, какая-то скверная паутина сползли с меня. Наконец-то я принадлежу самому себе, могу двигаться и говорить свободно. В большом деле мелкие шероховатости всегда бывают. Их легко ликвидировать, когда спутники помогают исправлять эти шероховатости, но, когда спутники караулят их, ловят каждое слово и дают ему превратное толкование, искажают смысл сказанного — работать невероятно тяжело. Теперь я могу говорить свободно, не опасаясь подобных искажений»⁴³.

Спустя некоторое время Владимир Клавдиевич навсегда возвращается во Владивосток, где в основном занимается преподавательской деятельностью, отдавая всего себя Обществу.

В 1927 г. он совершает экспедицию Советская Гавань— Хабаровск. В этом путешествии меняется тон дневников. Вот некоторые записи из них: «3.1 июля

1927 года... Долго вечером сидели у огня и разговаривали. Первый раз для меня стало ясно одиночество в том смысле, что все мои сверстники — туземцы, с которыми я раньше совершал путешествия,—уже сошли со сцены жизни. Все уже они по ту сторону смерти. Молодежь испорчена, развращена. Она обо мне слышала, но это не те уже люди. Между мною и ими есть —какая-то преграда, взаимное непонимание. В этнографическом отношении они ничего дать мне не могут. Люди эти перестали быть для меня интересны, как я не интересен им. Мы чужие и посторонние друг другу. Я остро почувствовал одиночество. Все в прошлом! Среди орочей остался умирающий слепец И. М. Бизан-ка и ороч Савушка, а среди удеге я даже и фамилии назвать не могу. Всю ночь я почти не спал и думал о том, что тайга для меня стала чужой. Пора умирать! Пора идти туда, куда ушли другие — я отстал на этом пути. 1 августа 1927 года. Под утро я уснул и видел сон, который явился как бы продолжением ночных мыслей. От мучительного тоскливого сна меня разбудили голоса рабочих. Я вышел из палатки и вновь увидел чужих людей: и русских, и туземцев. Тщетно я старался? уловить хоть одну черту в лице их, хоть жест, хоть что-нибудь в этике, что напоминало бы мне прошлое. Тщетно! Кругом все чужие лица. Наскоро я напился чаю, сел в лодку и велел отчаливать. Я убежал от этих людей. Куда? Опять к таким же людям. Одиночество мне стало приятнее общества. Я понял, что успокоение найду только в одиночестве. Все в прошлом!»⁴⁴. : В конце 20-х годов предпринимались неоднократные попытки умалить значение арсеньевских трудов, которые объявлялись несостоятельными, не соответствующими реальности. Семья осталась единственным прибежищем, тихой гаванью, где Арсеньев мог быть относительно спокойным и почувствовать настоящую любовь. Маргарита Николаевна разделяла все переживания мужа и старалась облегчить его душевные страдания.

Между тем обстановка вокруг Владимира Клавдиевича продолжала нагнетаться. Порой были и прямые обвинения в его адрес о том, что он якобы занимается контрреволюционной деятельностью и «дружит» с иностранцами. В 1929 г. В. К. Арсеньев даже собирался навсегда покинуть Дальний Восток и переехать в Ленинград. За несколько месяцев до смерти он писал своему биографу Ф. Ф. Аристову: «Мое желание — закончить обработку своих научных трудов и уйти, уйти подальше, уйти совсем — к Дерсу!»⁴⁵.

И смерть не заставила себя ждать. Об этом последнее из сохранившихся писем Маргариты Николаевны, адресованное сестре Арсеньева Вере Клавдиевне Богдановой: «...ночь с 3-го на 4-е сентября была прямо, кошмарной. Он не уснул и все метался, просил поднять в кресле. За два часа до смерти был врач, нашел что все в порядке. Около трех часов начался сердечный приступ, который длился 30—35 минут. Я не успела вызвать ни одного врача. Голова работала у Володи все время ясно, он мне сам говорил, что делать ему — положить горчичный компресс на сердце. Хотел написать завещание, но не успел. Сперва я не давала ему писать, а в последнюю минуту, когда я дала ему карандаш,— было поздно,—карандаш выпал у него из рук, — он не дописал даже первого слова. Я до последней минуты не сознавала, что он умирает, эта необычная ясность мысли сбивала с толку. Умер от паралича сердца.

С его смертью пропал всякий интерес, всякий смысл в жизни. Володя оставил такую светлую память о себе. Хоронил его Окрисполком, на похоронах был весь город— несколько тысяч людей шло за гробом. Цветов и венков были горы. У гроба все время стоял почетный караул от общественных организаций, играла музыка. Всюду его портреты, и хотя бы ставить памятник. А

у меня на душе такая тоска безысходная...»⁴⁶.

Маргарита Николаевна написала не всю правду. Минуты смерти Владимира Клавдиевича были омрачены еще и тем, что ему было отказано в скорой медицинской помощи. Вот такой документ сохранился в архиве: «Телефонограмма Географическому обществу. 4.IX.30 г. в 15 часов 30 минут карета скорой помощи была вызвана к гражданину, который болеет 5 дней и лечит врач. Руководствуясь обязательным положением г. Владивостока от 1.1.29 года, что карета скорой помощи выезжает на несчастные случаи и внезапные заболевания, помощь скорой медицинской помощью была отказана...»⁴⁷.

Это были минуты агонии Арсеньева. На документе сделана приписка заместителем председателя Владивостокского отдела Географического общества: «Считаю ответ бюрократической, волокитой не оправдывающей скорую помощь в отказе приезда к лежащему при смерти человеку».

Несмотря на подавленное состояние, на следующий день после похорон Маргарита Николаевна пошла на работу, а вечером того же дня стала разбирать семейный архив. Сначала она перебирала фотографии любимого человека, перечитала его письма, полученные в месяцы, проведенные в разлуке. Потом взялась за дневники, наброски статей. Надо было закончить работу мужа: письма из издательств требовали новых произведений. Маргарита Николаевна решила посвятить этому оставшуюся жизнь. Она продолжила большую переписку Арсеньева, подготовила к изданию первое собрание сочинений, которое, правда, не вышло, были получены только гранки первого тома. Именно благодаря усилиям Маргариты Николаевны увидела свет книга «В горах Сихотэ-Алиня», оставленная писателем в виде черновика.

Между тем враги и недоброжелатели и не думали складывать *оружие*. Сигналом для активных действий послужила статья «В. К. Арсеньев как выразитель великодержавного шовинизма», опубликованная в газете «Красное Знамя» 16 июля 1931 г. Ее автор Г. Ефимов писал: «...мы имеем право квалифицировать взгляды Арсеньева как откровенно шовинистические, идеалистические, уходящие своими корнями в активную пропаганду империалистических идей и защиту интересов русской буржуазии».

В предисловиях почти всех переизданных в то время книг Арсеньева указывается на его якобы неуважительное отношение к коренным народностям Дальнего Востока и на многое другое, чего не было и в помине. Имя В. К. Арсеньева по сути дела было вычеркнуто из числа дальневосточных ученых и писателей. И в Хабаровске, и во Владивостоке, в городах, где он раньше был столь популярен, о нем старались не упоминать. Но это была только вершина айсберга.

Маргариту Николаевну арестовали 31 марта 1934 года. При обыске семейный архив: переписка, рукописи, заметки — был опечатан. В протоколе обыска упоминается какой-то джутовый мешок, набитый документами и отданный на хранение брату Арсеньева — Анатолию Клавдиевичу, капитану дальнего плавания. До сего времени остается загадкой, куда исчезла эта часть архива, отсутствует почти вся личная переписка Арсеньевых, как и некоторые документы, дневники и рукописи. Совсем нет материалов Маргариты Николаевны. Не были ли они тогда уничтожены?

Из Владивостока М. Н. Арсеньеву отправили в Хабаровск, где в Полномочном представительстве О ГПУ велось следствие. На первый взгляд, причина ареста была непонятна. В то время Маргарита Николаевна работала заведующей фондами Дальгеотреста и занималась архивами и делопроизводством. Жизнь ее целиком была занята обработкой наследия мужа и воспитанием дочери Наташи.

На первом допросе выяснилось, что она обвинялась в том, что якобы с 1923 г. являлась участницей контрреволюционной вредительской организации, выполняя ее поручения.

Уже во время допросов Арсеньева поняла, что поводом для ее ареста послужили показания профессоров Огородникова и Савича, также арестованных по надуманному обвинению. Следователи предлагали Арсеньевой сознаться, хотя доказательствами «контрреволюционной» деятельности Маргариты Николаевны и Владимира Клавдиевича, с чьим именем также связывалось существование «антисоветской» организации, были оговоры и лжесвидетельства.

Конкретно о том, как велось следствие, можно узнать из письма, написанного М. Н. Арсеньевен на простом газетном лоскутке 26 апреля 1934 г. в тюрьме: «...дорогой А. К. (Анатолий Клавдиевич Арсеньев. А. Х.), меня обвиняют в работе шпионской (в пользу Японии и Германии) контрреволюционной организации, которую организовал и возглавил Володя. Савич сознался и оклеветал меня и В. Хотят, чтобы я признала вину за себя и за В..., меня лишили передачи с 10.04. 25.04. объявили, что если я не сознаюсь, то Наташу возьмут от Вас и поместят в детколонию (приют с беспризорными) на воспитание. Спасите Наташу, спрячьте ее у кого-нибудь... Пусть меня сошлют куда угодно, пусть расстреляют, но «е вымогают ложного признания, ложных показаний... ДВ ГПУ помешалось на шпионаже, все камеры переполнены шпионами. Это какая-то мания... Дорогой А. К. Если Наталочку будут брать, то как-нибудь облегчите ей это. Скажите, что ей будет хорошо в детдоме, что когда кончу срок, то приеду к ней и мы никогда не расстанемся... Не знаю, как я все выдержу, они все сделают, чтобы получить мои показания против Володи...». В этой записке были и такие строки: «...сохраните мое обручальное кольцо, берегите могилу Володи и его дневники»⁴⁸.

На заседании трибунала Арсеньева попросила приобщить письмо к делу как доказательство ее правдивости.

В заседании военного трибунала Особой Краснознаменной армии, а оно продолжалось около месяца, Маргарита Николаевна виновной себя не признала и отказалась от всех своих показаний, данных ею ранее, как в отношении проходивших по делу лиц, так и мужа и самой себя.

Трибунал признал необходимым направить дело на следствие, которое подтвердило абсурдность и беспочвенность обвинений. Позднее Особое совещание при НКВД СССР постановило освободить Арсеньеву и других проходивших по делу лиц, засчитав им в срок наказания время, проведенное в арестном помещении.

Когда Маргарита Николаевна вернулась во Владивосток, она узнала, что Анатолий Клавдиевич позаботился о Наташе, отправив ее в Москву, к родственникам. Арсеньева сразу же выехала туда. В Москве ее уговаривали остаться и не возвращаться на Дальний Восток. На это Маргарита Николаевна только ответила: «Там мой дом, там Володина могила».

Второй раз М. Н. Арсеньеву арестовали 2 июля 1937 года, на этот раз «за принадлежность к право-троцкистской организации в Дальневосточном филиале Академии наук СССР». Более года ее продержали во Владивостокской тюрьме. На первом же допросе в августе 1938 г. она заявила о своей невинности, но затем, тогда следователи не церемонились, была вынуждена оговорить и себя и других.

23 августа 1938 г. состоялось заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. За 10 минут решилась человеческая судьба. Что можно сделать за это ничтожно короткое время? Только прочитать обвинительное заключение, задать несколько вопросов. И все же Арсеньева виновной себя не признала, заявив, что ранее данные показания отрицает, так как участницей контрреволюционной организации не была и ложно оговорила себя и других. Бедная Маргарита Николаевна даже не подозревала, что это уже не тот суд, что был не так давно в Хабаровске. Военная коллегия приговорила ее к высшей мере наказания — расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Весь год, пока мать сидела в тюрьме, Наташа Арсеньева бегала туда носила передачи, но уже в конце августа 1938 г. ей объявили: «Выслана на Колыму без права переписки»⁴⁹.

27 апреля 1958 г. заседание Верховного суда СССР определило: «Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 23 августа 1938 года и постановление Особого совещания при НКВД СССР от 31 января 1936 года в отношении Маргариты Николаевны по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о ней прекратить за отсутствием состава преступления»⁵⁰.

Много воды утекло с тех трагических пор. Уходят из жизни последние из тех, кто знал Владимира Клавдиевича и его семью. Ныне живущие воспринимают его жизнь как полную приключений и интересных путешествий, а его самого как писателя, к которому благоволила литературная судьба. Все это результат того, что слишком долго остаются неизвестными многие факты из жизни путешественника.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	1
Истинным курсом	2
Рассказ об одном плавании	4
Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря	7
Белые паруса русских корветов	11
Командир «Гайдамака»	14
Маршруты Уссурийской экспедиции	17
«Русский берег» подполковника Романова ...	22
Уголь Посыета	25
Неутомимый Маак	29
Тропа ботаника	34
Пост	37
Сквозь вековую тайгу	40
Под флагом Общества	42
Строитель телеграфа	44
Морская карта	47
Первая лоция	50
История одной поездки	53
Извлечение из рапорта поручика Лопатина ..	54
Первое путешествие	57
Архимандрит Палладий (П. К. Кафаров)	59
Подвиг топографа	62
Командировка на Тихий океан	64
Моряк-ученый	67
«Бедные экспедиторы»	73
Гибель «Алеута»	76
Ветераны	80

Амурские обеды	82
Единомышленники	84
За неимением мундира ко двору не явился	85
Премия	90
. . . . .	
По глазомерной съемке шкипера Гека	91
На суше и в море	94
. . . . .	
Памяти моряка	97
«Крейсерок»	99
. . . . .	
Адмирал и Владивосток	103
Последнее плавание «Витязя»	106
Звезда гидрографа	107
Отцовское наследие	110
Геолог Владивостокской крепости	113
Учитель Арсеньева	116
Постараюсь быть полезным членом Общества	119